

Юрий Рудис
ХРОНИКИ ПОРУБЕЖЬЯ

Героев этой книги свела случайная встреча в невзрачном кафе. Разве могли они знать, что завтрашний день перенесет их из родного города в глубокое прошлое? Туда, где полторы тысячи лет назад, на руинах державы унов полыхала война всех против всех, за наследство легендарного Аттилы. И славяне-выдричи, чей род обитает на рубеже между лесом и степью, втянутые в этот кровавый водоворот, отчаянно сражаются за свое существование. Их судьбу и предстоит разделить нашим героям. Не раз встанут они перед трудным выбором и не раз им придется пожалеть о своих решениях. Многому придется им научиться, прежде чем эта незнаемая и страшная страна признает их за своих. И не все в этом мире подвластно человеку, однако, как бы то ни было, путь, назначенный ему, должен быть пройден до конца.

Юрий Рудис
Хроники Порубежья

Глава первая

Князь Хадир невысок, любой из телохранителей выше его почти на голову, узок в кости, и лет ему много не дашь. Лошадь его бежит легко, словно не касаясь копытами земли, и так же легко скользит невидящий взгляд Хадира по лицам встречных людей, которые, узнав его, склоняют головы в приветственном поклоне. Но, обычно любезный и обходительный, князь не отвечает на поклоны. Три десятка дружинников, молодец к молодцу, следуют за ним. Беспечные и веселые в обычное время, теперь они хранят молчание, и ни смех, ни разговоры не примешиваются к топоту их коней.

Дорога, между тем, приводит к одинокому тополю, у подножья которого, в чаше вытесанной из цельного камня, бьет родник, незамерзающий даже в самую лютую стужу. А сейчас, в разгар лета, когда от зноя закипает кровь в жилах, вода его холодна как лед. Здесь развилка. Здесь дорога разделяется на девять троп, по числу богов, которым поклоняется народ Будж.

Самая наезженная и короткая тропа — к святилищу Будхи. Он — сильнейший. Каждый из богов повелевает какой-то стихией, кто — луной, кто — солнцем, кто — землей, кто — водой. А Будха, спящий на черном облаке, повелевает богами. Он властен над ними, как князь Хадир властен над другими князьями. Потому к Будхе больше всего людей идет со своими просьбами и мольбами. Но не каждому помогает главный бог. Спящий, он редко вслушивается в речи простых смертных, и только слова, сказанные Мазаем, служителем главного бога, всегда бывают услышаны.

Но сегодня Мазай Хадиру не нужен, видно нечего ему просить у Будхи. Княжеская лошадь сворачивает на самую узкую тропу, которую покрывает нетронутый слой пыли. Похоже, князь сегодня первый, кто оставит на ней свои следы. Ничего удивительного, о богине южного ветра Тха, люди вспоминают только ранней весной, когда снег еще покрывает степь. Оттого и служитель её, в отличии от дородного Мазая, худ как щепка, и куртка его, подбитая лисьим мехом, потерта как у простого кочевника.

Вот он, вылез из земляной норы, куда зарылся со своей богиней, словно крот. Стоит теперь, подслеповато моргая. Наверно уже сообразил, что за гость к нему пожаловал, но не сдвинется с места, ожидая, пока сам князь не подойдет к нему. Дальше дружинникам путь заказан, потому что будь ты хоть владыка земной, хоть самый последний бедняк, но при твоём разговоре с богиней может присутствовать только её служитель.

Хадир чтит старый закон. Спешившись, бросает поводья телохранителю, дальше идет один.

— Асаху доброго здравия желаю.

— Здравствуй, царь. Следуй за мной, — служитель, поднатужившись, тянет за медное кольцо, и массивная деревянная дверь, по всей поверхности которой вьется сработанная из бронзы виноградная лоза, проворачивается на металлическом штыре, открывая вход, ведущий в глубину древнего кургана.

Теперь предстоит спуститься по крутой каменной лестнице.

Хадир ставит ногу на первую ступеньку и слышит, как за его спиной закрывается дверь.

Первый раз в святилище богини Тха он попал еще совсем мальчишкой. Когда дверь, так же как сейчас, вдруг закрылась за его спиной и вокруг наступила крошечная мгла, он испугался, но не подал виду. Вынув нож из-за голенища, и затаив дыхание, спускался по лестнице вслед за служителем. К счастью, идти в темноте пришлось недолго, через двенадцать ступеней и несколько томительных секунд Асах, который и тогда казался стариком, открыл другую дверь, и Хадир узрел свет.

Святилище богини Тха оказалось совсем небольшим. Расстояние между стенами, обшитыми гладко выструганными досками, равнялось десятку шагов взрослого человека. Но потолок оказался неожиданно высоким, почти в три человеческих роста. Слабый свет фитиля, плавающего в блюде, наполненном каким-то ароматическим маслом, достигал только до толстых балок перекрытия. За ними мрак снова становился непроницаемым.

Зато изваяние богини, напротив, поразило Хадира тем, что едва доставало ему до плеча. Он не ожидал, что повелительница южного ветра окажется такой крошечной. Мало того, если бы не трепет, который он привык испытывать перед Тха, то она, скорее всего, показалась бы ему уродливой. Грубо вырубленная из базальта, с едва обозначенными мешочками груди и тучными бедрами, с крошечной головой... Воистину, увидеть в этом красоту могли глаза только горячо верящего человека. К счастью, в детстве Хадир обладал горячей верой. Поэтому изваяние показалось ему прекрасным. Он застыл перед ним, окаменев от восторга, забыв убрать нож обратно за голенище, так и стоял, зажав его в кулаке.

Очнулся, когда Асах тронул его за плечо. — Хочешь принести в дар свой нож?

Эти слова заставили Хадира покраснеть. Он совсем не собирался дарить богине южного ветра свой нож. В кожаном мешочке, привязанном к поясу, лежало несколько золотых монет. Их дала мать. Золото — достойный дар. Люди отца пригнали несколько баранов, жалобное блеянье которых доносилось даже сюда. Бараны — тоже хороший дар.

А простой нож с выщербленным лезвием и деревянной рукояткой... Зачем он богине?

Но Асах сказал тогда, что этот дар более всего угоден богине Тха. Ей понравилось, что маленький князь, оказавшись в темноте, не закричал от испуга, как женщина, а как мужчина встретил неизвестность с оружием в руках. Богине Тха нравятся храбрые люди, к ним она чаще бывает благосклонна.

Когда Асах положил нож к ногам богини, мальчику показалось, что тень улыбки мелькнула на её плоском личике.

— Твой дар принят, — торжественно произнес Асах.

Словно вчера это было, память все сохранила до мельчайших деталей. А вот то, что произошло дальше, какая-то детская просьба, которую он, запинаясь, произнес тогда... Это забылось напрочь. Хадир даже не помнил, сбылось ли его желание.

С той поры между князем Хадиром и служителем богини Тха Асахом возникла не то что дружба, но — взаимная приязнь. Мало с кем, даже из своего ближайшего окружения, Хадир мог говорить, не кривя душой, так, как он говорил с Асахом. И Асах платил ему тем же.

С годами встречи с Асахом становились реже, а разговоры откровенней. Иногда Хадир, полагавший, что ничего в этом мире не происходит просто так, спрашивал себя — есть ли в этих встречах какой-нибудь смысл, кроме удовольствия, которое доставляет нам разговор с умным собеседником? Благосклонность богини? Она, конечно, никогда не бывает лишней, но ведь и сам Асах не скрывал, что не слишком верит в то, что её можно купить за пару

За второй дверью все так же горит тусклый огонь масляного светильника, одевая богиню Тха в призрачное, сотканное из теней, одеяние.

Хадир развязывает вышитый бисером кожаный кисет и, опрокинув его, высыпает золото к ногам базальтовой фигурки.

— Твой дар принят.

— Овец еще два десятка голов и белая лошадь. Их вечером пригонят.

Асах усмехается. — А нож с деревянной рукояткой ты не хочешь пожертвовать богине южного ветра?

— Не хочу. Но ты почти угадал. Есть еще один подарок для Тха, но я хотел бы получить его обратно, после того, как она примет его.

Старого служителя нелегко удивить, но теперь брови его слегка приподнимаются, а голова чуть склоняется на бок. — Ты говоришь загадками.

— Это меч, — Хадир отстегивает богатую перевязь с мечом, и подаёт её Асаху. — Вытащи его из ножен и сам поймешь.

Меч кажется слишком тяжел для старческих рук, но Асах без видимого усилия на пядь обнажает лезвие, бросает на него один лишь взгляд и, словно испугавшись чего-то, снова задвигает меч в ножны. — Это меч Хачароя, никто не видел его со дня смерти твоего деда. Многие искали его, но — тщетно.

— Когда уны убили моего деда, его меч попал к одному их десятнику, который был там. Мой отец, благородный Дол, выкупил меч у убийцы, раньше, чем это успели сделать другие, и, уходя на запад, оставил его мне.

— В твоём роду умеют хранить тайну.

— Умеют, да. Я не сомневаюсь, что и ты сумеешь сохранить её. Думаю, недалек тот час, когда буджи увидят этот меч в руках своего вождя, в моих руках, Асах.

Служитель богини южного ветра склонил голову и затем бережно положил меч к ногам изваяния. — Твой дар принят и будет возвращен тебе по первому слову.

— Хорошо. Слово будет сказано, и ты его услышишь.

Выйдя из святилища, князь Хадир и служитель Асах не торопились распрощаться. Они присели на заросший травой пригорок неподалеку от входа, и мальчишка в длинной белой рубахе, ученик Асаха, принес им на деревянном подносе запотевший кувшин вина и круг козьего сыра, накрытый лепешкой.

— Как тебе удастся сохранять вино холодным в такую жару, Асах? — беря в руки чашку, спросил Хадир.

— Царь, велика сила богини Тха. — подмигнул служитель, обмакнув кончики пальцев в вино и стряхивая капли в траву. — Та, которая обращает лёд в воду, властна обратить воду в лёд.

— Хорошо сказано, — усмехнулся Хадир. — Асах, я тебя никогда не спрашивал, почему ты называешь меня царем. Спрашиваю теперь.

— Потому что ты князь над князьями, и еще потому, что я тоже чувствую приближение твоего часа. Скоро между словом и делом нельзя будет просунуть лезвие ножа, тогда будет не до разговоров. Лучше будет, если к тому времени все нужные слова прозвучат.

— Еще спрошу. Почему ты выбрал богиню Тха? Ведь есть боги сильнее её.

— Не мы выбираем тех, кому служить, а они выбирают нас.

— Ты не ответил.

— Я ответил. Вернее, моими устами тебе ответила сама богиня южного ветра. Если же ты желаешь услышать ответ смертного, то — изволь. Видишь ли, конечно, другие боги сильнее. В желающих служить сильным богам никогда не было недостатка. Чем слабей человек, тем больше он хочет служить сильному богу. А слабых людей много. Они верят, что им достанется часть силы, которой они поклоняются. И до поры, до времени, может показаться, что так оно и происходит. Но однажды вдруг оказывается, что чем сильнее бог, тем больше надежды, на него возлагаемые. Оправдать эти надежды — нелегкая задача, говорит великий Мазай, служитель великого Будхи. А я тебе скажу то, в чем он никогда не признается. Знай, царь, ни одному богу не удалось оправдать эти надежды. Ну, если, ты, конечно, не веришь в то, что солнце восходит и заходит только потому, что Мазай каждое утро как следует стучит священной колотушкой по священному барабану. Тебе понятны мои слова?

— Моё нутро, пожалуй, понимает их. А вот до головы они, кажется, еще не добрались.

— Даже так? — удивился Асах. — Мои слова идут такой дорогой? Надо над этим поразмыслить. Речь о том, царь, что многое на земле происходит независимо от нас и наших священных барабанов. Весна сменит зиму, ночь сменит день. Снег, дождь. Хотим мы или нет, это будет. Рассказывают, что есть люди, которые умеют вызывать дождь... Может быть. Но погасить луну никто не может.

А какие надежды возлагают люди на богиню южного ветра? Немалые, конечно. Они надеются, что весной подует теплый ветер с моря и растопит снег в степи. Они просят об этом каждый год, и каждый год богиня Тха, моими устами, обещает им, что теплый ветер подует и снег растает. И всякий раз мы, я и Тха, сдерживали обещание. Потому я пережил многих, и еще наверно многих переживу. Но подумай, о том, что существует множество народов, которые поклоняются другим богам, у них нет ни богини Тха, ни её усердного служителя, а, между тем, все равно каждый год наступает весна, дует теплый ветер и снег тает.

— Теперь я тебя понял. За это стоит выпить. Твое здоровье, старик!

От второй чашки вина Асах заметно охмелел, лицо его, обычно жесткое и непроницаемое, отмякло. Теперь перед Хадиром сидел просто очень старый человек.

— Я ответил на все твои вопросы?

— Еще один вопрос, Асах, последний. Много людей думают много умных мыслей.

— Да, это так. Люди умней, чем это принято о них думать. Большую ошибку совершает тот, кто полагает людей глупцами.

— Я это понимаю. Меня занимает другое. Почему эти умные люди совершают безумные поступки? Послушай, старик, даже облака, которые плывут над нами, несут дождь. Дождь проливается над степью, и в степи вырастает трава. Ну, ты ведь служитель Тха, и разумеешь все это гораздо лучше меня, простого воина. Так почему же мысли наши так бесплодны?

Они так же летучи как облака, но ни единой каплей не способны изменить нашу жизнь.

— Мне кажется, что тебе не нужен ответ на этот вопрос. Дело в том, царь, что людьми чаще всего управляет не разум, а привычка. Подобно тому, как волы ходят по кругу, вращая мельничные жернова, так и большинство людей заключено в привычный круг забот. Они помнят, что делали их отцы и деды, и сами делают то же самое. Для этого необязательно всякий раз задумываться. Более того, это может быть вредно. Вспомни, как сороконожка не смогла сдвинуться с места, потому что задумалась, с какой ноги ей идти.

Хадир поскуачел и встал на ноги. — Ты очень мудр, Асах. И я готов слушать тебя до ночи, но меня ждут дела.

— погоди, царь, — ладонь жреца легла на плечо гостя. — Разговор еще не кончен. Я сказал о привычке, которой подчиняются большинство людей. Но ведь есть еще и другие, не рабочий скот, те, помыслам которых тесен круг привычных забот. Счастлив народ, если такой человек родился его вождем. Его ждет великая будущность.

— Продолжай.

— Я все сказал. Богиня Тха хранит меч твоего деда и ждет твоего слова.

Кавалькада уже довольно далеко отъехала от священного кургана, когда Хадир вдруг обернулся и окликнул старика, стоящего с непокрытой головой у входа в святилище. — Асах, я забыл попросить богиню Тха об одной вещи.

— Говори. Я передам твои слова.

— Скажи ей, что в степи давно не было дождя, трава сохнет, и скоро овцам будет нечего есть.

Старик медленно кивнул, повернулся и скрылся за дубовой дверью.

— Ты славно пошутил над Асахом, Хадир. Дождя не будет еще добрую неделю и все это время бедному служителю придется надоедать своей богине, — сказал веселый тысячник Жанты и захохотал, и хохотал, раскачиваясь в седле, до тех пор, пока дождевые капли не забарабанили по его шлему. Тогда, глядя на отвисшую в изумлении челюсть веселого тысячника, засмеялся и Хадир.

Глава вторая

Раскаленное марево колыхалось над бурой степью, выдубленной зноем до каменной твердости. Южный ветер вздымал тучи легкой как пепел горячей пыли, гоня перед собой кусты перекасти-поля. Казалось, все живое покинуло это пекло. Лишь коршун, как проклятый, кружил и кружил, чертя крыльями белесое небо, словно был он не существо из крови и плоти, а химера, порожденная помраченным рассудком.

В этом, казавшемся необитаемом, мире, с пропорциями, искаженными потоками восходящего воздуха, появление любой новой фигуры воспринималось как что-то сверхъестественное и потустороннее. И когда вдали раздался топот конских копыт, то и он звучал поначалу как нездешняя музыка, словно был всего лишь слуховой галлюцинацией.

И сам всадник возник будто ниоткуда, созданный порывом ветра из пустоты и праха, из бесформенного сгустка темноты. Однако, по мере приближения, становилось ясно, что и седок, и его гнедая лошадь вполне материальны, хоть и устали нечеловеческой усталостью.

Было заметно, что сидящий в седле человек, если еще и жив, то только благодаря последнему напряжению воли. Голова, перевязанная грязной, окровавленной тряпкой, бессильно клонилась на грудь. Правая, по всей видимости, перебитая, рука, была намертво притянута к туловищу поясным ремнем, и скрюченные пальцы её уже почернели. Похоже, этот человек потерял способность чувствовать боль и, вообще, чувствовать что-либо. Время от времени он с усилием разлеплял запекшиеся губы и бормотал, понукая лошадь.

Но та, оглушенная ударами своего утомленного сердца, уже не способна была воспринимать никакие идущие извне звуки. Она шла ровной рысью, однако было件нятно, что стоит ей остановиться, она упадет и вряд ли уже поднимется.

Было в этом движении что-то неотвратимое, казалось, разверзлись перед ними преисподняя — не шелохнется всадник, ни на йоту не отвернет гнедая лошадь, так и будет идти ровной рысью, пока не сорвется вниз.

Но когда дорога, миновав пологие, выжженные солнцем холмы, привела на край обрыва, и внизу, ослепив нестерпимым блеском, открылась речная гладь, всадник качнулся, откидываясь в седле, и здоровой рукой натянул поводья. Лошадь перешла на шаг и двинулась по неверной, крутой тропе, безошибочно выбирая безопасный путь.

Спуск не занял много времени, и скоро копыта взрыхлили прибрежный песок. Речная прохлада освежила кожу на скулах, иссохшую, как лист пергамента. Всадник со всхлипом втянул ноздрями воздух и впервые за четыре дня закрыл глаза.

Теперь путь лежал по узкой полоске земли, зажатой между кромкой воды и выбеленным береговым откосом. В тени обрыва было душно и тихо. Ни ветер, ни палящие лучи солнца, не достигали сюда. Тишину нарушали только еле слышный плеск воды, набегавшей на песок, да гудение пчел, которые вились вокруг кустов шиповника, ютившихся в расщелинах известняка.

Скоро дорогу преградила каменная глыба, когда-то сорвавшаяся с обрыва. Один конец её уходил в воду, а между другим концом и откосом оставался узкий проход, в который, едва не ободрав колени, и протиснулся всадник.

Здесь река делала поворот, и холмы отступали от берега. Узкая полоска земли раздавалась в широкую луговину, на которой паслось несколько оседланных коней. Ветер полоскал натянутый на жердях пестрый холщовый навес, в нескольких шагах от которого

жарко полыхал костер. Воины, сидящие вокруг огня, при виде всадника вскочили на ноги. Один из них натянул тетиву лука, а другие, на ходу обнажая оружие, поспешили навстречу, криками приказывая незнакомцу остановиться и спешиться.

Всадник бросил поводья и, достав из-за пазухи деревянный, длиной чуть меньше локтя, футляр, обтянутый красной материей, высоко поднял его над головой. Ноги у гнедой лошади подогнулись, и она с хриплым ржанием повалилась набок, увлекая за собой седока, который, не сделав попытки освободить ноги из стремян, так и остался лежать, придавленный конским боком, откинув руку с зажатым в ней футляром.

Воин, подбежавший первым, склонился над упавшим. — Кто ты?

— Сердце мое — камень в ладони Будхи, — пальцы неизвестного разжались. — Я свое дело сделал. Сделай и ты.

— Какое дело?

— В сторону, молокосос, — подоспевший старшина оттолкнул воина и, подняв с земли футляр, заткнул его за пояс. Затем заложил два пальца в рот и оглушительно свистнул. Белая кобыла, пасшаяся на лугу, задрала голову, прислушиваясь, и спустя мгновение уже скакала во весь опор на зов хозяина. Старшина, не касаясь руками лука, взлетел в седло. Лошадь осела было под его тяжестью на задние ноги, но тут же выправилась, крутанувшись на месте, так что из-под копыт ударили фонтаны песка.

— Я — к Хадиру, — крикнул старшина. — Этого, — он указал рукоятью плети на лежащего, — везти за мной. Алай, отвечаешь головой.

Седоусый, наголо бритый, Алай молча кивнул и замер, скрестив руки на груди, ожидая, не будет ли еще каких приказаний, но старшина уже гнал свою кобылу вдоль берега, прямо по мелководу.

Проводив взглядом быстро удаляющееся начальство, Алай глубоко вздохнул и принялся распоряжаться. Сильные руки воинов приподняли конскую тушу, со всей возможной осторожностью освободили ноги лежащего из стремян, и, оттащив его в сторону, положили на песок. Незнакомец ни разу за это время не вскрикнул, не пошевелился и, вообще, не подавал никаких признаков жизни, лишь, когда Алай, склонившись к самому уху, сказал, что гнедую лошадь придется добить, губы его дрогнули. Второй раз они дрогнули, когда раздалось предсмертное ржание.

Не успел Алай перерезать лошади глотку, как двое воинов бегом принесли конскую попону, и принялись ладить из неё носилки. Один из них все время ворчал, то ли в шутку, то ли всерьез, что труд их напрасен, потому как седок тоже на последнем издыхании, и вот, воистину доброе дело — отправить его в царство духов вслед за его гнедой лошадью.

— Это ты Хадиру посоветуешь, — сказал Алай, вытирая об траву лезвие ножа. — Я думаю, он тебя щедро наградит за хороший совет. Что касается меня, то я очень надеюсь, что мы успеем довести этого человека живым.

— Почему так, дядя Алай? — вежливо спросил молодой воин, с которым так грубо обошелся старшина.

— Потому, щенок, — мрачно ответил Алай.

* * *

Солнце клонилось уже к закату, и жгучий дневной зной нехотя уступал место вечерней

духоте, когда через несколько часов бешеной скачки по наезженной дороге, тянувшейся по берегу реки, старшина сторожевой заставы проехал между двух выветренных скал, и увидел наконец дым, поднимавшийся к небу от бесчисленных костров.

Кажется, сама природа позаботилась о том, чтобы создать из обширного участка земли, по очертаниям напоминающий слабо натянутый лук, направленный на север, оазис, остров среди бескрайних степей. С трех сторон его ограничивал изгиб русла полноводного Каргодона, а с четвертой, южной, протянулся каменистый кряж, который, высоко выдаваясь над степью, служил защитой от горячих степных ветров. Отроги его густо заросли вековым лесом, который у кочевников считался священным. Множество родников пробивались сквозь камень, и хрустально-чистая их вода в изобилие стекала по склонам, увлажняя землю. Поэтому даже в самую жаркую пору здесь никогда не переводилась трава.

У степняков это место издревле называлось Сардисов луг. А иноземцы, по крайней мере, те из них, кто полагал, что у каждой страны должна быть столица, полагали возникшее здесь поселение главным городом страны Будж, именуя его, кто Сардискентом, кто — Сардискале, а чаще всего просто — Сардис.

Человек склонен во всем искать подобие. Столкнувшись с каким-то неизвестным ему дотоле явлением или предметом, он, первым делом, невольно приискивает ему аналог из числа того, с чем он хорошо знаком.

Иноземцы не без оснований называли Сардис городом. Сначала тут была летняя ставка буджских вождей, а мудрый Хачарой в свое время приказал вокруг этого места насыпать земляной вал, поставил гарнизон, и переселился сюда со всем своим родом.

За годы, прошедшие после гибели Хачароя, земляной вал украсился частоколом, тут и там, как грибы, повыврастали глинобитные лачуги, выстроенные для себя пленными ремесленниками, некоторые из которых, разбогатев, сумели выкупить себя у хозяев и, в свою очередь, обзавелись рабами.

Дома этих удачливых людей, поставленные на месте прежних жалких жилищ, уже несли на себе некоторые черты роскоши, так же как и усадьбы торгового квартала, теснящегося ближе к реке, на берегу которой каждую весну и осень устраивалось шумное торжище. Раньше купцы оставались в Сардисе только на время ярмарок, но по мере того, как поселение росло и богатело, многие из них предпочли осесть тут на постоянное жительство. Одна за другой открывались лавки, строились амбары для товара и сараи для рабов, предназначенных на продажу.

Коренные буджи смотрели на эту суету с легким презрением природных воинов и пастухов, не собираясь покидать привычные шатры, покрытые коровьими шкурами. Повинуясь заведенному порядку, они по-прежнему в урочный срок откочевывали вслед за своими стадами, но всякий раз возвращались сюда. Впрочем, благодаря реформаторству молодого правителя, возникло и такое невиданное доселе явление, как оседлые кочевники. Это прежде всего относилось к дружине вождя, которая, начавшись с нескольких десятков юношей-сверстников, состояла теперь из полутора тысяч воинов, каждого из которых Хадир отбирал собственноручно. Ради того, чтобы иметь средства на их содержание, он обложил подданных оброком, что тоже составило новую страницу в истории народа. Оброк был не велик, но взимался неукоснительно.

Обязанные постоянно состоять при особе вождя, дружинники сопровождали его во время поездок, в качестве конвоя, и несли караульную службу в Сардисе. Им же часто поручались дела, которые требовали особо надежных исполнителей. Так что пасти свой скот

и, вообще, вести домашнее хозяйство было некогда, этим занимались младшие родственники или рабы. Постепенно те из дружинников, кто обзавелся семьей, перебрались в Сардис, и теперь их жилища полукольцом охватывали насыпной холм на южной окраине, на котором высился златоверхий шатер Хадира. Это было, пожалуй, единственное место в городе, в планировке которой при желании можно было усмотреть какое-то подобие организаторского начала. Остальная часть стольного Сардиса выглядела беспорядочным скопищем шатров, землянок и глинобитных лачуг, с редкими вкраплениями деревянных строений.

Старшина сторожевой заставы не любил этот город, с его вечной духотой и смрадом тесных, запутанных улочек, по которым бродили толпы наглых горожан. Он не понимал, зачем ХаDIR променял степной простор, где каждый человек виден издали, на эти трущобы. Но не простому кочевнику судить вождя, а служба есть служба.

* * *

Копыта белой лошади звонко стучали по каменным, выщербленным временем, плитам, с каждым шагом приближая задумчивого старшину к цели его путешествия.

Народ, который когда-то вымостил эту дорогу, сгинул бесследно, и само его имя было неизвестно новым населенникам этих мест. Сама же дорога, как говорили старики, тянулась раньше от самого Меотийского болота и проникала далеко в глубь северных лесов, туда, куда до сих пор не забредал ни один из кочевников. Но это было очень давно. Теперь же, от неё, заброшенной, заросшей травой и погребенной песком, осталась малая часть, на два дня пути. Да и то только потому, что правитель народа будж мудрый Хачарой, выбирая место для своей ставки, узнал о существовании этого древнего пути и загорелся мыслью восстановить его.

Несколько тысяч пленных савиров, которым была обещана свобода, день и ночь работали на расчистке дороги, но их, непривычных к такому труду, хватило ненадолго, и однажды, перебив охрану, они разбежались, решив, что лучше погибнуть от меча, чем умереть от изнурения и голода под плетью надсмотрщиков. Памятником их пребывания здесь остались вытесанные из бревен грубые изображения савирских идолов, кое-где еще стоящие вдоль дороги.

Весть о случившемся не слишком опечалила мудрого Хачароя. Он был любим богами, удача не оставляла его, каждый поход приносил ему обильную добычу и новые толпы рабов. Не подлежит сомнению, что воля могучего вождя превозмогла бы всё, но судьба воздвигла перед ним препятствие неодолимое. С востока пришли уны, силе которых не мог тогда противостоять никто из смертных.

Однако мудрый Хачарой был не только удачлив, но и умён. Он знал, что только тот, кто умеет подчиняться, достоин править.

Сам друг он встретил передовые отряды унов на границе своих владений и запретил им идти дальше, до тех пор, пока он, Хачарой, правитель этой земли, не переговорит с царем пришельцев. Дерзкая отвага была оценена по достоинству. Царь унов согласился на переговоры, во время которых Хачарой, от имени всех девяти колен буджского племени, поклялся на клинке меча дать землю и воду, воинов и лошадей. После чего был объявлен младшим братом унского владыки.

Так мудрость вождя спасла народ от истребления ценой его свободы.

Однако самому Хачарю спастись было не суждено. И когда унский полководец Бакуджур однажды на пиру шутки ради бросил в него бараньей лопаткой, мудрый Хачарой, недолго думая, выхватил меч и раскроил уну череп. После чего был изрублен в куски телохранителями Бакуджура.

Этот единственный, за всю долгую жизнь, безрассудный поступок мудрого Хачароя, более всего возвысил его в глазах буджей. Старики истолковывая гибель вождя, говорили, что все в этом мире несет в себе свое начало и конец, что мудрость предполагает терпение, но высшая мудрость заключается в том, что и терпению положен свой предел.

Власть над буджами, между тем, перешла к старшему сыну мудрого Хачароя, благородному Долу, который, обязанный унам отцовским тронem, увел за ними лучших воинов на Запад. С ним ушел и старший его сын — отважный Бадал. Тем же, кто остался, был назначен наместник — младший сын. Звали его Хадир.

Хадир, сын благородного Дола, внук мудрого Хачароя, быстро возмужал. Боги благоприятствовали его правлению. Народ будж, заключенный в золотую клетку унской державы, много лет не видел врагов на своей земле. Стада тучнели на пастбищах, жены рожали новых воинов, бесчисленные табуны лошадей ждали своих седоков. Своенравные буджские князья, испробовав на своей шкуре не по годам тяжелую руку и жестокий нрав Хадира, присмирели. Народ будж теперь был как один человек, и земля становилась тесна ему.

* * *

Между тем, с Запада приходили вести, от которых заходило сердце и пресекалось дыхание. В лютой сече на Каталаунских полях пал благородный Дол, поднятый проклятыми аланами на копья, с ним, не отступив ни на шаг, полегла добрая половина его воинов. Тех же, кто все-таки отступил и, благодаря этому, сумел уйти живым, возглавил отважный Бадал, который, по примеру отца, как верный пес, всюду следовал за Атиллою, царем унов.

Но вскоре после этого были потрясены сами основы унской державы, Атилла, бич вселенной, достигнув пределов земного величия, умер, не назвав наследником никого из многочисленных своих сыновей. Для подвластных ему царей и вождей наступили трудные времена. Кому достанется унская корона? На кого ставить в этой скачке? Это был вопрос вопросов. Каждый чувствовал, что на кону стоит его голова.

Поэтому с таким нетерпением ожидал Хадир гонцов от своего старшего брата. Но отважный Бадал после смерти Атиллы не давал о себе знать. Зато зачастили унские послы. Каждый из них заявлял, что прислан единственным законным царем унов и требовал золота, воинов, лошадей. Беда была только в том, что всякий раз имена у этих царей оказывались разными.

Всех этих послов ждал радушный приём. Хадир клятвенно заверял их в своей неизменной верности, и обещал все, что только они ни пожелают. После чего отпускал восвояси, богато одарив. Ни лошадей, ни воинов он никому давать не собирался. Они были нужны ему самому.

Мало того, даже тем удальцам, которые, прельщенные щедрыми посулами послов, собирались отправиться за ними на свой страх и риск, было велено под угрозой смерти

оставаться на месте.

Однако со времени последнего посольства прошел слишком долгий срок. Никто больше не приходил с западной стороны, словно вдруг отгородившейся невидимой стеной. Самых надежных своих людей с сильными отрядами отправлял Хадир в эту неизвестность, но все они, кому было приказано углубиться в дикую степь на пять, десять, тридцать дней пути, все они вернулись ни с чем. Караванные тропы пришли в полное запустение, словно никогда не шли по ним богатые купеческие обозы и бесчисленные стада.

Становища беспокойных западных соседей, савиров, оногуров, и иных племен, не столь значительных, оказались брошены обитателями, которые неизвестно почему снялись в одночасье и ушли неведомо куда.

Лишь изредка натыкались посланцы Хадира на шайки одичавших бродяг, разбегавшихся при первом появлении всадников. Некоторых удалось поймать. Но даже те из них, кто еще не забыл человеческого языка, изъяснялись настолько бессвязно, что чего-нибудь понять из их речей было невозможно. Казалось, страх, причины которого никто не мог объяснить, лишил их рассудка.

Этот страх, как моровое поветрие, передавался разведчикам и, вернувшись, они дрожали, рассказывая об увиденном. Но Хадир выслушивал их со светлым радостным лицом. Уверенность, что дела на Западе близки к развязке, крепла с каждым днем. И каждый день утверждал Хадира в том, что близится его час.

Однако, оставшись один, он мрачнел, и раздумья, не находя иной пищи, терзали его, как голодные волки. Ближние хорошо уяснили себе, что в такие минуты вождя лучше не беспокоить.

И вот в одну из таких минут чья-то рука решительно отдернула шелковый полог, и в шатер вошел тысячник Орудж. Прижав правую руку к груди, он коротко поклонился и замер у порога.

Ни один мускул не шевельнулся на юношеском лице Хадира при этом неожиданном вторжении. Его взгляд рассеяно скользнул по вошедшему, и он сделал приглашающий жест рукой, указывая Оруджу на место напротив себя, полагая, что если посевший в походах тысячник решил нарушить заведенный порядок то, стало быть, речь пойдет о чем-то важном. Но только после того, как Орудж, еще раз кивнув, уселся на белоснежной кошме, Хадир велел говорить.

— Твой брат — отважный Бадал, прислал красное письмо. Вот оно, — тысячник достал из-за пазухи фугляр. — Мне его передал старшина сторожевой заставы. Он хотел вручить его тебе собственноручно, но я не позволил.

— Ты поступил правильно. Дальше.

— Человека, который привез это письмо, скоро привезут сюда, но старшина сказал, что человек этот еле дышит. Похоже, ему выпал нелегкий путь.

— Нелегкий путь? Степь опустела на много дней пути, Орудж. Никого, кроме обезумевших бродяг, которые не признают никаких законов. Тот, кто в одиночку рискнул пересечь её, достоин награды. Об этом все.

А теперь открой письмо.

При этих словах Орудж чуть заметно усмехнулся.

Два года назад прошел слух, что могущественный князь Самах, чей род кочевал возле самого Меотийского болота, задумал выйти из-под руки Хадира и стать самостоятельной владыкой. Никто не сомневался, что война неизбежна. Однако обошлось без неё. Ранней

весной, когда все буджи справляют праздник богини Тха, повелительницы южного ветра, и по обычаю обмениваются дарами, среди прочих подношений оказались старинные бронзовые светильники удивительно тонкой работы. Самах слыл за великого ценителя таких вещей. Неудивительно, что светильники сразу привлекли его внимание. Чрезвычайно обрадованный подарком, князь имел неосторожность взять один из них в руки. Не прошло и полминуты, как раздался нечеловеческий крик, сбежавшаяся челядь увидела, что руки князя, от кончиков пальцев до локтей, покрыты черными пауками, нурхатами, чей укус смертелен. Поэтому еще до захода солнца Самах отправился в страну мертвых, а яства, приготовленные для праздничного пиршества, были съедены на поминках.

Ни один из буджей не сомневался, что тут не обошлось без Хадира, и ни один не осмелился произнести это вслух. Что касается самого Хадира, то он сказал лишь, что Самах настоящий счастливец, если ему досталась такая незаслуженно легкая смерть. Однако, с тех пор вождь буджей стал остерегаться отравы.

— Надеюсь, ты принес хорошую весть, — сказал ХаDIR, глядя, как Орудж, сломав печать, открыл футляр и достал свиток из тонко выделанной кожи, густо покрытый письменами.

— Только вождь вправе решать, хороши ли полученные им вести, — дипломатично ответил тысячник, протягивая свиток. — Мое же дело позаботиться о том, чтобы красное письмо как можно скорее попало в твои руки.

— Ты прав, — пробормотал ХаDIR, дочитав свиток до половины. — Даже мне нелегко решить, что за новости ты принес. Однако, полагаю, теперь только от нас зависит, плохими они окажутся или хорошими. И одно это уже радует меня. Созывай малый совет, Орудж.

Спустя минуту над Сардисом потекли размеренные удары гонга, созывая избранных людей на малый совет.

* * *

Они входили в шатер вождя один за другим, и, поклонившись, занимали свое, раз и навсегда закрепленное за каждым, место на белой кошме. ХаDIR, по бокам которого теперь молчаливо застыли фигуры телохранителей, говорил каждому пришедшему несколько приветственных слов, но не касался причины, побудившей его созвать совет, до тех пор, пока Орудж не задернул полог, давая тем самым понять, что собрались все.

Только после этого ХаDIR дал выход скопившемуся в нем напряжению и, нарушая обычай, вскочил на ноги, чтобы говорить стоя.

— Князя и тысячники, — сказал он и не узнал своего голоса. — Мы ждали, кто из сыновей Атиллы возглавит державу унов. Так знайте, такой державы больше нет. В Паннонии на реке Недао последние ополчения унов наголову разбиты гепидами. Вместе с ними уничтожены их союзники, вожди которых оказались столь глупы, что по первому зову поспешили подставить свои головы под обломки гибнущего царства. Они слишком хорошо научились подчиняться. Мы гадали, — Куда ушли савиры? Куда ушли онугуры? Куда ушли прочие племена, которые граничили с нами? — И вот мы знаем, куда они ушли.

Теперь скажи, блистательный князь Садиро, брат Самаха, кто из нас был прав? — Ты, которого появление каждого уна бросало в дрожь? Ты, который готов был ползти вслед за послами, приходившими к нам от царей, чьих имен мы не слышали никогда раньше и не

услышим никогда потом? Или я, который не дал этим самозванцам ни одного воина?

Садиро, полнокровный седовласый мужчина с окладистой бородой, побледнев как мел, слушал Хадира, вздрагивая, как от удара кнута, всякий раз, когда вождь повышал голос. Его пухлые ладони беспомощно шарили по груди, обтянутой шелковым камзолом. Похоже, ему было трудно дышать.

— Зачем ты тратишь время на этого дурака, Хадир? — с беспечной улыбкой произнес веселый тысячник Жанты, воин, прославленный своей доблестью, о щедрости и беспечности которого ходило множество рассказов, больше похожих на сказки. — То, что ты сказал, гораздо важнее. Благодаря твоей предусмотрительности, степь сама упала нам в руки. Как же мы должны распорядиться этим подарком? И еще, каковы намерения твоего брата отважного Бадала? Когда он собирается вернуться? Или нам следует двинуться на Запад, дабы воссоединить народ Будж в одно целое?

Хадир не торопился с ответом, ожидая, не пожелает ли кто-нибудь еще высказаться. Однако желающих не нашлось. Только старый князь Ромада, редкий гость в Сардисе, чьи обширные владения раскинулись далеко на востоке, вблизи Хвалынского моря, рискнул нарушить молчание. — Я слышал, что страны лежащие к западу от нас разорены бесконечной войной. Города обезлюдели, деревни разорены, пастбища заброшены. Великие народы, которые сходились в смертельной схватке на Западе, как тучи в грозном небе, пролились кровавым дождем и обессилили. Если мы пойдем туда, то легко завоюем любую страну.

После этих слов раздались несколько одобрительных возгласов, которые однако сразу смолкли, когда старый Ромада продолжил свою речь.

— Но сможем ли мы удержать завоеванное? Хадир — великий вождь, и народ наш при нем достиг невиданного процветания. Кто сейчас может устоять перед нами? Но не потому, что мы так сильны, а потому, что слабы все другие. Но так будет недолго. На любую силу найдется еще большая сила. В пору своего могущества уны были многократно сильнее нас. И им достались земли еще не тронутые разорением. Это было на нашей памяти. И где они теперь? Рассеянны, как горсть пыли. Задумайтесь над их участью.

И еще скажу, как бы нам, князья и тысячники, погнавшись за чужим, не потерять свое. Когда благородный Дол увел наших лучших воинов, вспомните, каких трудов нам стоило отстоять свои пастбища от жадных соседей, которые накинута на нас как саранча. Хадир был тогда слишком мал, чтоб отразить захватчиков оружием, и старикам пришлось искать заступничества у самого Атилы, мир его праху. Атилы больше нет, нет и жадных соседей. Но обернитесь, взгляните, что творится за спиной, на востоке. Там все по-прежнему. Великая степь уже не раз рожала орды, которые подобно огненной реке в любой момент готовы хлынуть на наши земли. Подумайте, что может случиться, если мы опять разделимся.

Садиро, который с начала с благодарностью посматривал на говорившего, довольный тем, что его оставили в покое, после этих слов словно взбесился. Как это часто бывает, неизжитой страх скwasился в злобу, чтобы при первой возможности изойти пеной словесной пеной. Садиро протянул руку, указывая на Ромаду, и все время пока говорил, так и держал её на весу, словно боясь, что стоит её опустить, и преступный старик скроется от заслуженного возмездия.

— Будха, спящий на черном облаке — свидетель чистоты моих помыслов! Выслушай меня, Хадир, сын Дола, внук Хачароя.

Да, возможно я — глупец. Пусть так. Глупец, но не предатель. А настоящий предатель

сидит среди нас. Настоящий предатель — тот, чьи слова, словно змеиный яд, проникают в наши уши, лишая воли, отнимая решимость. И когда! Когда наш народ стоит на пороге, за которым обладание вселенной. Осталось сделать только шаг. Но старый лис Ромада не хочет, чтоб мы сделали этот шаг. Из-за того, что он боится потерять свой жалкий надел, великий народ Будж должен утратить свое великое будущее. Но Ромаде мало лишить нас великого будущего, он замахнулся на наше великое прошлое. Словно скарабей собрал всю грязь на свой язык. И вот наконец открыл рот. Оказывается, мы живы только благодаря заступничеству Атиллы! Кто может поверить в это? Ведь всякий знает, что только благодаря храбрости наших воинов уны завоевали полмира. Один Ромада считает иначе. Какой казни заслуживает такой человек?

Ответом на эту речь было молчание, и только Ромада подмигнул своему обвинителю и, улыбнувшись, сказал. — Теперь я наверно погиб. Меня изобличает в предательстве сам Садиро, который, как известно, даже по малой нужде ходит, не иначе как из любви к отечеству.

Первым захохотал смешливый Жанты, затем смех сделался всеобщим.

— Да, Садиро, брат Самаха, — сказал Хадир, — сегодня ты особенно красноречив. Но я собрал вас не для того, чтобы слушать, как вы будете обвинять друг друга. Скажу лишь — если наше прошлое было столь прекрасно, то зачем что-то менять в нашей жизни? Однако, сдаётся мне, наше прошлое было не столь прекрасно. Мне же хотелось услышать от вас, что вы думаете о нашем будущем.

Тысячник Тохурша пожал плечами, — Вождь, одни из нас могут думать как Ромада, другие как Садиро. А третьи, и их большинство, начнут думать только тогда, когда ты положишь в их головы свои мысли. Так же позволь напомнить тебе о вопросах, заданных Жанты. Что собирается делать твой старший брат Бадал? Что собираешься делать ты?

Слова, сказанные тысячником, многим показались дерзкими и неучтивыми, но Хадиру они, кажется, пришлись по душе. Во всяком случае, он благосклонно кивнул тысячнику, и может быть лишь на долю секунды промедлил с ответом.

— Бадал не вернется. И писем от него не будет. Это — последнее. Тохурша, читай, чтобы все слышали. Тысячник поднялся во весь свой почти двухметровый рост и, приняв с поклоном свиток, развернул его. — Да, это писал Бадал. Узнаю его руку.

— Читай же! — крикнул Хадир.

— Хадиру пишет Бадал.

Знай, что изнуренный тяжкими ранами, отойду в скором времени к праотцам, раньше, чем ты прочтешь это письмо. Прощай.

Об унах. После этого поражения им уже не подняться. Мне жаль, что я нашёл свой конец, сражаясь под их знаменами. Но теперь клятвы верности, которые принесли им дед, отец и я, умерли вместе с нами. Ты и народ Будж свободны от них.

О войске. Его больше нет. Со мной осталось три дюжины воинов, которые ожидают моего последнего вздоха, чтобы последовать вслед за мной. Наши семьи достались в добычу победителям. Об этом всё.

Князьям и тысячникам народа Будж пишет Бадал.

После моей смерти, как велят закон и обычай, старшинство переходит к моему младшему брату Хадиру. Повинуйтесь ему, как повиновались моему деду мудрому Хачарою, моему отцу благородному Долу, мне — Бадалу. Знайте так же, что дорога на запад, вымощенная нашими костями, открыта. Те, кто победил нас, скорее оплакивают свою

победу, чем празднуют её, так дорого она им досталась. Идти или не идти нашим путем, решать вам. Я же готовлюсь предстать перед лицом Будхи, да пребудет над всеми нами его милость.

Окончив читать, Тохурша прижал на мгновение свиток к губам и, снова поклонившись, вернул его Хадиру. После чего сел на свое место и закрыл лицо руками.

— Мне часто казалось, — задумчиво произнес Жанты, — что все, кто ушел с благородным Доллом, умерли. И вот они умерли.

— Но мы живы, — сказал Хадир. — И теперь у нас есть выбор.

Глава третья

Сразу за укреплениями Сардиса простиралось огромное поле, называемое, по имени его прежних владельцев, Аланским. Здесь по традиции собирался Большой совет народа Будж. Большой совет отличался от Малого совета тем, что в нём надлежало участвовать всему народу. Созывался он редко, и предшествовал обычно какому-нибудь важному событию, чаще всего событием этим была война.

Буджи давно не вели больших войн. Кровь лилась только в пограничных стычках. Юноши закалялись, то отражая набег беспокойных соседей, то сами нападая на них. Цели этих боевых действий не простирались обычно дальше отгона скота и похищения девушек, но главным трофеем удачливого и отважного наездника была слава, которая возрастала после каждого успешного предприятия. Хотя схватки эти нередко отличались крайней жесточенностью, но никому не приходило в голову называть их войной. И, конечно, ни одна из них не могла стать поводом для созыва Большого совета.

Поэтому когда однажды утром девять трубачей вышли из шатра Хадира и, задрав к небу жерла костяных труб, огласили окрестность заунывным воем, многие буджи, из тех, кто помоложе, даже не поняли смысла этих звуков, потому что слышали их первый раз в жизни. Старики же восторжались, словно птицы, почуявшие приближение весны. И скоро уже все разговоры были только об одном. Весть о том, что вождь собирает Большой совет на Алановом поле, пошла гулять по кочевьям, как степной пожар, воспламеняя сердца.

К назначенному сроку на краю поля вырос целый город из палаток, шатров, крытых повозок и шалашей. Он тянулся вдоль берега реки, насколько достигал человеческий взгляд, и говор десятков тысяч людей, обитающих в нем, конское ржание и скрип колес, сливались в сплошной гул.

* * *

По обычаю, утром великого дня на Алановом поле были потушены все костры, и сотни торговцев, которые с немалой для себя выгодой промышляли здесь с момента появления первых кочевников, прибывших на совет, ушли в Сардис. Празднично одетый народ толпился по периметру поля, не решаясь переступить невидимую черту. Все чего-то ждали. И вот, раздвигая толпу, мерным шагом прошли дружинники Хадира. Закованные в сталь доспехов, в круглых блестящих шлемах, увенчанных султанами из петушиных перьев, они быстро расчистили широкий проход и замерли, выстроившись по обеим его сторонам.

Истошно завывли трубы, гулко ударили барабаны, и появилось девять знаменосцев. Бок о бок они ехали по проходу, провожаемые приветственным рёвом толпы. Медленно, с подобающей торжественностью, ступали их огромные кони, а сами всадники, богатырского роста и телосложения, под стать своим коням, неподвижно, словно каменные, сидели в сёдлах, и только утренний, напоенный запахом речной свежести, ветер развеивал полотнища девяти знамён.

Когда конские копыта коснулись земли Аланова поля, шум, казалось, достиг немислимого градуса. Знаменосцы же, между тем, не меняя шага, проехали еще пару сотен шагов и разъехались в разные стороны, с тем, чтобы каждый из них занял раз и навсегда

закрепленное для его рода место. На этом месте каждому из них предстояло стоять, не шелохнувшись, до того, как трубы возвестят о том, что Большой совет завершен.

* * *

— А где Хадир?

— Он появится не скоро. Но ты его обязательно увидишь, — веселый тысячник Жанты наклонил мех и, мутная струйка бузы брызнула в пиалу. — Твоё здоровье, братец.

— Да хранит тебя Будха. Ты стал большим человеком Жанты. Старики кланяются тебе и благодарят за то, что ты не забываешь родственников.

— Кланяйся им от меня. — Жанты взглянул на старшего брата и вздохнул, не в силах утаить от себя горькой правды; с каждым годом черноусый Дунда все более становился похож на крысу. А почему оно так, Жанты не знал. Жизнь у Дунды была тяжелая, вот что. Словно услышав эти мысли, Дунда стал сетовать на многочисленность семейства, одновременно поведав о том, что не прочь был бы взять еще одну жену, а лучше — две. Но кто ж за него, бедняка, пойдет? Дети вырастают, а ходить за баранами некому, все только и говорят о Жанты, и хотят так же сладко есть и пить как он.

— Крепкая буза, брат. А времена трудные. Раньше было не то. При могучем Зенгире наш отец, что ни ночь выезжал в степь за добычей, и ни разу не возвращался с пустыми руками. И мы, его семеро сыновей, были с ним. Все, кроме тебя. Ты тогда был слишком мал. Отец думал, что ты подрастешь и станешь ему опорой в старости, но ты предпочел убежать в Сардис...

Это грустное повествование Жанты слышал уже много раз, поэтому пропустил мимо ушей невысказанный упрек. Он тоже мог бы кое-что рассказать брату. Ведь до старости отцу дожить не пришлось, в одном из набегов он дал себя настичь оногурским наездникам, которые зарубили его самого и троих его сыновей. Оставшиеся в живых старшие братья так распорядились наследством, (и голос Дунды при этом звучал громче прочих голосов), что младшему не досталось даже хромой козы. Его уделом стала нищета, и поэтому, как только пронесся слух, что Хадир набирает людей в свою дружину, Жанты, не говоря никому не слова, ушел к нему.

Рискованный поступок, ведь тогда Хадир едва вышел из детского возраста, и всем заправлял его дядя, могучий Зенгир, брат благородного Дола. Никто не сомневался, что дни Хадира сочтены. Стоило дяде счесть, что племянник начинает представлять для его власти угрозу, и в тот же миг голова Хадира слетела бы с плеч. А вслед за ним неминуемо бы пришёл черёд его приверженцев. Тем более, что таких было не много. Ни один разумный человек не согласился бы связать свою судьбу с судьбой обреченного принца. К нему прибивались только такие головорезы и отщепенцы, как Жанты, которым нечего было терять.

Но Зенгир просчитался, привыкнув считать Хадира ребёнком, он упустил момент, когда можно было без труда убрать нежелательного наследника, а когда спохватился, то было поздно. Посланные за головой племянника люди встретили отчаянный отпор. Хадир со своими дружинниками, круша всё на своём пути, пробился сквозь толпы нападавших и ушел в степь... После такого громкого дела шансы законного наследника возросли. Увидев, что этот юноша на многое способен, к нему стали стекаться недовольные. Человек крутой и

властолюбивый, Зенгир успел многих сделать своими врагами. Те же, кто сохранил ему верность, советовали обратиться за помощью к унам, но он рассчитывал справиться собственными силами, и снова недооценил племянника. Через несколько месяцев открытого противостояния, темной осенней ночью, могучий Зенгир попал в засаду и после яростного сопротивления был убит со множеством своих сторонников.

Старший брат Хадира, благородный Дол, за которым оставалось последнее слово, воевал тогда на Западе. Когда до него дошла весть о происшедшем, он рассудил, что Хадир поступил как должно.

Имя же Зенгира с тех пор старались не упоминать. Так что Дунда допустил сейчас бестактность. Но Жанты был великодушен, вместо того, чтобы попенять брату, он вытащил из своих густых волос массивный золотой гребень, который нашел когда-то в размытом ливнем кургане.

— Возьми. На выкуп за жену тебе этого может быть и не хватит, но если ты спустишься к реке, то у купцов можно выторговать за эту безделушку молодую, сильную рабыню.

— О, как дороги нынче рабы! — заныл Дунда, принимая подарок, и приближая его к лицу, чтобы рассмотреть получше. — Да, стоящая вещь. Два оленя, сойдясь в смертельной схватке, сплелись рогами. Жанты, они совсем как живые. Наши мастера такого делать совсем не умеют. Ты очень щедр, брат. Я приехал сюда на кляче, а домой поеду на великолепном игреневои жеребце, и еще один, каурый, будет идти у меня в поводу. А в переметных сумах у меня будет медный панцирь греческой работы, крепкий готфский шлем из блестящего железа, такой не всякий меч возьмет, и этот чудесный гребень.

Радость брата приятна Жанты. Он усмехнулся и махнул рукой. — Я бы дал тебе больше, но у меня больше ничего нет.

Лицо Дунды омрачилось, несколько мгновений он боролся с собой, но потом всё-таки протянул гребень. — Тогда я не могу принять этот подарок. Прости.

Жанты удивленно взглянул на протянутую руку брата, затем понял, и снова усмехнулся. — Мне ничего не нужно. Скоро у меня будет всего в десять, нет, в сто, в тысячу раз больше. Открою тебе один секрет, впрочем, всё равно, к вечеру об этом будут знать даже младенцы. Начинается большая война, Дунда. Очень большая. Завтра на рассвете Тохурша поведет три тысячи отборных всадников к устью Каргадона. Туда, где стоит крепость Кадистрия. Половину гарнизона составляют люди нашего племени, они откроют ворота. А — не откроют, тем хуже для них.

— Это большое войско, — не зная, что еще сказать, произнес Дунда, которому до сегодняшнего дня не приходилось видеть такое количество людей, собранных в одном месте.

— Это всего лишь небольшая часть. Главный удар Хадир нанесет по готфскому королевству. Видишь ли, после того, как с унами было покончено, готфы решили, что теперь самое время вернуть себе былое могущество. Они собираются править лесными землями так, как они правили ими до того, как покорились унам. Но готфы ошибаются, мы сметем их, потому что лесные земли нужны нам.

— Я не люблю леса, — признался Дунда. — Там хорошая охота, но охотник слишком легко превращается в дичь. К тому же готфы опасные противники.

— Они уже не те, что были раньше. Уны сломали их дух и увели лучших воинов. Зато оставшиеся смогли наслаждаться сытой, безопасной жизнью. И так преуспели в этом, что я не очень ошибусь, если скажу, что их королевство прогнило насквозь. Если бы не Хадир, народ Будж ждала бы та же участь. Я не зря поверил в него раньше, чем в него поверили

многие другие.

— Ты самый младший из сыновей своего отца, но самый умный из них, — сказал Дунда, у которого от таких известий мутился разум.

— Хадир умнее меня. Когда лесные земли на севере и Кадистрия на юге будут в наших руках, ни один торговый караван не сможет миновать наших застав. Богатство само потечет к нам. Укрепившись в готфских крепостях, мы сможем посылать наших воинов во все стороны света, а наша земля будет в безопасности. С нами не случится того, что случилось с теми народами, которые жили здесь до нас. Погнавшись за чужим, мы не потеряем своё.

Дунда затуманенным взглядом смотрел на поле, где вокруг знаменосцев стали собираться лучшие люди. Это было как сон. Он жалел только о том, что раньше не приехал повидаться с младшим братом. Нет сомнения, что жизнь его тогда пошла бы по-другому. Ведь он не трусливей Жанты, и мышцы его крепче. К тому же, по правде сказать, братец, как был дураком, так дураком и остался. Больно смотреть, как разменивает он свою удачу. Очутись Дунда в его шкуре, он бы не просыпал ни крошки, да и родичам, кстати, сторицей бы воздал за то, как они обошлись с ним при дележе отцовского наследства. Но Жанты, хвала Будхе, незлопамятен и беспечен. Вот он, сидит на склоне холма и пьёт, как ни в чем ни бывало, а ведь под его началом тысячи воинов, и ему наверно уже пора идти к своим людям. Потому что Аланово поле уже запружено толпой, а народ снова кричит, приветствуя кого-то.

Но Жанты только смеётся беспокойству брата. — Мне торопиться некуда. Отсюда все хорошо видно и слышно. А будет видно и слышно еще лучше. Холм, на котором мы сидим, не простой холм, Дунда. Внизу под ним подземное святилище богини Тха. Сидеть здесь и пить бузу — большая честь. И, поверь, она нам оказана не зря. А вот и служитель Тха, старый Асах. Он, конечно, заметил нас, но смотрит совсем в другую сторону, значит, я прав и волноваться нечего.

Действительно, у подножья холма стоит невзрачный старик в потертой куртке. Если бы Жанты не сказал, Дунда бы никогда не подумал, что это служитель богини южного ветра. Но все равно, ему стало не по себе, он отвел взгляд, словно от чего-то запретного, и вдруг краем глаза уловил какое-то движение за спиной брата, в нескольких шагах, в неглубокой ложбине, и еще через мгновение различил припавшего к земле человека. Трава почти скрывала его, но это уже не имело значения, так таиться мог только враг, и, не успев додумать эту мысль до конца, Дунда метнул нож.

— Человек, который не смог к нам подобраться так, что бы ты его не увидел, а я не услышал, плохой воин, — сказал Жанты, переворачивая лежащее ничком тело. — А конокрад из него тем более не получится. Зачем такому жить? Хорошо, я его не знаю. Дунда, забирай свой нож.

Но Дунда стоял неподвижно, с округлившимися глазами. Рваный халат, который был на мертвом соглядатае, распахнулся, под ним оказалась лазоревая рубаха, подпоясанная малиновым кушаком. — Брат, я убил служителя Будхи.

— Еще бы! Клинок вошел по самую рукоятку и попал прямо в сердце. Святой человек и пикнуть не успел. Отменный бросок, братец.

Дунда повалился на землю и, подвывая, стал бить себя кулаками по вискам. Жанты, вместо того, чтобы постараться спрятать труп, зарыть, или на худой конец, забросать травой, пинками скатил его с холма, на всеобщее обозрение. Дунда при виде этого завыл еще громче, и в ужасе принялся скрести ногтями землю, словно собираясь вырыть яму и спрятаться в ней.

Служитель Будхи, переворачиваясь как бревно, скатился по склону и замер, раскинув руки, почти у самых ног старого Асаха, который мельком глянул на мертвеца и неторопливо пошел в сторону Аланова поля, навстречу пышной процессии, медленно движущейся между рядами дружинников.

Жанты поднял обезумевшего брата за шиворот и почти силой отвел его на прежнее место, похлопал по спине, сунул в руку пиалу и приказал немедленно выпить. — Ты хотел увидеть Хадира? Смотри, вот он.

* * *

— Венет, я опять забыл твоё имя, — готфский князь Корушка, дородный рыжеволосый мужчина лет сорока, взглянул на себя в зеркало, которым ему служил отполированный серебряный поднос, и увиденное ему не понравилось. Лицу следовало придать несколько более свирепое выражение. Буджаки — народ дикий, уважают только силу. Значит, чтоб тебя уважали, надо выглядеть сильным. — Что это за имя, которое то и дело приходится вспоминать. Глупые родители могли бы назвать тебя получше.

Слуга, держащий поднос, важно кивнул головой, в подтверждение слов хозяина. — Я, сиятельный конунг, ведь и сам венет. И, скажу вам, не устаю удивляться их несуразным прозвищам. У порядочного готфа и собака бы не откликнулась на такую кличку. Дикие люди, что и говорить.

— Ну, ну, — поспешил утешить верного слугу Корушка. — Не очень-то ты и похож на венета.

— Это точно. Можно сказать, совсем не похож. Что касается моего имени, то с утра звался я Воробьём, — сотник порубежной стражи Воробей поправил деревянное блюдо с вишней, лежащее у него на коленях, и, как следует прицелившись, плюнул. Вишневая косточка, вылетев изо рта, описала дугу и с тихим щелчком стукнула верного слугу по лбу. Стоящие по обе стороны входа воины схватились за рукояти мечей. Сотник добродушно подмигнул им и спросил. — Зачем звал, конунг?

Корушка с удовольствием увидел, что его отражение стало гораздо более свирепым, и перевёл взгляд на Воробья. — Да, действительно, Воробей. Так вот, Воробей, зачем ты плюнул в моего верного слугу вишневой косточкой?

— В знак презрения, конунг.

— Обидев моего слугу, ты обидел меня. А тот, кто обидел конунга, должен умереть.

— Умру когда-нибудь.

Конунг Корушка надоел сотнику Воробью за эти двенадцать дней хуже горькой редьки. Но Атаульф, король готфов, приказал сопровождать Корушку в его поездке к Хадиру, вождю буджаков. Сам же конунг и упросил Атаульфа дать ему надежных провожатых, ведающих степные дороги и обычаи тамошних народов. Свиты у Корушки полторы сотни душ, из них половина — воины, да у Воробья сотня венетов-пограничников. С такой силой случайного нападения залётного разбойничьего загона можно было не опасаться, так что доставлен был конунг Корушка к вождю Хадиру в целостности и сохранности. По какой надобности затеяно было это путешествие, Воробью не докладывали.

Как всегда слухов было множество, одни утверждали, что Корушка едет сватать одну из бесчисленных сестёр степного вождя за Атаульфа, который к старости забыл свою былую

умеренность и стал великим женолюбом, другие же, напротив, утверждали, что наконец нашелся у буджаков жених для царской племянницы, любовные похождения которой достигли такого накала, что о них уже складывали напропалую песни бродячие сказители. Третьи наверняка знали, что Атаульф и Хадир хотят объединить усилия своих народов, чтобы сообща выйти из-под власти унов, могущество которых в последнее время сильно пошатнулось. Были и четвертые, и пятые... Но эти уже несли такую околесицу, что сами смеялись над ней.

Но как бы то ни было, пошли тут у Хадира с Корушкой пиры-беседы. Воробья на них понятно, не приглашали, но дел у него хватало и без этого. Челядь Корушки бражничала не хуже своего господина, воины-готфы тоже редко бывали трезвыми, да и свои порубежники были не прочь гульнуть, благо вина и браги для дорогих гостей буджаки не жалели. Но своих Воробей держал в кулаке, пообещав, что первого, кого заметит под хмелем, продаст на речном торжище заморским купцам.

А чтоб его люди не задирались с пьяными готфами, стан свой разбил чуть поодаль от шатров конунга.

Продолжалось это веселье уже три дня, и каждое утро конунг зазывал Воробья и вёл с ним долгие разговоры ни о чём, словно ходил вокруг да около, присматриваясь. Зачем, для чего, об том Воробей не задумывался, полагая, что рано или поздно правда сама себя окажет.

— Ладно, венет, я знаю, ты потому такой храбрый, что считаешь своим господином не меня, а Атаульфу.

То, что это разговор для бедных, оба собеседника понимали даже слишком хорошо. Безродный с точки зрения готфской генеалогии сотник числился на службе готфского короля, сиречь, рекса Атаульфу, точно так же как и благородный конунг Корушка. И ценность их для королевской службы, пожалуй, была одинаковой, поскольку каждый из них мог привести за собой две-три сотни воинов. С той только разницей, что Воробей даже в дурном сне не помышлял о троне готфских королей, тогда как Корушка думал об этом, кажется, все дни и ночи напролёт. На то он и был и конунг, беда же состояла в том, что трон был всего лишь один, а конунгов было много, очень много.

Вообще, кажется, никто не размножался в готфском королевстве с такой скоростью, как эта порода. И чем меньше и слабей делалось королевство, тем больше оказывалось в нём высокородных людей, особенно теперь, когда от некогда великой державы остался только осколок — королевство Атаульфу.

Другое дело, что никакой готф даже под пытками не согласился бы признать равенство венецкого сотника и готфского конунга.

— Что ж, об Атаульфе я и хотел с тобой поговорить. Послушай... — Корушка взмахом руки отослал слугу, и продолжил только после того, как тот вышел из шатра. — Послушай, Воробей, если бы Атаульфу, а то, что он к старости впал в детство, знают и стар и млад... Так вот, если бы этого слабоумного, ни на что не годного старика сменил на троне муж мудрый, зрелый, испытанный в бранях, исполненный добродетели... Как бы к этому отнеслись твои сородичи?

— Я давно не был в родных местах.

— Ты затруднился с ответом. Похвальная осторожность. Тогда спрошу по-другому. Как венеты относятся к Атаульфу?

— Души в нём не чают, — усмехнулся сотник. — Но тебя это не должно огорчать. Сядь на его место, и тебя будут обожать не меньше.

— Рекс Корушка! Разве плохо звучит?

— А сам ты как думаешь?

— Я думаю... — голубые глаза конунга приняли мечтательное выражение, и черты мясисто-го лица его обрели некоторую специфическую воздушность, свойственную людям, чей мозг чрезмерно отягощен мыслительным процессом. — Я думаю, что каждому смерду и иному человеку низкого звания, осознающему, что его подневольное положение не случайность, а закономерность, обусловленная, как его происхождением, так и жизненными обстоятельствами, будет лестно иметь такого господина как я.

Не удивляйся моей откровенности. Ведь если ты задумаешь предать меня, то конунгу поверят скорее, чем простому сотнику.

— Мне тебя предавать ни к чему. Я не пойму, однако, что тебе нужно от простого сотника.

— Мне нужно, чтобы твои сородичи не встали между мной и Атаульфом. Ты пользуешься среди них влиянием, так убеди их в том.

— Тебя ввели в заблуждение, моё слово весит меньше слова любого старейшины нашего рода. Но наши люди не будут вмешиваться в ваши распри. Какое дело овцам, что один волк сменит другого.

— Да, венеты — прирожденные рабы. Наши копья и мечи не раз убеждали их в этом. Но есть среди них негодяи, уподобившиеся лютым зверям, на которых никакие убеждения и увещания не действуют. Эти безумцы ненавидят готфов и готовы вредить им, чем только можно. Толпы их собирает бешеный пёс Нетко, наводнив ими леса к северу от наших владений, где они в своём ослеплении убивают каждого чужеземца, имевшего несчастье попасться им в руки. Понятно, что используются все средства, что б еще больше раздуть пламя мятежа. Смена правителя на готфском престоле может показаться удобным случаем. Так вот, я хочу, что б ты нашёл способ довести до Нетко и таких как он, что я приведу в Залесье тысячи воинов народа Будж, племени воинственного и беспощадного. Они помогут мне покончить с Атаульфом. Но если венеты, по своей глупости или по чьему-то наущению дерзнут вмешаться, то кара будет ужасной. Буджаки истребят их всех, до третьего колена. Ты понимаешь меня?

— Понимаю. Не понимаю только, почему тебя беспокоит участь венетов?

— Воробей, мне говорили, что у тебя есть голова на плечах, а ты задаешь вопрос, ответ на который знает даже младенец. Участь венетов меня беспокоит так же, как рачительного хозяина беспокоит участь его скотины. Или прикажешь обложить данью и оброком буджей?

Мысль эта рассмешила Корушку и он долго смеялся, после чего продолжил. — Нет, конечно. Буджи народ храбрый и гордый. Число их огромно, но они не работники. Заставить степняка пахать землю, строить крепости... Обложить данью и оброком... Думаю, этого не сможет никто. Но зато буджи замечательно умеют принудить к труду других. Под рукой готфов, прирожденных и искусных правителей, самой судьбой призванных повелевать другими народами, смиряя их, подобно тому, как опытный наездник смиряет дикую лошадь... Так вот, под нашей рукой все драгоценные качества народа Будж будут использованы в полной мере. Ты знаешь, как ленивы и нерадивы венеты, но если за спиной каждого венета, будь то пахарь, охотник или бортник, поставить степняка с плетью, венеты станут трудиться как пчёлы, и ни один не посмеет пронести даже крошку мимо хозяйского двора. Благосостояние страны невиданно расцветёт. Можешь мне поверить, не пройдёт и года, как оно удвоится. Нет, утроится. Союз и дружба наших народов, готфов, буджей и

венетов преобразят эту землю.

Словно ослепленный этой блистательной перспективой, Корушка зажмурился и замолчал, но, отдышавшись, продолжил. — Венет, чтобы подтвердить истинность моих слов, я расскажу тебе удивительную сказку: Умирая, один старик позвал к себе трёх своих сыновей, и приказал им принести веник...

— Я эту сказку знаю, — сказал Воробей. — Веник они не сломали, а старик умер. Однако, конунг, зачем буджаки нужны готфам, я понимаю. Но вот зачем готфы нужны буджакам, этого я постичь не могу. Зачем им лишние рты? Ты не боишься, что в один прекрасный день буджаки просто вырежут вас, как свиней, чтобы безраздельно править страной, в которую ты их призываешь?

— Напрасные страхи! Высокородные господа всегда сумеют договориться между собой. Но тебе этого, действительно, не понять. Кстати, ради справедливости следует сказать, что мысль призвать буджей принадлежит не мне, а Атаульфу. Он хоть и скорбен главой, но имеет дельных советников. Для того и послал он меня к Хадиру, чтобы я договорился с ним о присылке сильного отряда. Однако, ни Атаульф, ни его советники не подозревают, что я приведу не один отряд, а целое войско, перед которым им не устоять. После того как моя власть упрочится, буджи вернутся в свои степи, но часть их останется при мне. Готфская пехота и конница буджей... Такая армия непобедима.

Впрочем, довольно об этом. Вот что я хотел тебе сказать, завтра ХаDIR созывает Большой совет. Я приглашён на него, часть моих людей пойдёт со мной, могу взять и тебя. Но кому поручить охрану лагеря?

— Мне и поручить, — сказал Воробей, утверждаясь в решении ни на какой совет с Корушкой не ходить, и, вообще, постараться как можно скорее унести ноги из гостеприимного Сардиса.

— Прикажи обозным, пусть они переставят повозки с поклажей поближе к нашему стану. Там они будут в безопасности. Однако, конунг, такого еще не бывало, чтобы буджаки приглашали чужих на свой Большой совет. Я б на твоём месте туда не пошёл.

— Будь я на твоём месте, я бы туда тоже не пошёл, — словами Александра Македонского ответил Корушка.

Вернувшись от конунга, Воробей распорядился насчёт повозок и сел думать думу.

— Ну, что там конунг? — спросил, подсаживаясь к нему, один из порубежников, десятник Ясь.

— Не жилец, — коротко ответил Воробей и стал думать думу дальше.

Глава четвёртая

Хадир ехал на черной лошади, и одет он был во всё черное. Голова его была непокрыта, на поясе не было меча. Следом ехали князья и тысячники народа Будж, в лучших своих одеждах, богатство и пестрота которых являли разительный контраст с простым нарядом вождя, но все взгляды были обращены только на него.

На границе поля Хадира по обычаю встретили девять служителей девяти богов народа Будж.

— Смотри, — сказал Жанты. — Видишь, того седого здоровяка с головой как котёл и золотым обручем в волосах? На нем тоже лазоревая рубаха, а брюхо обтянуто малиновым кушаком. Это, братец, и есть служитель великого Будхи великий Мазай. А убитый тобой, скорее всего, лишь один из его учеников. Но этих дармоедов у Мазая так много, что он вряд ли заметит пропажу кого-нибудь из них.

Хадир остановил своего коня в нескольких шагах перед служителями, и над Алановым полем повисла тишина, в которой далеко разнеслись слова ритуального вопроса. — Служитель Мазай, вождь Хадир и народ Будж спрашивают: Что говорит Будха?

Мазай важно кивнул головой, в знак того, что вопрос понят и, сделав шаг вперед, поднял правую руку. — Будха говорит, что вождь Хадир и народ Будж по-прежнему находятся под его защитой и покровительством, подобно тому, как дети находятся под защитой и покровительством отца. Будха говорит, что и впредь не откажет вождю и народу в защите и покровительстве.

— Да не угаснет огонь в святилище Будхи, — склонил Хадир голову и обратился к следующему по старшинству служителю, служителю бога солнца. Потом настала очередь служителя богини луны.

Всякий раз служители отвечали Хадиру, в точности повторяя ответ Мазая. Только менялись имена богов. И всякий раз по толпе прокатывался вздох облегчения, хотя даже старики не помнили такого случая, чтобы служители ответили как-нибудь иначе. Но когда был спрошен Асах, служитель богини южного ветра Тха, случилось неслыханное.

— Служитель Асах, вождь Хадир и народ Будж спрашивают: Что говорит Тха?

Буджаки, при всем своём благочестии, народ беспокойный, долго хранить молчание или неподвижно стоять на одном месте, для них чистое мучение. Кроме того, Тха считается младшей богиней, самой слабой из сонма богов, поэтому, когда Асах выступил вперед и поднял правую руку, тишина была уже не такой полной, как тогда, когда отвечал Мазай. Однако, Асаху не пришлось повторять дважды.

— Тха говорит: Пусть Хадир возьмёт меч Хачароя.

— Хадир приподнялся на стременах и крикнул, словно Асах стоял не в трех шагах от него, а на другом конце поля. — Меч Хачароя, моего деда, пропал после его гибели. Никто не знает где он.

— Тха укажет место, — Асах, не дожидаясь ответа, повернулся и направился к холму. Откуда-то из-за спин служителей появился мальчишка в белой рубахе с заступом на плече. Догнав старика, он пошел рядом.

Хадир неторопливо поехал следом. Не доезжая десятка шагов до холма, он остановил коня. Столь явное нарушение установленного порядка смутило его свиту. Поэтому князья и тысячники последовали за вождем с некоторой заминкой. А затем и вся людская масса,

заполнившее Аланово поле, в стремлении всё видеть своими глазами, придвинулась поближе.

И только тогда, видя, что рискуют остаться в одиночестве, восемь служителей восьми богов народа Будж, присоединились к общему движению, и даже как бы возглавили его, для чего им пришлось проявить несвойственную их обычной важной повадке резвость. Вперед снова выступил Мазай, он было приоткрыл рот, словно собирался что-то произнести, но увидел лежащий у подножья холма труп. Лицо служителя Будхи омрачилось, и он провел ладонями по щекам. Дунда опасаясь встретиться с ним взглядом, поспешил спрятаться за спину Жанты. Но любопытство превозмогло и он, высунувшись на миг, испытал новое потрясение при виде того, что чуть ли не весь народ Будж надвигается на него.

— Брат, умоляю, выслушай меня. Если мы спустимся с той стороны холма, то сможем уйти незамеченными.

— Сиди, — просто ответил Жанты, глядя, как старик, опираясь на мальчишку, тяжело взбирается по склону холма.

Преодолев половину подъема, Асах остановился и, повернувшись лицом к Аланову полю, воздел руки. — Вождь, Тха зовёт.

Но Хадир не шевельнулся. Асах повторил свой призыв еще дважды, с тем же результатом, а затем продолжил восхождение. Добравшись, наконец до верхушки холма, он повернулся поочередно ко всем сторонам света, замер с лицом обращенным к небу, словно прислушиваясь к чему-то, сделал шаг вперед и склонился над большим плоским камнем, тщетно пытаясь приподнять его. На помощь ему пришел мальчишка в белой рубашке, но камень остался недвижим.

— Следует им помочь, — сказал Жанты. — Если из-за нашего бездействия у почтенного служителя богини южного ветра развяжется пупок, Хадир нам не этого простит.

— Нам? — побледнел Дунда, безропотно, как телёнок на убой, плетясь за братом.

— Ну, меня-то он, скорее всего, простит.

Вчетвером перевернули камень.

— Здесь ничего нет, — растерянно сказал Дунда. Асах внимательно посмотрел на него, затем спросил. — Тысячник, кто этот человек?

Жанты тоже посмотрел на Дунду, словно взвешивая, стоит ли говорить правду. — Это мой брат Дунда. Он отважен как барс и силен как вол. А то, что всю свою жизнь ходил за баранами далеко в степи, то в этом нет его вины. Наш род беден. Брату могу доверить почти всё.

— Почти?

— Почти, Асах. Это много. — Жанты забрал у мальчишки заступ и вручил его Дунде. — Доверяю тебе этот заступ. Комай, брат. Народ смотрит на тебя.

Копать пришлось недолго, на глубине где-то полтора локтя заступ ударился во что-то твердое.

Дунда опять растерялся. — Здесь что-то есть.

Асах опять внимательно посмотрел на него, потом перевёл взгляд на Жанты, но в этот раз ничего не спросил. Жанты пожал плечами. Асах покачал головой.

— Комай дальше, славный Дунда. Да, смотри, не переусердствуй. Вещь, которая там может лежать — бесценна.

Наконец, на свет был извлечен деревянный, окованный полосовым железом ларь, длинный и узкий. Судя по тому, что дерево потемнело и кое-где подгнило, а железо местами

совсем проржавело, закопан он был довольно давно. Чтобы открыть его, Дунде опять пришлось прибегнуть к помощи своего ножа. Меч Хачароя, если это был, конечно, он, оказался плотно завернут в несколько слоев парчи. Дунда, видя, что она почти не повреждена, вдруг сразу представил, какой роскошный наряд может скроить из такой богатой материи его третья жена — рукодельница Малтауч. От этой мысли движения его сразу приобрели почти нечеловеческую плавность и осторожность, впрочем, у стремительно живших буджей любое не быстрое движение воспринималось как очень плавное. Жанты смотрел на толстый загривок Дунды, склонившегося над драгоценной находкой, как мать над колыбелью, и боролся с искушением как следует пнуть брата, чтобы ускорить ход событий. И, вероятно, пнул бы, если бы не боялся нарушить торжественность момента.

Служитель Асах был не столь терпелив, не выдержав, он присел на корточки, снова заглянул в покрасневшее, потное лицо Дунды. Затем с кряхтением выпрямился и в третий раз спросил у Жанты с какой-то невысказанной надеждой в голосе. — Ты сказал, что славный Дунда — твой брат? Или мне всё-таки послышалось? А, может быть, у вас был общий отец, но матери разные? Такое ведь часто бывает. Или вот еще есть такие молочные братья. Это если у вас была одна кормилица...

Жанты с укором посмотрел на непоседливого старца. — Мы единокровные братья, Асах. Вообрази, такое часто бывает тоже. Не понимаю, почему тебя занимают такие пустяки.

Мальчишка в белой рубаше, праздно переминающийся с ноги на ногу, хихикнул. Асах уже было размахнулся, чтоб дать ему легкую затрещину, но тут как раз Дунда управился с парчой, быстро и аккуратно сложил её, и спрятал за пазуху. Затем, не разгибаясь, не вставая с колен, и не поднимая лица, подал Асаху меч в позолоченных ножнах. Так же, двумя руками, Асах принял меч, прижал его к груди и поклонился на четыре стороны света.

Хадир гикнул, и гнедой жеребец одним махом вынес его на вершину холма.

Асах извлёк клинок из ножен, и теперь держал его в ладонях протянутых рук.

За его спиной, как сторожевые башни, высились два могучих брата. Щеголеватый Жанты, бесстрастно взирающий куда-то вдаль, и перепачканный землей как дух тьмы Бакура, взопревший Дунда, с взволнованного лица которого на Хадира таращились круглые черные глаза.

— Этот замарашка — твой брат? — спросил Хадир, не поворачивая головы.

— Да, — вполголоса, словно боясь быть услышанным чужими ушами, ответил Жанты. — Дунда его зовут.

— Держи, Дунда — брат Жанты, — Хадир сделал неуловимое движение, и в грудь Дунды что-то стукнулось, он еле успел подхватить это, что-то легкое, словно в него бросили монетой. Он сначала и принял это за монету. Ну, хоть что-то. Если золотая, хорошо ведь? Жаль, всего одна. Но, нет, не монета. Кольцо или перстень.

Хадир, между тем, высоко поднял над головой меч, толпа заревела, и ревела всё время, пока гнедой конь, горячась и мотая гривой, спускался с холма, понукаемый всадником.

Асах не пошел прямо за ним, а выбрал для спуска пологую, безопасную тропинку. Неторопливо идя за ним, Дунда отважился разжать кулак, глянул, и стон вырвался из его широкой груди. Вождь народа Будж подарил ему медное кольцо. Наверно, он хотел посмеяться над Дундой. Но за что? Ведь Дунда не сделал ему ничего плохого. На глаза навернулись слёзы нестерпимой обиды. А бессердечный Жанты даже забежал вперед, чтоб лучше видеть то, что творится с его несчастным братом. Таковы все богачи. Им мало жирной

баранины и крепкой бузы, они пьют кровь бедняка и грызут его сердце, и только тогда считают себя сытыми. И при этом надсмехаются над ним, и только тогда считают себя счастливыми. Лицо Дунды почернело, глаза метали молнии.

Видя, что брата вот-вот хватит удар, Жанты перестал смеяться и, взяв его за плечи, сильно встряхнул. — Ты совсем одичал среди своих жён и баранов, братец. Хадир пожаловал тебя чином сотника. С недавнего времени только сотники имеют право носить такие кольца. Надень его на правую руку, на безымянный палец, да не забудь поблагодарить богиню южного ветра Тха. Сегодня её праздник. То, что другой не может достигнуть за всю жизнь, ты получил за день. Утри слезы и радуйся, глупец. И еще, умоляю, сегодня, чтобы не случилось, ни на шаг не отходи от меня.

К счастью, никто не был свидетелем этого конфуза. Все были заняты мечом Хачароя. Князья и тысячники передавали его из рук в руки, и те, кто был постарше, вспоминали, что, да, это тот самый меч, пропавший в день гибели старого вождя, а те, кто — помоложе, просто любовались несравненной работой неизвестного оружейника.

Народ же, которому еще никто не разъяснил смысла находки, взволновано гудел на тысячи голосов, прозревая, что грядут великие события.

* * *

Неудивительно, что никто не обратил внимания на цепочку всадников, появившихся со стороны города. Никто, кроме тысячника Оруджа, потому что тысячник Орудж на всё обращал внимание.

Он решительно пробился сквозь толпу, окружившую Хадира, и наклонился к его уху. — Вождь, посольство от унов. Утром о нём ничего не было слышно, должно быть, прибыли только что.

— Опять посольство от унов? — брови Хадира поползли вверх. — Я, честно сказать, полагал, что их всех перебили.

— Чтобы всех, такое редко бывает. Всегда кому-нибудь удастся уцелеть.

— Что ж, посмотрим на этих счастливчиков. Зови. Я приму их прямо сейчас.

Несмотря на гибель народа, его имя еще сохраняло своё грозное обаяние для других племён. Еще минуту назад бывшие во власти воинственного воодушевления, буджи, тем не менее, безропотно теснились, отдавливая друг другу ноги, уступая дорогу унским всадникам. Хотя эти усталые люди на измученных лошадях выглядели совсем не грозно. Ехавший впереди тонкошей юноша, с лицом скорее серым, чем смуглым, так же мало походил на посла, как его люди — на почетный эскорт. Помятые латы, порванные кольчуги, вмятины на шлемах, побуревшие от засохшей крови повязки, все говорило о том, что путь их в страну Будж не был лёгким. И еще одна странность была в них, выглядели они так, словно набрали их второпях, с бору по сосенки, не так как обычно набирают в посольство, человек к человеку, а первых, кто под руку попался. Какие-то они были разномастные, и разномастность эта тоже была странная.

Можно было видеть, как природный ун, неотличимый от своего кривоногого деда, вышедшего когда-то из глубин Азии, с таким же плоским темным лицом, косо посаженными глазами, нёс на себе римские доспехи. И императорский орёл был вычеканен на его медном панцире. И голову, вместо лисьей шапки, покрывал легионерский шлем. А другой, в

овчинной куртке, мехом наружу, надетой на голое тело, в широких шароварах, был высок и светловолос, как германец, и, может быть, только черные глаза свидетельствовали, что среди его предков были кочевники-азиаты. Но всё же было у этих таких разных людей нечто общее, то, что роднило их между собой. Может быть, унская кровь, которая текла в их венах. Хотя годы, проведенные среди покоренных народов, сильно её разбавили. А скорее делало их похожими одинаковое выражение усталых, пропыленных лиц, на которых застыло смешанное с отчаяньем ожесточение.

* * *

Жанты, крепко держа брата за руку, чтобы тот не потерялся в давке, пробивался сквозь толпу, и скоро достиг места, откуда, благодаря своему высокому росту, мог хорошо видеть происходящее. Разглядев лицо посла, он не поверил своим глазам. — Видать, уны совсем плохи. Я знаю этого посла. Пару лет назад у Хадира гостил один унский вельможа, среди его людей был конюх. Не помню, как его звали. А этот сопляк — его сын. Его имя, кажется, Будаг.

— Этого не может быть, — твёрдо сказал Дунда. — Сын конюха! Прошло два года, ты легко мог ошибиться. На свете много похожих людей.

— Дунда, я никогда не ошибаюсь. От этого мне иногда бывает страшно жить.

Между тем, посол приблизился к Хадиру и, остановив коня в трёх шагах от него, небрежно поклонился. — От царя унской державы Беты к Хадиру, князю народа Будж, посол Будаг говорит.

— Ну, кто был прав? — толкнул Жанты брата. Дунда ответил растерянным взглядом, его собственная стремительная карьера как-то теряла блеск на фоне посольского чина конюхова чада.

Хадир, не отвечая на поклон, сказал, усмехнувшись. — Говори, Будаг — посол Беты. Или благородный Бета передал мне письменное послание? Его ты можешь вручить моему тысячнику, благородному Оруджу.

Благородный Орудж протянул руку, но посол, не удостоив его взглядом, произнёс. — Князь, раньше ты верил унам на слово. Царь Бета будет говорить с тобой моими устами. Но, если желаешь, я могу показать тебе свою посольскую грамоту, чтобы ты мог убедиться в подлинности царской печати.

— Покажешь её Оруджу. А пока желаю услышать слово Беты. Говори.

Надменность Будага разозлила Дунду. Хоть и недавно он стал сотником, но уже очень хорошо понял, что сотник смотрит на мир совсем другими глазами, чем простой пастух. И уши у него устроены по-другому. Следовательно, и речь его должна звучать иначе.

— Жанты, нужно предупредить Хадира, что он роняет себя, разговаривая с сыном конюха, как с равным.

— Какая разница, чей он сын? Сейчас он посол. И Хадир будет разговаривать с ним как с послом. И потом, Дунда, неужели в твоём большом сердце не найдётся маленького уголка для сочувствия к этому юнцу? Вспомни, не тебе ли отсекли левый мизинец этой весной сторожа Садиро, когда ты воровал княжеских кур? И вот теперь, когда ты стал большим человеком, сотником, и гордо носишь медное кольцо на безымянном пальце, до которого, к счастью не добрались сторожа... Как бы тебе понравилось, если бы каждый напоминал тебе

о том, что еще вчера ты воровал кур? Не будь таким взыскательным, Дунда.

— Не кур я воровал у Сади́ро, а коз. Превосходных, упитанных коз, с шерстью белой как снег. Это большая разница, Жанты. Очень большая разница, для тех, кто понимает. И мизинец свой потерял в честном бою, один сражаясь против четырёх сторожей Сади́ро, будь он неладен, жадный скряга. Двое из них своей жизнью заплатили за моё увечье. Но, главное, что мы с тобой, как люди в чинах, прежде всего должны заботиться о достоинстве нашего вождя. О том, чтобы честь его не претерпела ущерба.

— Хорошо сказано. Так позаботься о достоинстве нашего вождя, Дунда, помолчи немного. Сегодня Хади́р не нуждается в наших советах.

Хади́р, не нуждающийся в советах, тем временем, сидел, подбоченясь в седле, и, перебирая агатовые чётки, слушал речь посланца, который глядя в его лицо покрасневшими, воспаленными глазами, говорил резким и хриплым, как воронье карканье, голосом, то и дело хватаясь за рукоять меча, слишком тяжелого для его тонкой руки. — Царь Бета спрашивает тебя, князь Хади́р, долго ли ты собираешься кормить нас пустыми обещаниями? Где обещанные тобой воины? Где лошади? Где золото? Где клятвы верности, наконец, данные твоим отцом и дедом? Или ты полагаешь, что наше терпение безгранично? Если так, то ты жестоко ошибаешься. Царь Бета гневается на тебя.

— Значит, царь Бета гневается на меня. И он, должно быть, страшен в гневе?

Усмотрев в этих словах скрытую насмешку, посол счёл ниже своего достоинства отвечать на них.

— Так страшен царь Бета в гневе или не страшен? Это очень важно, Будаг, — видя, что тот снова молчит, Хади́р добавил. — Кстати, в прошлый раз, а это было совсем недавно, вашего царя звали, если мне не изменяет память, Оржолахом. Он сменил имя? Или теперь у нов другой царь? А до этого были еще Могул, Гитарстий, Ростих, два брата — Гнека и Колибат. Была даже женщина — высокородная Дия. Имена остальных венценосцев, уж извини, не сохранились в моей памяти. Итак, двенадцать царей с прошлой весны, и двенадцать посольств от них. Твоё посольство — тринадцатое. Не многовато ли, даже для такой великой державы? Все они требовали воинов, лошадей, золота. И никому из них я ничего не дал. Не дам и тебе.

Знаешь, почему? Потому что всякая дорога имеет своё начало и свой конец. Тебе не посчастливилось, ты вышел в путь в конце дороги, еще несколько шагов и она исчезнет из-под твоих ног. Запомни мои слова, Будаг, посол Беты; клятва, данная не по доброй воле, подобна дереву, посаженному в песок. Дерево это живёт, пока за ним ухаживают. Только поливать его нужно не водой, а кровью. Дерево, которое посадили твои предки, засохло, а ты обвиняешь меня в том, что оно не плодоносит. Это смешно.

Требовать выполнения клятвы, вырванной силой, может только тот, кто этой силой обладает. Твой царь обладает этой силой? Где она?

Посмотри на себя, достопочтенный. Разве похож ты на тех унских богатырей, которые пришли когда-то в наши степи. На тех, — судорога гнева на миг исказила лицо Хади́ра, и он крикнул, срывая голос. — На тех, кто убил моего деда!

Посол отшатнулся, но, овладев собой, сказал. — Зачем шевелить золу, князь? Уны оградили твой народ, как и многих других, железной стеной. Посчитай, сколько лет мира мы подарили вам.

— Подарили? — удивился Хади́р, возвращаясь к спокойному тону. — Вы подарили нам мир? Скажи об этом моему отцу и его людям, которые остались лежать на Каталаунских

полях, лишённые даже достойного погребения. Скажи об этом моему брату, чьи кости гниют в Паноннии.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Разве твоему отцу доставалось меньше добычи, чем вождям унов? Разве они честно не делили её с ним? Тебя ведь это не оскорбляло. Так почему же ты удивляешься, что и смерть им пришлось разделить поровну. Скажу еще. Твой отец погиб вдали от своего дома, но война не пришла в вашу страну.

Моя речь окончена. Если человек задумал совершить предательство, то никакие слова не помешают ему сделать это. Только одно помни, уны еще сумеют доказать и тебе и прочим, что доблесть их и сила с годами не претерпела ущерба.

— Да, ты прав. Лучше будет, если ты ничего больше не скажешь, уважаемый. Говорить буду я.

Собравшиеся, понимая, что вождь уже говорит не для унского посла, а для них, разом, как один человек, придвинулись ближе, и наступила такая тишина, что даже если бы Хадир говорил шепотом, то и тогда, каждое бы его слово слышали все до единого. Но он не говорил шепотом, теперь он кричал, и голос его звучал подобно боевой трубе.

— Ты слишком долго был в пути, посол, и весть обогнала тебя. Так знай же... Знайте и вы, буджи. Унской державы больше нет. Последние уны погибли под мечами гепидов в Паннонии на реке Недао. Посол, тебе некуда возвращаться.

Хадир отвернулся от окаменевшего уна и закричал, так что жилы вздувшиеся на его шее, казалось вот-вот лопнут. — Тысячник Орудж!

— Я здесь, вождь.

— Где меч моего деда Хачароя, который возвратила мне Тха богиня южного ветра?

— Вот он, — тысячник встал на одно колено и, вытянув вперед руки, подал меч.

Хадир принял меч и, вынув его из ножен, поднял его над головой. — Старики, помните этот меч?

Несколько голосов вразнобой ответили, что, да, помнят.

— Ни разу, до сегодняшнего дня я его не брал в руки. Но теперь пробил час! Ножны потускнели от старости, но клинок все так же остёр.

Он хотел еще сказать чего-то, но тут речь его оказалась прервана. Виной тому был конунг Корушка, которому надоело топтаться в отдалении от эпицентра событий, среди буджских пастухов. Смрад от их немых тел не могло перебить даже крепкое вино, которым конунг то и дело подкреплялся. Увидев меч в руках Хадира, Корушка решил, что настал удобный момент, что бы принять участие в разговоре, и приказал охране расчистить путь ему и его свите.

— Дорогу благородному конунгу! — закованные в сталь готфские щитоносцы врезались в толпу простонародья, работая рукоятками мечей и тупыми концами копей. Толпа с угрюмым ворчанием раздавалась в стороны.

Хадир, совершенно забывший о своём готфском госте, вдруг увидел перед собой его хмельное лицо, расплывшееся в радостной улыбке. За спиной Корушки горланили разряженные в пух и прах готфы из его свиты, пока воины, выстроив стену из щитов, оттесняли недовольных буджей.

— Высокородный брат мой, Хадир, — закричал Корушка. — Воистину, довелось мне тут услышать отличную новость. Унское ярмо свалилось с наших загривков. Хвала Господу! — он поднес к губам крест, висевший на шее, и поцеловал его. — А что касается меча бедолаги Хачароя то, если ты сомневаешься в остроте клинка, прикажи привести

барана и проверь клинок на его шее.

Довольный своей шуткой, конунг захохотал.

Несколько готфов, те, что были помоложе, подхватили смех, другие же, напротив, сразу протрезвев, с кривыми улыбками стали тесней, словно готовясь отразить нападение.

Хадир слегка наклонился вперёд. — Ты подал хороший совет, друг мой. Но нам нет нужды приводить барана, потому что он пришёл сюда своими ногами. Толстый, рыжий, глупый баран.

— Рыжий баран? — до Корушки медленно доходил смысл сказанного, но ладонь его, тем не менее, успела лечь на рукоять секиры, прежде чем Хадир съёс ему голову. Окутанная космами рыжих волос, она подлетела высоко вверх, кровь фонтаном ударила из перерубленной шеи, забрызгав тех, кто стоял рядом.

Жанты оглушительно свистнул, притянул к себе готфского щитоносца за ворот, словно хотел обнять его, и ударил ножом в живот. Готф охнул и сел на землю.

— Бей! — заревел Дунда, ударом кулака сбивая с ног другого готфа, который тут же исчез под ногами разъяренной толпы. Мало кто из людей конунга успел обнажить оружие, почти все они умерли, не успев понять, что происходит. Только двое воинов, успев встать спиной к спине, дорого продали свою жизнь, и убили многих, пока кто-то не догадался застрелить их из лука.

Но как бы то ни было, дело было кончено. От пышной свиты готфского конунга осталась груда окровавленных тел в пёстрых лохмотьях.

Хадир обтёр лезвие меча о конскую гриву и убрал его в ножны. — Люди народа Будж! Богиня южного ветра указала нам путь, по которому мы сделали сегодня первый шаг. На север! Возьмём у готфов то, что должно принадлежать нам. Согласны ли вы со мной? Пойдёте ли вы за мной?

Толпа отозвалась единодушным криком, а когда он смолк, Хадир повернулся к унскому послу, который, потрясенный увиденным, всё еще оставался на прежнем месте. — Тебе и твоим людям дадут свежих лошадей и еды на дорогу. Уезжай. Если ты застанешь своего царя, или того, кто занял его место, в живых, скажи, что послов к нам больше присылать не надо. Но если, кто-нибудь из унских витязей захочет вступить в моё войско, то он встретит добрый приём. Буджи не помнят зла.

Посол молча поворотил коня.

Глава пятая

Сотник Воробей лежал в густой траве и смотрел в синее небо. Судя по его задумчивому лицу, могло показаться, что голова сотника полна мудрых мыслей, что он не просто так отлеживает тут бока, а, к примеру, размышляет о намерениях народа Будж, крики которого, то утихая, то снова усиливаясь, доносились со стороны Аланова поля. Но ни о чем таком Воробей не думал, он просто считал проплывающие над ним на север белоснежные облака, да и то не каждое, и готов был вот-вот смежить веки и погрузиться в сон.

Его помощник Ясь так не мог. Большой совет у буджакков — дело серьезное. Давно его не созывали, а если созвали, то — быть войне. И Ясь слушал и слушал, пытаясь по звукам, доносящимся с поля, понять, что там происходит. Порубежники, которых сотник с утра заставил облачиться в доспехи, маялись, как и их кони, оседланные по приказу того же Воробья. Готфы, оставленные Корушкой, чтобы охранять шатры и прочее добро, посмеивались, глядя, как венеты бродят сонными мухами, обливаясь потом в своих кольчугах.

Воробей совсем уж заснул, но тут зашуршала трава под чьими-то ногами, он снова открыл глаза и увидел перед собой десятника Байду. Байда, по матери — буджак, ходил на Аланово поле, послушать, какие речи там будут звучать, и должен был вернуться не раньше, чем совет закончится. А раз он вернулся раньше, значит, узнал что-то важное, не терпящее отлагательства.

Воробей быстро сел и протёр глаза. — Ну, чего там? Советуются?

— Советуются аж брызги летят. Хадир зарубил Корушку. Так что теперь ты тут один рыжий остался. Ну, прямо скажу, помер конунг дурачки. Готфов же, что с ним случились, буджаки посекали до единого.

— Куда пойдут?

— Пойдут на север. Однако, еще ночью послано три тысячи всадников на юг, к морю, брать Кадистрию. Наверно, возьмут.

— Широко мыслит Хадир. А Кадистрию они возьмут. Кадистрию взять легко. Удержать трудно.

— Уходить бы нам, Воробей.

— Поздно. Вчера надо было уходить. Или — край, ночью. Теперь — стой, не падай.

Сотник был прав, уходить было поздно. С двух сторон, от города и с поля шли на рысях большие отряды конницы, охватывая стан готфов.

— Ясь, слышал?

— Не глухой, — ответил Ясь, поднимаясь на ноги. — Готфов бы предупредить.

— И это поздно. Сейчас их крошить почнут.

Топот множества копыт с каждым мигмом становился всё громче. Всадники, идущие со стороны поля, не доходя до места, рассыпались, и скоро уже всюду, куда ни глянь, на расстоянии менее чем в полполёта стрелы, маячили конные, словно загонщики на степной охоте. Те же, которые шли из города, так и двигались по дороге, никуда не сворачивая. У самых шатров Корушки несколько копейщиков, несших стражу, заступили им путь. Засверкали клинки, пронзительно заржала раненая лошадь, и с часовыми было покончено. Их соплеменники, в одних рубахах сидящие вокруг костров или спящие в своих палатках, до

последней минуты не чая худого, едва успели схватиться за оружие. Резня закипела по всему лагерю. Нескольким его обитателям посчастливилось вырваться. Они бежали туда, где люди Воробья с лихорадочной быстротой ворочали повозки, составляя их в круг.

Но степняки не спешили нападать. Кружили, словно примериваясь, целились из луков, пугая. Самые дерзкие разлетались вдруг на горячих конях до самых телег, но, встретив наставленные в лицо острия пик, отскакивали.

Неравенство сил было слишком очевидным, и сомнений в исходе предстоящего боя ни у кого не возникало. Воробей, еще на что-то надеясь, запретил своим начинать первыми, и им оставалось только крутить головами, следя, как вокруг, словно хлопья черного снега, с воем и свистом проносятся всадники, число которых прибывало с каждой минутой.

И вдруг всё кончилось. Буджаки отхлынули, оставив после себя полосу вытоптанной и смешанной с вырванной травой земли, загустевшие ряды их застыли невдалеке, и вперёд выехал невысокий плотный человек в богатой одежде. Воробей вытер потный лоб, перелез через повозку и встал перед ней, заложив ладони за пояс.

— Эй, Воробей, здравствуй. Орудж говорит.

— Оруджу доброго здравия. Слушаю тебя.

— Хадир велел передать, что с венетами у него вражды нет. Тебе и людям твоим — свободный выход. Ты же скажи царю Атаульфу, что конунг Корушка искал его короны для себя, и домогался нашей дружбы, что бы мы помогли ему в этом. А мы ему в этом помогать не стали, и Хадир своею рукой убил Корушку, потому что дружба наша с готфским царём нерушима, а предателям — смерть. Хадир же скоро сам будет к нему с сильным отрядом, чтобы закрепить старую дружбу новым договором и помочь, чем сможет.

— Хорошо. Передай Хадиру, его желание будет исполнено.

— Хорошо. Еще, повозки с поклажею, а также готфов, что у тебя укрылись, отдай.

— Повозки забирай, готфы же останутся со мной. Они должны подтвердить Атаульфу правдивость моих слов. Отведи своих на полёт стрелы, и мы уйдём.

Орудж почесал вислый нос. — Воробей, для торга сейчас не самое лучшее время. Впрочем, плевать на готфов. Нам от этих недобитков корысть невелика. Забирай.

— Ну, благодарствую.

— Добрый я нынче, вот что. Один, наверно, такой остался, от моря до моря.

Воробей смотрел вслед Оруджу, пока алый плащ тысячника не затерялся среди темных курток и рубах простых наездников, которые вскоре после этого с явной неохотой подались еще на пару десятков шагов назад.

— По коням!

— Орудж шутки шутит, что ли? — злобно спросил Ясь, садясь в седло. — Скажи ему, пусть дальше отойдут.

— Отойдут они... Жди. Но — без разницы. Если Орудж не соврал, то им то и надо, чтоб нам до Атаульфа добраться невредимо. Чтоб поведали ему про измену Корушки всю как есть. Царь и без того головой не крепок, а от таких вестей и вовсе ополоумеет. Не будет знать, за что хвататься. А советники у него один умней другого, потому пойдёт у готфов разброд и шатание, тут их и накроют лукошком. Ясно?

— Ясней некуда. А нам тут что?

— А то, что пока они будут хомутом перекидываться, голову из него успеть вытащить да ноги унести. А там пусть режутся всласть.

В это время от рядов буджаков отделился всадник и подскакал к Воробью, размахивая

сорванным с головы малахаем и крича еще издали. — Полею вам не пройти! Орудж велел идти через город. А мне с вами быть до белых камней, что б в дороге худа не было.

— А зовут тебя как, молодец?

— Алдар, сын Ермея, сына Атулгана, сына Борака, сына Ермея тож, сына Ермея же сына Олоти...

— Достаточно, — прервал Воробей. — Вот, смотри, Ясь. Человек тридцать шесть колен своих предков помнит. Такой один нигде не останется. Везде с ним будут Ермей, Атулган, Борак ещё этот, прах его разбери, и прочие...Целое войско. А тебя, к примеру, спросить, кого назовёшь?

— А это смотря, кто спросит, — Ясь хлопнул ладонью по рукояти меча. — Иному и отвечать зазорно.

— Да, — громко сказал кто-то сзади. — Такой народ. Буджак-от — не то что свою, а и каждого своего барана родословную помнит до тридцать шестого колена. Да и то сказать, разница невелика.

Уши проводника порозовели, и он сказал, не оборачиваясь. — Представь, Воробей, что я сейчас по своей молодости и неопытности приду в ярость и брошусь на обидчика. А земляки мои, которые и без того на вас неласково посматривают, видя такое дело, в стороне не останутся. Что тут будет? Хорошо ли это будет?

— Это будет не хорошо, Алдар сын Ермея, — вынужден был признать Воробей и, обернувшись к своим, сказал. — Если у кого язык сильно длинный, то лучше его бы подобрать. Не ровён час — оттопчут, — затем посмотрел на проводника и предрёк. — Быть тебе у Хадира тысячником, если, конечно, раньше не убьют.

Буджак присвистнул и поехал вперёд.

Десятник Байда засмеялся и крикнул. — Ходу, ребята. Да гляди веселей. Грустным нынче бошки рубят.

* * *

Двери аудитории распахнулись и Саня, уже шагнув вперед, сообразил, что пришёл он сюда зря.

Во-первых, курс по истории Древнего Востока был пройден в первый год обучения. Во-вторых, Клеопатра Нерсесовна, которая эту самую древневосточную историю преподавала, была так же красива и кровожадна, как её знаменитая тёзка. Потому и экзамен Сане удалось сдать только с четвертого захода. С тех пор прошло два года и царство Урарту вместе с египетскими фараонами успели вновь благополучно погрузиться во тьму веков, не оставив по себе приятных воспоминаний.

И, следовательно, делать здесь, в этой аудитории, Сане было абсолютно нечего.

С этой мыслью он сделал еще пару шагов и остановился, шурясь после коридорного полумрака.

— А, старый знакомый, — певучий голос Клеопатры Нерсесовны ледяным эхом бывшего страха отозвался в Саниной груди, между тем, как её миндалевидные глаза смотрели на Саню с симпатией и с таким живым интересом, что он, заподозрив какой-то непорядок в своем костюме, машинально опустил взгляд. Увиденное его удивило и наполнило какой-то экзистенциальной тоской. Никакого костюма не было, то есть, настолько не было, что даже

прикрыть наготу было нечем, кроме, естественно, зажатой в руке зачетки.

Тут Саня понял, почему по дороге в университет он как-то особо отчетливо ощущал каждый порыв ветерка, и почему утро показалось ему непривычно свежим. Но, делать нечего. Он расправил плечи, глубоко вздохнул и, прикрывшись зачеткой на манер фигового листка, шагнул к столу.

— Давай зачетную книжку, — Клеопатра Нерсесовна протянула руку. Тихонько зазвенели серебряные браслеты, обвивавшие изящное смуглое запястье.

Саня еще раз вздохнул, в такой ситуации ему меньше всего хотелось отдавать зачетку.

— Ну, в чем дело? — улыбнулась преподаватель, отчего на её щеках заиграли ямочки — Смелее, Тимофеев.

Но Саня стоял недвижно, словно обратившись в соляной столб.

— Да что это с тобой такое? — удивленно спросила Клеопатра Нерсесовна и, встав со стула, звонко цокая каблучками, обошла большой полированный стол, за которым сидела, и приблизилась к Сане. Её горячая ладонь легла на Санино плечо, чуть сжав его, он почувствовал холодок обручального кольца. — Положи зачетку на стол.

Саня положил зачетку и опустил руки по швам.

— Давно бы так, — с облегчением произнесла Клеопатра Нерсесовна, посмотрела Сане прямо в глаза коротким взглядом, встретив который Саня словно заглянул в глубокий колодец, на дне которого завораживающе струился потаенный свет дневных звезд, и опустила взгляд ниже. Сане стало жутко неудобно за то, что она там увидит, он с печальной покорностью, словно пойманный за чем-то стыдным школьник, отвел глаза в сторону.

Просторную аудиторию сквозь высокие, во всю стену, окна, заливало весеннее солнце, в горячих лучах которого плавали пылинки, за дальним столом скорчился незнакомый студент, судя по затравленному виду, первокурсник, лихорадочно списывая с учебника, с наивной наглостью развернув его у себя на коленях.

Клеопатру Нерсесовну увиденное не смутило, а скорее даже как-то воодушевило. Она погладила Саню по плечу, кончики её пальцев скользнули по его щеке, каким-то неуловимым, очень женским движением она передернула плечами и сарафан, соскользнув вниз, легким цветастым облачком опустился вокруг её точеных лодыжек.

Тут обнаружили интересные вещи, кроме сарафана, на Клеопатре Нерсесовне больше ничего не оказалось, а её нагое тело отличалось скульптурной завершенностью форм. Само же происшествие выглядело чем-то вроде церемонии открытия памятника богине любви, с учетом специфики, скорее Ишгар, чем Венере. Правда, зритель был всего один, но чувств, которые он при этом испытал, с лихвой хватило бы на целую толпу фанатов. Словно огонь окатил Саню с головы до пят. Во рту мгновенно пересохло, стало слышно, как гулко ухает сердце.

А помраченный рассудок с четкостью испорченного автоответчика разразился подходящей мыслью: Она сняла одежду со своего тела, подобно тому, как снимают перчатку с ладони, протянутой для дружеского рукопожатия.

Клеопатра Нерсесовна стояла на расстоянии вытянутой руки, расставив, словно на занятии по физкультуре, стройные сильные ноги на ширину плеч. Ее голова, под тяжестью узла смоляных волос, была слегка откинута назад, отчего особенно выразительно смотрелись груди, замершие в обманчивой неподвижности. Тяжелые на вид, как пушечные ядра, наполовину занесенные песком Капакабаны, они с бесстыдной доверчивостью предлагали себя взору.

— Очень жарко сегодня, — Клеопатра Нерсесовна провела ладонями по гладким золотистым бокам, словно стараясь их охладить. — Хорошо бы кончить пораньше. Итак, для начала расскажи-ка мне, Тимофеев, о Днепрогэсе.

Словно молния сверкнула во мраке Саниного мозга. При чем тут Днепрогэс? Какой еще Днепрогэс? Не могла Клеопатра Нерсесовна спрашивать ни о каком Днепрогэсе. И тут Сане со всей очевидностью стало ясно, что он всего-навсего видит эротический сон. А эротические сны имеют одну неприятную особенность — обрываться в самый неподходящий момент. Поэтому каждая минута такого сна — на вес золота. Следовало действовать быстро и, главное, постараться не проснуться.

— Сейчас расскажу, — хриплым голосом посулил Саня и обнял преподавателя истории Древнего Востока за гибкую талию, ощутив влажную шелковистость персиковой кожи. — А билетика тянуть будем?

Но Клеопатра Нерсесовна уже сообразила, что теперь с Саней шутки плохи. Облизнув пунцовые губы острым кончиком языка, она грациозно вывернулась из его рук, и бросилась бежать. Саня же, словно фавн, преследующий лесную нимфу, с пылающим взглядом, кинулся следом, громко стуча босыми пятками по паркету. Привлеченный шумом, первокурсник в дальнем конце аудитории испуганно поднял голову, но, сообразив, что шумят не по его душу, снова погрузился в списывание.

Между тем Саня удалось загнать беглянку в узкий закуток между бюстом Фемистокла и старинным книжным шкафом работы неизвестных румынских мастеров. Он уже совсем, если можно так сказать, припер разгоряченную бегом Клеопатру Нерсесовну к стенке, шаря по её податливому, покорному его жадным ладоням, телу, но тут его грубо и безжалостно рванули за плечо.

* * *

— Саня, черт такой, да проснись же.

После нескольких попыток Саня наконец открыл мутные глаза. И волна жестокого, рассол пополам с песком, разочарования накрыла его. Вместо прекрасного лица Клопатры Нерсесовны, на него смотрела порядком надоевшая физиономия Митьки, школьного приятеля, и по совместительству, товарища по несчастью.

Солнце еще не встало. Костер давно прогорел и потух. По лесу тяжело перекатывались холодные волны утреннего тумана. Ныл исколотый еловыми иголками бок, и страшно хотелось спать.

— Встаем, что ли?

— Да нет. Орешь громко, всех медведей перебудуишь.

Рядом заворочалась фигура, с головой закутанная в черное пальто, и сиплый голос произнес.

— Барышня ему снилась, не иначе. Хорошая барышня. Потому и орал, как кот мартовский. Ничего, день, два, и все как рукой снимет. Голод он не очень располагает. А пока, спим дальше.

Саня перевернулся на другой бок, надвинул на глаза шапку и, подняв повыше воротник куртки, закрыл глаза.

И в голове его, как в окне уходящего поезда, сменяя друг друга, поплыли события

последних дней, приведшие его, Александра Тимофеева, еще вчера вольного жителя губернского центра, студента третьего курса истфака Хлынского Государственного Университета имени Вильгельма Кюхельбекера, сюда, на край какого-то болота, в страну неизвестную.

Глава шестая

Сказать, что Саня Тимофеев и Дмитрий Акимушкин дружили со школьной скамьи, значило бы сказать неправду. Нет, особой дружбы между ними никогда не наблюдалось, обычные приятельские отношения, подразумевающие безболезненное расставание и забвение на долгие годы.

Сразу после школы Саня поступил в университет и уже перешел на третий курс, когда Акимушкин, который никуда поступать даже и не пытался, считая это напрасной тратой сил и здоровья, вернулся из армии.

Надо признаться, что Саша не узнал в коротко стриженном детине одноклассника. Митька сам окликнул его.

— Ну, ты здоров стал, — сказал Саня после первых приветствий.

— Станешь тут, — неопределенно ответил Митька. В отличие от большинства недавних дембелей, от разговоров о своей службе он уклонялся, всякий раз переводя беседу на школьные воспоминания.

У Сани, для которого школьные годы были отодвинуты на задворки памяти впечатлениями студенческой жизни, было такое чувство, что так сильно изменившийся внешне, Акимушкин словно законсервировал в себе то состояние души, с которым он уходил в армию. Впрочем, разговор был не лишен приятности, и было решено продолжить его где-нибудь под крышей, с учетом того, что начиналась метель, и стоять посередине темной, пустой улицы, заметаемой колючим снегом, становилось неуютно, а расставаться вроде как еще не хотелось.

Так получилось, что дорожки Сани и Митьки, живших в центре города, в двух шагах друг от друга, пересеклись в этом окраинном, малознакомом районе, в котором каждый из них бывал, хорошо, если раз в пять лет. Поэтому долго думать не пришлось и, увидев светящуюся неонов вывеску кафе * У Витрувия*, не сговариваясь, направились туда. Возле стеклянных дверей заведения, зябко ежась в худых кожаных курточках под порывами ледяного ветра, наскоро перекуривали две девицы, молодость и миловидность которых бросалась в глаза, даже не смотря на скудное освещение и грим, нанесенный на их лица беспощадной рукой.

— Привет, девчонки, — доброжелательно сказал Саня, берясь за ручку двери.

Девы, словно только и ждали доброго слова, разом прыснули, и одна из них произнесла жеманно.

— Привет, мальчонки.

— Кто такой Витрувий? — располагаясь за низким столиком, втиснутым между окном и стойкой, поинтересовался Митька.

— Витрувий — древнеримский архитектор, — пояснил Саня, хотя, вообще-то, латинские имена, все эти Семпронии, Фульвии и прочие, по слабому знанию предмета не задерживались в его памяти.

Места у Витрувия хватало только на два столика, да у стойки стояло несколько высоких трехногих табуреток, на случай наплыва клиентов. Но, клиент пока что был только один. Крупный мужик в черном, заляпанном грязью по низу, пальто с поднятым воротником, мешковато сидел за соседним столиком, едва не касаясь коленями Митькиного стула.

— Столик занят. Девочки на минуту отошли, — предупредила хозяйка заведения,

знойная красавица, чьё присутствие за стойкой создавало в скромной забегаловке романтическую и слегка порочную атмосферу, скорее уместную в какой-нибудь средиземноморской таверне.

Действительно, на столике стояли две чашечки с недопитым кофе и надгрызенный коржик, принадлежавшие, надо полагать, курящим на крыльце девицам.

— Ясно, — сказал Митька. — Ну, с девочками мы попробуем договориться.

— А чего ж, — безразлично произнесла хозяйка. — Попробуйте.

Договориться оказалось нетрудно.

Предложенный компромисс, девочки пускают мальчиков за свой столик, а мальчики в качестве арендной платы выставляют угощение, всех устроил. И через минуту столик, словно на нем развернулась самопальная скатерть-самобранка, заставился бутылками вина и холодными закусками, а из казенной микроволновки потянуло густым ароматом жареной курицы.

Саню всегда удивляло, как немного денег нужно человеку, нет, не для счастья, конечно. Всего лишь чтобы приятно провести вечер в хорошей компании. Три-четыре тысячи деревянных за всё про всё. Но еще более удивительным и загадочным было постоянное отсутствие этой суммы, хроническое и фатальное. То есть, деньги-то у Сани время от времени появлялись, но им всегда находилось более важное применение. Поэтому он решил для себя, если вдруг что — от богатства не бегать. Но решение повисло в воздухе, так как никакое богатство за бедным студентом похоже гоняться не собиралось. Впрочем, все эти рассуждения носили отвлеченный характер, праздничное мероприятие оплачивал зажиточный Митька.

За окнами кафе стояла мгла. И лишь снежные струи хлестали по стеклам, создавая иллюзию отрезанности от всего мира. Успевшие порядком подмерзнуть, участники импровизированного пиршества, оказавшись в тепле, первым делом принялись утолять внезапно вспыхнувший голод. Наскоро знакомились, одновременно чокаясь бокалами и закусывая, так что к моменту появления на столе жареной курицы, про незнакомок ничего не было известно, кроме того, что зовут их Вера и Даша, и что одна работает медсестрой, а вторая учится в педучилище. Не более того успели поведать о себе и Саня с Митькой, но, тем не менее, за их столиком прочно утвердился дух дружеской приязни и расположенности друг к другу.

Такое бывает, когда люди с первого взгляда понравятся друг другу, кстати, это же бывает часто и препятствием к возникновению более глубоких чувств. Человек, утоливший жажду из ручья, вряд ли озаботится рытьем колодца.

Впрочем, молодость, как известно, из крох информации способна выкладывать чудесные узоры.

И через каких-нибудь полчаса Саня, случайно обратив внимание на свою левую руку, заметил, что обвивает ею стройный стан хохотушки Веры, при чем, как-то так естественно и непринужденно, по-семейному.

Пока Саня размышлял об этом природном феномене, Вера, оборвав смех, вызванный очередной шуткой Митьки, медленно повернула голову и взглянула Сане в глаза тем взглядом, от которого, как говорили в старину, кровь стынет в жилах, столь неодолимо действует заключенная в нем сила. Бокал, зажатый в правой руке, казалось, налился свинцом, но ни одна черточка в Санином лице не дрогнула, когда он, подняв его,

провозгласил тост за любовь. Благоклонный кивок красавицы был ему наградой.

Между тем, Митька после двух бокалов вина впал в философское настроение. Он принялся с удивительным знанием предмета рассуждать о том, как сложились судьбы их общих знакомых за эти два года. В его рассуждениях явственно проступало стремление упорядочить пеструю мешанину имен и фактов, отчего повествование приобрело былинную напевность.

— Веретенникова и Жолудь поженились почти сразу после выпускного, — вещал он, видимо уверенный, что рассказ о злключениях второгодника Матвея Жолудя и глупой балерины Катьки Веретенниковой, способен тронуть сердце любого слушателя...

— Жолудя-то жалко, — Саня с трудом воскресил в памяти надменное, всегда словно набыченное, личико школьной балерины, с пучком волос на затылке, затянутым по балетной моде так туго, что и без того большие глаза казались выпуклыми, как у стрекозы. Чуть ли не с первого класса Катька занималась в какой-то художественной артели, скакала там народные танцы, и было понятно, что ничего другое её не интересует. Словно спящая царевна, она пробуждалась только с первым ударом по клавишам расстроенного школьного рояля, что бы исполнить огневой танец нанайской девочки или свою коронную Пляску козочки веселой на очередном праздничном вечере, которые, как известно, в школе бывают не часто. С последним же аккордом Катькины глаза снова стекленели, руки падали вдоль туловища, и она погружалась в спячку, до следующего мероприятия.

Больше вспомнить о ней было нечего.

Каким образом удалось разбудить Катьку ленивому, добродушному Жолудю, и главное, зачем ему это было нужно, Саня даже и не пытался понять.

Но Митька оказывается знал разгадку и этой тайны.

— Жолудь и Веретенникова ошиблись в друг друга, — пластмассовая вилка выписывала затейливый вензель в воздухе, словно иллюстрируя запутанность ситуации. — Жолудю нужна была женщина, но только как сексуальный партнер. Безотказный типа биоробот, — Лоб сказителя морщился, и глаза даже как будто сходились к переносице от напряженной работы мысли, — потому что уложить женщину в постель, это какая никакая работа. А работать Жолудь не любил.

— Не любил, да. И еще как не любил, — припомнил Саня.

— Они совершили ошибку. Вернее, каждый из них совершил свою ошибку, при чем практически одновременно.

— К загсу разными дорогами пошли? — неловко предположил Саня, опыт которого по части совершения ошибок в отношении женского пола был велик и многообразен.

— Хуже. Ошиблись друг в друге. Даже не так, — Митька ткнул в пространство перед собой вилкой, словно рассчитывая наколоть на неё нужное слово.

— Ты не парься, Митя. Говори, как есть.

— Жолудь был пацан ленивый...

— Он что умер? — вдруг испугался Саня.

— Сплюнь! Позавчера был жив. С его слов рассказываю.

Саня напряг воображение, пытаясь представить, как Жолудь выкладывает Митьке интимные подробности своей неудавшейся семейной жизни. — В таких делах, семейных, вообще-то, полезно выслушивать обе стороны, для получения объективной картины.

— Выслушал. Позвонил Веретенниковой, она мне, конечно, изложила свою версию.

— Не верю, — действительно, трудно было поверить, что нелюдима Катька

Веретенникова, вдруг стала откровенничать с чужим, в сущности, человеком, только потому, что когда-то училась с ним в одном классе.

— Люди любят про себя рассказывать. Только надо уметь слушать.

Это была интересная мысль. Вот Саня, наверное, слушать не умел, люди не часто рассказывали ему про себя. Даже можно сказать, никогда не рассказывали. — Так что там с ошибкой?

— С ошибкой?

— Ну, да, сам же говоришь, ошиблись друг в друге.

Чужая страсть заразительна. С чего Акимушкин так переживал за полузабытых одноклассников, было совершенно не понятно. Может быть, контузило его на армейской службе, а может быть от выпитого слегка съехала крыша, но факт налицо. Говорил он с неподдельным чувством, и казалось, что ещё чуть-чуть и посреди кафе материализуются герои его рассказа, патологически ленивый сын состоятельных родителей Жолудь, обуреваемый всепобеждающей похотью, и бедная Веретенникова, которая, выходя замуж, рассчитывала поправить своё материальное положение. Саня, грешным делом, поначалу побаивался, что девушки не досидят до конца этого маразматического эпоса. Но они стойко выдержали нелегкое испытание, своим вниманием воодушевляя акына, который, наконец, финишировал на высокой ноте.

— Увы. Им не пришлось насладиться семейным счастьем. Прошло всего лишь несколько месяцев после свадьбы, и отец Жолудя разорился. А, между тем, выяснилось, что Веретенникова способна испытывать сексуальное влечение, только если в доме достаток. Таким образом, ленивый и похотливый Жолудь остался с фригидной, в силу обстоятельств, Веретенниковой, а у домовитой Веретенниковой на руках оказался нищий Жолудь.

Митька откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди, отчего заметным сделалось его отдаленное сходство с Наполеоном, если бы тот подрос на полметра. При этом движении он с некоторым недоумением обнаружил, что за время его рассказа вторая девушка, серьезная Даша, каким-то загадочным образом передислоцировалась со своего стула на его колени, вероятно чтоб лучше слышать.

— Ну, и как им теперь жить?

— Да проживут как-нибудь. Вот, Митька, не понимаю, тебе-то, что за печаль? — кому Саня по-настоящему сочувствовал, так это Даше, которая, кажется, своим чутким женским сердцем определила, что в жизни Акимушкина произошла какая-то жизненная трагедия. И теперь утешала его по мере возможностей, дула в ухо и целовала в нос. Но того не ведала, что при всей своей внешней угрюмости, Митька еще в школе считался личностью сугубо положительной. Уже тогда было ясно, что, в плане личной жизни, этот человек на мелочи размениваться не будет, с тем, чтоб обрушить всю мощь своей нерастроченной натуры на девушку, которую он когда-нибудь сочтет своей избранницей. Этой девушке можно было завидовать и соболезовать одновременно. Впереди её ожидало, как минимум, несколько лет напряженной жизни с этим хорошим человеком. Потому что, в случае чего, так просто от него было не избавиться.

Даша, сидящая сейчас у него на коленях и обнимавшая его одной рукой за бычью шею, а другой держащая бокал с вином, несмотря на то, что выглядела девушкой серьезной, на роль Митькиной избранницы, по мнению Сани, все же не подходила. Чего-то ей не хватало, возможно, третьей руки, чтоб утирать, например, невидимые миру Митькины слёзы. Но додумать до конца эту мысль Саня не успел, так как пришла пора пить на брудершафт. Он

взглянул на Веру, снова, как селезень на заряд картечи, нарвался на встречный взгляд, и их уста слились в упоительном поцелуе. Только тут до Сани дошел смысл этого старинного слова — упоительный. Действительно, когда он с трудом оторвался от губ Веры, то был как пьяный, голова кружилась и каждая жилка вибрировала, требуя немедленного и прямого действия. Желая как-то притормозить ход событий, чтоб не натворить прямо сейчас глупостей, Саня постарался отвлечься, и стал рассматривать мужика в черном пальто, сидевшего за соседним столиком. Занятие это оказалось неожиданно интересным.

Сгорбившись в своем мешковатом черном пальто, грузный незнакомец напоминал каменную глыбу. Сходство усугублялось тем, что он фактически не подавал никаких признаков жизни, если не считать механических движений его правой руки. Она время от времени приходила в движение, затем чтобы налить из стеклянного графинчика, похожего на химическую колбу, очередные пятьдесят граммов водки в стеклянную же стопку и по короткой траектории отправить её содержимое в рот.

Только такой вдумчивый и внимательный наблюдатель, как Саня, мог заметить, что при этом между незнакомцем и хозяйкой заведения происходит безмолвный, но весьма красноречивый диалог. Тяжелый, рассеянный мужской взгляд, оторвавшись от созерцания столешницы, и бездумно скользнув по оконному стеклу, рядом разнокалиберных бутылок и стопкам пакетиков с малосъедобной закуской, неизменно упирался в стоящую за стойкой женщину.

Та же, словно только этого и ждала, широко распахивала густо покрашенные ресницы и еле заметно усмехалась краешком полных губ. Затем вздыхала так глубоко, что словно подхваченные нутряным теплом, идущим из горячих глубин её души, приподнимались над кружевной пеной декольте округлости объемистых грудей. Взгляд незнакомца на мгновение теплел, в его стянутом резкими морщинами лице появлялось что-то козлиное, он хмыкал невнятным хмыком и снова опускал глаза. На лице женщины мелькало удовлетворение произведенным эффектом и оно снова окаменевало. Этот аттракцион повторялся примерно раз в три-четыре минуты.

Саня так увлекся этим зрелищем, что пропустил добрую половину Митькиных рассуждений и услышал только заключительную фразу. — У них там сложно. Очень сложно, Саня.

— Между мужчиной и женщиной всегда все очень сложно, — внезапно подал голос незнакомец.

Митька, будто только того и ждал, живо повернулся к говорившему, очевидно намереваясь сказать какую-то колкость, но ничего не сказал, а только горестно кивнул головой и замер, глядя перед собой прямо в пушистый Дашин затылок скорбными глазами.

— Бедненький, — пропела Даша, и почесала Митькин загривок, словно Марья-царевна верхом на сером волке.

Саня улыбнулся, на всякий случай, если вдруг чего-нибудь не понял по простоте душевной, и спросил, из чистой вежливости, чтобы поддержать разговор.

— Чего ж сложного, дядя?

— Всего, племянничек, — веско ответил мужик. — Только вам об этом думать не надо, а то так и будете перебирать лапками на пороге счастья, как та сороконожка. Вот как мы, — мужик подмигнул крутобедрой хозяйке, показывая, что оценил её игру и настаивает на продолжении шоу. Женщина томно потянулась, и снова уперлась кулаками в поверхность стойки.

— Эх! — не замедлил отреагировать мужик и продолжил. — А ваше дело молодое, бездумное, главное — быстрота движений. Это, паренек, как по воде ходить. Остановился — утоп...

— А не остановился?

— А не остановишься, конечно, тоже утопнешь, — не утаил горькой правды мужик, — но пару шагов выгадаешь, за счет этой самой скорости. Будет хоть о чем вспомнить.

Больше он ничего сказать не успел, потому что хлипкая дверь кафе с треском распахнулась, и внутрь ввалились трое суровых гопников, грубо разрушив очарование этого зимнего вечера. Видно было, что они как раз находятся в том замечательном состоянии, когда выпито уже достаточно, чтоб затуманить интеллект, между тем, как дурная энергия, напротив, только разыгралась и настоятельно требует выхода. В общем, настроены они были по-боевому и разговаривали между собой напористо и громко, как в лесу. Речи их были просты и сами себе ребята чертовски нравились в этом пограничном между сном и явью состоянии.

Проблема же была в том, что им хотелось, чтоб этот восторг разделяли и окружающие.

Один из них сразу прилип к прилавку и вступил в оживленную беседу с хозяйкой заведения. Несмотря на то, что они называли друг друга по имени и, вообще, похоже, были довольно близко знакомы, особого восторга женщина не выказала, дежурная улыбка, застывшая на её лице, не была способна скрыть сковавшее его досадливое напряжение.

А двое других, потолкавшись на узком пятачке перед дверью, вдруг, разом, словно по команде, придвинулись, чуть не опрокинув столик своими молодыми телами. Саня едва успел подхватить падающую бутылку.

— Здорово, Дашка, — молодецки гаркнул один из них, с круглыми, белесоватыми глазами на лице, упитанном той свежей упитанностью, которая бывает у людей лишь недавно начавших есть досыта.

— Какая я тебе Дашка? — смело ответила девушка, на всякий случай сползая с Митькиных колен и перебираясь обратно на свой стул, что свидетельствовало об определенном жизненном опыте.

— Действительно, молодой человек, — не поднимая головы, сказал Митька. — Вы уж повежливей как-нибудь, — и тут же получил от белоглазого легкую, почти дружескую, затрещину.

В животе у Сани похолодело, драться он не любил и не умел, но эта нелюбовь была ничто по сравнению с тем отвращением, который у него в таких случаях вызывал собственный страх. При чем последовательность ощущений никогда не менялась, сначала страх, потом отвращение к нему.

И, главная пакость, время, вместо того чтобы пролететь стрелой, вдруг тормозило, от чего происшедшая неприятность становилась особенно зримой, во всех своих неприглядных подробностях.

Парень, давший затрещину, как будто зная о внутренней борьбе, происходящей внутри Сани, смотрел на него с тупой, победительной улыбкой. Митька же, словно не считая случившиеся чем-то заслуживающим внимания, сидел в прежней позе.

Его напарник, который по началу несколько неодобрительно и даже, с каким-то испугом воспринял выходку своего товарища, видя, что никакой реакции на неё не последовало, приободрился и сказал молодецким голосом. — Дашка, Машка, нам без

разницы. Да, Серый?

Но Серого уже не было рядом. Серый уже летел, и улетел бы, бог знает куда, кабы не прилавок. И, странная вещь, хлипкое сооружение выдержало, а Серый, стукнувшись об него всей спиной, упал без чувств. Угрюмый мужик одобрительно хмыкнул и в кафе *У Витрувия* наступила тишина... Хозяйке заведения, что бы лучше рассмотреть подробности, пришлось перегнуться через прилавок, так что ракурс, в котором предстало её перед участниками события её декольте, внес в эту, в общем-то, печальную картину жизнеутверждающую раблезианскую ноту.

Хозяйка же первой и нарушила молчание. — Господи, кто ж это его так?

— Может, поскользнулся? — предположил Акимушкин, так и продолжавший сидеть с опущенной головой.

— Похоже на то, — быстрота перехода из разряда потенциальных потерпевших в разряд грозных победителей привела Саню в состояние близкое к эйфории. Брови его сурово нахмурились, ноздри презрительно раздулись, а тяжелый, не обещающий ничего хорошего, взгляд уперся в лицо второго наглеца, который уже не улыбался, а стоял дурак дураком, и по его нарочито отсутствующему виду было понятно, что больше всего он сейчас желал бы стать невидимым.

— Пошёл отсюда!

Паренек, будто только и ждал этих слов, как по мановению ока перенесся к стойке, где присоединился к уцелевшему своему товарищу. А тот, на полуслове прервав беседу с хозяйкой, задумчиво посматривая то на лежащего Серого, то на сидящего Митьку, видимо, прозревая между ними какую-то мистическую связь.

— Чего смотришь? — грозно спросил Саня, чувствуя себя несокрушимым бойцом, который в огне горит и в воде не тонет. — Иль по роже захотел?

Но тут нашла коса на камень. Гопник, кстати сказать, самый здоровый из всей троицы, не обратил на заданный ему риторический вопрос ни малейшего внимания. И, вообще, сохранял полное спокойствие. Он с брезгливым недоумением взглянул на жавшегося к нему пугливого парнишку.

— Ты чего?

— Гена, так ведь... — с некоторым даже упреком за невмешательство произнёс парнишка, кивком головы указывая на обидчиков.

— За пацанами скачи, козлёнок, — тоном человека, притерпевшегося к людскому скудоумию, ответил Гена.

Это Сане не понравилось. От этого у Сани настроение снова стало портиться. Получалось, что неизвестные пацаны, за которыми предлагалось скакать робкому козлёнку, находятся где-то совсем неподалеку и могут подтянуться на место происшествия в считанные минуты.

Паренёк, боком, задрав, как краб, клешни протиснулся между столиков, и буквально выбросился из кафе.

Пошли, Митька, — сказал Саня, стараясь не выдать предательского, до дрожи в коленках, волнения, охватившего его с новой силой. Теперь он больше всего боялся, что Митька забычит и возжелает продолжения банкета. Но Митька молча кивнул и встал из-за стола.

— Девчата, с нами?

Растрепанные девушки, с неприязнью поглядывая на возмутителей спокойствия, стали

молча собираться.

— Куда? — удивился Гена и достал нож. В другом месте, в другое время, этот нож не произвёл бы на Саню никакого впечатления, обычный складень, с пятнадцатисантиметровым лезвием, разрешенным по закону. Но сейчас, увидя острие этого лезвия в опасной близости от своего живота, а главное, вдруг свято уверовав, что рука, держащая этот нож, в случае чего не дрогнет, Саня обмер.

К счастью, Митька, дернув за плечо, заставил Саню сделать шаг назад, и встал на его место.

Хозяйка заведения нерешительно крутила в руках мобильник. Саня почувствовал, что у его ног что-то завозилось. Это пытался подняться Серый, о котором все забыли. Теперь он пришел в себя, но не совсем. И пока что, с утробным рычанием, как дикий зверь, ворочался на полу.

Гена сделал ложный выпад своим клинком. Но вместо Акимушкина дернулся Саня, хотя и находился на безопасном расстоянии.

— Итак, вечер безнадежно испорчен, — прокомментировал происходящее мужик в черном пальто. Вытер губы салфеткой и, кинув её в пластмассовую урну, тоже встал из-за стола.

— Стой, где стоишь, — посоветовал Гена.

— Гена, не дури, — сказала хозяйка.

— Это еще не дурость. Главная дурость только начинается, — грозно пообещал Гена. И оказался в некотором роде прав, потому что в следующее мгновение мужик в черном пальто обрушил на его голову стул. Сидение из кожзаменителя полетело в одну сторону, а стальные ножки — в другую. Гена, схватившись за голову, упал на колени, а затем, добрав кулаком по темени, повалился лицом вниз.

— Вот, хозяйюшка, намусорили мы тут. И стул я сломал, — мужик в черном пальто обмотал шарф вокруг шеи и напялил на голову мохнатую шапку. — А всё одно, жаль, что не пришлось договорить.

— Ах, да Бог с ним со стулом, — грустно ответила хозяйка заведения, окончательно пряча сотовый в карман передника. — Только вам теперь лучше уйти и потом уж не появляться. Эти ребята сюда часто заходят.

— Вы мне телефончик свой дайте. А я вам позвоню. Ну, и что-нибудь придумаем.

Хозяйка, с сомнением на лице, достала из кармашка блокнотик и, вырвав из него страничку, быстро написала телефонный номер.

— Вы нас простите, пожалуйста, — развел руками Саня, считавший, что ни при каких обстоятельствах не следует терять хороших манер. Однако хозяйка его джентльменское поведение не оценила. — Да вам-то не за что извиняться, молодой человек. Ничего такого страшного вы не совершили. Это все дружок ваш, да вот этот товарищ. Ну, их-то я извиняю.

— Спасибо, — густо покраснев, пролепетал Саня, взял Веру под руку и, подталкиваемый Митькой, направился к выходу. Мужик в черном пальто, хмыкнув в очередной раз, последовал за ними.

Галантно отворив перед своей дамой густо запорошенную снегом стеклянную дверь, Саня увидел, что там уже ждут. Вылизанный вьюгой пяточок асфальта у крыльца заведения был заполнен народом, человек восемь-девять, не меньше. И раньше, чем удалось осознать зловещее значение этого сборища, кто-то неразличимый в толпе размахнулся, и сильный удар по челюсти отбросил Саню обратно в кафе, под ноги Митьке и его спутнице. Митька

машинально перешагнул через тело товарища, и в следующий миг удары посыпались уже на него. А он даже защититься как следует не мог. Даша на этот раз сплеховала и повиснув на его руке только мешала. С трудом удерживаясь на ногах, Акимушкин пятился в глубь заведения, отмахиваясь свободной рукой от напиравшей с победными криками местной молодежи.

Но тут таинственный мужик в черном пальто, отодвинув изнемогавшего в неравной борьбе Митьку, снова энергично вмешался в ход событий. После каждого взмаха костистого кулака в узком коридоре становилось на одного человека просторней, и через минуту он совершенно опустел, если не считать сидящего под стенкой полузатоптанного Саню. Победные крики сменились жалобными стонами и ропотом бессильных угроз, а на пяточке перед дверью кафе образовалась груда поверженных тел, над которыми в тягостном недоумении застыли уцелевшие соратники.

Воспользовавшись этим, мужик в черном пальто захлопнул дверь, задвинул засов, и очевидно для психологического давления, перевернул висящую на двери табличку, которая, таким образом, теперь гласила, что заведение закрыто.

Однако победа имела горьковатый привкус, так как было件нятно, что через какое-то время вся эта публика опомнится, и штурм повторится. Выдержать его наличными силами было проблематично, тем более, что у тротуара остановились две потрепанные иномарки, из которых, размахивая бейсбольными битами, полезли решительно настроенные юноши, на ходу выслушивая показания потерпевших и бросая свирепые взгляды в сторону предполагаемого противника. Складывалось впечатление, что шустрый козлёнок поднял на ноги весь околоток.

Милицию надо бы вызывать, — сказал Митька. — Жаль, что у меня мобильного нет.

— А я мобильник дома оставил, — похлопав себя по карманам, сказал мужик в черном пальто.

— И я, — сказал Саня.

— У моего батарейки сели, — сказала Даша.

— А на моём деньги кончились, — сказала Вера.

— Да, — сказал мужик в черном пальто. — Такие разные мы тут все люди, а как все похожи. Раздолбаи, короче, — после чего отправился просить телефон у хозяйки заведения. Но это был напрасный труд. Знойная красавица глядела на главного героя сражения восхищенным взором, однако давать телефон наотрез отказалась. — Ну, подумай, — сказала она, умело обмывая минеральной водой из пластиковой бутылки раны на дурной голове злополучного Гены, лежащей у неё на коленях. — Зачем мне тут милиция? Ребята местные, да и я тут не последний день работаю.

— Меня Иван зовут, — сказал мужик в черном пальто. — Да я тебя, лапушка, понимаю. Но и ты прикинь, что тут дальше будет. Местные эти твои ребята ведь не успокоятся, пока всё тут не разнесут в алмазную пыль.

— Не успокоятся, Ваня, — согласилась знойная красавица, с нежной улыбкой, не соответствующей зловещему смыслу произносимых слов. — Только ничего они тут не разнесут, потому что знают, кто владелец этого кафе. Вот увидишь, он их еще и за сломанный стул проставит. Большой человек.

— И кто же он? — осведомился Иван, непроизвольно приблизившись к собеседнице на такое расстояние, что вопрос этот прозвучал не то что даже интимно, а, можно сказать, почти неприлично.

— А вот тебе, Ваня, этого лучше не знать, — ответила хозяйка и, стряхнув с колен хулиганскую голову, которая с деревянным стуком упала на пол, встала на ноги.

Теперь они стояли, почти прижавшись друг к другу.

— Так что ж нам теперь, пропадать? — тихо спросил Иван, наклоня голову и почти касаясь губами смуглой шеи хозяйки заведения.

— Зачем пропадать? — подаваясь вперед и даже, кажется, привставая на цыпочки, прошептала хозяйка, и Иван ощутил на своем её лице её чистое горячее дыхание. — Через черный ход уходите.

— А те, — Иван мотнул головой в сторону улицы, — про него знают?

— Знают. Только возле дома дорога перерыта, им в обход придётся бежать. Так что минут десять у вас есть.

— Значит, минут десять есть. И где ж тут у нас чёрный ход? — Иван глянул в обморочные глаза женщины, и ему показалось, что она вот-вот упадет. Он придержал её за талию. — Покажешь?

— Все что угодно, — честно ответила красавица и, щелкнув задвижкой, открыла неприметную дверь, ведущую в подсобку.

— Понял, — так, в обнимку, они зашли в узкий, заставленный картонными коробками, коридор.

Здесь Иван придержал дверь и крикнул. — Орлы, уходим огородами!

Митька просветлел лицом и, увлекая за собой Дашу и Веру, протопал через крохотный зал, нырнул в дверь и помчался по коридору, на свет тусклой лампочки, обозначавшей запасной выход.

Иван посторонился, уступая дорогу, для этого ему пришлось еще сильнее прижаться к полногрудой хозяйке, распластавшейся на стене. Просто так расстаться после этого было совершенно невозможно. Треск расстегиваемой молнии и шорох снимаемого белья, смешавшись с тяжелым торопливым дыханием, сплелись в короткую, но выразительную увертюру.

Так что, минутой спустя, Митька, который вспомнил о забытом в кафе приятеле, и бежавший по коридору обратно, еще успел удивиться, зачем мужик в расстегнутом черном пальто раз за разом подсаживает стонущую хозяйку заведения на пожарный стенд, в который она судорожно вцепилась раскинутыми руками, не обращая внимания на то, что подол её платья оказался задран на спину. Осознав свое заблуждение, Митька с галопа перешел на балетный шаг и, словно дуновение майского ветерка, проскользнув мимо не обративших на него никакого внимания безумцев, ворвался в зал.

Контуженный Саня нашёлся перед запертой входной дверью, из-за которой он смело и гордо, словно у бездны мрачной на краю, взирал на беснующихся снаружи гопников, время от времени показывая им средний палец.

— Чисто Бэтман, — похвалил Акимушкин, грубо возвращая Саню в мир жестокой действительности, и в тычки погнал его к запасному выходу. Нападавшие, сообразив, что добыча от них уходит, разразились негодующими воплями и побежали куда-то вбок, вдоль стены дома, явно рассчитывая перехватить врага с той стороны.

— Не успеют, — сказал Митька без особой уверенности в голосе.

Саня, так же как до него и Митька, замер было при виде того, как похожий в своем развевающемся пальто на черного коршуна, сжав в когтистых лапах вырвавшиеся наружу из тесного плена пышные груди своей жертвы, мужик в поте лица своего поддает тазом,

подобно афроамериканскому певцу Майклу Джексону, но, в отличие от того, не на пустом месте.

Митька, заранее предвидя такой оборот событий, пихнул Саню в спину и тот порысил по коридору дальше, оглядываясь и глупо улыбаясь.

Но он был не последним свидетелем бурной сцены. Последним, а вернее сказать, крайним, оказался раненый стулом Гена, который, не успев затихнуть звук вражеских шагов, возник на пороге подсобки, бледный, мокрый и несчастный, как пришелец из загробного мира.

— Ага, — сказал он. — Дианочка. Вот, значит, как. Ну, жаль Александр Петрович не видит.

Поглощенный своим занятием Иван, похоже не услышал этих слов. Оставив груди партнерши вольно подпрыгивать в такт главной теме, он теперь крепко держал её за крутые бедра, словно музыкант Ростропович свою любимую виолончель, наращивая темп и явно приближаясь к финальному аккорду.

Но слух хозяйки оказался более тонким, она обернулась страдальческим лицом и пальчиком поманила Гену. Тот, как зачарованный её взглядом, послушно пошёл на зов.

— Ближе, — прошептала хозяйка.

Гена, как сомнамбула, вытянул вперед дрожащие руки и сделал ещё один шаг вперёд.

Иван, которому все происходящее виделось, как со дна реки, в зеленоватом свете, успел мельком удивиться, зачем в руке его подруги вдруг, откуда ни возьмись, появился настольный калькулятор доперестроечной конструкции. Он даже не успел связать появление калькулятора с возникшей на периферии поля зрения трагической фигурой Гены, потому что как раз в этот момент пик наслаждения был взят. Оргазм придал женской руке нечеловеческую мощь. Калькулятор с громким треском опустился на голову Гены. И Гена упал, на этот раз, без звука, словно колосок, срезанный косой пьяного косаря.

— Настучит боссу, — волнуясь, не за себя, конечно, сказал Иван.

— Скажу, что ему в предсмертном бреде пригрезилось, — ответила прекрасная трактирщица, опускаясь на грешную землю и оправляя платье. — Беги уж.

— Как зовут тебя? — спросил Иван, убегая по коридору.

— Диана.

— Я позвоню.

* * *

Вера и Даша дожидались кавалеров снаружи, у дверей запасного выхода.

— А этот где, терминатор? — спросила Даша.

— Слился в экстазе, — ответил Митька, прислоняя нервно хихикающего Саню к кирпичной стене.

— А, опять Дианка Петровичу рога наставляет, — догадалась Вера. — Ждать его будете? Это может долго быть.

— Будем, — твердо ответил благородный Митька, озирая окрестности. Перед ним расстилался огромный, заметенный снегом, пустырь городского двора, обставленного по периметру хрущевскими пятиэтажками нежно-кремового, насколько позволял заметить льющийся из окон свет, колера. Здесь, в закутке было сравнительно тихо, но на просторе

вьюга уже гуляла во всю, погребая под снегом припаркованные у подъездов машины и торчащие посередине двора жутковатые конструкции детской площадки.

— Ну, ждите, — сказала Вера. — Дождется.

Одну или две бесконечно долгих минуты они стояли, вслушиваясь в каждый звук и надеясь, что шаги не в пору загулявшего спутника раздадутся раньше, чем тяжёлая поступь народных мстителей.

Поэтому светская беседа, которую, борясь с нарастающей в душе паникой, пытался поддерживать Саня, получилась скомканной. Он едва успел пригласить девушек продолжить вечер в каком-нибудь городском культурном центре, типа кафе. А те едва успели отказать, сославшись на то, что развлечений им на сегодня, кажется, хватит. Поэтому они собирались пойти к Дашиной тетке, которая, как оказалось, жила в соседнем подъезде.

— Тётя — это хорошо, — пробормотал Митька. — А местных не боитесь?

— Нас есть кому защитить, — ответили храбрые девушки и, наскоро попрощавшись, скрылись в соседнем подъезде.

И тут же, ко всеобщему облегчению, появился мужик в чёрном пальто. — Люблю интеллигентных женщин, — бодро воскликнул он, застегивая ширинку. — Чтоб, значит, время культурно провести, хоть на калькуляторе, хоть как. Беседу, опять же, поддержать.

— Бежим, дядя, скорее, — сквозь зубы процедил Митька.

— Куда бежим-то? — озираясь на бегу, спросил тот.

— А черт его знает, — ответил Саня. — Мы не местные.

Глава седьмая

Жизнь сама распорядилась о направлении дальнейшего бегства, так как из-за угла со свистом и топотом высыпала толпа преследователей. Теперь дорога была только одна — в другую сторону. В другой стороне, сразу за домами, оказался порядком заброшенный парк, совершенно безлюдный в это позднее зимнее время. Единственным его достоинством было то, что фонари в нем почти отсутствовали, что давало слабую надежду оторваться от погони.

Но надежда эта оказалась обманчивой. В конце длинной аллеи обнаружилась вторая группа преследователей. Понять откуда она взялась, было невозможно, но это уже не имело никакого значения.

— Да сколько ж их тут, — с отчаяньем воскликнул Саня, а Митька кинулся в непролазную гущу кустов, темневшую неподалеку. К сожалению, непролазная гуща, при ближайшем рассмотрении оказалось довольно чахлой порослью, в которой мудрено было спрятаться даже котенку. А между тем, бежать отсюда было некуда.

Поняв, что капкан захлопнулся, преследователи умерили прыть и неторопливо приближались с двух сторон, перекликаясь высокими, злыми голосами.

— Кажись, приехали, — признал Саня очевидное, и с этими словами полетел вниз, и с размаху приложился боком в железную дверь, которая неожиданно легко открылась под тяжестью его тела, противно заскрипев при этом. Считать раны было некогда, и Саня вполголоса принялся звать товарищей по несчастью, которые, хорошо видные снизу на фоне ночного неба, все-таки более светлого, чем здешняя почти могильная тьма, бессмысленно вертели головами, пытаясь понять, куда он делся.

— Осторожно, ступеньки.

Но предупреждение запоздало и Митька в точности повторил траекторию падения, с той только разницей, что внизу его встретила не железная дверь, а дружеские объятия, в которые он угодил, сбив Саню с ног. Следом, уже без приключений, спустился мужик в черном пальто.

— Чего тут?

— А Бог его знает, — на правах старожилы ответил Саня. — Бункер какой-то.

— Видать, бомбоубежище какое-нибудь заброшенное. Или еще какая хрень, — предположил Митька.

Тут голоса преследователей раздались наверху, совсем рядом. Мужик в чёрном пальто, не тратя лишних слов, втолкнул приятелей внутрь и сам ввалился следом. После чего осторожно прикрыл дверь за собой и чиркнул зажигалкой.

— Вот тебе и бомбоубежище.

Конечно, то, что осветил слабый язычок пламени, вряд ли могло претендовать на это громкое название. Несколько шагов в ширину и несколько в длину составляли размеры забетонированного помещения, сооруженного неизвестно кем с неизвестной целью. Но думать об этом было некогда, приглушенные дверью голоса преследователей слышались уже прямо над головой.

Иван посветил себе под ноги, и стал каблуком выколачивать кусок арматурного прута, вмерзшего в лед, которым был покрыт пол.

Митька схватил его за рукав. — Тише, ты. Услышат ведь.

Иван молча отпихнул его и, подняв прут, заложил им петли, оставшиеся от дверного

засова.

— Готово. А вот теперь всем — тихо.

Какое-то время казалось, что преследователи окончательно их потеряли. Но вот на лестнице раздались уверенные шаги, и щель под дверью осветилась.

— Тут они. Больше нигде.

— А что это, Толян? — спросил кто-то, и невидимый Толян пояснил. — Тут летом кафешка стояла, а эта яма у них под склад оборудована.

— Что-то больно крепко сделано, — усомнился в его словах собеседник. — А второго входа нет?

— Ну, — не стал спорить Толян. — Эта штука тут, сколько себя помню. Вояки построили, или еще кто. Не знаю. А второго входа нет. Так что если они там, то, считай, попали.

— Чего там? — вступил третий голос, в котором прозвучала начальственная нотка.

— Да тут дверь заперта, — с заметным подобострастием в голосе объяснил Толян и поспешил успокоить. — Но эти там. Без вариантов.

— Так посвети и проверь, — приказал тот же голос. — Да не под ноги свети, а на дверь. Заперта, или как? Замок, говорю, есть или нет?

— Нет, — теперь свет пробивался сбоку двери. — Нет тут никакого замка, и никогда не было. Говорю ж, изнутри заперто.

Сказав это, Толян пнул дверь, которая отозвалась коротким гулом. — Вылазь, а то хуже будет.

— Может и впрямь вылезем? — нерешительно сказал Саня. — Попинают, конечно, но ведь не убьют.

— Убьют, не убьют, — задумчиво проговорил Иван. — Мне и тут не плохо. С дверью им придется повозиться. Я вам, как специалист, скажу, с дверью нам повезло. Арматурина, опять же, в петлях плотно сидит. А там, глядишь, прохожие услышат.

— Никто никого тут не услышит, — Митька нашел где-то в углу старую газету и теперь пытался поджечь её, но спички ему попались какие-то негодные и только шипели. — В такое время какой дурак сюда сунется? А до утра они или дверь выломают, или сами дуба врежем. Ночью обещали двадцать пять градусов.

— Держи, — протянул ему мужик зажигалку. — Предлагаешь выйти?

— Куда торопиться? — уклончиво ответил Митька, поджигая свернутую в трубку газету.

— Во! — радостно закричал снаружи неугомонный Толян. — Ну, точно, как я говорил, там они. Жгут чего-то. Дымом-то как запахло.

— Брысь, — сказал начальственный голос и Толян затих.

— Эй, в танке!

— Ну, слышим, — ответил мужик, поглядывая, как Митька тихо движется вдоль стены, с бумажным факелом в руке.

— Вылазьте, — посоветовал голос. — А нет, обложим ветками, бензину плеснём, и привет.

— Это серьёзно, — сказал Акимушкин. — Гореть тут нечему, а вот в дыму долго не высидим. И что теперь делать?

— Делать нам особо нечего, — сказал мужик в чёрном пальто. — Остается народная дипломатия. Предлагаю нанести ихнему вождю словесное оскорбление, от которого он

потеряет самообладание и совершит роковую ошибку.

— Наноси, дядя. Хуже не будет.

Саня, чувствуя себя героем Санта-Барбары, самым завалищим, из тех, которые редко доживают даже до конца текущей серии, изо всех сил пытался не утратить последние крохи самообладания.

— Пусть жгут, есть шанс, что огонь кто-нибудь увидит.

— Всякие бывают чудеса. Меня, кстати, Иван зовут. Иван Иванович Ермощенко, кузнец. То есть, натуральный кузнец, при молоте и наковальне. Ну, дома у меня кузня и прочие хахаряшки. Раритет, короче.

— Меня Саня, — сказал Саня, горячо пожимая мозолистую руку натурального кузнеца. — Александр Петрович Тимофеев, студент.

— А я Акимушкин Дмитрий, менеджер по продажам. Продавец, в общем, пылесосов фирмы Сименс.

— Это в салоне, что ли, фирменном трудишься, на углу Нахичеванской и Красных Воздухоплавателей?

— Точно, — подтвердил Митька, который, как Саня успел заметить, был не в восторге от своего социального статуса. — После дембиля, ну, вот и...

— А чего, — проявил тактичность Иван. — Тоже дело. Тепло, светло. Стоишь себе, такой весь продвинутый комсомолец, на груди табличка...

— Давай уж, Иван Иванович, приступай к народной дипломатии.

— Сейчас, — натуральный кузнец глубоко вздохнул, набирая в грудь побольше воздуха.

После первых его слов, за дверью наступила мёртвая тишина, которая не прерывалась, пока не прозвучали последние аккорды. Иван в сильных и образных выражениях охарактеризовал, как водится, самих осаждающих, их ближайших родственников, подробно остановился на медицинских аспектах происхождения всех вместе и каждого в отдельности. Предсказал их дальнейшую печальную судьбу, акцентировав внимание на некоторых её пикантных подробностях, и вообще, поведал много еще чего интересного. Лишь один раз, в самом патетическом месте, за дверью раздалось истерическое хихиканье, тут же заглушенное звонким звуком затрепачины, прозвучавшим резко, как пистолетный выстрел.

После того как отзвучали раскаты этого шедевра ораторского искусства, у Сани никаких иллюзий относительно ожидавшей их участи уже не оставалось.

— Ладно, уроды — сказали за дверью. — Пошутили? Посмеемся.

И снаружи началась какая-то нездоровая суета.

— Ветками обкладывают, — наконец определил Иван. — Гаси огонь. Скоро тут и без того будет дышать нечем.

Но Митька огонь гасить не собирался, а наоборот, скрутил еще один бумажный жгут и, запалив его от первого, почти догоревшего, поднял над головой, рассматривая что-то под самым потолком. — Саня, смотри, надпись такая же, как в баре.

Саня, поднял голову и прочел написанное латинскими буквами на стене имя архитектора Витрувия. Смертная тоска охватила его. Что они сделали не так? В каких-то двухстах метрах большой город жил вечерними заботами, а тут вот-вот взовьются к небу языки пламени, в которых, как мотылек, влетевший в огонь свечи, исчезнет его, Саши Тимофеева, жизнь. Между тем, Митька, дались ему эти письма, ждал ответа.

— Да что тут такого, — процедил Саня. — Слышал же, кафе здесь было летом. Ну, и нацарапал грузчик какой-нибудь от нечего делать. Хотя, с другой стороны, что же это за

грузчик такой был? Да и хрен с ним.

— Все равно странно, — с бессмысленной горячностью произнес Митька, всматриваясь в латинские буквы.

— Чего там? — спросил Иван. — Запасной ли выход нашли?

— Цицерон наш! — Саня неприязненно покосился в его сторону. — Нет тут никакого запасного выхода.

— Ну, нету так нету, — Иван вслушался в трудовой шум снаружи. — Димитрий, посвети вниз.

— Зачем? — не поворачиваясь, спросил Митька, поглощенный изучением загадочной надписи.

Тут между кузнецом и Акимушкиным произошёл короткий, но горячий спор, относительно того, какой тактики им следует придерживаться. Кузнец оказался сторонником немедленных действий, предложив вооружиться, чем Бог послал, и пойти на прорыв. Митька же, соглашаясь в принципе с тем, что так или иначе, выходить им отсюда придётся, настаивал на том, что следует выждать удобного момента, когда огонь, разложенный осаждавшим, как следует разгорится. Он надеялся, что свет в этом случае будет бить в лицо противнику, и вообще, в дыму и копоти легче будет убежать.

— Ладно, будь по-твоему, — наконец сдался натуральный кузнец. — Зажигалку верни.

— Держи.

Иван сделал шаг к Митьке и, поскользнувшись, опёрся рукой об стену.

— О! А это что такое?

— Стой так, не убирай руку, — Митька торопливо загасил свой бумажный факел. — Ничего себе.

— Фосфор, что ли? Или краска флюоресцентная.

— Не похоже на краску-то.

— Чего там у вас? — Саня на ощупь двинулся к ним.

— Подходи, увидишь.

Саня сделал ещё один шаг.

— Опа, — раздался голос Акимушкина. — Потухло.

— Ага, — отозвался кузнец Ермощенко. — Выдохлось. Ты ничего не делал?

— Нет. Вон, Санька чего-то там шебуршился.

— Я шагнул разик, — поспешил оправдаться Саня.

— А ну, шагни обратно.

— Так?

— Снова зажглось. Саня, стой, не шевелись.

Потом, на протяжении многих дней, Саня Тимофеев десятки раз пытался восстановить в деталях события этого вечера, надеясь отыскать ключ к происшедшему, и всякий раз ему казалось, что какая-то важная подробность выпала из памяти. Слишком трудно было поверить в то, что всё было только игрой случая, и ничем более. Казалось, что где-то в этом стремительном движении наслаивающихся друг на друга эпизодов, можно отыскать кончик путеводной нити, которая укажет ту единственную точку, вернувшись в которую можно будет переиграть всё обратно.

Но это будет потом.

А пока, раздраженный загадочной возней своих спутников, чувствуя себя лишним на этом празднике жизни, Саня привстал на цыпочки и наклонил голову вбок. Сначала он

увидел только тусклое зеленовато-молочное свечение, затем кто-то, кузнец или Митька, чуть подался в сторону, и Саня увидел с десятков или чуть более того маленьких огоньков, словно стая светляков присела на бетонную стену.

В другое время Саня скорее всего не нашёл бы, в том как они расположены, никакого смысла. Но сейчас мозг его, возбужденный близкой опасностью, взвинченный дракой и выпитым алкоголем, работал с лихорадочной чёткостью. И уже через несколько секунд со всей очевидностью ему стало ясно, что светящаяся картинка делится две половины. Нижняя — изображение человеческой ладони, направленной вверх. Что обозначает верхняя половина, Саня с ходу понять не сумел, но это было явно что-то очень знакомое, не было сомнения, еще чуть-чуть и он сообразит, что именно.

Казалось бы, в той пиковой ситуации, менее всего должна была их трогать эта россыпь огоньков на стене забетонированной ямы, вот-вот могла стать их братской могилой. Но была в этих огоньках какая-то завораживающая притягательность. Ведь не только Саня, человек по своей природе пытливым и любознательным, словно прикипел к ним взглядом, пытаюсь понять, что они значит, но и Акимушкин с кузнецом, люди реальные, теряли драгоценные, возможно последние, минуты своей жизни, топчась около стены.

— Тихо! — вдруг сказал Иван. — Машина, вроде. Кажись, сюда едет.

— Может менты? — понадеялся Митька.

— Всякие чудеса бывают. Может и менты.

Звук автомобильного мотора стал громче и вдруг затих.

— На аллее стали, — определил кузнец Ермощенко. — Ну, да, дальше-то не проехать. Только не менты это.

Увы, он был прав. Наверху послышались приветственные возгласы, и скоро в бункере резко запахло бензином.

— Вот, суки, — с чувством произнёс Митька, неохотно отрываясь от созерцания стены. А кузнец наклонился, пошарил у себя под ногами и выпрямился с двумя кирпичами в руках.

— Бульжник — оружие пролетариата или наш несимметричный ответ Керзону. Держи.

— Не знаю никакого Керзона, — угрюмо сказал Акимушкин. — Но всё равно, мерси. Сане тоже дай.

— Керзон это такой лорд, брат английской королевы, знать его необязательно. Саня, возьми кирпич.

— Потом, — пробормотал Саня, до которого только теперь дошло, что семь светящихся точек, составлявших верхнюю часть чертежа, есть ничто иное, как схематичное изображение созвездия Большой Медведицы. Это открытие наполнило его душу радостью. Смутное чувство, что спасение придёт вместе с пониманием того, что связывает две половины светящегося рисунка, переросло в твёрдую уверенность. Это было чистое безумие, с которым ничего нельзя было поделаться, а оставалось только, вопреки всякой логике, подчиниться ему.

— Ку-ку, — раздалось за дверью. — Живы еще?

— Кто говорить будет? — спросил Иван Митьку.

— Давай, ты. Они твой голос знают.

— Вот она слава-то. Ну да ладно.

До Сани, поглощенного изучением рисунка, словно издали доносились голоса переговорщиков. Кузнец тянул время, взывая к сознательности гопников. Он всё недоумевал, что из-за пустяковой драчки те собираются поджарить ни в чем, по большому счёту, не повинных людей. Противная же сторона трактовала побои, нанесённые Гене, Серому,

безымянному козлёнку и прочим, как оскорбление, которое можно смыть только кровью. Впрочем, намекалось, что если осажденные сдадутся, то до смерти их никто убивать не станет, а только так, слегка поучат, чтоб знали на будущее своё место.

Так что, если кого-то здесь и поджарят, то в этом он пусть винит только своё тупое упрямство и маму с папой, которые его такого произвели на свет.

— А этого, козлёнка вашего, вообще никто пальцем не трогал, — закричал Иван, исчерпав аргументы, и совершил тем самым серьёзный дипломатический промах, потому что после этих слов повисла тягостная пауза.

— Козлёнка, между прочим, Валентином зовут, — раздалось, наконец, наверху. И сказано это было даже с какой-то гражданской скорбью, с преувеличенной искренностью в голосе, свойственной ведущим ток-шоу.

— А за козла ответите! — завопил вслед за тем кто-то злобно и уже без всякого гражданского чувства. Вероятно, это был сам козлёнок Валентин. Переговорный процесс зашёл в тупик.

— Чего там трюндеть? — присоединились еще какие-то деструктивные элементы. — Стоять окопели. Бензин выдыхается.

— Слыхали глас народа? — спросил вражеский дипломат. — На счёт три поджигаем. Раз...

— Спасите! Помогите! Убивают! — заорал во всю глотку Иван.

— Ты чего, Ермощенко? — удивился Митька.

— Пусть думают, что мы страшно боимся, — пояснил тот нормальным голосом и снова заголосил.

— Пожар! Пожар!

— Два...

— А на самом деле мы, можно подумать, не боимся.

— Боимся, но не совсем, не до потери всё же пульса. Но они-то того не знают, пусть расслабятся слегка. На помощь! Погибаем!

— А чего, и правда, — согласился Акимушкин. — Саня, подхватывай. Спасите! Спасите!

— Три! Ёлочка, гори!

— Все. Подождли, твари, — просипел Иван внезапно севшим голосом. Тусклая полоска света под дверью на глазах налилась живой краснотой, резко запахло дымом.

— Ну, — Акимушкин задрал рукав куртки и взглянул на часы. — Подождем минут десять и вперед.

Между тем помещение быстро наполнялось дымом. Иван закашлялся и сказал. — Нет, десяти минут нам тут не высидеть.

— Пожалуй, — согласился Митька. — Еще минуты четыре, и вперед. Помирать, так с музыкой.

— Без вариантов.

— Подождите, — вдруг торопливо, боясь, что к нему не прислушаются, проговорил Саня, который всё это время так и стоял на одном месте, боясь, что при малейшем его движении рисунок на стене погаснет.

— Чего ждать? Ждать, паренек, больше нечего.

— Я знаю, как эта штука действует.

— Какая штука, Саня?

— Да на стене которая. Огоньки эти...

Акимушкин приблизился к приятелю и увещевающе похлопал его по плечу. — Ты, главное, не волнуйся. Вот, возьми камушек, — в Санину ладонь легла половинка кирпича, холодная, как лёд. — Когда дверь откроем, то сразу побежим. Держись за нами. А кто дорогу заступит, бей того, не раздумывая. Да не перепутай, не завезень мне, или вон Иванычу, по затылку. Ясно?

— Ясно, ясно. Но две минуты-то у нас есть?

— Наверно, есть.

Саня скинул Митькину руку с плеча и, в свою очередь, рванув его за воротник, развернул лицом к стене. — Смотри!

— О, Господи. Легче, Саня. Чего смотреть-то?

— Да на огоньки эти, чёрт! Видишь, внизу вроде как ладонь нарисована. Это подсказка. Значит, надо обратить внимание на то, куда она указывает. А она указывает наверх. То есть, на те огоньки, что над ней.

— Товарищ твой, видать, в уме повредился, — меланхолично заметил Ермощенко. — Я так думаю, от перенапряжения. Есть, конечно, шанс, что медицина ему поможет, если, конечно, выберемся. Но с умалишённым на руках выбраться нам, скажу прямо, будет трудновато.

И словно в подтверждение этих суровых слов, Саня воскликнул. — Вы слышали когда-нибудь про интуитивный интерфейс?

— Ты слышал? — спросил Митька у натурального кузнеца.

— Да ни боже мой, — замахал тот руками.

Но Саня находился в том состоянии просветления, когда человека практически невозможно вывести из себя. — Представьте, что есть какое-то устройство. И его панель управления устроена таким образом, чтобы незнакомый с устройством человек мог самостоятельно разобраться в том, как оно работает.

Так вот, граждане, то, что вы видите на стене, это и есть интуитивный интерфейс.

— Нет, — сказал кузнец. — Насчёт медицины я, кажется, погорячился. Не достигла она у нас того уровня.

— Значит, так, — сказал Саня. — Можете считать меня за сумасшедшего, но пока вы не сделаете, то о чём я вас попрошу — с места не двинусь.

— Не двинешься? — холодно удивился Митька. — На руках понесём.

Это заявление неожиданно взволновало Ермощенко. — Как это понесём? На собственном горбу, что ли? Ничего себе. Я не согласен. Я, Митя, думаю, что последнюю просьбу надо уважить. Говори, юноша. Только быстрее, пожалуйста, ведь поджарят.

— Ага. Я быстро. Так вот, ладонь указывает на Большую Медведицу!

Митька явственно заскрежетал зубами.

— Ничего, ничего, — подбодрил его кузнец. — Значит, Большая Медведица. Отлично! Это же совсем другое дело. Продолжай, Саня, не стесняйся. Все свои.

— Эти семь точек, не что иное, как звезды, составляющие созвездие Большой Медведицы. Почему оно так, и зачем, я не знаю. А теперь, Митька, приложи к ним кончики пальцев.

— Кто бы тебя самого приложил, — буркнул Митька, закашлявшись от дыма. — Готово. И что?

— И ничего, — засмеялся Иван. — Ну, что, пошли?

— Сейчас пойдём, — пообещал Саня. — Теперь ты, Иван Иванович. Ладонь свок наложи вот сюда, пониже Митькиной Так, чтоб с рисунком совпала. И сразу пойдём.

— Тьфу ты. — Ермощенко прижал ладонь стене, которая вдруг содрогнулась и осветилась зеленовато-молочным светом. Пол под ногами качнулся. — Ох, мать твою... Пойдём, ага...

— Господи, помилуй, — услышал Саня голос Митьки. Что-то горячей ладонью сдавило сердце, и он, потеряв сознание, повалился набок.

* * *

— Эй, — тронули Ивана Ермощенко за плечо. — Вставай.

Иван осторожно приоткрыл один глаз и чуть не взвыл. Боль была такая, что череп, казалось, вот-вот развалится на куски. Он попробовал закрыть глаз обратно, но стало ещё хуже.

— Оглох?

Иван сосредоточился и снова, очень осторожно, приоткрыл глаз, просто посмотреть, кому это он понадобился в такой трудный момент.

— Очнулся, сокол сизый. А теперь на ножки резвые, ата-та.

Могучая рука сгребла Ермощенко за опасно затрещавший ворот пальто и, как редиску из грядки, выдернула из обморочной мути. Пятки его оторвались от земли, жёсткие складки материи врезались в щеки и сдавили рот, с глухим щелчком оторвалась верхняя пуговица. Болтаясь на весу, Иван, попробовал обернуться, чтобы посмотреть на своего мучителя, но оказалось, что радиус поворота головы сильно ограничен. Обзор был открыт только спереди. Спереди была бетонная стена, у которой, скорчившись, лежало чьё-то тело. Иван не сразу сообразил, кто это. Потом вспомнил и имя. — Значит, Митька. А где второй? Как его? Саня кажется, — скосив глаза вниз, он обнаружил и второго. Саня лежал лицом вверх, раскинув руки, то ли жив, то ли нет. Кузнец хотел окликнуть их, но из деформированного рта вместо слов раздалось мычание.

К счастью, неведомый идиот, держащий Ермощенко за шиворот, ослабил хватку и слегка смайнал его, так что подошвы кузнеца вновь встретились с твёрдой поверхностью, а лицо приняло прежние очертания. Впрочем, твёрдая поверхность на поверку оказалась не очень твёрдой, её довольно сильно потряхивало и поматывало из стороны в сторону.

Головная боль стихла, способность мыслить мало помалу возвращалась к Ивану. И первая полновесная мысль не заставила себя ждать. Он понял, что погреб, в который его угораздило забиться вместе с двумя левыми пацанами, никуда не делся. И он, Иван Ермощенко, никуда не делся из этого погреба. Однако, был и позитив. Горелым деревом пахло весьма основательно, но ни дыма, ни огня не наблюдалось. За дверью было тихо, и складывалось впечатление, что там, вообще, никого нет. Иван вспомнил о светящемся рисунке, но тот исчез, словно его и не было.

Хотя дверь оставалась запертой, было довольно светло, зеленовато-молочное свечение исходило теперь, казалось, от самих стен.

— Вижу, оклемался.

Иван почувствовал, что железная длань, сжимавшая его воротник, наконец, разжалась. Он глубоко вздохнул, и обернулся.

— Ну, что вылупился? Волох — я. Слышал про такого?

Ни про какого Волоха Ермощенко никогда не слышал и, вообще, этого высокого, широкоплечего, и очень старого человека видел впервые жизни. Глядя на изрезанное морщинами лицо незнакомца, с глубоко провалившимися глазами и запавшим ртом, на длинные, жидкие пряди седых волос, он только удивился, откуда в таком дряхлом теле такая сила.

— Чего, не слышал, что ли?

— Нет, дедушка, не слышал. А надо было?

— Не помешало бы. Не слышал, значит. Тогда, утешить мне тебя нечем. Влип ты, соколик. В самую патоку по самую маковку. Сюда как попал?

— Да уж не по профсоюзной путёвке. Загнали, как барсука в нору, с молодыми парнишками. Кстати, а ты их поспрошай. Может, они про тебя чего слышали?

— В другое время поспрошал бы. Ну, что, пошли?

Идти куда-либо за могучим старцем у Ивана не было никакого желания. Не внушал тот никакого доверия. Взгляд у него был недобрый, да и одет он был как-то по-индийски, как йог какой-то, во всё белое. Вот плащ у него был красный, застегнутый с левой стороны. Сапоги крепкие. Чего тут ждать, непонятно. То ли на гебралайф подсадит, то ли в тоталитарную секту подпишет.

— Куда пошли?

— А куда скажу, туда и пошли. Держись за корзно.

— За какое ещё корзно? — Иван еще раз взглянул на тела своих спутников. — А с ними что? Я, дедушка, без них не пойду.

— Что такое корзно, не знаешь? — изумился старик. — Лепо. Таких тут и впрямь не бывало. Что до друзей твоих, то никуда они не денутся.

— Не верю я тебе, дедушка, вот что.

— Чего? Не веришь?

— Не верю.

— А придётся.

Старик размахнулся, в правом глазу упрямца полыхнуло, он отлетел к стене, приложился об неё затылком и отключился.

Глава восьмая

Когда Иван снова пришёл в себя, то ему показалось, что он спит на открытой железнодорожной платформе, такой примерно, на которых перевозят уголь и щебень. Тело обдувал сильный ветер, и тело это самое явно перемещалось в пространстве с приличной скоростью. Вот только на стыках не трясло, и колёса совсем не стучали. Странно было то, что лежал он на животе, а ничего, кроме ветра, под собой не чувствовал. Иван приоткрыл глаза, как можно более осторожно, слишком хорошо он помнил, чем это кончилось в прошлый раз, и никакой платформы или чего ещё подобного не обнаружил. А увидел только стремительно приближающиеся еловые верхушки. В кино, когда показывают падение самолёта в лес, часто изображают дело именно в таком ракурсе. Последнее, по мысли режиссёра, что видит пилот, перед тем как его летательный аппарат, пробороздив в лесу просеку, рухнет на родную землю.

А ещё, боковым зрением, Ермощенко узрел, что летит не один, а в спарке с драчливым старцем, вцепившись при этом мёртвой хваткой в край его красного плаща.

— Говорю ж, держись за корзно, — перекрикивая свист ветра, сказал старик, обернув своё слегка искаженное перегрузкой лицо. Иван снова закрыл глаза, и вовремя. Ветка сильно хлестнула его по лицу, и через мгновение он уже стоял на земле, а ещё через одно мгновение уже сидел на ней, потому что ноги, как после долгой качки, не держали.

— Некогда рассиживаться. Пошли, тут недалеко.

Наученный горьким опытом, Иван, не вступая в пререкания, кое-как поднялся.

Волох шёл быстро. Ну, немудрено, при таком выдающемся росте. Поспевать за ним на непослушных ногах не было никакой возможности. Не прошло и пары минут, как его силуэт скрылся за деревьями. Больше всего Ермощенко хотелось немедленно послать своего грозного провожатого куда подальше и бежать отсюда как можно скорей. Но куда? И, главное, по какой дороге? Этого Иван не знал. Кроме того, было у него такое чувство, что сопротивляться — бесполезно. Чувство это строптивому натуральному кузнецу приходилось испытывать крайне редко и оно неизменно приводило его в бешенство.

Старик, словно подслушав эти крамольные мысли, вернулся. И что-то Ивану показалось, вернулся не по какой-нибудь важной причине, а скучно ему стало одному, захотелось типа старому поговорить. Ну, и поговорил. — Ты, парнишка, если чего задумал, свернуть куда на сторону, или там на дерево залезть, чтоб за мной не ходить, то напрасно. От меня тебе по любому не убежать, а убежишь — сгинешь, потому, место нежилое. Вот, послушай, ни одна птичка не чирикнет, а то — под ноги глянь, ни жучка тебе, друг сердечный, ни паучка.

— Иван пощупал заплывший правый глаз. — Иду я, иду.

— Добро.

Место, и впрямь, было гиблое. Шли краем леса, по другую сторону раскинулась болотина, стоячая вода поблескивала между чахлыми берёзками, стоящими на порядочном удалении друг от друга. Податливый мох легко проминался под ногами, из-под подошв проступала мутная влага, быстро заполнявшая следы. Болот Иван не любил с детства, рассказы о людях сгинувших в трясине запечатлелись в его памяти навек. И ничего кроме звука своих шагов и шума ветров в вершинах деревьев, действительно, не было слышно. Хотя, с другой стороны, деревья всё-таки тут росли, а это, по мнению, Ермощенко было уже не мало.

Когда же еле заметная стёжка вывела на крутой взгорбок, то стало ясно, что и люди тут когда-то жили. Ведь возвёл же кто-то бревенчатую стену, тянущуюся по правую руку. Правда, было это, судя по ветхости сооружения, давным-давно. Кое-где в пазах между брёвнами уже успели вырасти деревца, сама же стена просела и, похоже, стоять ей оставалось одну, от силы, две зимы. Служившие когда-то чем-то вроде контрфорсов деревянные башни на фундаментах, сложенных из дикого камня, которые попадались примерно через каждую сотню метров, теперь представляли собой груду полусгнивших обломков.

Между тем, идти стало заметно легче. Страх и раздражение постепенно уступили место любопытству, и Иван совсем уже было собрался спросить Волоха, что это за крепость такая, но тут сзади грянула удалая песня про коробейника, у которого полным полно корбушка, есть и ситец и парча. Исполнялась она громко, с душой, на два голоса, одинаково противных. Ермощенко остановился, с усилием сглотнул слюну и, мысленно перекрестившись, оглянулся.

Появление здесь Сани и Митьки его не удивило. Очевидно, они прибыли тем же способом, что и он сам. Странно было только, что их присутствие обнаружилось только сейчас. Но разгадывать эту загадку кузнец не собирался. Он просто обрадовался и приветственно помахал рукой. Однако, ребята на его жест никак не отреагировали. Они брели как зомби, опираясь друг на друга, и без умолку горланили Корбушку. Их расхристаный вид и дикое пение почему-то воскресили в памяти Ивана происшествие с радисткой Кэт, сподвижницей неуловимого Штирлица, так не во время вспомнившей родную речь.

— Цыц! — крикнул Волох, и пение смолкло.

Тут в жизни Ермощенко наступил очередной момент, когда доводы рассудка становились над ним не властны, и он, нащупав в кармане нож, закричал по-боевому. — Ты зачем над людьми издеваешься, хрен старый?

Против ожидания Волох не разозлился. Он даже выглядел несколько озадаченным, когда, дёрнув себя за бороду и потупив очи долу, пробормотал. — Ну, петь-то я их не заставлял, — затем, видимо, устыдившись того, что изменил своему привычному хамскому тону, прикрикнул. — А ты, молодец, иди, куда ведут, да рот-то на замке держи.

Не в обычае Ивана было оставлять такие слова без ответа. Но делать нечего, ничего не сказал он, а только сплюнул горькую слюну себе под ноги и потопал за Волохом дальше, гадая на ходу, долго ли еще идти. Оглядываясь, он имел возможность наблюдать, как Митька и Саня следуют с остекленевшими глазами в кильватере, всё так же сложившись шалашиком, время от времени зажимая рты ладонями, чтобы заглушить рвущиеся из сердца звуки народной песни.

Между тем, поворот тропы открыл большой, несколько десятков шагов, пролом в стене. В глубине его, с утрированной, как на музейной диораме, четкостью просматривались приземистые, то ли амбары, то ли конюшни, то ли еще какие-то хозпостройки, назначение которых с первого взгляда было определить затруднительно. Замшелые их крыши, засыпанные толстым слоем прошлогодней листвы, зияли дырами, и густой подлесок обступил их полупрозрачной стеной. За ними виднелись очертания ещё каких-то полуразрушенных зданий, повыше. Тут стоило задержаться подольше, но Иван прошёл мимо них почти равнодушно.

Что-то было очень не так. То ли с тем, что окружало его, то ли с ним самим. Он

понимал, что не имеет разумных объяснений происходящему. Но не хотел или не мог на этом сосредоточиться. Впрочем, получалось, что в его положении хотеть и мочь были одним и тем же. Всё это, в сочетании с созерцанием обречённых на скорое исчезновение следов человеческой деятельности, усугубляли гнетущее впечатление какой-то запредельной потерянности, которое не оставляло Ивана ни на миг.

Так что, когда загадочная фортеция осталась позади, он вздохнул с облегчением. Тропа теперь шла лесом, мох по-прежнему пружинил под ногами, но под ним ощущались уже не хляби болотные, а твердая земля. Впереди просветлело, еще несколько шагов, и лес кончился. Впереди расстилалась пустошь, дальний край которой терялся в синеватой дымке, а по обе стороны тянулись невысокие холмы, поросшие корабельными соснами. От этого Ивану казалось, что он стоит на дне высохшей реки. Обкатанные временем валуны, возвышающиеся среди каменистых россыпей, еще больше увеличивали это сходство. Очевидно, тут когда-то прокладывал себе путь ледник, ползущий с севера.

Тропа, между тем, совершенно исчезла, и Волох, до того уверенно шедший вперёд, вдруг остановился и стал озираясь, высматривая какие-то, одному ему ведомые приметы. Он, то задирая лицо к небу, будто надеясь найти путь по солнцу, то склонялся к самой земле, будто принимаясь, и напоминал при этом диковинного зверя, ищущего потерянный след. Воспользовавшись случаем, Ермощенко присел на плоский камень, сколотый поверху, и, вытянув гудящие ноги, стал с интересом наблюдать за таинственными манипуляциями старца. Саня и Митька остановились поодаль, и стояли безмолвно, слабо зыблемые ветром, словно бессмысленный тростник.

Волох неодобрительно покосился на него, но ничего не сказал, слишком был занят, обходил в четвертый раз огромный, в три человеческих роста, валун, положив ладонь на его серый, нагретый солнцем, бок.

— Что ищем? — лениво поинтересовался кузнец и, не дождавшись ответа, задумался о том, почему он до сих пор не попытался переговорить с товарищами по несчастью, вдруг скажут чего умное. Хотя, конечно, по тому состоянию, в котором они пребывали, рассчитывать на это приходилось не очень. Но, всё одно, посмотрел Иван туда, где они стояли, и увидел, что они снова куда-то исчезли. Тут бы возмутиться или огорчиться на худой конец, но мозг Ермощенко отделался только вялой констатацией того грустного факта, что беседа с Саней и Митькой откладывается на неопределенное время. Зато Волох, глаза б его не видели, наблюдался как нельзя более лучше. В последний раз обойдя валун, он, кажется, нашел то, что искал, вытер пот со лба и, присев на соседний камень, снова отверз уста. — Что ищем, спрашиваешь? А сам не можешь сообразить?

Иван понял это так, что ему предлагается самому проявить смекалку и сообразительность, встал, и глядя себе под ноги, медленно, словно шёл по минному полю, сделал несколько шагов. Ничего, кроме множества разнообразных камней, которыми было усеяно всё вокруг, да растущей меж ними густой травы. Ермощенко покрутил головой, подобно тому, как это несколькими минутами раньше делал Волох, и снова ничего интересного обнаружил. Пожав плечами, прошёл еще немного и поравнялся с тем самым огромным валуном, вокруг которого незадолго перед тем старик нарезал круги, и упёрся он в невидимую, но осязаемую преграду. Это было похоже на то, что ощущает человек, когда выходит из подъезда на улицу, где всюю гуляет пурга, когда кажется, что ветер дует тебя прямо в грудь. Поэтому, чтобы сделать еще один шаг, пришлось приложить определённое усилие.

Иван постоял, ожидая неизвестно чего, но, видя, что ничего не происходит, еще раз шагнул, и отшатнулся, когда из-под его ног с неистовым писком выпорхнула какая-то пичуга. Где-то совсем рядом зацвиринькал кузнечик, ему откликнулся ещё один. Ворона, прошумев крыльями, уселась на верхушку валуны и, хрипло каркнув, принялась чистить перья.

— Ага, — сказал сам себе Ермощенко, сохраняя полное спокойствие. — Ну, микроклимат тут начался такой, уникальный, что ли, способствует существованию всякой живности... Вот хотя бы лисички...

Действительно, откуда-то из-за камня появилась небольшая блекло-рыжая лиса, с мослом в пасти, посмотрела на Ивана без всякого выражения и потрусилась дальше.

— Прочь, прочь, проклятая, — с запоздалым гневом закричал Волох, носком сапога прочертил по земле круг и толкнул туда Ивана. — Стой тут. За черту, пока не скажу, ни шагу. Ясно?

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

Ермощенко присел на корточки, поднял воротник пальто, чтоб не видеть старца, и закурил.

— Никак ворожить вздумал? — развеселился Волох. — Дым из ноздрей пущать?

— Да пошёл ты, — ответил Иван, стряхивая пепел в траву.

Прошло несколько томительных минут, Волох неподвижный, словно обратившись в соляной столб, взирал вдаль. Комары, о которых до того не было и помина, роились в воздухе, радостно напевая звенящими от предвкушения тоненькими голосками. Ермощенко тоже в первый момент обрадовался этому проявлению жизни, и приготовился к встрече с кровососущими, поглубже надвинув шапку и засунув руки в карманы пальто. Лишние хлопоты, ни один комар не сумел преодолеть невидимой границы, очерченной Волохом. Было видно, как насекомые бьются об неё, словно об оконное стекло. Ивану казалось, что он даже слышит, как трещат, встречаясь с преградой, узенькие комариные лбы.

Впрочем, в отличии от этих, скорее воображаемых, звуков, тупой стук, раздавшийся над головой, нельзя было списать на счёт воспаленных нервов. Иван поднял глаза и увидел как вниз, беспорядочно кувыркаясь, падает утка. Вероятно, для неё столкновение с творением Волоха оказалось не таким безвредным, как для комаров. Не долетев нескольких метров до земли, она каким-то чудом выправилась и на брющем полёте скрылась из виду, оставив на память о происшествии несколько пёрышек, упавших к ногам. Иван, впечатленный увиденным, глубоко задумался о том, насколько далеко уходит невидимая стенка, выставленная Волохом.

Страшно подумать, что будет с самолётом или космическим кораблём, которых угораздит наткнуться на неё. Ермощенко вытер холодный пот со лба, представив, что может случиться, если это сооружение, эта невидимая башня, выходит за пределы стратосферы, что она достигает луны, а может быть даже солнца. Дело пахло вселенской катастрофой. Мало того, ведь у башни два конца, и если один уходит вверх, то другой уходит вниз и, возможно, пронзает планету насквозь. То есть, тут одними ушибленными кротами не обойдётся.

Видение ушибленных кротов вернуло Ермощенко на грешную землю, и направило его мысли по другому руслу. Теперь он задумался о том, что его мозг, не способный дать удовлетворительное объяснение окружающей реальности, развлекается отвлеченными абстракциями, что, по сути, является чистой воды симуляцией полезной работы разума. Это было настолько плохо, что даже думать об этом не хотелось. Ведь теперь получалось, что

даже на собственные мозги Иван мог рассчитывать только с определенной оглядкой.

И тут он подумал, что есть вещи пострашнее, чем одиночество.

Между тем, вокруг оглушительно трещали кузнечики, ярко светило солнце, ворона снялась с камня и куда-то подалась по своим вороньим надобностям. Ермощенко с острой завистью посмотрел вслед вольной птице, хотел, по своей привычке, как всегда он делал в минуты тоски и печали, вздохнуть поглубже, и вдруг почувствовал, что дышать стало трудно, воздух сгустился, и его приходилось проталкивать в лёгкие. Но изменился не только воздух. Хотя солнце по-прежнему стояло высоко, и погода была ясная, но вокруг потемнело, словно грозовая туча закрыла небо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И, главное, страх, жуткий в своей в конечной безысходности, заледенил сердце, и Ермощенко, кажется, впервые понял с такой наглядностью, что это значит, когда кровь стынет в жилах. Ему понадобилось некоторое время, чтобы, нет, не преодолеть этот страх, преодолеть его, пожалуй, было невозможно, но хотя бы как-то свыкнуться, стерпеться с ним, что бы суметь почувствовать что-то ещё кроме него, чтобы заставить действовать непослушные мышцы. Даже просто поднять взгляд, словно прикованный к земле, оказалось не простой задачей. Но тут уж Иван проявил упорство, потому что был он такой человек, что на всякий страх организм его ошетикивался, согласно второму закону Ньютона, о том, что действие равно противодействию. Поэтому неудивительно, что сейчас Ермощенко испытывал даже не злость, а лютую злобу. Он ещё не знал, на кого она обратится, и его мутный взор скользил по камням, словно примериваясь, который из них удобнее ляжет в ладонь.

Из-за всех этих разнонаправленных чувств и ощущений Иван не сразу осознал то, что предстало перед его глазами. Всюду, там, где раньше взгляд находил только густую траву, росшую между камней, теперь он то и дело натякался на обломки копий, рукоятки ржавых мечей и топоров, проломленные щиты, клочья одежды и ещё какие-то предметы, назначение которых Ермощенко с ходу определить не мог. Одно ему было ясно, что тут когда-то сошлись в смертельной схватке множество людей, и сложили, как говорится, свои кости, которые теперь, растащенные лесными зверями, беспорядочно валялись вокруг, так что, казалось, невозможно из них было составить и одного целого костяка. Видимо, не осталось никого живых, чтобы похоронить павших, и собрать их оружие, истлевающее вместе со своими хозяевами. А может быть, не до того им было.

Кто-то, в глубине души Ивана, хватался за голову и кричал, чтобы его немедленно отправили домой следующим же рейсом, иначе он за себя не ручается. Или пусть вызовут скорую. Пусть она приедет. Пусть из неё выйдут санитары и умный психиатр с чемоданчиком. И чтоб в чемоданчике лежала такая специальная гадость, которую если вколоть, то весь этот бред сразу кончится. Вот пусть умный психиатр её и вколет. Немало дивясь этому паникёрству, которого даже не подозревал за собой, Иван тем временем пытался прикинуть по состоянию костей и степени заржавленности железа, как давно произошло побоище. Выходило, что с той поры минуло несколько десятков лет.

А страх, между тем, никуда не делся, он по-прежнему подступал со всех сторон, как тёмный лес, каждую секунду грозя поглотить со всеми потрохами. Пока этого не случилось, следовало что-то срочно предпринять, и Иван принялся усиленно думать. Он подумал о том, что там, где погибло столько людей, естественно испытывать страх, что иначе и быть не может. Проверая эту мысль, он прислушался к себе и, действительно, почувствовал, как

откуда-то из бесконечной дали пытается достучаться к нему чужая боль и чужой страх, повторяясь раз за разом раскатами слабого многоголосого эха. Ещё он подумал, что его размышления скорее всего яйца выеденного не стоят, и то, что он якобы сейчас чувствует, не более чем самовнушение. Но, несмотря на это здравое суждение, страх, получивший более менее правдоподобное толкование, вдруг ослаб и отпустил его, отступив куда-то на окраину сознания.

Словно заново родившись, Ермощенко вздохнул, встал на ноги и расправил плечи. Нет, место, где он находился, не перестало быть зловещим, напротив, оно, пожалуй, выглядело ещё более мрачно, чем несколько минут назад. Но обращать на это внимание кузнец не собирался. Он посмотрел на Волоха, тот по-прежнему пребывал в столбняке. На него тоже не стоило обращать внимания. Сам подаст весточку, как приспичит. А вот рогатый железный шлем с серебряной насечкой по ободу, лежащий на боку совсем неподалёку, отличной, кстати сказать, сохранности... Это было гораздо интересней.

Натуральный кузнец профессионально прищурился. Он эту всякую старину очень уважал и старых мастеров очень понимал. Кстати, насчёт старины, тут у Ермощенко опять наметилось некоторое раздвоение личности. Умом он понимал, что несколько десятков лет — не старина. Но тут же осекался, не мог представить, чтоб несколько десятков лет назад кто-то воевал исключительно холодным оружием, рубя друг друга мечами и коля копьями. И, вместе с тем Иван не сомневался, что и шлем этот рогатый и всё остальное, что было в изобилии разбросано вокруг, принадлежит глубокому прошлому.

Ломать голову, разрешая все эти противоречия, не было ни малейшей охоты, и Иван просто протянул руку за шлемом, не заметив, что тот лежит за пределами круга очерченного Волохом. Но зато Волох это заметил и рявкнул, не оборачиваясь. — Лапы от шелома убрать!

ТЬфу! Ермощенко отдёргнул руку, постоял с независимым видом, как нашкодивший школьник, пережидая, затем, вроде бы от нечего делать, подобрал обломок копья, высушенный временем. Ловко орудя им, подцепил свою добычу, и тут же пожалел об этом, потому что из шлема выкатился череп, очевидно, прежнего владельца. Но делать нечего, и через секунду изделие неведомого ремесленника было уже у Ивана. На поверку оно оказалось совсем не таким целым, каким выглядело. Яйцевидный шлем, скрученный из одного листа железа, примерно так же как скручивается кулёк из бумажного листа, аккуратно завальцованный по стыку, в качестве сувенира не годился. От него осталась фактически половина, так как ту его сторону, которая прилежала к земле, коррозия превратила в ржавое кружево, крошащееся в руках. Два коровьих рога, венчавшие его, в этом плане тоже никакого энтузиазма не вызывали.

Ермощенко задумчиво пощелкал ногтем по ободу, примериваясь, как бы половчее отделить серебряную накладку.

— Ах ты, стервятник. Ах, ты, падальщик. Ужо тебе...

Этот скрежещущий голос Ивану был незнаком. Подумал было, грешным делом, что, может, Волох, внезапно застудив голосовые связки во время своего великого стояния, стал вещать на манер вокзального репродуктора. Однако голос явно исходил откуда-то с другой стороны. Но с другой стороны ничего говорящего не просматривалось, трава да камни, из которых один, самый большой, треснувший пополам, словно от удара молнии, выделялся чёрно-бурым цветом, будто покрыт был запекшейся кровью. И еще одно было у него отличие, все камни были голые, а этот почти до самой верхушки заплели побеги то ли плюща, то ли хмеля, а может и вьюнка, тут не сильный в ботанике кузнец ничего

определенного сказать не мог. И такая буйная была эта поросль, что казалось, будто ключи бьют у подножья камня, захлестывая его зелёными волнами.

И вдруг эти волны составились в картинку, как бывает, когда рассматриваешь головоломку, и проступили чёткие очертание того, что скрывалось под ними. Даже теперь, когда от человека остался только привалившийся к камню скелет, было понятно, что при жизни он отличался богатырским телосложением. Непонятно было другое, почему его одного, из всех, убитых в сражении, не тронули лесные твари. Но в следующий момент Ивану стало не до того, потому что скелет, обрывая спутавшие его стебли и побеги, поднялся во весь рост. Первый взгляд не обманул, мертвец даже в виде скелета был выше Ермощенко на добрых полторы головы. При всей антипатии к Волоху, остро захотелось, чтоб тот наконец вышел из ступора и как-то принял участие в происходящем. Но тот был по-прежнему неподвижен, так что закрадывалось сомнение, а жив ли он вообще? Оставалось надеяться только на то, что круг окажется непроницаем не только для комаров и уток, но и для оживших покойников.

— Иже еси на небеси... — припомнил Иван. — Хлеб наш насущный даждь нам днесь..., — продолжение молитвы напрочь вылетело из головы, но это уже не имело значения, потому что скелет заговорил, и Иван сразу узнал скрежещущий голос. — Смотришь, пёс? Ну, посмотри, посмотри. Недолго смотреть осталось.

Ермощенко обычно прямо глядел в глаза тому, с кем разговаривал. Но тут поневоле отвёл взгляд. Слишком страшен был этот, облепленный светлыми волосами, говорящий череп, по которому шустро сновали трудолюбивые муравьи, а из провалов глазниц с весёлым гудением вылетали пчёлы.

— Что глаза отводишь? Иль стыдно стало? — воскресший нагнулся и, пошарив у себя под ногами в ворохе листьев, извлёк оттуда меч. Иван опытным взглядом отметил превосходное качество клинка, который выглядел так, будто только что вышел из-под молота оружейника.

Скелет ухнул, и меч в его руке несколько раз со свистом рассёк воздух.

— Так, — подумал Иван, поднимая с земли булыжник, — это ж он, сволочь, в форму входит. Ну, прощайте, жена Маринка и дети Валечка и Костя.

К счастью, в этот момент Волох вышел из затянувшейся спячки. — Здорово, Берсень.

От этих простых слов скелет затрепетал и затрясся всеми костями. Амплитуда и частота колебаний были таковы, что на несколько мгновений он совершенно исчез из виду, превратившись в туманное облачко, в центре которого повис клинок, на который, видимо, вибрация не распространялась. Иван даже успел предположить, что беспокойный мертвец рассыпался в прах и обрёл наконец вечный покой. Но не тут-то было. Волох простёр длань, горячо сказал что-то на тарабарском наречии, туманное облачко разрядилось неяркой вспышкой, и стало стремительно темнеть и уплощаться, до тех пор пока не приняло человеческий облик.

Человек этот был светловолос, еще не старое простодушное лицо его было хмуро. Длинная растрепанная борода и свисающие на грудь усы, были точь в точь такие же, какие красовались на черепе ожившего скелета, что позволило Ивану, внимательно следившему за всей цепочкой трансформаций, идентифицировать незнакомца с ожившим скелетом. Оставалось признать, что русская народная сказка о живой и мёртвой воде имела под собой реальную почву. И это почему-то настроило Ивана на философский лад, то есть, настолько философский, что он даже потихоньку положил булыжник обратно на землю, вдруг от чего-

то решив, что надобности в нём не возникнет.

Действительно, воскресший не смотрел на него, он, наморщив лоб, смотрел на Волоха, но так ничего и не высмотрев, сказал. — Ну, я — Берсень. — слова его прозвучали как-то невнятно. Воскрешенный подвигал челюстями, словно катая камешек, выплюнул большого жука, вытер рот рукавом красной рубахи, и сказал ясным голосом. — Тьфу, гадость. А ты кто таков, старче? Где-то я тебя уже видал. Или нет?

— Волох я.

— Погоди. Волох, значит? А ведь и в правду Волох. Ну, тогда, здорово.

Берсень шагнул к старику и они обнялись, поцеловавшись крест накрест, после чего сели друг напротив друга.

— Постарел ты крепко, Волох.

— А тебе уж не постареть.

Эти слова заметно огорчили Берсеня, он провел ладонью по лицу, словно проверяя.

— Значит, я и впрямь убит?

— Убит, можно сказать, насмерть. Тут без подвоху.

— А я ведь, Волох, всё надеялся, сон мне снится, — грустно признался Берсень.

Смысл разговора ускользал от Ермощенко, и он пока что развлекался, разглядывал собеседников, главным образом, конечно, Берсеня, поскольку на Волоха он уже насмотрелся достаточно.

Одет Берсень был просто, но со вкусом. Поверх красной рубахи носил простёганную безрукавку, обшитую спереди металлическими пластинами, полосатые широкие штаны были заправлены в онучи, перетянутые кожаными ремешками. На поясе болтался тесак. Ну, на взгляд натурального кузнеца не бог весть какая амуниция. Хотя, конечно, Берсень, судя по его комплекции, способный задушить медведя голыми руками, в особом снаряжении и не нуждался.

Интересно было то, что рядом с ним и Волох уже не выглядел ряженным, а смотрелся вполне естественно. А ряженным теперь себя чувствовал почему-то сам Ермощенко, в своём зимнем пальто и меховой шапке. Он не раз уже собирался раздеться, но всякий раз передумывал, так как не терял ещё надежды вернуться из этой глухомани, где по неведомой ему причине стояла летняя жара, на занесенные снегом улицы родного города.

Между тем Берсень и Волох продолжали перекидываться словами, и Иван, наскучив созерцанием их нарядов, поневоле стал прислушиваться. Словно студент-филолог, которого угораздило попасть на День десантника в городской парк и очутиться при встрече старых товарищей по оружию, он чуял, что этот разговор некоторым образом может повлиять на его судьбу. Типа того, что или в фонтане утопят или сто грамм накатят. Но пока ничего судьбоносного в беседе не прозвучало. Натуральный кузнец, конечно, не был студентом и свои два года отдал кому положено, да только ведь и вокруг была не парковая зона. Опять же, с пьяными-то десантниками Ермощенко уж сумел бы как-нибудь договориться, а вот насчёт старика и его ожившего однокашника это было под большим вопросом.

Оставалось слушать и мотать на ус. Однако пока что ничего судьбоносного не прозвучало. Волох и Берсень явно находились в противофазе. Свежевоскрешенный Берсень был ещё во власти впечатлений последних событий своей жизни и ни о чём другом не мог говорить. Для Волоха же это были дела давно минувших дней. Было заметно, что воспоминания и переживания Берсеня его не слишком занимают, что не за этим он пришёл сюда, а за чем именно, этого Иван не знал.

— Врагу не пожелаешь, — сетовал Берсень. — Поверишь ли, на всю голоту три меча. У меня, у Стрепета, да у Коськи Молодшего.

— И Стрепет с вами был? — оживился старик. — А мне-то, дураку старому, всё невдомёк было, куда ж он подевался.

— Никуда он не подевался, тут лежит где-то. Его раньше меня кончили.

— Здесь, значит, лежит, — воодушевился старик, озираясь. — Он мне надобен, Стрепет-от.

— Да какая с него теперь корысть, с мертвеца? — до Берсеня, кажется, только теперь дошло, что он и сам, строго говоря, покойник. — А про тебя, знать, истину баяли, что ведаешь дорогу между явью и навью?

— Тропочку, Берсень. Да и той, малую лишь часть. Мне завидовать не надо. Скоро сравняемся.

— Я и не завидую. Чей верх был в сече? Погоди, не говори. Сам угадаю. Побили нас?

— Раскатали. Хреновым ты оказался воеводой.

— Я ль не говорил? — горестно вскричал Берсень, который, кажется, всё же, предполагал нечто подобное. — Какой из меня воевода. Я если мечом машу, то вокруг уже ничего не вижу. Да кто меня слушает? Старейшины приговорили, значит, всё. Вот и накормили собой и волков и воронов.

— Ну, старейшины. Ты тоже не дитя малое. Кто тебя заставлял на готфов в лоб ходить? Или не знал, что лапотники твои строю не обучены и правильного боя не выдержат? А значит, в поле не суйся. Зачем? Весь лес твой. Скрадывай, рви по кусочку. Мне ли тебя учить?

Кажется, старику всё-таки удалось вывести Берсеня из себя. — Я тебе о чём толкую? Воеводой меня поставили, а распорядились сами. Не повадно им было, чтоб без воеводы, не ловко. И ты меня, Волох, упрекай — вини, только в моей вине, а не в чужой. У меня, видишь ли, своих вин хватает, а чужого мне не надо. — Он оглянулся, вид разбросанных кругом костей совсем его опечалил. — Что, все полегли?

— Все до единого.

Что это за готфы Иван не знал, одно было ясно, завалить такого как Берсень, да еще с каким никаким войском, многого стоило. Волох, между тем, видя, что совсем вогнал собеседника в тоску, решил подсластить пилюлю, и оптимистичным тоном диктора ОРТ, повествующего о том, что чёрный ящик разбившегося автобуса наконец-то, какое счастье, найден, сказал. — Ну, ты не убивайся так, готфы тоже не без урона. Которые побитые, все остались в поле. Живым, видать, не до того было чтоб хоронить. Так что, одно могу сказать в утешение, сложил ты голову с дружиной своей честно. Хулы на твоём имени нет. И песни про тебя до сих пор поются.

Берсень, который обладал, судя по всему, горячим, но отходчивым нравом, услышав про свою легендарную славу, повеселел. — Что же это за песни такие?

Волох почесал в затылке. — Ну, про четырёх вдов и богатыря Берсеня. Зазорная, конечно, бывальщина. Её чаще других поют. Потом, про богатыря Берсеня и липовое чудище.

— О, эту я и сам люблю. Так-то душевно.

— Про аланского царевича и богатыря Берсеня. Ещё Берсень и луговые мавки. Ну, эта тоже зазорная.

Потом — Как Берсень кобылу сватал... Как Берсень посолонь ходил...

Много чего, сразу и не упомнишь. Да ты их слыхал все. Вот, кроме, наверно, последней

— Про гибель Берсеня.

— И такая есть? — пришёл Берсень в совершенный восторг и взмолился. — Спой, а?

— Окстись. Какой из меня певец? Я лучше так, словами. Поётся в той песне, что когда увидел ты, что одолевает вражья сила, то пошёл в злат-терем, и затворился в нём накрепко. Обступили чёрные готфы злат-терем всею силой несметной, стали подрубать бревна дубовые, подсекать стропила сосновые, тут ты, Берсень, то есть, выдернул из бороды волос шелковый да сказал над ним слово заветное, злат-терем взвился в небо синее, полетел за тридевять земель, и стоит теперь посреди море-окияна на горячем камне, а ты в нём спишь непробудным сном. А как проснёшься, тут царству готфов конец и придёт. И другим тоже мало не покажется.

— Ох, ну, — чувствительный витязь, всхлипнув, вытер глаза рукавом. — Ну, сочинят же такое. Злат-терем, волос шёлковый! Дурость, конечно, а пробирает!

— Никто и не спорит, как есть дурость. Уны-то до готфов раньше тебя добрались.

— Уны? Эдакой хрени я и не слыхивал.

— Умер рано, потому и не слыхивал. Тут тебе повезло. Только и унам уже край пришёл. Теперь у нас новое горе — буджаки.

Берсень в изумлении уставился на Волоха. — Шутишь? Буджаки! Этих-то я знаю, как облупленных. Охти мне, буджаки! Тоже мне напасть. Ну, аланы, ну, сарматы, ну, савиры на худой конец. Это я понимаю. А то — буджаки! Их только ленивый не бивал. Главный бог у них — Будха, еще свора таких же, и — во! — богиня Тха тож. Нет слов, Волох.

— Да уж. Богиня Тха, верно, — угрюмо произнёс Волох, понурил голову, и вдруг, ударив себя по бёдрам, заржал, натурально, по-жеребьячи. Берсень, с замаслившимися глазами, вторил ему утробным хохотом, колотя себя пудовым кулаком по коленке.

Глядя на них, Иван подумал, что, видать, с этой богиней что-то не то. Где-то она, видать, крепко себя дискредитировала. Но тут ему стало не до богини Тха.

Сначала ему показалось, что это ожили камни, но через мгновение, страх, втоптаный на задворки души, охватил его с удесятеренной силой. По всему полю поднимались мертвецы. Они вставали из травы, словно пробуждаясь от тяжкого сна, открывали глаза и брели, сами не ведая, куда, то и дело сталкиваясь. Иван видел, как шевелятся их губы, и слышал голоса, сливавшиеся в гул, но не мог различить ни единого слова.

Впрочем, никому из них так и не удалось до конца материализоваться, их зыбкие фигуры, казалось, принадлежали скорее призракам, чем людям.

Но и этого оказалось достаточно, что бы получить представление, как выглядели таинственные готфы, и какое войско осчастливил своим воеводством Берсень. Когда Ермощенко присмотрелся к ним, настолько, чтобы суметь отличить друг от друга, ему стало понятно, что Волох был кругом прав. Против готфских латников, каждый из которых был защищён кольчугой и щитом, окованным железом, у ополченцев Берсеня с их топорами, рогатинами и дубинами, было мало шансов. Было даже удивительно, что при таком раскладе трупов с обеих сторон оказалось примерно поровну. Тут Иван во второй раз подумал, что прав был Волох, когда сказал, что готфам тоже досталось.

Былые враги, похоже, не замечали друг друга, продолжая бесцельно слоняться среди камней. Время от времени казалось, что кто-нибудь вот-вот наткнется на Ермощенко, но круг, очерченный стариком, был непреодолим. Уткнувшись в невидимое препятствие, призрачные воины отшатывались и брели дальше. Но вдруг Иван ясно ощутил, что кто-то смотрит ему в спину. Он обернулся и встретился глазами с ненавидящим взглядом. Молодой

готф стоял покачиваясь, словно перебрал хмельного. У него было лицо человека, всплывшего со дна омута, к наморщенному лбу прилипли мокрые волосы, сквозь оскаленный белозубый рот со свистом рвалось дыхание, широко открытые глаза с побелевшими зрачками, казалось, вот-вот прожгут в Ермощенко дыру.

— Чего тебе, служивый? — Иван никак не рассчитывал быть услышанным. Но этот готф услышал, и Иван готов был поклясться, что взор его стал более осмысленным. Оживший мертвец чуть согнул ноги, прыгнул вперёд, и, как многие до него, ударился об невидимую стенку. Отлетел от неё, но вместо того, чтобы отправиться восвояси, вновь шагнул вперёд. Теперь он действовал осторожнее, выставив руки, он ощупывал препятствие, очевидно, рассчитывая найти в нём проход. При этом взгляд его безотрывно был направлен на Ермощенко.

Когда выяснилось, что лазейки найти не удастся, готф кивнул сам себе, достал из-за пояса боевой топор с широким лезвием, поплевал на ладони и размахнулся. Иван зажмурился, надеясь, впрочем, что топор не поможет этому сумасшедшему покойнику. Готф ударил со всей дури и топор, отскочив, как резиновый, чуть не вынес ему руку из плечевого сустава. Но это не его не смутило, он засмеялся Ивану в лицо, показывая, что заметил его страх, и принялся деловито рубить крест-накрест, словно перед ним было дерево.

Этот трудовой процесс, который, слава Богу, пока что не приносил видимых результатов, жутко раздражал Ивана, и неизвестно, до чего бы дорубился юный воин, но тут вмешался Волох, на миг прервав беседу с Берсенем, который, кажется, вообще, не замечал, что вокруг него творится, он повернулся к Ивану, досадливо поморщился, и крикнул. — Шелом отдай.

— Чего отдать? — не дослышал Иван, слегка контуженный от ударов топора.

— Шелом, бестолочь. Да не в руки, так кидай.

Предупреждение подоспело во время. Ермощенко как раз поднял с земли рогатый шлем и собирался отдать его готфу. Для чего неминуемо пришлось бы высунуться из-за спасительной стенки. Но окрик Волоха заставил его отдернуть руку, и лезвие топора просвистело по воздуху, не достав до пальцев каких-нибудь пары сантиметров.

— Не, вот ведь дурак, — Иван, выронивший было шлем, наполовину съеденный ржавчиной, осторожно взял его за рог и перебросил через черту.

Берсерк тут же успокоился, потушил пылающий взгляд, засунул свою секиру за пояс, поднял клятую каску, на которой теперь не было заметно ни малейшего следа коррозии, надел её на голову и с достоинством удалился. Поравнявшись с Волохом, он остановился, и несколько долгих секунд всматривался в него, будто силясь что-то разглядеть, потом махнул рукой и пошёл дальше.

Этот малозначительный эпизод почему-то обеспокоил старика. Не прерывая беседы, он покрутил головой, затем поднялся с камня и сделал несколько шагов к Ивану. — Ладно, Берсень. Хорошо с тобой лясы точить, однако, я ведь к тебе за чем пришёл...

— И за чем же?

— Так дело у меня. Тут человек один... Откуда он свалился на мою голову, по чьей воле, не спрашивай, сам не знаю. Но зарок на мне, должен я о нём позаботиться.

— Ты это о ком? Об этом что ли? — пренебрежительно мотнул Берсень кудрявой головой в сторону Ивана. — Так он того не стоит. Вор ведь. Всей заботы — крепкий сук да добрая верёвка.

Ермощенко, которому эта история надоела хуже горькой редьки, вынул из кармана нож

и перешагнул черту. — Не вор я, а кузнец.

— Давно бы так. А то, ишь, овечкой прикинулся, — с не предвещающей ничего хорошего грозной радостью сказал Берсень, поднимаясь во весь свой богатырский рост и замахиваясь мечом. — Ножичек у него. Видал я таких кузнецов.

— Тебе-то что за печаль? — Волох на всякий случай переместился на шаг в сторону, и занял позицию между Берсением и Ермощенко. — Он правду говорит. Коваль и есть. Так что, ты тут железом не размахивай, а то напустит порчу, век не отскоблишься.

Не похоже было, что Берсень поверил старику, но меч он всё же опустил. — Коваль, как же. Глазёнки-то блудливые. Но раз коваль, то пусть о нём Сварог и заботится. Ты-то тут при чём?

— Говорю ж, зарок на мне.

— А я при чём?

Видно было, что ответов на эти вопросы Волох и сам толком не знает, говорил он медленно, задумываясь чуть ли не над каждым словом. Неизвестно, сколько бы это ещё продлилось, если бы не поведение оживших мертвецов, которые потихоньку выходили из ступора, и начинали концентрироваться вокруг Волоха. Берсеня они, кажется, не видели, так же, как и он их.

Когда Иван вышел из круга, то и на него стали недобро посматривать. Несколько воинов остановились неподалёку, негромко переговариваясь между собой, и звук их голосов был невнятен как шелест лесной листвы.

— Эй, коваль, сюда ступай, — позвал Волох. Иван было направился к нему, но дорогу заступили.

Тогда Волох протянул руку и стал выкрикивать слова заклятия, из которых Иван ни одного не понял. Но на покойников они, кажется, произвели впечатление. Словно ветер прошёл по толпе, тела стали терять очертания, размываться, не прошло и минуты, как вокруг не осталось ни одной живой души, кроме старика и Берсеня, и только тяжёлые волны густого тумана медленно перекатывались по полю.

— Мне от тебя согласие нужно. Вот коваль этот, он чужой здесь. Не выживет.

— Загадками говоришь. Ну, чужой, ну, не выживет. Мне его сторожить?

— Сторожить не надо. Тут иное. Не знаю, поймёшь ли.

— А ты попробуй.

— Видишь ли, Берсень, у каждого смертного есть своя дорога. Он её сам прокладывает, сам по ней и идёт. Теперь взять тебя. Ты своей дороги не избыл, потому — умер до старости.

Серые глаза Берсеня от этих слов слегка округлились и приобрели явственный оловянный оттенок, а губы скривились в иронической ухмылке, но, тем не менее, старика он не перебивал и слушал внимательно.

— А у этого коваля, или кто бы он ни был, здесь своей дороги нет. То есть, и восхоти он идти, а ногу поставить некуда — чужой. Вот что мне от тебя надо, дай ему путь.

— Ничего не понял, — честно признался Берсень. — Попроси ты меня рубаху снять, снял бы. Это понимаю. А то — путь. Да бери, не жалко. Только как же я тебе его дам? След что ли свой выну?

— Ты только согласие дай. Остальное — моя забота.

— Даю согласие.

— Хорошо, — сказал с облегчением Волох. — Руку протяни и не убирай, пока не скажу. Теперь ты, — обратился он к Ивану. — Дотронься до его руки.

Ермощенко с опаской выполнил приказание, ладонь показалась ему твёрдой как камень и столь же холодной. Затем острая, невыносимая боль пронзила виски, он хотел закричать, но язык ему не повиновался, однако мука эта длилась всего несколько секунд, и вдруг боль стихла.

— Готово, — сказал Волох. — Берсень, прими руку.

Богатырь убрал руку, с сомнением посмотрел на неё, словно ожидал увидеть на ней какие-нибудь таинственные знаки, и вопросительно посмотрел на Волоха. — Точно всё?

— Всё, всё.

— И многих ты так благодетельствовал гостей-то незваных?

— Ну, так уж и незваные. Я их, понятно, не зову. По мне и без них тут народу перебор. Но, еще раз повторю, зарок. Только ведь на мне свет клином не сошёлся. А много или нет... Раньше больше было, только, почитай, никто головы не сносил. Мои благодеяния жизни им не прибавили. Но давно уж никого не было. Думал уж и не будет никого. Но ошибся. И последняя моя просьба, Берсень. Мне еще Стрепет нужны и Коська, позвал бы ты их.

Берсень заложил два пальца в рот и оглушительно свистнул. — Жди, сейчас будут.

— Я, кстати, тоже ни черта не понял, — деликатно напомнил о себе Иван. — Домой-то меня отправят теперь или как?

— А и ступай, — почти ласково произнёс Волох. — Да забудь, пока что, всё что видел.

— Ну, и сволочь, ты, дедушка, — только и успел сказать Ермощенко, прежде чем провалиться в беспамятство.

Глава девятая

Воскресное утро следующего дня началось для Даши с ароматного запаха свежесваренного кофе. Девушка сладко зажмурилась, потянулась и спустила босые ноги на теплый пол, разлинованный квадратами солнечного света. За окном разливалась ясная морозная синева, ветер, всю ночь сотрясавший оконные рамы, стих, и видно было, как над трубой хлебозавода белым столбом стоит дым.

Шлепая босыми пятками Даша прошла в ванную, умылась, и отправилась на кухню.

За столом, забравшись на табуретку с ногами, сидела Вера, с обычным своим видом примерной девочки, и пила кофе.

— Доброе утро, — сказала Даша, зевнула и, сев напротив подруги взяла кофейник. — Тетушка ушла?

— Доброе, — ответила Вера. — Только уж день на дворе. Сильна ты, мать, спать. Тетушка же ушла. Велела тебе кланяться, а ключ оставить у соседей.

— Оставим. Ну, как тебе вчерашние мальчики? Какой больше глянулся, черненький или беленький?

Вера задумчиво уставилась в потолок. — А кто из них который? Тот, у которого ты на коленках сидела, это какой?

— Черненький!

— Ага, ага, понятненько.

— А тот, который тебя тискал, тот беленький.

— Беленький, хорошенький. Студентик! — принялась загибать Вера тонкие пальцы. — Жив ли?

— Погадаем! — Даша вытащила из ящика стола потрепанную колоду карт, которую там хранила тетушка, утверждавшая, что в ней течет цыганская кровь. Впрочем, её родная сестра, Дашина мать это категорически отрицала.

— На кого гадаем?

— На обоих!

Даша кивнула и веером раскинула карты по столешнице. Как всегда, при гадании, её лицо сделалось серьёзным и даже хмурым, она внимательно разглядывала карты, и не удовлетворяясь простым осмотром, переворачивала некоторые из них рубашкой вверх и изучала и с этой стороны.

— Подруга, — не выдержала Вера. — Ты меня прямо пугаешь. Не томи. Живы?

— Живы вроде, — ответила Даша без особой уверенности в голосе. Прежняя веселость возвращалась к ней как бы поневоле, просто в силу того, что природа не терпит пустоты.

— Да, живы, живы, — махнула она рукой и смахнула карты обратно в ящик стола. — Суеверия всё это.

— Точно, — резюмировала Вера. — Мне тут два года назад нагадали богатого мужа, хромую свекровь и казенные хлопоты. И где оно всё?

— В пути, — окончательного развеселилась Даша. — Ну, что, в город? Твоего студентика-то мы вряд ли найдём. А вот к моему черненькому бугаю наведаться можем. Посмотрим, над чем он там менеджер.

— Куда наведаться? Воскресенье же.

— Действительно, — Даша дернула себя за короткую толстую косу, взяла телефонную

книгу и, порывшись в ней, стала накручивать диск телефона. — Алло. Дмитрия Акимушкина можно? Не вышел на работу? Спасибо.

— Приехали, — сказала Вера. — Ну, по крайней мере, беспокоиться еще рано. Мало ли что. Завтра еще раз позвоним.

— Позвоним, — согласилась Даша. — Ладно, в город все равно ехать надо.

* * *

Через полчаса девушки стояли на остановке маршрутного такси.

— О, смотри — Гена, собственной персоной, — толкнула Вера подругу. — И, практически, без видимых повреждений.

— Дуракам везёт.

На этот раз Гена был один, он брел навстречу, слегка покачиваясь... О вечерних неприятностях, действительно, напоминал только край марлевой повязки, выбивающийся из-под вязаной шапочки.

— Эй, — окликнула Даша, — Головка-то не болит?

Головка, очевидно, всё же побаливала, так как на вопрос Гена отреагировал с некоторым опозданием. — А, подруги. Примите соболезнования.

— По ком же?

— Как это по ком же? По том же. С кем вчера гуляли? Вот по ним по самым, покемонам.

Геройское выражение Гениного лица не предвещало ничего хорошего, и подруги насторожились.

— И чего же с ними стряслось?

— Погибли смертью храбрых, — брякнул Гена и, кажется, сразу пожалел о сказанном. Но слово — не воробей. И он, уже без прежней удали в голосе, пояснил. — Они ж от нас убежали вчера. И в парк их чего-то занесло. А там, сами знаете, под вечер лучше не появляться. Не знаю, кто их так напугал или просто по жизни умом траченные, но угораздило их забиться в погреб, что на месте летнего кафе. Знаете его?

— Ну, знаем. Ты дальше говори, — Даша не сомневалась, что в словах Гены есть не малая доля истины, поэтому ей было очень не по себе.

— А что дальше? Дальше — всё. Неосторожное обращение с огнем. Так что никто наружу уж не вышел. А дверь изнутри заперта. Тут без вариантов, или в дыму задохлись или замёрзли.

— Врёшь ты всё, — сказала Вера. — Кто их напугал? Ты, что ли? И потом, что за неосторожное обращение? Там гореть нечему.

— Да, видно, нашлось чему, раз весь бункер закопченный. А кто их напугал — неизвестно. Ну, малолетки нынче лютые, под раздачу попасть — врагу не пожелаешь.

— И милицию вызывали?

— А кто ж её будет вызывать? Там и днём народу не густо, а в темноте и подавно. Хотите, сами вызывайте. Только, не советую.

— Все врешь, — согласилась с подругой Даша. — Не было никаких малолеток. Тут кроме вас, уродов, никакая фауна не выживает. Брату скажу, он с тебя шкуру спустит.

— Уж так уж и спустит. За тебя бы может и спустил. А эти-то ему кто? А

доказательства?

— Ничего, мне он на слово поверит.

— Поверит так поверит, есть и кроме него бэтманы. — Гена отвернулся и побрел восвояси.

Вера проводила его взглядом. — Совсем спятил. В дыму задохлись... Какой еще дым?

— Я знаю? Но что-то все это мне не нравится. Пойдем.

— Куда?

— В парк. Ты чего плачешь, что ли?

— Студентика жалко, — всхлипнула Вера. — Саню.

Чтобы утереть рослой подружке слезы невысокой Даше пришлось привстать на цыпочки.

— Не реви. Пошли, люди смотрят.

— Каменная ты, Дашка.

Этим солнечным морозным днем парк уже не выглядел таким заброшенным. По аллеям сновал народ, в основном это были молодые мамы с детскими колясками и пенсионеры, совершающие свой обычный моцион, но хватало и случайного люда. Появился даже лоток с чебуреками, за которым прочно утвердилась закутанная в серую пуховую шаль румяная тетка.

Но там, куда шли Даша и Вера, было безлюдно. Белизну засыпанных вчерашним снегопадом дорожек успели нарушить только цепочки птичьих следов.

— Соврал Гена, — успокаивая себя, бормотала Даша, но, тем не менее, упорно продолжала пробираться по снежной целине, туда, где за редким кустарником, угадывалась заметенная снегом крыша бункера.

— Горелым пахнет, — ступая след в след, испуганно проговорила Вера. — Дашка, может, ну его к черту? Пошли обратно. Не нравится мне все это.

— Мне, думаешь, нравится?

Даша уже стояла на верхней ступеньке лестницы, ведущей вниз, к железной, закопченной двери, возле которой, еле присыпанная снегом, возвышалась куча золы.

— Вот, значит, откуда дым, — сказала Даша, которая, будь она здесь одна, никогда бы не рискнула спуститься, но присутствие боязливой подружки придавало ей смелости.

— Ты тут подожди, а я гляну.

— Нет уж, — вцепилась в неё Вера. — Я тут одна со страху помру.

Прижавшись друг к другу, они осторожно сошли по лестнице и остановились перед закрытой дверью, не решаясь до неё дотронуться.

— Эй, — тоненьким голоском сказала Даша. — Есть кто живой?

Ответа не последовало.

— Да твою ж мать! — вдруг рассвирепела Вера и с размаху пнула железную дверь, которая, жалобно заскрипев, распахнулась. Даша, схватившись за сердце, вглядывалась в зловещую темноту.

— Чего там? — жалобно спросила Вера.

— А то ты не видишь?

— Не вижу, я глаза зажмурила.

Даша сделала шаг вперед и темнота словно расступилась, света падавшего из полуоткрытой двери было вполне достаточно, что бы понять: здесь никого нет.

— Нет здесь никого, — громко сказала Даша. — Можешь открыть глаза.

Вера, осторожными шагами приблизилась к подружке и принялась с любопытством

озираться. — Ну и местечко.

— Мрачное, — внимание Даши привлекло маленькое зеленоватое пятнышко на стене бункера, словно луч света пробивался снаружи сквозь какое-то отверстие. Она подошла поближе и прижала его указательным пальцем, тут же рядом, на расстоянии двух-трех сантиметров, появилось точно такое же световое пятнышко, теперь это походило на то, что кто-то играет с Дашей, пуская солнечных зайчиков. Даша прижала к стене безымянный палец, но световое пятнышко сдвинулось еще в сторону.

История повторялась, Даша, сама о том не подозревая, делала то что делал Митька несколькими часами ранее, повторяя все его движения. С той лишь разницей, что когда к ней присоединилась Вера, в самый последний момент, Даша почувствовала что-то неладное и крикнула подруге, чтоб та не притрагивалась к стене. Но предупреждение запоздало.

* * *

Первое, что услышала Даша, придя в сознание, был Верин дрожащий голос, — Господи, иже еси на небеси, да святится имя твое, да приидит Царствие твое.

Даша почувствовала, как волосы на её голове становятся дыбом. С трудом ворочая затекшей шеей, она не сразу разглядела в полумраке скорчившуюся у стены подругу. — Верка, ты что?

— Живая! — обрадовалась та и зарыдала в голос. — Летим, а куда, неведомо.

Не оставалось никаких сомнений, психика будущей учительницы не выдержала испытаний, выпавших на её долю за последние сутки. И так, Вера сошла с ума.

Как ни странно, эта мысль некоторым образом успокоила Дашу и она, чувствуя, что снова теряет сознание, покорно закрыла глаза.

* * *

Очнувшись, Саня первым делом принялся, дымом, кажется, не пахло. Сквозь неплотно прикрытые веки пробивался свет. Саня осторожно пошевелил руками. Вроде свободны. Только после этого он осмелился открыть глаза, но ничего кроме широкой, обтянутой черной материей спины натурального кузнеца не увидел. Мысли в голове двигались неспешно, и поэтому Саня не сразу сообразил, что Иван, вероятно, тоже потерял сознание и теперь лежит рядом, загораживая обзор. Митьки же нигде не было видно. Скосив глаза, Саня обнаружил, что по-прежнему находится в бункере, с той только разницей, что теперь здесь было светло. Однако источника света не было видно. Похоже было, что светились сами стены, которые оказались не бетонными, как можно было ожидать, а все того же молочно-зеленого цвета, словно сделанные из толстого матового стекла. И еще было одно обстоятельство, на которое Саня не сразу обратил внимание. Тут было тепло. И лед, которым был покрыт пол бункера, порядком подтаял. Поняв, что лежит в луже грязной воды, Саня, цепляясь за стенку, встал на ноги, и сразу увидел Митьку. Митька лежал рядом с Иваном, на спине, раскинув руки, и похоже не дышал. Саня похолодел. Но в это время натуральный кузнец пришел в себя, его глаза, под одним из которых красовался огромный синяк, широко распахнулись и сурово уставились на Саню. Саня подождал, не скажет ли

Иван чего-нибудь, какую-нибудь, судя по его суровому виду, пакость, однако тот сначала сел, затем широко улыбнулся, подмигнул. — Ты что же это натворил, сынок?

— Да откуда ж ему знать? — сказал Митька, не меняя позы и не открывая глаз. — Все нормально. Просто мы, кажется, код набрали какой-то. Вот оно и сработало. Интуитивный интерфейс, прости, Господи.

— Что сработало? Какой код? — спросил Иван светским тоном человека, вспомнившего, что имеет дело с сумасшедшими.

— А черт его знает. Но факт, что вот эти места, что под ладонями светились, это вроде кнопок на кодовом замке. Мы их нажали, оно и сработало. Мне только непонятно, как Санька догадался, куда жать. Хотя, какая теперь разница.

Сказав это, Митька, кряхтя, поднялся и перешагнув через вытянутые ноги натурального кузнеца, обутые в щегольские остроносые ботинки, подошел к Сане. — У тебя вроде сигареты оставались.

Саня достал из кармана пачку и пустился в объяснения. — Я ж сказал, интуитивный интерфейс. То есть, устройство, взглянув на которое, человек должен интуитивно сообразить, как оно действует. Вот у меня интуиция и сработала. С перепугу наверное.

— Или спяну, — добавил Ермощенко.

— Чего ты сообразил? — щелкнув зажигалкой, спросил Митька.

— Я из всех созвездий знаю только Большую Медведицу.

— Эта, которая в виде ковша?

— Ну, да. Ковшик с ручкой. Как дошло, то дальше уже просто.

— Ясно. А что после этого будет, тебе интуиция не подсказала?

— Нет. Мне кажется, для этого тоже нужна интуиция, но уже как бы совсем другая.

— Морды целы. Уже хорошо.

— Целы то целы. Только надолго ли? — Иван протянул руку. — Мне бы тоже сигарету.

— Бери. Ты бы встал, на мокром сидишь.

Ермощенко внял доброму совету, и теперь все трое, дымя сигаретами, стояли рядом, придерживаясь за стенку, так как бункер продолжало потряхивать.

— Интересно, а куда эти упыри делись, — вслух размышлял Митька. — Что-то не слышать их.

— Видать, в дюзу засосало, — предположил кузнец. — А может, до сих пор под дверью валяются испепеленные.

— Надо бы посмотреть.

— Докурим, тогда.

Докурив, тихо ступая, подошли к двери.

— Значит так, — сказал Иван, подкидывая на ладони кирпич. — Ты, Митька, давай, открывай. Мы подстрахуем, на тот случай если кто ждет за дверью. Встретим, в общем. А ты, если что, дверь захлопнешь.

Стараясь не шуметь, Митька вытащил кусок арматуры из петель засова и вопросительно оглянулся на Ивана и Саню, стоящих за его спиной с занесенными для неотвратимого удара кирпичами. — Готовы?

— Давай! — кивнул Иван. Митька тихо-тихо потянул дверь на себя, но она не поддавалась. Снаружи заперли, что ли? — он потянул сильнее, но с тем же успехом.

— Подержи, — Иван передал свой кирпич Сане. — В случае чего, круши с двух рук, по-македонски, — и стал помогать Митьке. Под их общим напором дверь поддалась.

— Саня, подложи что-нибудь, — прохрипел Митька. — Да брось ты кирпичи. Нет там никого.

Заинтригованный Саня бросил свой кирпич, а кирпич Ивана втиснул в приоткрывшуюся щель, между дверью и косяком. — Готово. Отпускайте.

Иван с Митькой, посмотрели друг на друга и кивнув один другому отпустили дверь. Кирпич захрустел, но выдержал.

— Чего там? — становясь на цыпочки и пытаясь заглянуть через их спины, спросил Саня.

Иван медленно вытер пот со лба. — Облака там, Саня.

* * *

— А земли не видно?

— Не видно, — ответил Иван и вцепился в Митькино плечо, потому что пол под его ногами накренился, и собравшаяся на полу талая вода ручьем хлынула в дверь. У Сани заложило уши, словно в самолете идущем на посадку. Митька побледнел как полотно и сказал. — Зря мы дверь открыли. Кажется, падаем.

— Если и падаем, то не так что бы очень быстро, — успокоил его Иван. — Дышится, опять же, свободно, а значит, если и гробанемся, то не с такой уж большой высоты.

— Как же не с большой, когда сами говорите, земли не видно, — возразил Саня.

— Земли не видно из-за сплошной облачности. И к тому же, посмотри как тепло. Значит, невысоко.

— Да откуда ж теплу быть, когда зима на дворе, — крикнул Митька слабым голосом.

— Грохнемся, разберемся.

Тут бункер тряхнуло особенно сильно, затем еще и еще, мотнуло из стороны в сторону, и вдруг все кончилось. Зеленовато-молочное свечение погасло. Наступила крошечная тьма.

— Приземлились, вроде, — не веря своим словам, прошептал Саня.

— Похоже на то, — отозвался Иван, вставая на ноги. — Посидите пока. Гляну, что с дверью.

Слышно было, как он подошел к двери, дернул, дверь заскрипела, сильно зашуршало, словно песок сыпался из кузова самосвала, сверху дверного проема открылась широкая прореха, через которую в бункер хлынули солнечные лучи. В их свете стало видно, что натуральный кузнец стоит, заваленный по колени землей. Казалось непонятным, откуда она взялась. Общее чувство недоумения выразил Митька. — Зарыли они нас, что ли?

— Это зимой-то? — сказал Саня, глядя, как Иван, суется на манер крота, разгребает землю, освобождая проход.

— А на дворе, между прочим, — Иван поднял голову, словно принюхиваясь, — никакой зимы, а сплошное лето. Птички чирикают, цветочки благоухают.

— Контузило кузнеца-то, — с этими словами, Митька пристроившись рядом с Иваном, принялся ему помогать.

Много времени это не заняло, через минуту полузасыпанная дверь была расчищена настолько, что хватило бы пролезть взрослому человеку, правда, согнутому в три погибели.

— Подожди, — Митька, видя, что Иван собирается лезть наружу, придержал его за рукав. — Кирпич возьми.

Солнечные лучи ослепили Саню, и он зажмурился, а когда открыл глаза, то не мог им поверить. Вокруг, действительно, было лето. Вовсю жарило солнце, так что уже через минуту, чтоб не задохнуться, пришлось стащить с себя зимнюю куртку, а чуть погода и свитер. В зеленой листве деревьев оглушительно пели птицы, и над теплой землей струился одуряющий аромат каких-то цветов. Бункер, послуживший им укрытием, выглядел теперь, снаружи, как невысокий бугор посреди поляны, заросший травой настолько, что на расстоянии нескольких шагов совершенно терялся из виду. Лес же окружавший поляну не имел ничего общего с зимним парком, по которому они бежали каких-нибудь полтора часа назад. Это был настоящий лес, без всяких, если не считать бункера, следов присутствия человека. Высокие сосны со стволами странного фиолетового оттенка стояли стеной с одной стороны поляны, а с другой курчавились кусты в человеческий рост, за которыми в легкой завесе молодой листвы высились громадные березы.

Митька, выбравшийся на божий свет последним, помотал головой, словно пытаясь отогнать наваждение, но ничего не сказал, так же как и его товарищи. Они просто стояли молча.

Первым подал голос Иван. — Какие будут мысли?

— Так, — сказал Саня, присматриваясь к солнцу и восстанавливая в памяти расположение парка, где они, по идее должны были находиться. — Город там, — он ткнул пальцем, — за этими березами.

— А березы-то откуда взялись? — задал Иван риторический вопрос. — Берез вроде никаких не было.

Насчет берез Саня тоже был не уверен, но относительно расположения города у него сомнений не было. Поэтому, стараясь убедить не столько Ивана, сколько себя, он произнес. — Мы их могли не заметить. Темно ведь было.

— Вот именно что темно, — дурные предчувствия Митьки усиливались с каждой минутой. — Сколько времени мы в этом погребе просидели? От силы час, — он посмотрел на часы. — Во, ровно один час пятнадцать минут. Времени сейчас пол-одиннадцатого вечера. И это, — он обвел руками окружающую благодать, — вечер?

— Скорее утро, — благодушно согласился Иван. — Где-то ближе к полудню. А чего? Мне нравится. Так что делать-то будем?

— В город надо идти, — Митька снял с себя кожаную куртку, положил в неё свитер, шарф, шапку, перчатки, оставшись в одной синей рубашке навыпуск и светлых брюках, заправленных в высокие ботинки, и скрутив куртку в узел, забросил его за плечо. — Ну, что, пошли?

— Пошли, — сказал Иван, который, очевидно, не доверяя первому впечатлению, избавляться от верхней одежды не торопился, а может быть, следовал примеру кочевников пустыни Каракум, которые любую жару легко переносят в своих бараньих папахах и ватных халатах. Так и шел в черном пальто и меховой шапке-ушанке, изредка отгоняя от лица любопытных пчел, кружившихся вокруг в изобилии.

Никакого города они не нашли, и вообще, ни одна живая душа, ни хоть какой-нибудь человеческий след, ничего не попало им за время многочасовых блужданий по лесу, которому, казалось, не было ни конца, ни края. Наконец решили вернуться на поляну, с которой началось их путешествие.

Однако на поляне их ждал еще один сюрприз, никакого погребка или, если угодно, бункера на ней не оказалось, будто и не было его тут никогда. Не веря собственным глазам, чуть ли не на четвереньках обыскали и ощупали каждую пядь земли. Но все было напрасно.

— Может поляна не та? — чуть не плача, предположил Саня, который пережил бесследное исчезновение бункера тяжелей всех.

— Да где ж не та? — безжалостно сказал Иван. — Та самая. Вон, сосна обгорелая, с верхушкой расщепленной. Это, видать, молнией ударило. Я её приметил. Рядом валун был. Чего ж тебе еще? Вот сосна, вот валун. Поляна, Саня, та самая. А бункер наш, надо полагать, в обратный рейс улетел, порожняком.

— Похоже на то, — Митьке сказанное Иваном явно не казалось бредом.

— Может быть мы имеем дело с телепортацией? — предположил Саня, когда к нему вернулась способность соображать.

— Мне это больше лифт напомнило, — сказал Иван. — Зашли, вышли. Кабинка уехала, а зеленые человечки остались.

— Тогда уж шлюз, — уточнил Митька. — Шлюз Витрувия.

— Шлюз Витрувия. Красиво, — оценил Саня.

— Что еще за Витрувий?

— Забыл, что на стене было написано? Архитектор знаменитый, жил в древнем Риме. И бар, кстати, тоже так назывался.

— Архитектор еще какой-то, — Иван, щурясь, смотрел на желтый круг солнца, застывший над огромной замшелой елью. Но кто-то ж эту подлянку измыслил. И не думаю, что вчера. Значит, должны быть еще пострадавшие.

— Может и есть, — согласился Митька. — Только нам от этого ни холодно ни жарко. Или предлагаешь подождать, пока найдутся идиоты, которые, следуя нашему примеру, залезут в этот погреб и примутся на кнопки нажимать? Но предупрежу сразу, ждать придется долго.

К реке надо идти, — сказал Иван. — Река к людям выведет. Так что, доходим до первого ручья и дальше вдоль него, вниз по течению.

На том и порешили.

Глава десятая

Насчет идиотов Митька оказался не прав.

Не прошло и суток, когда Даша и Вера, повторив путь своих предшественников, выбрались из бункера. Они испытали похожие чувства, те же изумление и страх, с той лишь разницей, что у них ушло меньше времени на рассуждения и предположения. Кроме того, пустая сигаретная пачка, найденная ими у самых дверей, в густой траве, явно указывала на то, что до них здесь кто-то побывал. С большой долей вероятности девушки предположили, что пачка брошена их пропавшими без вести вчерашними кавалерами, которые, следовательно, живы и возможно даже, чем черт не шутит, обретаются где-то неподалеку. К сожалению, это была первая и последняя обнадеживающая новость. Кроме того, теперь, когда выяснилось, что с этими малознакомыми, в общем-то, парнями скорее всего ничего плохого не случилось, все происходящее представилось девушкам в ином свете и выглядело совершенно безответственной глупостью. Но печалиться об этом было некогда, следовало выбираться обратно в город. Первым делом избавились от зимней одежды, сложив её в Дашину хозяйственную сумку, которую договорились нести по очереди.

Далее история снова повторилась, никакого города найти не удалось, после чего подружки вернулись на поляну, только затем, чтобы обнаружить, что бункер таинственным образом исчез. То, что поляна была та же самая, свидетельствовала сигаретная пачка, лежавшая на прежнем месте. Мысли о телепортации, и тому подобном, практичным подружкам в голову не приходили.

Они просто пошли, куда глаза глядят, в расчете кого-нибудь встретить. И в этом смысле им повезло больше. Не прошло и трех часов, как их поиски увенчались успехом.

Из-за дерева вышел смуглый человек в нелепом кожаном колпаке, надвинутом почти на глаза. На нем был дырявый халат, отороченный грязно белым мехом, доходящий до колен и перехваченный широким поясом. На поясе болтался меч в обтянутых черной материей ножнах. Кривоватые ноги, обутые в красные сапожки, ступали почти бесшумно.

Обросшее редкой бородой лицо, вытянутое вперед, как у лисички, при виде девушек приняло озадаченное выражение. Несколько немых секунд пролетело во взаимном разглядывании, наконец, незнакомец радостно осклабился и, сделав приглашающий жест, посторонился, пропуская девушек.

Однако те принимать приглашение не торопились.

— Здравствуйте, — сказала Даша, не трогаясь с места. — Мы тут заблудились.

Улыбка незнакомца стала еще шире, он быстро закивал головой и, произнеся несколько слов на незнакомом языке, повторил жест.

— Толкиенисты, что ли? — вполголоса сказала Вера и, пожав плечами, прошла вперед. Очевидно, несмотря на все свое вооружение, невысокий мужчина, бывший на голову ниже её, не казался ей опасным.

Даше не была столь уверена и испытывала нешуточное желание убежать в кусты, однако, не желая бросать подругу, поневоле шла следом... Через несколько шагов взорам девушек открылась зеленая лужайка, посреди которой горел костер. Вокруг огня сидели люди, по обличью схожие с тем, который их привел сюда. Было их человек семь. Чуть поодаль паслись кони.

Головы сидящих повернулись в сторону девушек.

— Ох, подруга, — пробормотала Даша. — Кажется, попали.

— Не бойсь, — так же вполголоса ответила Вера, которой теперь тоже было явно не по себе, так как обратная дорога была отрезана окружившими их людьми, от которых шел густой дух немых тел и конского пота. Они оживленно обменивались репликами на неизвестном языке, не обращая ни малейшего внимания на попытки заговорить с ними. Когда до девушек это дошло, они замолчали, с тревогой ожидая дальнейших событий.

Ожидание это оказалось недолгим. Очень скоро выяснилось, что интерес, с которым незнакомцы рассматривали девушек, относился не столько к ним самим, сколько к тому, во что они были одеты.

Складывалось впечатление, что эти лесные обитатели в первый раз видят горожанок. Во всяком случае, когда первое изумление прошло, сразу несколько рук протянулось к девушкам, чтобы поближе исследовать их одежду. Кто-то дернул Дашу за свитер, другой несмело, словно боясь обжечься, дотронулся да заклепки на джинсах. А того, который не поленился наклониться, чтобы пощупать подол её юбки, Вера оттолкнула с такой силой, что он упал, но, кажется, даже не заметил этого. Встал, как ни в чем ни бывало, на ноги, и снова присоединился к любопытствующим, которые уже перешли к следующей фазе своих изысканий, которая выразилась в том, что одни принялись самым наглым образом раздевать девушек, в то время как другие крепко держали их, лишая малейшей возможности к сопротивлению.

При этом к снимаемым вещам неведомые налетчики относились с величайшей бережностью. И если им попадалась какая-то особо заковыристая застежка или пуговичка, с которой они не сразу могли справиться, то её не обрывали, не ломали, а терпеливо возились с ней, пока она не поддавалась. Поэтому дело двигалось не слишком быстро, но все же через каких-то десять минут на девушках ни осталось ничего. Все это время Вера пронзительно кричала и ругалась, но с таким же успехом она могла кричать где-нибудь в пустыне.

Даша не проронила не звука, словно всё происходило не с ней, а с кем-то другим. В сущности, так оно и было. Было ясно, что этих радостно возбужденных мужчин ни Даша, ни Вера, как таковые не интересовали, гораздо больше их занимали отобранные у девушек вещи, которые передавались из рук в руки и обсуждались с большой горячностью.

Настоящую сенсацию, граничащую с паникой, вызвали Дашины черные колготки, но разобрались и с ними.

Хуже всего было то, что и сами девушки, вернее, их тела так же проходили по разряду трофеев, просто до них не дошла ещё очередь. И пока что это выражалось только в уверенных, но мимолетных, прикосновениях, похлопываньях и поглаживаниях. Извечный смысл этой пантомимы, которую, скорее позвоночником чем разумом, чувствовали все участники, состоял в том, чтобы отсечь девушек от их прежней жизни, какой бы она ни была, оставив им на будущее только одну возможную роль, рабынь, обязанных служить источником наслаждения для своих хозяев.

Высокой, статной Вере доставалось при этом гораздо больше. Впрочем, и Даша, обладавшая относительно широкими для её небольшого роста плечами и бедрами, что, вкуче с осиной талией и тонкими запястьями и лодыжками, делало её похожей на терраотовую статуэтку, тоже не могла пожаловаться на отсутствие внимания. Кожа её горела от чужих ладоней.

Внезапно все расступились, в круг уверенной походкой вошел высокий, похожий на борца-тяжеловеса, черноусый мужчина средних лет, выделявшийся среди прочих богато

украшенным оружием, да и одет он был получше, под распахнутой стеганой курткой блестела кольчуга, а на голове щегольски сидела круглая малиновая шапка с меховой опушкой. Говорил он резким, повелительным тоном человека, привыкшего отдавать приказы. Ворох содранной с девушек одежды остался лежать на земле, рядом с их сумкой. Все, кроме тех, которые держали Дашу и Веру, сгрудились за спиной черноусого, переговариваясь вполголоса.

А тот молча стоял, раздумывая. Под его равнодушным взглядом, скользнувшим по её нагому телу, Даша поежилась. Затем мужчина шагнул к Вере и, взвесив в широких ладонях её груди, сжал их в задумчивости, заставив её застонать от боли. Улыбнулся, зашел со спины, звонко шлепнул девушку и мотнул головой. Этот жест был встречен одобрительными криками.

Веру подхватили под руки и повели к костру. Она брела на заплетающихся длинных ногах, с рассыпанной по голой спине гривой рыжеватых волос, рыдая в три ручья. Но слезы её никого не трогали. Своей строптивостью она многих успела разозлить, и теперь её подгоняли грубыми тычками, туда, где возле костра уже была небрежно раскинута кошма.

Затем взгляд предводителя снова обратился на Дашу, что-то в лице девушки привлекло его. Воины, держащие её, отступили на шаг назад. Почувствовав, что руки её свободны, Даша попыталась прикрыться ими, но под немигающим взглядом больших агатовых глаз безвольно опустила их вдоль бедер и замерла, сжавшись и понурив голову. Черноусый потрепал её по щеке широкой жесткой ладонью, затем, схватив за короткую тугую косу, оттянул голову девушки назад, а ладонью другой руки сильно надавил ей между лопаток, заставляя распрямиться. Теперь Даша стояла навытяжку, втянув живот, и без того плоский, задрав подбородок и расправив прямые плечи, вызывающе выпятив грудь, и если бы здесь, на лесной поляне, каким-нибудь чудом, оказался бы какой-нибудь знаток парусного флота, он бы нашел известное сходство Даши с вырезанными из дерева фигурами нагих красавиц, которыми часто украшали форштевни тогдашних кораблей.

Однако, напряженная поза, в которой застыла девушка, вступала в известное противоречие с покорностью, с которой она подчинялась чужим рукам. Дашину волю парализовало зрелище того, что происходило всего в десятке шагов. Окружившие Веру воины уложили её спиной на кошму. Пока один, вероятно обладавший незаурядной силой, прижимал раскинутые руки девушки к земле, двое других задрали ей ноги и широко развели их в стороны. Судя по их умелым, сноровистым движениям, поступать им так было не в новинку. Крик Веры перешел в истошный визг, но это только раззадоривало насильников.

Заминка у них возникла лишь один раз, когда надо было решить, кто будет первым. Пришлось кидать жребий. Было дико видеть, что эта процедура ничем не отличалась от той, к которой прибегают городские мальчишки, решая кому стоять на воротах. Короткая травинка досталась самому мелкому, который, похоже, играл в команде роль шута. Теперь ему представился случай проявить свой талант во всей красе. Свою удачу он отметил восторженным воплем и несколькими па какого-то дикого танца. После чего приступил к Вере.

Даша отвела взгляд и увидела, как из кустов вышел светловолосый человек в белой рубахе, несший охапку хвороста. Свалив хворост у костра, человек в белой рубахе быстрым шагом пересек поляну и подошел вплотную к черноусому. При этом вид он имел такой деловитый, словно имел сказать нечто важное. Человек этот был не похож на остальных, от которых его отличал не только цвет волос. Он был безоружен, если не считать заткнутого за

пояс топора. Вообще, вид у него был совершенно не воинственный.

От приземистой ладной фигуры веяло каким-то довольством и спокойствием. Да и годами он был старше любого из присутствующих, где-то ближе к пятидесяти.

Затем человек в белой рубахе что-то сказал черноусому, но тот и бровью не повел. Понимающе кивнув, человек в белой рубахе отступил на шаг и остался там стоять, склонив голову на левое плечо, заложив одну ладонь за пояс, а другой поглаживая окладистую бороду. Оттуда он еще раз бросил взгляд на черноусого, но, убедившись, что тот по-прежнему поглощен созерцанием происходящего у костра, вдруг заговорил с Дашей. Через какое-то время до той вдруг дошло, что она понимает то, что он говорит. Многие слова были незнакомы, но остальные, камешками вылушиваясь из его, журчащей как ручеек, речи, без особого труда доносили до неё смысл сказанного.

— Я — Сивер, а его Дунда зовут, — говорил человек в белой рубахе, показывая на черноусого. — Он за главного. Его все слушаются. И я тоже. А иначе нельзя, потому — все по уму должно быть.

Он, видишь, как распорядился, подругу твою, значит, дружине отдал на потеху и поругание, а тебя для себя взял. А мог бы и обоих себе оставить, но нет. Потому — честный!

Честный Дунда, между тем, сел на ствол поваленного дерева и, притянув на колени Дашу, стал гладить её, как гладят собаку, не обращая внимания, на то, что та тряслась как осиновый лист.

— Ты что, девка, — удивился Сивер. — Никак смерти ищешь? Радуйся, дура, а то, не ровен час прогневится.

Но Дунда не стал гневаться, просто наподдал коленом, и ноги Даши разъехались в стороны.

— Знай хозяйскую руку, — торжественно констатировал Сивер, усаживаясь на траву, чтоб не упустить ни малейшей подробности.

Однако, Дунда пока что был больше занят тем, что с Верой проделывает низкорослый весельчак, который потешал товарищей, распаляя их и распаляясь сам. Видно было, что он, как опытный артист, желает взять от ситуации все, что только можно. Но неблагодарные зрители уже показывали признаки нетерпения.

Лицо Сивера своим благообразным строением как нельзя более лучше приспособленное для выражения добрых чувств, казалось, ооченело в умильной гримасе. — У них, милая ты моя, обычай такой, значит, что всё что чужое, то всё ихнее. А уж чужая-то баба без мужика, и того более. Ну, и где твой мужик? Нету. А и был бы какой, они бы эту неисправность мигом поправили. Потому что отеческие обычаи блюдут свято. Это ж буджаки, а не наши пни беспамятные.

Перед ихней мощью и молодечеством ни одна не устоит. Которая дружить не хочет, той ножиком по горлу. А как иначе? На дружбе ведь белый свет держится. И что делать? Не трепыхаться! Достоинство блюсти! А достоинств у нас с тобой, девка, теперь два — смирение и послушание. Значит, тварь бесстыжая, не сиди, как копна. Радуйся, а то хуже будет.

Слова говорливого придурка с назойливостью мух лезли в уши и зудели в голове.

— Нет, не понимаю я наших баб. Толкут как горох в ступе — степняки, поганые. Морды воротят. А ведь это такие же люди. Их только понять нужно. Если ты к ним по-хорошему, то и они к тебе по-хорошему, — Сивер шумно сглотнул слюну и замолк.

Низкорослый, опасаясь наскучить товарищам, придумал какую-то новую шутку. Чего он

там творил, Даше не было видно, но белокожая Вера, которая, как все рыжие, легко краснела, не то что покраснела, а сделалась прямо пунцовой, и уже не кричала, а только молча раскрывала рот, как рыба, выброшенная на песок.

— А по мне, так все люди одинаковые, — не унимался Сивер, словно торопясь заткнуть словесной трухой чёрные дыры в стремительно расползающейся ткани бытия.

— Топор мне оставили, доверяют. Что сами едят, то и мне, по справедливости. И я им не без пользы, язык знаю. Толмачу помаленьку. Им без меня никуда. Речицу возьмем, большой полон будет, попрошу у Дунды позволения, чтоб жену себе подыскать. А то, видишь, какая незадача, моя-то, прежняя, пропала. Сама рассуди, зачем степнякам старуха, когда у них и молодые долго не держатся. Ну, женюсь, детишек новых нарожаем. Чем не жизнь?

Низкорослый наконец оторвал от Веры свое лицо, вытер мокрые губы и подбородок и навалившись всем своим тощим телом, судорожно, как припадочный, задёргался. И что-то у него сразу не заладилось. Зрители зароптали.

Дунда оттолкнул от себя Дашу, которая как кукла повалилась в траву, встал и широкими шагами пошёл к костру.

Подойдя к костру, честный Дунда легко, как щенка, поднял низкорослого за шиворот и отбросил на несколько шагов. Запутавшись в спущенных штанах тот упал, но тут же вскочил, злобно блеснули глаза на перепачканном землей лисьем личике, которое, однако сразу приняло добродушный вид, когда низкорослый первым громко засмеялся, всем своим видом показывая, что находит выходку предводителя весьма остроумной.

Дунда же принялся неторопливо расстегивать пояс, важно, с большим чувством собственного достоинства, как все, что он делал в этой жизни. И вдруг, дернулся, словно кто-то спереди внезапно рванул его за волосы, и упал лицом вниз. Вслед за ним коновод, невзрачный юноша в войлочном колпаке, всю дорогу дремавший, не принимая участия в общем веселье, вдруг широко открыв глаза, скосил их на грудь, из которой торчал оперенный конец стрелы, да так и остался сидеть пригвожденный к берёзовому стволу.

Над поляной прокатился волчий вой.

Испуганные кони подхватились и вихрем умчались куда-то, сразу исчезнув из виду. Бросившийся к ним наперерез, низкорослый шутник вскрикнул и кубарем покатился по земле. Даша, плохо представляя, что происходит, села на землю. Между тем, оставшиеся в живых соратники покойного Дунды, быстро опомнились и гурьбой побежали туда, где, как они полагали, притаился невидимый стрелок.

Но смерть сама вышла к ним из зарослей, приняв обличье рослого седобородого старика с длинным мечом, казавшимся невесомым в его костлявой руке. С лязгом сшиблись клинки. Через минуту все было кончено, четверо из бежавших полегли на месте, заливая кровью траву вокруг себя, пятый, не приняв боя, кинулся в лес. Он бежал очень быстро, казалось, быстрее, чем может бежать человек, и стрела настигла его всего лишь в шаге от спасительных деревьев.

Даша, как замороженная, наблюдала за бойней. Мир стал принимать нормальные очертания. Безумие, захлестнувшее его черными волнами, со смертью каждого насильника отступало все дальше.

Сивер же, который за все время ни разу не пошелохнулся, казалось, не верил своим глазам, глядя, как один за другим умирают его хозяева, силе и непобедимости которых он так безоглядно доверился, и озаботился своим спасением, лишь тогда когда упал последний

из них. Он пригнулся к самой земле и стал, стараясь не привлечь к себе внимания, пятиться. Возможно, ему удалось бы уйти незамеченным, но споткнувшись о подставленную Дашей ногу, Сивер споткнулся. Драгоценные мгновения были потеряны. Неудачливый беглец, кажется, понял это, взгляд, брошенный им на девушку, был полон неподдельного изумления. Он, словно видя её в первый раз, вскрикнул с укоризной. — Ты что!? Ты что творишь, девка? Я ж тебе в отцы гожусь.

— Да никуда ты не годишься, — произнес откуда-то сбоку низкий голос. Обернувшись, Даша увидела в нескольких шагах от себя женщину с луком в опущенных руках. Мельком, исподлобья, взглянув на Дашу из под низко повязанного платка, она улыбнулась странной улыбкой, чуть сморщив нос и приподняв верхнюю губу. Блеснули белоснежные острые зубы.

Сивер махнул растопыренной пятерней, словно отводя от лица паутину. — Чур меня. Тебе-то что за дело до меня, лесная тварь?

— Никакого, — женщина, не выпуская Сивера из поля зрения, ни мгновения не задерживалась на одном месте, перемещаясь с такой легкостью, что казалось, будто она танцует, не касаясь травы ступнями, подобно тому, как танцует пчела над чашечкой цветка.

В отличие от неё старик двигался тяжело, к тому же припадая на правую ногу. Теперь, когда он приблизился, стало заметно, насколько он стар. Когда-то в молодости это был наверно настоящий богатырь, но широкие плечи его давно сгорбились под грузом лет, а под просторной одеждой угадывался костяк, оставшийся от некогда могучего тела. Длинные седые волосы, стянутые на голове ремешком, безжизненными прядями ниспадали на плечи и обрамляли изрубленное морщинами бородатое лицо, на котором только в глубоко запавших глазах еще теплилась болотными огоньками какая-то жизнь.

Сивер, продолжая сидеть, достал из-за пояса топор и, держа его за обух, торопливо прочертил лезвием круг вокруг себя, после чего отбросил его, словно тот жег руки.

— Ступай, ступай откуда пришел, Волох. Пусть мертвецы спят в могилах.

— Почему ты гонишь меня, благородный Сивер, старшина выдричей? — спросил старик, останавливаясь в шаге от него.

— Почему? — возмущенно переспросил тот. — Потому что ты умер. Люди видели огонь над твоим логовом. Верные люди.

— Верные люди тебя обманули. Смотри, — старик вступил в круг, вынимая меч из ножен. — Видишь? Я не умер. Это ты умер.

— Я? — удивился Сивер и, скосив помутившиеся глаза на лезвие меча, пронзившего его грудь, захрипел, захлебываясь кровью.

Старик повернулся к Даше. — Собирайся. Со мной пойдешь.

— А если не пойду?

— Тогда оставайся.

— Нас двое, — сказала Даша, поднимаясь с травы.

Старик бросил взгляд в сторону Веры, которая, сидя на кошме рядом с лежащей на боку тушей Дунды, в толстом загривке которого торчала стрела, рвала пучками траву и ожесточенно вытирала ими свое тело. — Да она не в себе, видать.

— Не знаю, — сказала Даша. — А только без неё я не пойду.

Между тем блуждающий взгляд Веры вдруг упал на её низкорослого мучителя, который так и сидел, скрючившись, зажимая пробитую стрелой ляжку.

Увидев девушку, крадучись идущую к нему с копьем в руках, низкорослый оглянулся в поисках оружия, но ничего поблизости не оказалось. Тогда он рванул ворот ветхой рубахи,

подставляя грудь последнему удару. Вера неумело размахнулась и со всей силы ударила его копьем в живот. Пригвождённое к земле, тело низкорослого шутника содрогнулось в предсмертной судороге. Выпустив древко из рук, Вера, в который уже раз за этот день, залилась слезами.

— Не реви, девка, — утешил ей Волох. — Война.

Эти слова вызвали у Веры приступ злобы, моментально высушивший слезы на её лице, и она, глядя, как Даша, одеваясь, торопливо роется в куче вещей, выбирая из неё свои, хрипло сказала. — Не, подруга, нормально, да? Война у них, — и, повернувшись к Волоху, горестно закричала. — А мы-то тут при чем, дедушка? В милицию звонить надо, вот что!

Упоминание о милиции вызвало у Даши чувство подобное дежавю, но с обратным знаком, то есть, ей примерещилось, что всё то, что она сейчас видит, ненастоящее и существует только в её воображении. Во всяком случае, ей с особенной, какой-то окончательной, ясностью стало понятно, что никакой милиции тут нет и быть не может, так же, впрочем, как и телефона, по которому можно было бы набрать ноль два.

Лучница с лёгким презрением взглянула на подруг. — Тут ручей недалеко, умыться вам надо.

— Да, очиститься, конечно, не помешало бы. Хотя, не к спеху, — Волох с заметным усилием наклонился над Дундой и, дернув с такой силой, что круглая шапка с меховой опушкой, упав с головы мертвеца, покатила по траве, сорвал золотое ожерелье.

— Держи, — сказал он, протягивая его Вере.

Та отшатнулась. — Не надо мне ничего.

Волох связал концы порванного ожерелья и надел его на шею девушки. — За обиду вира взята кровью и золотом. Носи, чтоб всякий видеть мог, что и ты не без защиты. А пока, собирайся.

Уходить надо.

Через несколько минут на поляне никого, кроме мертвецов, не осталось.

Глава одиннадцатая

Разумный на первый взгляд план выхода к реке осуществить в этот день так и не пришлось. К первому ручью вышли только часа через два. Правда, вид его не вызывал никакого доверия. На дне глубокого оврага слабо поблескивала в высокой траве вода, так что с ходу было даже затруднительно определить, течет ли она куда-нибудь или просто застоялась здесь после последнего дождя. Кинули в воду травинку, которая словно в нерешительности, покружилась на месте, и даже как будто собралась затонуть, но все же передумала и лениво тронулась с места. Все это выглядело несерьезно, словно не течение её увлекало, а случайный порыв ветра.

Постояли, глядя, как медленно она движется, то и дело цепляясь за торчащие из воды стебли, и пошли следом. Долго ли коротко ли, но овраг сошел на нет, деревья стали ниже, земля между стволами, заваленная толстым слоем прелых листьев, пружинила под ногами, ручеек булькал в своем неглубоком русле, временами совсем исчезая под листьями. Скоро просветлело, и через несколько минут лес кончился. Впереди широко раскинулась болотина, густо усеянная высокими ядовито зелеными кочками, между которыми исчезал ручей. На дальнем краю в сизой дымке смутно вырисовывались какие-то кусты. Несколько покосившихся чахлах стволов дополняли эту грустную картину, одновременно свидетельствуя о том, что кое-где тут имеются участки твердой почвы. О чем Иван и сообщил своим спутником, но это их не сильно обрадовало. Через болото они идти отказались.

— Мужики, тут недалеко, — Иван сделал шаг вперед и по колено провалился в жирную податливую жижду. Его вытащили и спросили, настаивает ли он теперь на продолжении избранного пути. Иван не настаивал.

День клонился к закату, в теплом воздухе оглушительно раздавалось лягушачье кваканье, есть хотелось нестерпимо.

— Может на дерево залезть? — предложил Саня.

— Ну, лезь, — сказал Митька. — Только тут низко. Все равно ничего не увидишь, — он сел на кочку и принялся стаскивать с ноги ботинок. — Это болото может на десять километров тянуться, а может и больше. Если, к примеру, нас в Замлочье занесло, то тут можно год ходить и живой души не встретить. В эту трясину и местные не суются. Короче, не пойду я, и вам не советую.

— В лесу прямых дорог нет, — поддержал Саня. — Левай бы нам взять.

— А почему не правей? — Иван присел рядом с Митькой. — И куда теперь? Монетку будем бросать?

Бросили монетку и, взяв левой, двинулись в обход болота.

Они шли час за часом, не разбирая дороги, обливаясь потом, продираясь сквозь кусты и бурелом. Багровый шар солнца закатился за верхушки деревьев. Наступили сумерки. Место для ночлега нашлось под разлапистой елью. К счастью у Ивана оказался нож, самодельный складень, по своим размерам больше похожий на мачете. Наломали еловых лап, бросили поверх них куртки и, разведя костер, предалились невеселым размышлениям. Впрочем, накопившаяся за день усталость быстро дала себя знать, и скоро все уже уснули, и крепче всех Митька, вызвавшийся быть дежурным.

Тут-то и приснился Сане сон про Клеопатру Нерсесовну, преподавателя истории

древнего Востока, который ему не пришлось досмотреть до конца.

Когда он проснулся во второй раз, то увидел, что уже полностью рассвело. Туман рассеялся, и солнце, стоявшее довольно высоко, начинало ощутимо припекать, обещая жаркий день, но не успевший прогреться воздух еще сохранял утреннюю свежесть.

Сборы были недолги и через четверть часа двинулись в путь, так же как и вчера, не представляя, куда он приведет. Вопреки мрачным предсказанием Митьки, болото скоро кончилось. Поднялись по пологому, сплошь заросшему орешником, склону и вошли в березовый лес, имевший какой-то доисторический вид, столь велики были здесь деревья. Идти сразу стало легче, в тени исполинских берёз подлесок, очевидно, не приживался. Зной отступил, лучи солнца, рассеянные густой листвой, утратили свою жгучесть и, косо падая сверху, заливали мягким светом пространство между белыми стволами. Никаких следов людей по прежнему обнаружить не удалось. Лишь однажды им почудился запах дыма. Остановились и долго стояли, пытаясь определить, откуда его принесло. Но то ли запах был слишком слаб, то ли и в самом деле примерещилось, но так ничего и не унюхав, пошли дальше.

Единственное, чем этот день выгодно отличался от предыдущего, было то, что посчастливилось наткнуться на заросли дикой малины. Ею кое-как утолили голод, который уже стал не на шутку донимать, и даже набрали про запас, в пластиковый пакет, оказавшийся у Сани. Доставая этот пакет из кармана, Саня чуть не расплакался, вспомнив, что в этом пакете должен был принести домой два батона хлеба и килограмм сахара. Он представил, как всю ночь мать и бабка ждали его, а утром, отчаявшись, принялись обзванивать морги и больницы. Тут ему стало совсем тошно.

Шли в таком порядке. Впереди, весело посвистывая, широко шагал Иван, а за ним, уступом, с трудом поспевали мрачные Саня с Митькой, у которых происшедшее никак не укладывалось в голове. Естественно, что вид бодро марширующего и посвистывающего Ивана действовал им на нервы.

Первым не выдержал Саня. — Говорят, если свистеть, денег не будет.

— А у меня их и так нет, — Иван остановился, поджидая, и потянулся так, что затрещали кости. — Люблю лес. На меня он, ребята, лучше всякой виагры действует. Вздохнешь полной грудью и. Эх! Чувствуете какой воздух?

Саня подумал, что действительно, эх.

Митька же, почесав искусанную комарами шею, сказал. — Ты, Иван Иванович, того. Дыши пореже. А то надышишься.

Иван недоуменно взглянул на постные рожи своих юных спутников. — Так свобода же. Неужели не чуете?

Митька ответил за двоих. — Свобода? Бегаем как еноты по лесу. Что есть — непонятно. Куда идти — неизвестно. Я на такую свободу не подписывался.

— А, — дошло до Ермощенко. — Так бы и сказал. Оно, Димитрий, всё, конечно, так и есть. Однако, не в обиду, вы живёте, как мотыльки. Где стол, там и Родина.

— Про Родину, это к Сане. А я свои два года оттрубил.

— Вот, — обрадовался Иван. — Точно. Ты как на дембель ушёл, свободу почувствовал? Почувствовал. И еще как почувствовал. И так потом всю дорогу и был свободен. А чего? Ни семьи, ни дома, ни дела, такого, от которого не отойдёшь просто так. Короче, в армии ты служил, а на гражданке твоя служба ещё впереди. Ну, сначала поумнеть слегка придётся, не без того. А у меня эта самая служба уже вот где сидит. — Иван постучал себя кулаком по

толстому загривку. — Я весь устал как мирный атом. То есть, все очень хорошо и приятно, но хомут этот по своему хотению не снимешь. Потому, долг. А тут он сам слетел, по независящим от меня обстоятельствам. Форс-мажор, в общем. Можно гулять с чистой совестью. Так что, я на каникулах. Оттого и радуюсь, хотя, понятно, смотреть на ваши унылые лица — радость не великая.

— Я и не спорю, — сказал Митька. — Мне оно и впрямь, хрен редьки не слаще. Только как бы эти наши каникулы не затянулись.

— Коридор возможностей, — глубокомысленно изрёк Саня и задумался о смысле сказанного.

— Ничего, ничего, — поторопился с утешениями Ермощенко. — Выберемся отсюда, ещё скучать будете по вольной первобытной жизни. Вот признайся, Димитрий, ведь иногда, грешным делом, скучаешь по армейским будням, по отцам-командирам?

— Я, дядя Ваня, в таком положении, что обо всём подряд скучаю, где кусок хлеба давали.

Некоторое время шли молча, затем Саня спросил. — Иваныч, а ты сам виагру пробовал? Иван энергично, так что уши шапки разлетелись в разные стороны, покрутил головой.

— Нет, не пробовал. Мне она ни к чему. Я если что, силой разума добираю.

— Это как?

— А вот так, — лицо натурального кузнеца снова приняло глубокомысленное выражение, очевидно, он вспоминал подходящий случай из жизненной практики. Потом захихикал, очевидно, вспомнив.

Тут будет уместным упомянуть об одной особенности Ивана Ивановича Ермощенко, которая состояла в том, что он, как кузнец-одиночка, и, стало быть, человек в некотором роде творческий, обречен был прозревать в каждой встречной женщине красы и добродетели неслыханные, ей самой зачастую неведомые. В силу чего, становясь заложником собственной прозорливости, всячески старался заполучить эту новоиспеченную драгоценность в свое распоряжение. И надо сказать, что даже когда особы женского пола искренне не понимали, что заставляло угрюмого кузнеца вспылать к ним внезапной страстью, они все же редко отвергали его, справедливо полагая, что такой товар, как внезапная страсть, на земле нынче не валяется.

Неудивительно, что все лирические исповеди Ермощенко всегда начинались с одной и той же фразы. — А вот у была у меня одна замечательная женщина.

— А вот была у меня одна, — сказал Иван. — Замечательная женщина. Очень культурная, кстати, хотя книгу прочитала всего одну. Оно ведь так и бывает, что иной всю районную библиотеку прочтёт, а лучше б он её не трогал. Я одного крановщика знал, ну, папуас. Но очень был начитан. Само собою по телевизору таких ребят мы видим сплошь и рядом, но в живую наблюдать такое не каждому по плечу. А как оно вышло? А просто. На стройке простой — обычное дело. А ведь всякий раз не будешь спускаться, чтоб развлечься, пока перекрытия подвезут, или еще чего. А на верхотуре чем время занять? Только чтением. Я, хлопцы, думаю, что крановщик этот от того и зверел, что приходилось читать, потому что больше ничего другого не оставалось. Ведь если подойти с научной точки зрения, то это же насилие.

Книжка на пользу идёт, когда ты её добровольно читаешь, а когда от безысходности, тут что угодно поперёк глотки станет. Даже алкаша возьми и скажи ему, что других дел у него теперь не будет, кроме как водку жрать. Так он вряд ли обрадуется, потому что даже такой

человек, который никогда ничего кроме пары носков в своей жизни не выбирал, любит думать, что выбор у него есть. И правильно, кстати. Вот представь, друг мой Дима, что ты — хомячок и сидишь в клетке. Кормушка, подстилка... Это всё у тебя под рукой, как и прочие предметы первой необходимости, при том, что второй необходимости у тебя сроду не было, нет, и не будет. Потому до решётки своей ты ни при какой погоде не дойдёшь. Зачем? Ты скорее всего даже знать про неё не будешь. То есть, будешь, но так, отвлечённо, вот как мы про те деревья знаем, — Иван указал рукой на далёкий холм с темневшими на нём деревьями. — И когда-нибудь помрёшь в своей этой клетке свободным хомячком, пардон, человеком, сделавшим свой сознательный выбор.

— Так что там с женщиной? — напомнил Митька. — Что за книжку она прочитала? Библию, что ли?

— Упаси, Боже. И не Капитал тоже. Хотя без разницы. О том и речь, что там, где одному целой библиотеки мало, другому одной книжки хватит, любой, кстати, потому — натура у него и без того богатая. Но, вообще-то, книжка была тоже великая. О вкусной и здоровой пище. И больше ничего там не надо было, потому что всё остальное там уже было.

После этих слов Иван, словно его кто-то об этом просил, принялся с жаром рассказывать длинную и запутанную историю своего романа с какой-то Ташей, которая замечательно умела готовить, что, собственно, и составляло её главную изюминку. Но изюминку эту удалось выковырять только в самом конце, в самом, так сказать, хэппи энде, который уже почти накрылся медным тазом... Случайно застав объект своей страсти за жаркой блинов, натуральный кузнец вдруг постиг истину, и страсть накрыла, наконец, заторможенных Тристана и Изольду своим пушистым животом.

Закончив эротико-гастронимическое повествование, Ермощенко с отвращением посмотрел на пакет с малиной у Сани в руках, и, сглотнув слюну, подвёл черту. — Мы имели безумный секс.

— Грехи наши тяжкие, — умудрено вздохнул Саня. — А безумный секс это как?

— Ну, табуретку сломали, — солидно пояснил Иван. — И вентиль свернули на газовой плите.

Да не в этом дело, а дело в том, что нигде в другом месте, при других обстоятельствах, ничего бы между нами даже близко похожего не было. А стоило попасть на кухню да взять сковородку в руки, и готово дело! И так всегда.

— На кухне, что ли?

— Не только. Вот на рыбалке тоже многие удивительным образом раскрываются. Пожар у соседей тоже хорошо стимулирует. Да где угодно. Но так, чтоб совсем на пустом месте вдруг чувство вспыхнуло, такого не бывает. Задача — найти ту делянку, на которой нежный росток даст буйные всходы. Найти, — Ермощенко широко, как народный вождь, озирающий строительство грандиозной плотины, взмахнул рукой, — и возделать.

— Романтично. Таким образом, твоя знакомая конвертировала свою неизрасходованную женственность в кулинарию. Тут и ты, откуда ни возьмись, набежал, как процент на вклад.

Иван, почуяв подвох в этих словах, надулся и замолчал.

— Интересно. Женщина, занятая приготовлением пищи, добра и доверчива, — грустно сказал Митька. — А где сейчас наши вчерашние девушки? Даша и эта, как её, Вера? Потеряли нас наверно. Обещали им позвонить и не позвонили.

— Мне они показались легкомысленными, — заметил натуральный кузнец, который

был горяч, но отходчив. — А ты чего, Саня, нос повесил? Тоже небось кушать хочется? Малиной сыт не будешь.

— Мои-то не знают, куда я делся. С ума сходят.

— Скверно. А у меня ещё есть люфт. Раньше, чем через три дня не хватятся. Думают, что или заказ какой срочный, или за железом поехал. А вот как пройдут три дня, тогда супруга весь город на уши поставит, потому очень желательно было бы до того как-то уж до дому добраться.

— А я сирота, — сказал Митька. — Меня искать не будут. Ну, разве что на работе. Да плевать, в общем.

Обменявшись этими ценными фактами своих биографий, Ермощенко и Митька единогласно постановили, что положение Сани самое незавидное и выразили ему сочувствие. И, странное дело, на душе его вроде чуточку отлегло.

Дальше шли в молчании, но Ермощенко хватило ненадолго. — Нам надо разговаривать, — сказал он. — Это обязательно. Тогда если кто-нибудь из нас от отчаянья и голода обезумеет, то остальные смогут заметить это раньше, чем он на них набросится и загрызёт. Да и дорога за беседой кажется короче.

— О чем нам здесь говорить? — озадачился Митька. — Выбирать не из чего. Или про баб, или про политику.

— Про политику говорить, это — экстремизм, — на правах старшего товарища предупредил Ермощенко. — Нет, если ты чего хорошее про неё знаешь, то тогда, пожалуйста.

— Еще про футбол можно, — уныло произнёс Саня. — А женщин лучше не трогать, в их отсутствие. Это всё равно как малиной этой долбанной обедать. Только слюну жечь.

— Не только слюну жечь, — не согласился Иван. — Если малины переест, то можно качественное расстройство желудка получить. Но Бог с ней. Давай про футбол. Только ты говори первый. А то мне про него сказать нечего.

— Спартак-чемпион.

— Да и хрен бы с ним.

— А у меня одна женщина пицала во время любви, — вдруг припомнил Митька и порозовел под зорким взглядом комбатантов.

— С нами крестная сила! — после недолгого замешательства опомнился Саня, а Ермощенко пустился в рассуждения о том, что — Во время любви — говорить не правильно, что по-русски так не говорят.

— И вообще, во время любви нормальные люди ходят в кино и театр, а не пицат как бешеные землеройки.

— А она не как бешеная землеройка пицала.

— А как?

— Пиу-пиу, — изобразил Митька. — Как мышка.

— Какая ж это мышка? — возразил Саня. — Это, скорее, синичка. Пиу-Пиу. А мышка отрывисто пицтит. — Пи-пи.

— Интересные дела. — Иван стал задумчив, как всегда, когда речь заходила о женщинах. — А чего это она у тебя пицала? А то ведь бывает так, что ей вовсе не до любви, уступит, чисто из гуманизма, ради твоего сиротства, ну, и пицтит. А чего, действительно? Не петь же ей от такого счастья.

— Да что я, зверь, что ли? — обиделся Митька. — От удовольствия пицала и

наслаждения, сказано, как мышка. Или я не слышал, как мыши пищат?

— Нет, Митя, стой, — сказал Иван, — ты все в одну кучу валишь. Ведь, согласишься, одно дело если мышка, я только к примеру, ты не подумай чего... Так вот, если мышка, к примеру, кушает кусочек сыра или хозяйскую свеклу.

— Свекла еще какая-то, — с подозрением глядя на Ивана, сказал Митька.

Саня, не любивший, чтоб люди сорились, вмешался. — Не какая-то, а твоя. Мить, это ж теоретически, чтоб ты представить себе мог.

Митька, не чуждый мелкому тщеславию, слегка скривился. — Мне-то чего представлять. Я живой свидетель.

— Скорее, участник, — из любви к точным формулировкам поправил Саня.

— А что, есть разница?

— Бывает что есть, а бывает что и нет, — философски сказал Иван. — Иногда вот лежишь, и чувствуешь, да, участник, — эти слова Иван произнес густым артистическим баритоном. — А иногда, лежишь, лежишь, лежишь, лежишь, — голос Иван сорвался на трагический дискант. — И все без толку, свидетель и свидетель. И, натурально, случайный.

— Ладно, уговорили, — согласился неизвестно с чем Митька. — Так что там со свеклой?

— Да я про то, — приятно пораженный Митькиной уступчивостью, возобновил Иван объяснения, — что если мышка свеклу кушает, то это один писк, крик, так сказать, радости утоления голода. А если она, скажем, попалась в мышеловку, то тут уже пищит, конечно, по-другому, чтоб выразить свои гнев и негодование. Понимаешь? Точно так и человек.

— Иваныч, — медленно, тщательно обдумывая каждое слово, сказал Митька. — Ты все же базар фильтруй, а то у меня от твоих речей крыша едет. Я ведь тебе не про мышь, которая кричит как человек, а наоборот, про человека, который... которая... пищит как мышь.

— Да?

— Да!

Во всё время этого диспута Ермощенко продолжал идти впереди, размашистыми движениями длинных рук отгибая попавшиеся ветки и тут же отпуская их, так что шедшим за ним приходилось быть начеку, чтобы не остаться без глаз. Однако, увлеченный спором, Митька забыл о необходимости держать дистанцию, и поэтому, когда Иван резко остановился, ткнулся носом в его спину.

— Ты чего?

— Так это, — не поворачивая головы, пробормотал Ермощенко. — Медведь.

Медведей Дмитрий Акимушкин до этого момента видел только в зоопарке, но, как обращаться с ними, знал превосходно. — Иваныч, — сказал он, со смехом огибая окаменевшего кузнеца, и выступая из-за его спины. — Летом мишка не опасен.

— Не надо, — чуя недоброе, попросил Саня, но Акимушкина было уже не остановить. — Надо только крикнуть погромче, и медведь убежит, — уверенно сказал он и, действительно, заорал, что было мочи.

Обратно двигались в том же порядке, впереди мчался долговязый Ермощенко, за ним Саня и Митька.

Натуральный кузнец всё удивлялся на бегу, что медведь поскакал не в ту сторону, не иначе — от страха, но, видя, что тему эту никто не поддерживает, вдруг вспомнил, что косилапый может развивать скорость до сорока километров в час, и тут же поведал об этом товарищам.

— Сорок? — задыхаясь переспросил Митька. — Тогда нам крышка.

— Да, дыхалка ни к чёрту, — согласился кузнец, ловко перепрыгивая через поваленные стволы деревьев. — А ведь предупреждали умные люди. — Бросай, Ваня, курить. — Да где уж там.

— Я ещё слышал, что медведи под гору плохо бегают, — внёс свою лепту Саня.

От такого известия Ермощенко даже остановился на миг. — А мы сейчас куда бежим? Под горку или в горку?

— Место ровное, — горько крикнул Акимушкин и полез на берёзу. — Не убежать нам.

— По деревьям-то медведи хорошо лазают, — Саня заставил себя оглянуться, и засмеялся от радости. Никто не гнался за ними. И никаких медведей не было видно и слышно. Только покачивались ветки кустов да на все лады распевали птицы. Однако, прошло всего несколько секунд и радость улетучилась. Не далее, чем в трёх десятках метров в гуще листьев образовалась темная масса, которая, стремительно приближаясь, с каждым мигмом приобретала все более четкие очертания огромного медведя, который даже теперь, на четвереньках, был по грудь человеку среднего роста.

Этот мощный зверь не шёл ни в какое сравнение с затюканными цирковыми артистами, не говоря уж о замороженных питомцах заезжих зоопарков, виденных в далёком детстве. Так что, Саня припустил с новой силой, размышляя о том, как такой машине удаётся двигаться практически бесшумно. Берёза с прикипевшим к стволу Акимушкиным осталась позади, а натуральный кузнец, несмотря на свою плохую дыхалку, всё так же бежал в авангарде.

— Ну, чего там?

— Чего? — не понял Саня.

— Догоняет медведь-то?

— Да уж догнал почти, — в отчаянье закричал Саня и грянулся всем телом оземь. В горячке боли от падения он не заметил, и только попытавшись подняться, вдруг с ужасом обнаружил, что не может этого сделать.

— То есть, как это догнал почти? — Иван заставил себя оглянуться, чтобы своими глазами оценить степень опасности, и увидел, что опасность велика. Впрочем, за Митьку можно было, в общем, не беспокоиться. Было ясно, что им косолапый займётся в последнюю очередь, если ещё к тому времени не потеряет аппетита. А вот Сане Тимофееву жить оставалось от силы секунд десять, не заметив выступившее из земли корневище, он попал под него ногой и теперь лихорадочно дергался, пытаясь высвободить намертво зажатую ступню. Для этого ему стоило всего лишь чуть податься назад, но парень, похоже совсем потерял голову. Все эти мысли пронеслись в мозгу Ермощенко враз и сразу, как заряд дроби. А вслед пришла другая мысль, главная. Из них троих, мальчишке досталась короткая соломинка, а другие двое, Иван Ермощенко и Митька Акимушкин останутся живы. Всецелой своей покорёженной от этого расклада душой натуральный кузнец понял, что такая плата за спасение для него неподъёмна.

— Саня, замри, — крикнул он, так как в этот момент кстати вспомнил ещё один полезный факт из мира животных. Он вспомнил, что если притвориться мёртвым, то медведь может не тронуть. Правда, людей, спасшихся таким способом, Ермощенко встречать не приходилось, но у него была пара знакомых, которые якобы таких людей знали. Особого доверия эти знакомые не вызывали, но выбора не было.

— Беги, Иван Иванович, — Саня, похоже, смирился со своей участью и хотел умереть по-человечески. Затем он натянул на голову полу куртки и, действительно, замер.

Начитанный Иван машинально отметил, что примерно за две тысячи лет до того так же поступил Юлий Цезарь, закрывший лицо краем тоги, чтобы его убийцы не увидели, как оно побледнело.

Конечно, было крайне сомнительно, что медведь, прекрасно видевший, как Саня только что во весь опор скакал по лесу, поверит в его внезапную кончину. Но лиха беда начало.

Надо сказать, что решив принять бой, Иван испытал странное чувство, словно в нём включился автопилот, и теперь кто-то другой внутри него пытался взять управление на себя. И этот другой, судя по всему, дело своё знал туго. Несмотря на это, первый шаг навстречу зверю дался с большим трудом. Зато потом всё пошло как по маслу, с блеском и треском. Во-первых, Иван вспомнил еще один тоже очень полезный факт из той же оперы. Медведя следовало отвлечь.

Очевидно, Митьке тоже пришло в голову нечто подобное, покинув своё убежище на высокой ветке и кубарем скатившись на землю, он с грозным криком приближался к месту происшествия, но не смотря на стремительность бега, было ясно, что ему не успеть.

Между тем, Ермощенко шагнул вперёд, подался чуть влево и швырнул в медведя свою хламиду, второпях сорванную с плеч и сбитую в тяжелый комок. Это был хороший бросок. Развернувшись в полёте, пальто накрыло медвежью морду. Медведь, которому оставался один прыжок, взревел, мотнул головой, освобождаясь от неожиданной напасти, и проскочил мимо неподвижно лежащего Сани.

И вот тут-то Иван, воодушевлённый удачным началом, сообразил, что нож остался в кармане пальто. Между тем, медведь, который казался не столько разозлённым, сколько озадаченным, уже находился на расстоянии вытянутой руки, но Иван, конечно, руку протягивать не стал, а, резко развернувшись, метнулся назад и спрятался за толстый сосновый ствол. Но расчёт натурального кузнеца на то, что медведь примется гоняться за ним вокруг дерева, не оправдался. Косолапый с рёвом поднялся на задние лапы, приблизился к стволу и ударил с правой. Перед глазами Ивана мелькнули длинные черные когти, и в лицо брызнули крошки коры. Пока, опешив, он раздумывал, как приноровиться к медвежьему способу ведения поединка и, главное, как добраться до ножика, то, другое, постороннее, что он ощутил внутри себя, полностью овладело им и заставило плясать под свою дудку.

Поэтому дальнейшее происходило как в тумане. Мысли Ермощенко не поспевали за его движениями. Это было мучительное состояние. Сознание цеплялось за происходящее, как опоздавший пассажир за поручни вагона, неотвратимо набирающего ход. Впрочем, по ходу дела этот дискомфорт почти сошёл на нет, и Ивану уже было трудно понять, что делает он по своей воле, а что по чужой указке. Но, как бы то ни было, мечась между деревьями и уворачиваясь от когтей и клыков, он всё-таки сумел добраться до своего пальто, в кармане которого лежал вожделенный клинок, столь легкомысленно потерянный. Митька и Саня, который к тому времени уже разобрался со своей застрявшей ногой, по мере умственных возможностей пособляли, прыгая вокруг как зайцы и оглушительно вопя.

Общими усилиями полуоглохший и запаленный Ермощенко вновь предстал перед медведем, в очередной раз вставшим на дыбы... Но теперь в кулаке натурального кузнеца был зажат нож, и хотя голова уже практически ничего не соображала, глаза безошибочно выцелили нужное место на медвежьем брюхе, а рука нанесла удар. Насколько удар этот был точен, Иван не увидел, потому что изнуренный сумасшедшим темпом, в котором протекала схватка, он совершив последнее усилие, лишился чувств.

Возвращение к действительности было ужасным. В глазах стояла муть, как на дне болота, кровь стучала в виски с такой силой, что казалось, они вот-вот лопнут. Страшная тяжесть, навалившаяся сверху, не давала сделать ни одного вдоха. Иван испугался, что снова вырубится, на этот раз с концами, раньше, чем успеет что-нибудь придумать. Но вдруг всё изменилось волшебным образом. Словно с груди сдвинули могильный камень. Свежий воздух хлынул в лёгкие, а глаза вновь узрели белый свет.

Отвалив в сторону убитого медведя, боевые друзья схватили Ермощенко за руки и за ноги и потащили в тень, уважительно называя берсерком и терминатором.

— Не понял, — на полдороге обрёл дар речи натуральный кузнец, — так я живой или как?

Ему ответили, что он живой, и даже не раненный, а так, слегка медведем контуженный.

— Тогда плавней несите. В ногу, в ногу ступайте, — распорядившись, Иван смежил утомленные веки, но тут же потребовал опустить его на землю. Он хотел полюбоваться своим трофеем.

— Майнай, — скомандовал Митька, и пострадавший плавно опустился на траву, после чего перевернулся на бок и, подперев голову кулаком, принялся рассматривать медведя, который теперь выглядел совсем не так внушительно как при жизни.

— Жаль, фотоаппарата нет, — сказал Саня, подходя поближе к медвежьей туше. — Кому рассказать, не поверят.

— Не поверят, — Митька присел на корточки и, угостив натурального кузнеца сигаретой, закурил и сам. — Ты ему в сердце, что ли, метил?

— А чёрт его знает, где у него сердце, — признался Иван. — Но в какой-то жизненно важный орган угодил определённо.

— Пофартило, Иваныч.

— Не без того, Митя, — скромно, но гордо ответил Ермощенко и крикнул. — Саня, ты ножик того, вынь, пожалуйста. Может их тут целая стая бродит, михуилов-то, так он нам ещё пригодится.

Саня кивнул и, взявшись обеими ладонями за рукоятку, поднатужившись, вытаскивал нож из медвежьего брюха, да так и застыл, держа его на весу. — Дядя Ваня, а стрелы тоже вытаскивать?

— Чего? — Иван выплюнул окурок. — Какие стрелы?

Через минуту все трое стояли вокруг мёртвого зверя, таращась на торчащие в его боку оперённые концы двух стрел.

— Утиное, — отщипнув одно пёрышко, с видом знатока определил Ермощенко. — А, может, куриное.

— И получается, что грохнул ты, Иваныч, раненого инвалида, — Митька осторожно извлёк из тела покойника длинную стрелу с крошечным железным наконечником. — Москвичи наверно подстрелили. Их, идиотов, много по лесам шарится. Потому он за нами и погнался, что нормальной пищи не мог добыть. Пришлось на фаст фуд перейти. Со стрелами в пузе уже не до деликатесов.

— Ты на стрелу посмотри. Из лука пущена. А на медведя с луком не ходят, — сказал Иван. — С арбалетом еще, туда-сюда. А с луком... Нет, ни разу не слышал. Разве совсем уж экстремалы какие. Стрела, опять же, не фабричная. Хотя, кто их знает.

— Ну, детишки могли случайно подстрелить. Юные друзья леса. Мало ли кто.

— Стрелу в руки-то возьми. Ей не каждый взрослый мужик стрельнуть сможет, какие

тут малолетки.

— Кушать хочется, — сказал Саня, на которого, вообще-то, произвело гнетущее впечатление появление каких-то неведомых лучников, которые почему зря палят в медведей. Что-то тут было очень не то. От того он и не вмешивался в спор, казавшийся к тому же вполне бессмысленным.

— Всем кушать хочется, — строго сказал Ермощенко. — Тут могу утешить. Меню в нашем ресторане Лесная сказака состоит из двух блюд. На первое — медведь. На второе — малина, если, конечно, остались среди нас до неё охотники.

— Только не малина, — бережливый Митька всё вертел в руках стрелу, не решаясь её выбросить. — А медвежатина, говорят, очень вкусная, со специфическим привкусом. Жаль соли нет.

Саня вернул натуральному кузнецу нож и в задумчивости обошёл медведя кругом. — Варить нам мишку не в чем. Значит, придется жарить. Кто-нибудь умеет жарить медведей?

— Кстати, про жаренных медведей, — в голове у бывалого Ермощенко, как у всякого русского человека, хранился неистощимый запас бесценных знаний. — Есть отличный рецепт. Чтобы не возиться с ощипываньем и прочим, утку надо обмазать глиной и так запечь, в такой ямке. Образуется такой типа глиняный скафандр. Его мы затем аккуратно взламываем и получаем готовую к употреблению птицу.

Митька посмотрел на Ермощенко, потом — на медведя. — Дядя Ваня, ты чего предлагаешь медведя глиной обмазать, положить в ямку и запечь?

— Ну, — засмутился натуральный кузнец, — это я к слову. Утка ведь в перьях, а медведь вроде как шерстяной. Выходит, что определённая разница между ними имеется. Да нам, в принципе, и одной лапы — с лихвой. Вам какая больше нравится, правая или левая? Голосуйте сердцем.

В ходе последующей беседы выяснилось, что никто кроме Ермощенко не возьмётся за приготовление обеда. Это не огорчило Ивана, он самого начала предполагал нечто подобное, и безропотно принялся за дело. Засучил рукава повыше, наточил нож об камень, и велел, на правах шеф-повара, натаскать сушняка и развести огонь. Дров приказал не жалеть, потому что из всей кулинарии твёрдо помнил одно, мясо должно быть как следует зажаренным.

Бурелома в лесу хватало, прошло совсем немного времени, и неподалёку от медвежьей туши запылился костёр.

— Готово, Иваныч, — Митька некоторое наблюдал, как Иван, плюясь и морщась, кромсает заднюю лапу медведя, затем не выдержав этого зрелища, отошёл к костру. Саня же только мельком взглянул и тотчас присоединился к товарищу.

— Что, зимогоры, слюнки небось текут? — злорадно сказал Ермощенко, похожий в этот момент на персонажа фильма ужасов, из умеренно отморозенных.

— Откуда слюнкам взяться? — нетактично ответил Митька. — Видел бы ты себя со стороны, кровь в жилах стынет.

Этого Акимушкину говорить не следовало, натуральный кузнец обиделся. Следующие десять минут он посвятил сравнительному анализу двух поколений, своего и нынешней молодёжи. Главный его тезис был тот, что эволюция последние лет двадцать, тридцать, идёт по нисходящей.

— Нормальный мужик, — вещал Ермощенко, — если он голодный, то смотрите на меня. Я ж ни разу не охотник, но раз припёрло, беру медведя и спокойно, без суеты и пыли

освеживываю его. Ну, пусть не всего, пусть одну только заднюю конечность. Ане было бы меня? Да вы бы неделю маялись, пока голод своё возьмёт. И только тогда преодолели бы своё чистоплюйство. Только это было бы уже поздно. Потому что в ваших молодых организмах произошли бы к тому времени необратимые изменения. Но это бы особой роли не играло, так как медведь за неделю всё равно бы протух, и тут вам пришлось бы ещё неделю пережидать вторую волну брезгливости, потому как, чтобы кушать тухлого медведя, голод ваш должен подняться на новую ступень. Что при этом случилось бы с вами, об том я вообще молчу. Нежизнеспособные вы какие-то, вот что.

Признавая в словах натурального кузнеца кой-какую правду, — Митька и Саня в пререкания с ним не вступали. И лишь под самый занавес речи, когда куски мяса, нанизанные на ветки, уже выглядели просто как куски мяса, а не как куски медведя, Саня, собравшись с духом, сказал, что напрасно Иван принимает всё это близко к сердцу, потому что таков закон природы. Иными словами, пассионарность поколения отцов угасает в поколении сыновей, с тем чтобы с новой силой возродиться в поколении внуков.

— Я, сынки, это учение, насчёт пассионарности, знаю, — ответил натуральный кузнец, втыкая выструганные только что рогульки по обе стороны костра, — и держу его за туфту, потому что если самого тихого человека загнать как следует в пятый угол, и там его как следует прижать, то не успеешь оглянуться, как из него, примерно в девяносто случаях из ста, получится такой пассионарий, что любо дорого. Другое дело, что иного, хоть в какой угол загони, а он всё будет кивать с пониманием на все творящиеся с ним безобразия и уповать на внутреннюю свободу, но таких оптимистов немного и не о них сегодня речь. Есть и обратный вариант, такие, которым этот пятый угол везде мерещится, их я тоже не учитываю.

— Не согласен, — сказал принципиальный Саня. — Правильный пассионарий никогда не даст загнать себя в пятый угол. Он скорее погибнет.

Неожиданное это соображение заставило Ермощенко призадуматься в поисках подходящего ответа. А когда подходящий ответ был уже почти найден, оказалось, что мясо дошло до кондиции, и научный диспут угас сам собой.

Глава двенадцатая

— Реже мечите, граждане. И тщательно пережёвывайте. С медвежатины может пронести не хуже чем с малины, на голодный желудок. — поделился метким жизненным наблюдением Иван, насытившийся первым, заложил руки за голову и откинулся на спину.

— Иваныч, грабли подбери, подмётки сгорят, — посоветовал Митька, отложив недоеденный кусок и одобрительно глядя себя по животу.

— Это, я так понимаю, вместо слов благодарности, — Ермощенко сел, снял ботинки и снова растянулся на траве, так что его пятки почти упёрлись в угли прогоревшего костра. — Как говорил Суворов: Держи голову в холоде, а ноги в тепле. Но это ладно. Что дальше, како мыслите? Например, вокруг медведя на пару дней зависнуть. Покушать его, набраться сил. Но не вижу особого смысла. Тем паче, погода жаркая, мясо очень скоро начнёт портиться. Можно было бы, конечно, попробовать его вялить. Это, значит, так. Нарезаешь его тонкими ленточками и развешиваешь, сейчас не упомяну, то ли в тени, то ли, наоборот, на солнцепёке. Да, и еще надо мух отгонять.

— Да, — поддержал Саня. — Я тоже что-то такое слышал.

— Ага. Но тут нюанс, до конца эксперимента можем не дожить.

— Второй вариант?

— Второй вариант простой. Отдохнуть, поспать пару часиков, и идти дальше. Кто-то же подстрелил медведя, значит, какие-то люди тут есть. Ну, я за второй вариант. Вы, как?

Саня и Митька молча подняли руки и тут же бессильно их уронили.

Натуральный кузнец полагал, что сразу провалится в сон, но возбуждение, вызванное треволнениями сегодняшнего дня оказалось сильнее усталости и боли от ушибов. Очевидно, Митька испытывал нечто похожее, оба они ворочались с боку на бок, с завистью поглядывая на третьего своего спутника, который, едва коснувшись головой травы, моментально уснул.

Ермощенко как всегда не выдержал первым. — Улыбается, однако. Интересно, с чего бы это?

Сны ему снятся, — пояснил Митька. — Эротические.

— Да они всем снятся. В вашем-то возрасте.

— Мне не снятся, — печально сказал Митька.

— То есть, как это, не снятся. Совсем, что ли?

— Только про войну.

— А, — успокоился Иван. — Ну, это ничего. Это пройдет. А всего лучше барышню найти, такую, — не находя нужных слов, Иван показал руками, — с круглой попой. И вот тут, — он гулко ударил себя кулаком в грудь, чтоб тоже было.

— Сердце, что ли? — скривился Митька. — Ты мне, Иваныч, еще про душу расскажи. Да?

— Сердце? — Иван изумленно воззрился на Митьку и, сообразив, заржал, зажимая, чтоб не шуметь, себе рот ладонью. — Ну, ты, солдат. Ладно, как найдёшь, сам разберешься, где там сердце, где там что.

После этих слов Иван в который раз закрыл глаза и вдруг, ура, ура, уснул. Но сон ему приснился удивительно тупой.

Громко щелкнул замок, открылась стальная дверь. — Здравствуйте, Иван Иванович. Проходите.

На пороге незнакомой квартиры стояла интеллигентнейшая женщина, о чем неоспоримо свидетельствовала приятная округлость форм и приветный блеск очков в тонкой золотой оправе.

Начало сна было замечательным.

И воодушевлённый Иван вошел в дверь, печатая шаг, как космонавт по ковровой дорожке, по ходу стараясь угадать, что из себя представляет хозяйка квартиры. Угадать не получалось, очевидно, фантом, сформированный его воображением, не был детализирован настолько, чтоб можно было с ходу определить место работы и должность. Ясно было только одно, что работа была хорошая, а должность просто отличная, скорее всего по административной службе. Была в этой женщине державная томность, присущая среднему звену госаппарата.

— Пожалуйте, Иван Иванович, — перед Ермощенко гостеприимно распахнулась ещё одна дверь, ведущая, как он по простоте душевной надеялся, в альков. Иван доверчиво последовал приглашению, и дверь за ним захлопнулась с тюремным треском. Дальше последовал невнятный прогон действия, как это обычно бывает в сновидениях, и вдруг оказалось, что приставили Ивана нянькой к какому-то местному младенцу, не по летам смышленому. Отчего случилась такая неприятность, было непонятно, об этом наверно было в предыдущей серии, которая натуральному кузнецу так никогда и не приснилась.

Приставили и приставили. И вот стал Иван укладывать младенца спать, а тот спать ни в какую не хотел, без того, чтоб не рассказал ему Иван сказки.

Посмотрел Иван на младенца строго. — А не рано ли тебе слушать мои сказки, паренек?

— Иль я мордой не вышел? — раздалось из колыбели. — Давай, дядя, сказывай сказку, а не стой, как это самое, на чужой свадьбе.

— На свадьбе, как что? — сперва не понял Иван. — На какой это свадьбе? Ах ты, поганец.

В ответ раздался глумливый хохот, прерываемый плотоядным агуканьем.

— Ну, коли так, то не взыщи. Слушай мою сказку.

И Иван, трясаясь от злости, стал сказывать сказку о старике Хотабыче, зачем-то переиначивая её каким-то странным образом.

— И вот открывает этот вьюнош корчагу.

— Что есть корчага? — с нерусской педантичностью спросил младенец.

— Корчага, — в тон ему с армейским акцентом ответил Иван, — есть глиняный горшок. Только довольно такой большой.

— Странно, — подозрительно заметил младенец. — У нас такие горшки по-другому называются.

— Да у вас всё не как у людей, — в сердцах рявкнул Иван, но, вспомнив, что всё-таки имеет дело с ребенком, сбавил обороты. — Так мне рассказывать али как?

— Расскажуй, — разрешило дитяtko.

— Спасибо, благодетель, — с огромной долей сарказма поблагодарил Иван и продолжил. — А была та корчага, или как она там у вас называется, запечатана крепко накрепко. Но отрок этот неразумный те печати сорвал. Тут ему и шандалахнуло! И в лобик! И по спинке!

При этих словах, Иван, дивясь собственной злополучной судьбе, пробудился, и первое что он увидел, был сладко посапывающий Саня, по лицу которого блуждала блаженная

улыбка, Иван, представив, что тому может сниться, не съёл такого разврата и, дернув Саню за ногу, сказал честным голосом. — Ну, что за человек? Опять ему барышни снились. Тебе чего-нибудь другое снится когда?

— Снится отчий дом, — быстро ответил разбуженный, не открывая глаз. И тут Ивану стало немного стыдно за свое поведение. Но это сейчас же прошло, потому что Саня, злясь на внезапное пробуждение, сказал. — Вот не пойму я тебя, Иваныч. Какой-то ты веселый дурак. Хотя веселиться нам вроде не с чего.

Фи, — сказал Иван и снова заснул. Младенец, хвала Господу, больше не являлся. Зато явился Берсень, которого Иван наяву не помнил, но во сне узнал сразу.

Тот его тоже узнал. — Завалил мишку-то, бродяга?

— Он первый начал, — угрюмо ответил Иван, которому не понравилась прокурорская интонация вопрошавшего. — Не гринпис же вызывать.

— Мишка-то был, если приглядеться, так себе. Не шибко матёрый. Заваливший, прямо скажу, мишка.

— Уж какой попался. Не мне выбирать.

— Подранок к тому же. Но, всё равно, молодец, хвалю. Не посрамил, как говорится.

— Чего не посрамил-то? — из вежливости спросил Иван, которому больше всего на свете хотелось сейчас спать.

— Того, — загадочно ответил Берсень, отступая во мглу.

— Слушай, Берсень, — набравшись наглости, окликнул его Ермощенко.

— Ну, слушаю, — обернулся тот.

— А чего ты грустный такой?

Берсень вернулся и ткнул в горячий лоб натурального кузнеца ледяным перстом.

И теперь уже не Берсень отступил во мглу, а сам Ермощенко опрокинулся куда-то в серый, ни дна, ни крыши, туман, словно упал, оступившись с крутого обрыва.

Больше ему ничего не снилось.

* * *

Саня и Митька ошибались, предполагая, что Даша и Вера их совсем не вспоминают. Девушкам просто было пока не до того. Уже несколько часов они находились в дороге, неотрывно следуя за маячившей впереди широкой сутулой спиной Волоха, который, несмотря на свою видимую дряхлость, оказался скор на ногу. Женщину-лучницу девушки почти не видели. Она кружила вокруг невидимая и вездесущая, лишь изредка появляясь, чтобы перекинуться парой тихих слов с Волохом. Волох звал её Тахой.

После двухчасовой ходьбы по едва заметной тропке на левом сапоге у Даши отлетел каблук, сказать об этом она постеснялась. Но Вера оказалась менее деликатной.

— Эй, дедушка партизан. Как тебя, Волох, кажется? — крикнула она. В лесной тишине её голос прозвучал неестественно громко. — Подожди минутку. Тут у нас проблемка.

Волох, словно не слыша, продолжал идти вперед тем же широким, размеренным шагом, и скоро совсем пропал из поля зрения.

Опираясь на плечо подруги, Даша попробовала скакать на одной ноге, но через несколько шагов оставила эту затею.

— Дурак старый, — сказала Вера. — Снимай сапог, будем чинить.

Но в этот самый момент рядом бесшумно возникла Таха. — Снимай, девка, чобот.

— А она что, по-твоему делает? — огрызнулась Вера.

— Да не тот, дура. — Таха вытащила из ножен, висевших на поясе, нож с костяной рукояткой и массивным, обоюдоострым лезвием, положила оставшийся целым сапог на пенек и одним махом отсекла каблук. — Пошли.

— Не, ты видела эту амазонку? — вполголоса сказала Вера, дождавшись, когда Таха отойдет. — Не удивлюсь, если у неё за пазухой граната. И, главное, хамит еще.

— А мне вот хотелось бы знать, куда мы идем, — ответила Даша.

— Да кто его знает, — ответила Вера. — Слушай, а как ты думаешь, куда наши кавалеры делись? Если они, как мы, сюда случайно попали, то им, пожалуй, не позавидуешь.

— Будто нам позавидуешь, — сказала Даша. — Они-то сюда может и случайно попали. А вот чего ради нас сюда занесло, я до сих пор понять не могу.

— Ну, мы ведь беспокоились, — припомнила Вера. — Волновались.

— Зато теперь у нас на душе спокойно.

— Да, ладно тебе, Дашка, может ребят уже в живых нет. С их горячим-то нравом.

— Ну, мой-то, помнится, горячий, — невольно усмехнулась Даша. — А вот за твоим я что-то особой горячности не заметила.

— Ой, не скажи, — хихикнула Вера. — Мой тоже ничего, шустрый такой.

Усталое лицо Даши потемнело. — А вообще, жалко, если с ними чего-нибудь случилось.

— Жалко, да, — согласилась Вера.

О том, куда их вел, Волох девушки узнали через долгих три часа блуждания по лесу. Одни бы они уже десять раз успели сбиться с тропинки, которая, и без того едва заметная, временами совсем терялась в траве и палых листьях.

Последний час был самым трудным, идти пришлось через кочковатое болото, ноги поминутно увязали в грязи, которая, впрочем, не поднималась выше щиколоток. Было похоже, что в дождливую пору это место становится совсем непроходимым. Однако сейчас стояла жара, и только подозрительные изумрудные лужайки по сторонам тропы и бочаги с черной неподвижной водой, указывали на то, что без проводника сюда лучше не соваться ни при какой погоде. Но вот, наконец, перепачканные и смертельно уставшие, девушки выбрались на твердую землю. Волох отдышал, опершись рукой на дерево. Рядом на корточках сидела Таха, настороженно поглядывая из-под низко повязанного платка.

Только теперь Даша обратила внимание на странный цвет её глаз, они были коричневые с прозеленью, и когда на них падал боковой луч света, зрачки их начинали полыхать чистым зеленым пламенем.

— Ближе уже, — сжалился Волох, глядя, как усталые девушки со стоном опускаются в траву, с наслаждением вытягивая ноги. — Передохните чуть и пойдём.

Таха при этих словах полупрезрительно усмехнулась, поднялась на ноги и широкими легкими шагами скрылась за деревьями.

Волох задрал голову, прислушиваясь. — Дождь будет.

— Мы, дедушка Волох, только минутку посидим. и пойдём, — умоляюще проговорила Вера, боясь, что неугомонный старик немедленно погонит их опять путешествовать по лесам и болотам.

Волох с недоумением взглянул на Веру, затем перевел взгляд на её подругу. — Ты, стало быть, по всему видеть, Пенка будешь, а вторая, наверно, Горислава.

Вера пихнула Дашу в бок. — Ну, так я и знала. Нас с кем-то перепутали. И имя-то какое. Пенка, блин.

— Чего? Не угадал? — Волох снова взглянул на Веру. — Если не Пенка, то кто же ты?

Вера распрямила спину, постаравшись придать себе подобающую случаю осанку. — Естественно, не Пенка. Зовут меня Вера, фамилия — Коростылева. А её, — она указала на Дашу, — зовут Дарья. Дарья Завьялова.

— А я-то вас за других принял.

— Да мы уж поняли, — с некоторым вызовом сказала Вера. — Так что, нам теперь назад идти?

— Зачем? — удивился старик. — Как получилось, так получилось. Теперь уж менять поздно. Поднимайтесь, пойдём.

До логова Волоха, действительно, оказалось совсем недалеко, через какие-то пару сотен шагов тропинка пошла в верх, наискось пересекла пологий травянистый склон, с которого взору открылась широкая полноводная река. По её насыщенной густой синевой поверхности, словно свитой из тугих водяных струй, и оттого казавшейся слегка выпуклой, пробегали белоснежные барашки, противоположный же берег терялся в белёсой дымке. И только потом девушки увидели приземистую, вросшую в землю избу, крытую корьём. От времени и непогоды бревна сруба почернели, крыша взялась зеленоватым мхом, а кусты крыжовника и смородины, за которыми, похоже, никто не присматривал, подступили к самым стенам. Так что, случайный человек мог пройти в каких-нибудь десятке шагов, не заметив никаких признаков жилья. Тыльная сторона избы упиралась в откос, а фасад её смотрел двумя подслеповатыми окнами прямо на реку, до которой оставалось метров тридцать. Здесь прибрежный лес раздавался, образуя узкую поляну, тянущуюся до самого берега. Вид у этого жилища был совершенно заброшенный. Впрочем, сейчас над его крышей курился дымок.

— Таха хозяйничает, — объяснил Волох. — Все, девицы-красавицы, пришли. Добро пожаловать.

* * *

— Значит, Даша и Варя, — неуверенно сказал Волох, словно пробуя слова на вкус, словно ему в первый раз довелось произносить эти простые женские имена. — Не запомнить мне. Да оно и не важно. Мне уж это ни к чему. Ладно. А теперь расскажите мне девицы, откуда вы путь держите и куда.

Старик сидел на лавке за широким, длинным столом, откинувшись спиной на стену, и положив перед собой на столешницу внушительные, узловатые кулаки. Выслушав сбивчивый рассказ девушек, он прикрыл глаза, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. Затем кивнул. — Может оно и так. То-то я смотрю и одеты вы чудно. Если не соврали...

— Да врать-то нам какая корысть, — перебила Вера и осеклась, встретившись глазами с тяжелым взглядом Волоха.

— А мне почем знать, какая у вас корысть? Но, говорю, если не соврали, то одно могу сказать, занесло вас в тридевятое царство за тридевять земель, — Волох опять впал в задумчивость и затем сказал непонятное. — По всему, не должно вам тут быть, ну а коли уж есть, то моё дело маленькое.

— Дедушка, а как бы нам обратно вернуться? — воспользовавшись паузой, спросила Даша.

— Не ведаю, — ответил старик. — Может быть никак. А чего? И тут живут люди.

Сказано это было так, что сердце Даши окатило ледяной волной. Она сразу поверила в то, что возврата в прежнюю жизнь не будет. Очевидно, её потерянный вид все-таки смягчил душу старика.

— Впрочем, изволь взглянуть, — Волох перевернул деревянное блюдо кверху дном и несколько раз ковырнул его острием ножа. — Смотри. Знаешь что это?

Даша посмотрела на оставленные ножом отметины и отрицательно покачала головой.

— Семь звезд, — сказал Волох. — Давно было. Один человек говорил, что по этому знаку находят обратную дорогу.

— Можно, я гляну? — Вера подтянула к себе блюдо. — Так это ж Большая Медведицы. Ну, созвездие. Дедушка Волох, а ты ничего часом не перепутал? Мы ведь не космонавты. Нам до неба не допрыгнуть.

— Не допрыгнуть, — согласился Волох. — Говорю, знак это. Его не на небе искать надо. А больше не спрашивайте, больше я и сам не знаю.

В избе, разделенной деревянной загородкой на две части, наступила тишина. В узкие, от старости словно перекошенные окна, струился вечерний сумеречный свет. Со второй половины, где, очевидно, был очаг, ощутимо тянуло дымом.

Даша окинула тоскливым взглядом развешанные по стенам пучки трав, ушат с водой, стоящий у входа, и два окованных полосовой медью громоздких ларя в простенке между окнами.

У дальней стены на деревянных чурбаках покоилось просторное ложе, сколоченное из толстых плах и застланное звериными шкурами. Больше в избе ничего не было.

Волох, глянув на Дашу, усмехнулся краем рта. — Таха, подавай на стол.

Похоже было, что благородное искусство сервировки было глубоко чуждо натуре суровой лучницы. Почетное место на столе занимала плоская глиняная чаша, в которой громоздились дымящиеся куски жареного мяса. Еще здесь был большой горшок с гречневой кашей, исходящей прозрачным паром, в горшке поменьше была сметана. Горкой лежали ржаные лепешки. Несколько неочищенных луковиц дополняли меню ужина. Напоследок Таха брякнула на стол объемистый кувшин, о содержимом которого можно было только догадываться.

Еще минуту назад усталой Даше казалось, что единственное её желание это немедленно заснуть. Но запахи еды напомнили девушке о том, что с утра она ничего не ела. Очевидно тоже самое испытывала и Вера, которая, пошарив по столу взглядом, и не обнаружив ничего напоминающего вилки, взяла со столешницы маленький ножик с источенным до серпообразного состояния лезвием и деревянной рукояткой. Наколола кусок мяса, осторожно положила его в рот и принялась жевать. Лицо у неё при этом приняло такой необычайно вдумчивый, даже одухотворенный вид, что Волох, потянувшийся было за ковшом, замер, с некоторым беспокойством дожидаясь результата дегустации.

— А чего, вкусно, — глубокомысленные морщины на высоком лбу Веры разгладились, и она передала ножик Вере. — Давай, подруга.

Волох выпустил из груди воздух и легко поднял кувшин за массивную изогнутую ручку.

Струя густой янтарной жидкости, пенясь, полилась, наполняя вырезанные из дерева объемистые ковши. — Ешьте, пейте, гости дорогие.

Таха со своей мрачноватой ухмылкой присела на лавку чуть поодаль и присоединилась к трапезе.

Янтарное питьё обладало едва ощутимым цветочным запахом, отдаленно напоминающим запах меда, и было довольно густым, но пилося на удивление легко, расходясь в крови жаркими волнами.

Какое-то время, пока не был утолен первый голод, за столом царило молчание. Наконец Волох вытер губы ладонью, принял значительный вид, словно готовясь сказать что-то важное, и скрестил руки на груди.

— Теперь, девы, слушайте меня внимательно. Не знаю, удастся ли вам когда-нибудь вернуться в свою землю, но если это и случится, то не скоро. Жить вам придется здесь.

— В этой хибаре? — ужаснулась Вера.

— В хибаре? — недоуменно переспросил старик, судя по всему, впервые услышавший это слово, а когда сообразил, что оно означает, усмехнулся. — Хорошо бы кабы так. Будь я помоложе, — Даше показалось, что при этих словах почтенный старец подмигнул ей, — то оставил бы вас, голубушек у себя. Но то время прошло. Мой век окончен.

Вера, вероятно, испытывая неловкость за допущенную её бестактность по отношению к жилищу Волоха, чей век к тому же, если верить его словам, был окончен, сказала вежливо. — Очень жаль.

— Волох, ты не ладное замыслил, — внезапно сказала Таха, сидевшая, подперев кулаком голову с расчесанной на пробор тяжелой гривой темных с заметной проседью волос. Даша, случайно взглянув на неё, поразилась выражению беспросветной, собачьей тоски, стынувшей в раскосых глазах.

— Первым встречным доверяешься. Зачем? Кто они такие? Ты знаешь? Да посмотри на них. Разве они гожи для такого дела? Ты говоришь, а тебя не слышат.

— Говори дальше, — сказал Волох.

— Время еще есть. Позволь мне уйти. До рассвета я найду тех, на кого тебе указали щуры.

— Нет, — ответил Волох. — Поздно. Щуры указали не на тех. Иначе бы сидели тут Горислава и Пенка, вместо них, — старик кивком указал на Дашу и Веру. — Тебе же уйти не позволяю, ты мне тут нужна.

— Как скажешь. Что я должна делать?

— Готовь последний мед.

Таха обречено склонила голову и, запалив коптилку с фитилем, плавающим в глиняной тарелке, до половины залитой каким-то жиром, скрылась за перегородкой.

Волох сгреб в сторону посуду с объедками и развернул на столешнице широкий лист бересты. — Придвигайтесь, девы, и разумеите.

Вера, уже слегка хмельная, и оттого храбрая, села с ним рядом, а Даша устроилась напротив.

— Это Млочь, река, — лезвие ножа, зажатого в кулаке Волоха, наискось прочертила тонкую линию по бересте.

Девушки обрадовано переглянулись. — Так это ж наша река, — сказала Вера.

— Как это ваша? Вы что русалки?

— Да нет. Она через город наш течет.

— А как город называется?

— Хлы́нск.

Волох вздохнул. — Я эту реку от истока до устья не раз прошел. Нет тут такого города. И никогда не было. Может быть будет когда-нибудь, но то не моя печаль.

— Так, я не поняла. Мы что, на машине времени перенеслись? — тоном трамвайного контролера, говорящего с потенциальным безбилетником, осведомилась Вера.

— Вроде того, — уныло ответила Даша. — Или сама не видишь? Стрелы эти, копья... Печенегки какие-то, сексуально озабоченные... Не перебивай старика, Верка, пусть доскажет.

— За Млочь вам не надо, — продолжил Волох. — Там людей словенского корня уже не осталось. Степь всех забрала.

— А те, которых вы с Тахой поубивали, какого корня были? — не глядя на старика, спросила Даша.

— Это и есть степь. Буджаки, — ответил Волох. — Раньше другие были. Сейчас эти. Третьего дня перекинулись на этот берег и пойдут дальше. Про них сказу нет, сами видели. Вам же одна дорога — на Речицу, — старик положил ладонь на бересту и еще раз чиркнул ножом. — Место укрепленное. Там еще люди остались. Туда, больше некуда.

Волох принялся подробно описывать путь до Речицы, помечая на бересте все маломальски значимые его приметы, а Даша изо всех боролась с навалившейся сонливостью, размышляя в полудреме о том, чем вызвана забота о них этого странного старика. Было не похоже, что Волох поступает так из одной своей природной доброты. Нет, судя по его спору с Тахой, был у него какой-то свой интерес.

Погруженная в эти мысли, Даша пропустила момент когда Волох закончил говорить и, свернув бересту в трубку, передал её Вере и сказал. — Держи. Сверяйтесь с ней, авось дойдете. А подруга твоя, однако, совсем спит.

— Устала она, бабушка, — заступилась Вера, принимая свиток.

— Я не сплю, — Даша провела ладонями по щекам, отгоняя сон. — Я спросить хочу. Можно?

— Спрашивай.

И Даша, постаравшись как можно точнее описать их внешность, спросила, не попадались ли Волоху случайно Митька и Саня. Третьего, Ивана, она тоже упомянула, хотя про него особо сказать ей было нечего.

— Не встречал, — не моргнув глазом, соврал Волох. — Да и то, сейчас народишко-то не больно встречается. Все по-за кустами таятся. Может и те, о которых ты спрашиваешь так же, забились в какую-нибудь нору.

— Это вряд ли, — сказала Вера. — Откуда им про здешние норы знать? И не такие это люди, чтоб по кустам таиться.

— Да, — подтвердила Даша. — Они ведь, как и мы, тут ничего не знают.

Волох равнодушно дернул костлявым плечом, словно лошадь, отгоняющая слепня. — Коли так, то их скорей всего в живых уже нет. Смерть таких любит.

Кто они вам? Родня? Суженные?

— Родня, — быстро проговорила Даша, чувствуя, что старик чего-то не договаривает. Против её воли слова, видимо, прозвучали излишне торопливо. Потому что Волох скептически хмыкнул и сказал. — Родня, значит? Ну, такой родни у вас еще ой сколько будет.

Затем встал на ноги, снял со стены короткий меч с отполированным до зеркального блеска широким лезвием и поднес его к окну, за которым уже сгустилась ночная мгла.

— Огонь погаси.

Сообразительная Вера, чтоб не возиться с плавающим в жире фитилем, просто накрыла коптилку пустым горшком. В избе стало темно, только из-за перегородки пробивался тонкий лучик света.

— Сюда идите.

Натыкаясь на лавки, девушки приблизились к Волоху, который держал перед собой меч на вытянутых руках и еле слышно что-то приговаривал.

— На лезвие смотри.

Сталь клинка поблескивала в темноте, как речная гладь, и словно в речной воде отражались в ней звезды.

— Дотронься до него.

Даша, поняв, что его слова обращены к ней, протянула левую руку и коснулась клинка, ощутив исходящий от него могильный холод.

Волох поднял меч острием вверх, и отражения звезд, вместо того чтобы исчезнуть, светящимся ручьем устремились по лезвию вниз, к рукоятке. Даша почувствовала, как задрожал под ногами земляной пол, и вдруг меч исчез. Стена и окно, за которым стояла теплая летняя ночь, словно растворились в белесоватой мгле, в глубине которой, где-то далеко, мерцал тусклый огонек...

— Смотри, смотри.

Туман вроде, — неуверенно произнесла Даша.

— Молчи. Смотри.

Даша всматривалась до рези в глазах. И вот огонь стал приближаться и принимать более четкие очертания. Вот проступили черные стволы деревьев и за ними горящий костер, около которого сидели неподвижные фигуры.

Даша поймала себя на желании навести изображение на резкость, словно смотрела в бинокль или сидела возле телевизора. Но вот отсвет пламени упал на лицо одного из сидящих у костра людей, и Даша узнала Митьку, рядом с ним был еще один человек, лицо которого скрывала тень, но девушка не сомневалась в том, что это Митькин приятель, студент Саня.

Видимо, Вера разделяла её уверенность, потому что, забыв о запрете, громко сказала. — Наши. Сашка и Митя сидят, а третий, что рядом спит, это тот дядька. Как его, Иван, кажется И пальто его и шапка дурацкая.

Волох сделал неуловимое движение, и видение исчезло. Стало темно и тихо.

— Огня!

Подстегнутая этим возгласом, Вера метнулась к столу, ойкнула, очевидно, налетев на угол. Брякнул поставленный на место горшок, полупридушенное им пламя коптилки затрепетало на сквозняке и ожило. Волох приладил меч обратно на стену и, медленно опустившись на лавку, подытожил с некоторым удивлением. — Живы эти ваши, не знаю кто. Костер жгут открыто. Теперь гадаю, то ли очень храбрые, то ли сильно глупые.

— Они не глупые, просто не представляют, что здесь творится. Я ж говорила, — напомнила Даша.

— Да ничего, ничего, — махнул рукой Волох. — Если уцелеют, то Речицы им не миновать. Там и встретитесь, если дойдете. А сейчас дело у меня к вам.

Даша насторожила уши.

Волох глубоко вздохнул, в его груди что-то заклекотало. И Даша снова подумала, что он все-таки очень стар.

— Дело такое. Время мое пришло. Надо уходить. Но уйти просто так я не могу. Потому что была дана мне сила. И вот видите, каков я стал, сносился дотла. А сила эта не для того мне была дана, чтобы я её с собой забрал. Ей еще служить и служить. Стало быть, должен я её кому-нибудь оставить. А оставить мне её, кроме вас, некому. Согласия вашего на то не спрашиваю, потому что еще в полный разум не вошли. Одно запомните, сила эта для вас неподъемна, и всего три дня будет у вас на то, чтоб поделиться ею.

Вера, которой надоело слушать старческую болтовню, спросила. — А если не будет нашего согласия, тогда что, дедушка Волох?

— Тогда сгинете, — равнодушно ответил старик. — И товарищи ваши сгинут. А согласитесь, тоже можете сгинуть. К тому же она, сила эта, не сразу скажется. Да и в разных людях она по-разному отзывается. Можно и с ней погибнуть, а можно и уцелеть. А без неё, нет. Другие может быть и смогли бы, а вам — только сгинуть.

На этом все. — Волох прикрыл глаза, давая понять, что разговор окончен. Вера же хотела еще что-то сказать, но встретив предостерегающий взгляд подруги, осеклась.

— Готово, — крикнула из-за перегородки Таха. — Неси, что ли?

— Неси.

Таха, двигаясь с несвойственной ей неторопливостью, внесла небольшой кувшин с запотевшими стенками. Осторожно, стараясь, чтоб ни капли не пролилось мимо, наполнила ковши.

Несмотря на то что питьё это называлось медом, на вид оно было совершенно бесцветное, как обычная вода, а на вкус чуть горчило, но и только.

— Пейте до дна, — сказал Волох. — Худа не будет.

— А себя она почему обнесла, — не выдержала Вера, показывая на Таху.

— Ей ни к чему, своей силы девать некуда, — терпеливо объяснил старик и уставился на Веру взглядом, от которого она, словно внезапно впав в гипнотический транс, замолчала и послушно осушила ковш до дна.

— Теперь ты, — старик перевел взгляд на Дашу, но та уже и сама, подумав: будь что будет, поднесла ковш к губам и не отрывалась от него, пока он не опустел.

Только после этого старик выпил свою долю.

Если на Дашу и Веру выпитое никак не подействовало, то с Волохом вышло иначе. Он содрогнулся всем телом, и если бы Таха не успела поддержать его, непременно бы свалился с лавки. Взгляд его стал бессмысленным и, глухо застонав, он ткнулся лбом в столешницу, да так и остался сидеть.

— Как ты? — спросила Даша.

Вера ответила не сразу, какое-то время сидела, искоса поглядывая на неподвижного старика, словно опасаясь снова встретиться с его взглядом. — Ничего. Не, ну не поняла. Это что он нам так свою силу передал? Ничего не чувствую. И что это за срок такой, три дня? Чего передавать-то? И главное, кому?

Даша хотела ответить, но слова застряли в её гортани. Волох сидел все так же неподвижно, но словно невидимое пламя охватило его. Воздух вокруг его тела сгустился, но не настолько, чтоб до конца утратить прозрачность, и за его неверной завесой вдруг стало видно, как от Волоха отделилась тень и замерла у него за спиной.

Затем воздух, словно остыв и успокоившись, вернулся к своему прежнему состоянию. Но тень все так же стояла за спиной Волоха. Таха взяла со стола коптилку и подняла её над головой. Колеблющийся свет вырвал из полумрака лицо юноши, обрамленное рыжеватой

бородкой. Был он похож на Волоха той похожестью, которой человек в молодости похож на себя в старости. И одет он был точно так же как Волох. Но то, что на старике висело мешком, юноше было впору.

— Последняя чаша выпита? — спросил он.

Таха кивнула.

Волох поднял голову и прошептал. — А, это ты. Уходишь?

— Ухожу, — юноша вышел на середину избы и огляделся. Двигался он совершенно бесшумно, и в каждом его движении чувствовалась недюжинная сила. — Может еще свидимся.

— Вряд ли, — прошелестел старик.

Увидев брошенный на деревянном ложе меч, тот, которым Волох рубился с буджаками, юноша взял его и прицепил ножны к поясу.

— Меч забираю.

— Бери. Мне без надобы.

— Что ж, прощай, — юноша поклонился Волоху, затем взгляд его упал на девушек. — Прощайте и вы, красавицы, — и уже на пороге обернулся. — Свидимся, Волох. Дорога-то одна.

— Не догнать мне тебя, — понурился старик.

В ответ стукнула входная дверь, и все стихло.

Таха подошла к Волоху. Старик сидел, похожий на мертвеца, казалось, ничего не видя перед собой. Но вот его истонченные губы разжались. — Баню истопила?

Таха кивнула.

— Ну, пусть идут.

Таха повернулась к девушкам. — Слышали, что сказал? В баню идите.

Выйдя из сумрака избы, Даша даже зажмурилась. Светила полная луна, и её серебристый, обманчивый свет заливал все вокруг. Духота стояла как перед грозой. Небо было чистым, и лишь на западной его кромке громоздились черные тучи, где пока еще беззвучно посверкивали зарницы далеких молний.

Словно вырезанные из жести, рисовались силуэты прибрежных деревьев, мимо которых река плавно несла свои напоенные лунным светом воды.

Баня таилась в густых кустах совсем неподалеку. Такая же ветхая, как и изба, внутри она оказалась довольно просторной. По обеим сторонам предбанника стояли широкие лавки, на одной из которых в навал лежали березовые веники.

— Баня, это хорошо, слегка заплетающимся языком произнесла Вера, складывая одежду на лавку. — Выкупаться нам не помешает.

— Да уж. Интересно, он что, нам силу свою тут собрался передавать? — Даша приоткрыла тугую дверь в парную, и оттуда дохнуло смолистым жаром, к которому примешивался душистый травяной запах.

Девушки осторожно зашли в парную, освещенную только лунным светом, проникающим сквозь узкое оконце, прорубленное под самым потолком. Впрочем его было достаточно, что бы разглядеть закопченные стены, широкие полки в два яруса, печь-каменка, и бочку с водой рядом с ней, с зацепленным за край ковшом.

— Банька по черному, — определила Даша. Вера брезгливо провела кончиками пальцев по полку, но он оказался чистым.

— Да все нормально. Таха свое дело знает, — успокоила Даша подругу. — Ложись,

сейчас пару поддам.

Она зачерпнула воды и плеснула на каменку. Зашипело и помещение заволкло обжигающим паром, Вера закашлялась.

Даша прикрикнула на неё. — Ложись, кому сказано. Внизу прохладней.

— А мыла у них тут нет? — поинтересовалась Вера, ложась на нижний полок животом вниз.

Даша выскочила в предбанник, вдохнула свежего воздуха, схватила с лавки веник, и быстро вернулась обратно.

— После первого удара веником Вера взвизгнула, но потом притерпелась и даже похоже начала получать кое-какое удовольствие. Хотя, конечно, банщик из Даши был неважнецкий. Потом они поменялись местами.

Глава тринадцатая

Даша лежала, расслабившись, безвольно свесив руку с полка. Вера бестолково размахивающая над ней веником, опасаясь хлестнуть слишком сильно, вдруг спросила.

— Слушай, а что Волох про силу говорил? Он нам её в бане собрался передавать?

— Не знаю, — Даша облизнула вдруг пересохшие губы. — Но старичок не простой.

— Настоящий колдун, — подхватила Вера, возбужденно блестя глазами. Очевидно, что с ней творилось примерно то же самое, что и с Дашей. — Только плох совсем. Прямо на глазах вдруг рассыпался. А вот с этим пареньком, что взялся откуда ни возьмись и ушел неведомо куда, я бы, пожалуй, попариться не отказалась.

Она сладко потянулась.

— А как же студентик? Вдруг узнает?

— А зачем ему знать? — сказала Вера чужим голосом. — Ты ведь не скажешь, и я не скажу. Мы девушки свободные. А ты бы, что, отказалась?

Даша поняла, что не отказалась бы ни за что. С ней происходило что-то странное, словно она неотвратимо двигалась навстречу чему-то темному, неодолимому, которое вот-вот поглотит её и сделает своей не рассуждающей частицей. Примерно то же самое, наверно, чувствует человек, попавший в объединенную одной целью толпу. И тщетно он старается вырваться из этой людской массы, уносящей его неведомо куда.

Вдруг лицо Веры на мгновение приняло осмысленное выражение и она проговорила жалобно. — Опоил нас проклятый старик, — и, вновь попав под власть морока, додала с внезапной злобой. — А сам ни на что не годен. Только раззадорил.

— А может быть годен, — неожиданно для себя сказала Даша. — Колдун все-таки.

— Проверим? — хихикнула Вера.

Неизвестно до чего бы договорились подруги, но тут дверь парной отворилась, и на пороге показался сам Волох, был он гол, худ как скелет обтянутый пергаментной кожей, и опирался на плечо Тахи, которая осталась в одной сорочке.

— Опа, — сказала Вера. — Накаркали.

Даша отвела глаза.

Сделав несколько неуверенных шагов, старец тяжело опустился на соседний полок и со стоном растянулся на нем во всю свою двухметровую длину.

Не обращая внимания на девушек, Таха принялась хлопотать вокруг него. Откупорила маленький пузатый бочонок, не приметно таящийся в углу за печкой, размешала его содержимое деревянной лопаткой и, зачерпнув из него полную горсть какой-то красноватой мази, начала втирать её в тело Волоха. Покончив с этим, она подошла к печи и бросила на её раскаленную поверхность щепоть бурого порошка, затрещавшего и разлетевшегося вокруг печи ослепительными искрами. Парную наполнил тяжелый дурманящий запах, от которого голова шла кругом.

После этого Таха принялась за девушек. Отобрала у Веры веник и уложила её на место Даши, а самой Даше показала на бочонок. — Натрись, вся.

— Зачем?

— Затем чтоб под Волохом не треснуть, когда почнет силой делиться. Даша скептически взглянула на немощного старца, но все же подошла к бочонку и принялась натираться резко пахнущей мазью, холодящей кожу, слыша как за спиной сладко

повизгивает Вера, которую Таха с полным знанием дела охаживала березовым веником по гладким бокам.

Тут старик подал голос. — Воды!

Таха оставила Веру и набрав в ушат холодной воды из большой бочки, окатила Волоха.

— Еще!

После второго обливания старик сел и спустил ноги на пол.

Даша обернулась и увидела, что с ним произошла еще одна метаморфоза. Теперь это был богатырь Волох, каким он вероятно был в свои лучшие годы. Даша подумала, что Шварценегер рядом с ним смотрелся бы довольно скромно. Но этой плоти чего-то не хватало. Была в ней какая-то призрачность, ненастоящность, неоконченность. Это было заметно даже в полумраке парной. Во всяком случае, на первый взгляд. А какова она на ощупь, Даше предстояло скоро узнать, судя по похотливому взгляду Волоха, блеклые глаза которого налились такой яростной синевой, что светились в темноте, других эмоций на новом лице старика не обнаруживалось, да и выражение его вряд ли могло кому-нибудь понравиться. Вернее сказать, что никакого выражения на нем вообще не было.

— Ну, что, девушки, пришел ваш час, — взглянув на обновлённого Волоха, усмехнулась Таха горделиво, словно это она его омолодила, но тот с неё и начал. Легко вскочив на ноги, миг содрал сорочку, обнажив её поджарое, сильное тело. Действовал нагло, но все же не так грубо, как можно было ожидать, судя по его виду. Через минуту Таха, которая яростно сопротивлялась, но скорее от неожиданности, чем по велению сердца, стояла посреди парной на четвереньках, а бывший старик, всё с тем же бессмысленным выражением на лице, пристроясь сзади, энергично ласкал её.

Даше, несмотря на драматизм ситуации, эта сценка напомнила то, как соседский Генка заводит свой вечно барахлящий мотоцикл. Да, о Генке, которого она еще утром была готова убить, теперь вспоминалось чуть ли не с нежностью, как о чем-то милом и бесконечно далеком.

Вера, чувствуя себя в относительной безопасности, легла набок, выгнув крутое бедро, и облокотившись на руку, наблюдала за происшествием с определенной долей добродушного злорадства. — Дашка, бежим? — спросила она, не делая, впрочем, ни малейшей попытки сдвинуться с места. У Даши и у самой ноги словно приросли к полу.

Между тем, Таха, покоровшись своей участи покорно принимала ласки и даже слегка прижималась к Волоху, который, покончив с прелюдией, перешёл к главному действию. Длилось оно довольно долго, так что, к финалу силы оставили бедную Таху и она упала бы ничком, если бы Волох не держал её почти на весу. Наконец наступила кульминация, бывший старик зарычал, конвульсивно содрогнулся, припал щекой к спине женщины и замер.

— Ой, — насмешливо сказала Вера. — С бородой-то как щекотно наверное.

Таха только тяжело дышала, а Волох медленно поднялся и посмотрел на Веру, которая, не делая попыток как-нибудь прикрыться, продолжая лежать в прежней позе, завела левую руку за голову и поправила волосы.

— С бородой как? — переспросил старик, поглаживая черную густую бороду, занявшему место прежней, седой и редкой. — Тебе понравится.

— Ой-ли.

— А вот увидишь, — посулил Волох, однако, вместо того, чтобы подойти к ней, сел на свободный полок и поманил Дашу. — Иди ко мне.

Девушка приблизилась к нему на непослушных ногах. — Хороша, — сказал старик. — Ох, хороша.

Его большие горячие ладони скользили по Даше, повторяя изгибы её тела. И ей нравилось то, как он делает это. Но её пугало его лицо, которое напоминало своей тупой неподвижностью маску. Даша закрыла глаза. Так стало лучше. Она почувствовала, как губы Волоха прижались к её губам и, помедлив, ответила на поцелуй. И затем легла, надеясь только, что с ней он будет обходиться бережней, чем с Тахой. Но все оказалось совсем по-другому.

Она еще успела ощутить Волоха внутри себя, но затем все пропало, и эта баня, и люди в ней. Осталась только она, Даша, невесомо летящая над ночной землей. Игрушка воздушных потоков, она то взмывала высоко в небо, и тогда все внизу терялось в непроглядной темени, и клочья облаков неслись вслед, подгоняемые ветром. То вдруг падала к самой земле, едва не задевая верхушек деревьев, и тогда слышала крики людей и конское ржание. Её носило над реками, по которым скользили темные тени, и слышался плеск весел. Над бесконечными лесами, где шелест листьев мешался с тихим говором бредущих по ночным тропам путников. Несколько раз около неё свистели стрелы, а одна целых полминуты летела рядом, так что можно было схватить её рукой.

Дым горящих селений и капли дождя были её одеждой. Слова чужих наречий звенели в голове, сталкиваясь друг с другом, но все заглушал лязг мечей. И когда она поднимала изъеденные дымом и залитые дождем глаза то не видела звезд, но чувствовала их свет.

В чувство её привел голос Веры. — Что это со мной было?

Даша открыла мутные глаза и взглянула на подругу, та лежала на полу в совершенно растерзанном виде, тело её лоснилось от пота, а волосы были растрепаны, на груди алели следы поцелуев.

— Очевидно, — медленно сказала Даша, — то самое что и со мной.

Вера схватилась за голову. — То же самое что с тобой?! Господи, стыд-то какой!

— Вот она, женская солидарность, — грустно подумала Даша, с облегчением все-таки чувствуя, что способность разумно мыслить медленно, но верно возвращается к ней.

— А куда наш старичок-боровичок делся со своим герлфрендом?

— Ушли в дом, — ответила Вера. — Велели, как ты очнешься, чтоб окунулись в реку и шли к ним.

Попасть из жары и духоты парной в прохладный предбанник, было уже само по себе удовольствие, которое, однако, оказалось, подпорчено тем, что своей одежды девушки не обнаружили.

— Дурдом, — разъяренно сказала Вера.

У Даши сил на гнев уже не было. — Ладно, пошли уж. Потом разберемся.

Они вышли в теплоту летней ночи, и увидели, что луна уже сместилась на другой край неба, подпираемая грозовой тучей, внутри которой погромыхивали раскаты грома. Но дождь пока не начинался, и даже ветра еще не было. Осторожно ступая по траве босыми ногами, вышли на берег и стали плескаться недалеко от берега, где было по пояс, опасаясь заходить глубже.

Когда Даша погрузилась в реку, ей показалось, что вода вокруг неё закипела, настолько разгорячено было её тело. И еще, она боялась даже себе в этом признаться, но ей было немного жаль, что она не помнит, что делал с ней Волох. Хотя, наверно, ночной полет того стоил.

— Ну и денек, — чертыхалась Вера. — Надеюсь, на сегодня приключения окончены. Силу он, понимаешь, передавал. Ох, Дашка, куда он тебе её только не передавал, раз пять. Но ты тоже дала жару...

Вера осеклась на полуслове и присела в воду. Из-за деревьев, в каких-нибудь пятидесяти метрах показался низкий длинный корабль, словно сошедший с картинки из учебника истории. Носовая часть корабля его была увенчана драконьей головой, парус спущен. Он тихо скользил по течению, и лишь на корме, у рулевого весла были видны силуэты нескольких людей. Завороженная этим зрелищем Даша выпрямилась в полный рост, не стесняясь своей наготы, но луна, бившая в глаза, мешала разглядеть подробности.

* * *

Но зато с корабля девушки были видны прекрасно.

На кормовом мостике стоял с ближними людьми князь готфский Эльгард Румяный, чье княжество сгнуло под копытами буджакских коней. Путь его с уцелевшей дружиной лежал в Речицу, где еще крепко сидел Войтко, наместник готфского короля на земле выдричей.

— Рыжая — простолюдинка, темноволосая — из знатного рода, — наметанным взором определил князь и добавил меланхолично. — Врожденное благородство не нуждается в лишней одежде.

— А может просто шлюха? — усомнился на правах старшего телохранителя сотник Панта. — Но мы можем спустить лодку и выяснить это у них. Тем более, что лишней одеждой эти девы и впрямь не слишком обременены.

— Не стоит. Они убегут раньше, чем лодка достигнет берега, — ответил князь. — А на берегу может быть засада.

Сотник кивнул и, отойдя, облокотился на фальшборт, не отрывая взора от Даши, которая провожала корабль взглядом из-под ладони.

Вдруг тишину прорезал истошный крик. — Хватай скальда! Лови Элвириуса, ребята! Держите его крепче!

И в ответ прогремел хорошо поставленный голос. — Да, я — скальд Элвириус. Пустите меня к ней, негодяи!

Сотник наклонился, пытаясь рассмотреть, что происходит в середине корабля, там, где на скамьях для гребцов вповалку спали, намахавшись за день тяжелыми веслами, дружинники.

— Что там, Панта? — спросил князь Эльгард Румяный.

— Скальд Элвириус вообразил себя окунем.

— Омуты здесь глубоки, достопочтенный Панта, а русалки злы. Тот, кто осмеливается купаться в водах этой реки или безумен или знает с нечистой силой. Отпустите скальда, пусть плывет.

— Нам будет не хватать его глупых песен.

— До песен ли нам? — печально произнес князь. — Впрочем, ты прав. Что ж, передай пусть свяжут скальда понадежней, пока разум к нему не вернется.

* * *

— Ничего себе, — сказала Вера. — Это кто были, викинги?

— Неизвестно, — ответила Даша. — Только знаешь, что? Я бы с удовольствием на этом кораблике отсюда бы уплыла.

— Дашка, ты что такое говоришь? Представь сколько там этих викингов. И тут ты, в таком виде... Хотя, вообще-то, у меня тоже настроение такое, маниакальное. Интересно, это что, и есть та сила, которую нам передали?

— Да уж, — пригорюнилась Даша. — Не хочется в это верить. С такой силой прямая дорожка на панель. Одна радость, что если мы её за три дня успеем кому-нибудь передать, то может отпустит.

Вера прищурилась. — А ты представляешь себе, каким образом нам предстоит её передавать?

— Господи, час от часу не легче. Пошли уж. Что-то холодно становится.

Стараясь не скрипнуть дверью, девушки вошли в избу. И первое что они увидели, был лежащий на ложе Волох, принявший свое старческое обличье. Руки его были вытянуты вдоль туловища, в одну из них был вложен меч, тот на котором он гадал. Глаза закрыты. В изголовье, уже одетая и причесанная, сидела Таха.

— Умер? — спросила Даша.

Вместо ответа Таха показала на лавку, где кучей лежало какое-то барахло местного пошива. — Одевайтесь. Ваши тряпки я сожгла, вам в них тут не выходить. Остальное, что было, сложила туда, — Таха показала на стоящую возле лавки хозяйственную сумку. Там и еда кой-какая, на дорогу. Уходить вам не мешкая. За баней тропа. По ней идите, никуда не сворачивая, пока не дойдете до большого камня. Вот как с эту избу примерно. Ждите у него. Сегодня люди идут в Речицу, скажете, что от Волоха, они вас возьмут.

— А ты? — спросила Даша.

— То не твоя печаль.

Через полчаса девушки, одетые в длинные полотняные рубахи и шерстяные накидки, покрыв головы платками, торопливо шли по тропе. Обернувшись в последний раз, они увидели столб пламени, поднявшийся над жильем Волоха, и услышали тоскливый волчий вой.

* * *

К концу третьих суток бесполезного блуждания по лесу Саня решил вести дневник. Оптимист по натуре, он живо представлял, что даже если путешествие завершится летальным исходом, в конце концов кто-нибудь всё равно обязательно наткнётся на их скелеты. В этом случае ему страшно не хотелось, чтобы память об их злоключениях сохранилась только в милицейской сводке, типа того, что грибниками обнаружены неопознанные останки предположительно трёх мужчин. Если же всё же удастся выйти к людям, то дневник мог стать основой для будущей книги. Саня твёрдо решил, что опыт их странствий не должен пропасть для человечества. Кроме того, как историк, он знал, что нет ничего недолговечнее подробностей. Знал так же, что без них описание любого события теряет вкус и запах.

Проблема была в том, что ни бумаги, ни ручки у него не было. Можно было, конечно, высекать свои записи на камне или на глиняных табличках, но для этого, как минимум, надо

было вести оседлый образ жизни. Кстати, и летописи писались в монастырях, монахами, которые помногу лет сидели, уединившись в своих кельях, ничем другим не занимаясь.

Нет, эти варианты отпали сами собой.

Впрочем, он читал когда-то, что в тюрьме некоторые писатели, тоже лишённые возможности писать, умудрялись сочинять даже огромные романы, заучивая, по мере сочинения, страницу за страницей наизусть и каждый день повторяя выученное. И выходили, в конце концов, на свободу с чистой совестью и готовой книжкой.

К сожалению хорошей памятью Саня похвалиться не мог. Она не раз подводила его в самые неподходящие моменты.

Итак, оставалась старая добрая береста. К счастью, в ней недостатка не было.

Поэтому, как только расположились на ночлег, Саня надрал с ближайшей берёзы коры, выклянчив у Ермощенко нож, заточил несколько палочек, и, скрючившись в неверном свете костра, предался мукам творчества.

— Идём третий день. Направление движения — Северо-Запад. Утром съели медведя, — выводило самопальное стило кривые буквы. — Заночевали в неизвестной местности, на поляне.

На этом хроника застопорилось.

— Напиши, когда у нас заход солнца, и фазы луны, — посоветовал Иван, вертя в руках ботинок. — Подметка-то, братцы, совсем оторвалась. А босым далеко не уйти.

— Кстати, про луну, — оторвался от своей писанины Саня. — Ей вроде на ущерб пора идти? А она не идёт. Снова полнолуние. Это нормально?

— Про луну мне сказать нечего. Я больше под ноги смотрю, — отозвался Митька, сортируя собранные по дороге грибы, которые должны были послужить гарниром к остаткам медвежатины.

— А про подмётку, я тебя, Иваныч, предупреждал. Что-то с ней должно было случиться. Но это не смертельно. У меня сосед один был, специально босиком ходил, впитывал через пятки энергию землю. Надо только привыкнуть.

— Ну, в случае чего, — Иван примерился и сильно ударил рукояткой ножа по подметке, — онучи наверчу из куртки, или, вон, лапти сплету, из липового, понимаешь, лыка. Насчет луны ничего определенного сказать не могу, но думаю, что, где висела там и висит. Я бы, с учетом нашей расстроенной психики, не очень на неё засматривался.

— Знать бы еще как эта липа выглядит, — тоскливо сказал Саня.

— Родной природы не знаем ни хрена, не ведаем, — констатировал Ермощенко.

— А хоть бы и знали? — Митька выпутал из волос паука, свалившегося ему на макушку. — Все равно лапти плести никто не умеет.

— Научусь, — пообещал Иван. — Припрёт, научусь.

Глава четырнадцатая

Утром следующего дня их разбудил дождь. Разбуженные его первыми каплями, успели обратиться под защиту деревьев раньше, чем ливануло по настоящему. Часа два, пережидая, отсиживались под густой елью, и поэтому тронулись в путь с опозданием. Никакой тропы или хоть какого-то подобия оной по-прежнему не попадалось, шли по высокой, ещё не просохшей после дождя, траве, промокнув до пояса. Скоро ветер разогнал тучи, снова засияло солнце, стало душно. Но о духоте забыли, увидев дым над верхушками деревьев. Тут уж Митька выбрал сосну повыше и уже совсем было собрался залезть на неё, как Саня вдруг дёрнул его за рукав.

— Чего? — обернулся к нему Митька.

— Погоди, кричат вроде.

— Мне тоже послышалось, — сказал Иван.

И действительно, откуда-то из глубины леса, постепенно нарастая, приближался гул, в котором при некотором напряжении можно было угадать звуки человеческих голосов. Но что-то было в этих звуках такое, что заставило путников попятиться, а затем, не сговариваясь, забиться поглубже в кусты. Но тут, под защитой густой листвы, любопытство и страстная надежда повстречать наконец людей, взяли верх над осторожностью. Иван раздвинул ветки и стал всматриваться в неподвижные деревья на той стороне поляны, сплошь покрытой фиолетовыми соцветьями мать и мачехи.

Однако люди появились не оттуда, а откуда-то сбоку, несколько всадников вывернулись из-за деревьев и их лошади проскакали буквально в нескольких шагах. Выглядели они так, словно только что покинули съемочную площадку какого-нибудь исторического фильма. Всадники были оборваны, их овчинные куртки давно утратили первоначальный цвет, так же как и шитые с большим запасом широкие штаны, заправленные в подобие кожаных чулков, которые удерживались на ногах благодаря ремешкам, обвивающим ногу от щиколотки до колена.

Голову одного из наездников, судя по всему, старшего, украшал помятый медный шлем, формой напоминающий неглубокую чашу, остальные обходились мохнатыми шапками и войлочным островерхими колпаками. А один был и вовсе простоволос, его иссиня-черные космы были собраны сзади в короткую толстую косу, которая билась о высокий вышитый воротник куртки в такт лошадиному бегу. Но вооружена эта публика, на непросвещенный взгляд горожанина, была довольно серьезно, у пояса каждого висел меч или топор. У многих были пики.

Картину дополняли притороченные к седлу луки и колчаны со стрелами. К седлам же были привязаны и круглые деревянные щиты, обтянутые кожей и украшенные металлическими бляхами, что свидетельствовало о том, что их хозяева в данный момент не опасаются внезапного нападения.

Ускакали всадники недалеко, остановившись метрах в пятидесяти, в густой тени векового дуба, стоящего на краю поляны чуть на отшибе от леса, они затаились, сдерживая коней и негромко переговариваясь. И, похоже, их ожидание было связано с шумом доносящимся из леса, так как именно в ту сторону они то и дело поглядывали.

Саня, забыв про всякую осторожность, сунулся из кустов, желая рассмотреть все в подробностях, но Иван железной дланью рванул его за шиворот, так что любопытное лицо

Сани, появившись на миг, исказилось и исчезло в зелени, словно камень канул в стоячую воду пруда.

Под защитой тесно переплетенных веток, где солнечный свет лишь кое-где давал о себе знать тонкими снопиками лучей, Саня, не столько досадуя на бесцеремонность Ивана, сколько веселясь от его недогадливости, быстро проговорил, давясь от смеха. — Ты чего, Иваныч? Это ж ролевики.

— Тише ты. Какие еще ролевики? — Иван, явно был не склонен разделить с Саней его радость.

— Ролевики? — в голосе Митьки слышалось сомнение.

— Ну, да, их еще по телевизору часто показывают. Ребята, которые на истории завернуты. Реконструкторы! — припомнил Саня. — Воссоздают историю во всех деталях. То есть, сами себе доспехи делают, обучаются старинным приемам боя, и разыгрывают потом какое-нибудь Мамаево побоище.

— Хотел бы я знать, что они сейчас разыгрывают, — Иван, удостоверясь, что Саня не делает попыток вырваться, ослабил хватку.

— Так подойдем, спросим. Интересно же, — торопливо проговорил Саня, который боялся, что за всеми этими дурацкими разговорами чудесные всадники возьмут да и ускачут. Ищи их потом по лесу, но к его досаде совету никто не внял.

— Сам же говоришь, на истории завернуты, — рассудительно произнес Иван. — А если человек завернут, хоть на истории, хоть на чем, то держи вухи остро, потому что неизвестно, какие процессы происходят в его поврежденном рассудке. Вот у нас один мужик на заводе, на открытках был завернут, а потом повесился.

— Да при чем тут это! — тупое упорство натурального кузнеца приводило Саню в бешенство.

— А при том, что вот вылезем мы сейчас из леса, а они нас за своих примут, ну, за реконструкторов. И без лишних слов дадут, шутя и играя, как реконструкторы реконструкторам, топориком по башке. Сам же говоришь, люди увлеченные, от них всего можно ожидать.

В ответ Саня молча пожал плечами, не в силах продолжать идиотский спор.

— А мне что-то их смуглявые морды не нравятся, — неожиданно поддержал Митька Ивана.

— Ты что, расист? — вскинулся Саня. — Ну, может сборная Монголии, ну, или Тувы.

— Сборная-подзаборная — пробормотал Иван, отгибая ветку. — Посмотрим, что у них тут за Мамаево побоище.

И тут же вся поляна вдруг заполнилась бегущими людьми, высыпавшими из леса. Тут же стала ясна и причина таинственного лесного шума, так как мужчин почти не было видно, в основном здесь были истошно кричащие женщины и дети.

— Так. Теперь все понятно, — авторитетно заявил Саня, успокоенный тем, что теперь, даже если всадников унесет куда нелегкая, то уж пешие-то люди никуда не денутся. — В основу сценария игры ребята, несомненно, взяли очень распространенный сюжет древнерусской истории. Набег степных кочевников. Те, под дубом, это, стало быть, засада. Остальные степняки играют роль загонщиков. И вот мы можем наблюдать, как загонщики, выгнав русских земледельцев из леса, гонят их прямо на засаду.

Действительно, словно в подтверждение этих слов из леса показалась новая группа всадников, которая, растянувшись в подкову, охватывала бегущих, оттесняя их к этому краю

поляны.

— А с чего ты взял, что это земледельцы? — перебил Митька.

— Так по одежде видно, — ответил Саня. — Это я тебе как историк говорю. На городских жителей они не похожи.

— Колхозники, зуб даю, — подтвердил Иван. — И спрятаться не могли как следует и гонят их теперь как баранов. Работяги бы так с собой обращаться не позволили.

— Ну, пролетариат в древней Руси, как известно, еще не сформировался, — дипломатично сказал Саня, озадаченный таким проявлением классового шовинизма.

— Оно и видно, — сплюнул Иван.

— И чего? — спросил Митька. — Вот они сейчас, значит, этих поселян всех повяжут. И что? Вся игра?

— Да нет, — терпеливо объяснил Саня. — Это только завязка, пролог, так сказать. А затем, по идее, должны появиться русские дружинники, тогда начнется главное действие. Сначала отдельные поединки между единоборцами от русских и от кочевников, потом генеральное сражение, а затем, — тут он сглотнул слюну, — пир на весь мир. Я недавно передачу видел. Там все это подробно показывали. Это дня на два мероприятие.

— Так два дня и просидим в кустах?

— Я вам о чем талдычу? Выйти надо, объясниться. Заблудились? Заблудились. Чего тут непонятного? У них и лагерь должен быть где-то неподалеку, это обязательно.

— Иваныч, а чего? Ведь прав Санька. Выходить надо.

Но Иван был непреклонен. — Подождем. С нас не убудет.

— Ну, не силком же его тащить, — с досадой сказал Саня товарищу. — Уперся, как это самое.

Иван повернулся и укоризненно посмотрел Сане в лицо. — Ты все хорошо объяснил, кроме одного.

— Кроме чего? — не понял тот.

— Почему тут лето, Саня, когда должна быть зима?

На это Сане ответить было нечего и он замолчал в расчете на то, что все равно через несколько минут его правота станет очевидна всякому.

Между тем бегущие люди были уже в каких-то ста шагах. Теперь, в общем крике, можно было различить отдельные голоса.

— Реально орут, — сказал Митька. — Не знал бы, что игра, так ей-богу, испугался бы.

— Орут страшно, — согласился Иван. — И вроде даже как не по-русски. Но мне другое удивительно. Бабы понятно, это, надо полагать жены этих, реконструкторов, и прочие боевые подруги, само собою тоже на голову не вполне здоровые. Но вот же детей сколько, неужели все их? На каждую тетку три-четыре рта. Откуда столько? Или они, реконструкторы, и это дело, по части, то есть, размножения, реконструируют?

— Могли школьников пригласить. — Саня чувствовал к незнакомым парням, завернутым на истории, благодарность, за то что, хоть и не специально, конечно, а вот нашли же их в этой глуши, то есть, не совсем еще нашли, но вот-вот найдут.

— И грудных тащат, — не унимался Иван. — Нет, Саня, ты как хочешь, а уж это дурость несусветная.

— Грудные скорее всего не настоящие, — терпеливо объяснил Саня. — Муляжи.

— Фанаты, что с них взять, — Митька, пусть и не до конца, но все же, кажется, убежденный Саниными разъяснениями, слегка расслабился и даже позволил себе присесть

на ствол поваленного дерева.

— Кирдык землепашцам, — через минуту констатировал он, увидев, как затаившиеся в тени дуба степняки выезжают на открытое место.

И действительно, бегущие по поляне люди, внезапно увидев перед собой всадников, совершенно потеряли голову и заметались, шарахаясь от напиравших на них лошадей. Крик, и без того пронзительный, достиг какой-то запредельной высоты, словно запели ангелы, разом тронувшиеся в рассудке.

В руках у всадников появились плети, которыми они принялись охаживать бегущих, пытаясь заставить их остановиться. Какая-то женщина в красном платке бросилась между всадниками, ближайший из которых взмахнул рукой, с зажатым в нем копьём, и беглянка, словно споткнувшись, исчезла в высокой траве.

— Смотрится натурально, — оценил зрелище Митька.

— Ну, спецы, — ответил, захваченный увиденным, Саня.

Один Ермощенко не разделял общего восторга и смотрел кисло. — У актёров-то личики гладкие, ухоженные должны быть. Ну, не актёры, просто городские. А эти на городских ну ни капли не похожи.

— Дядя Ваня, у людей хобби такое, они всякую свободную минуту в образ вживаются, чтоб создавать, значит, атмосферу подлинности.

Но все старания Сани развеять чёрную тучу в черепе натурального кузнеца, оставались тщетными. Иван был непреклонен. — Глупое хобби. И атмосфера вонючая.

Всадники, между тем, частью спешившись, сновали между мечущимися людьми, валя их на землю, словно имели дело с манекенами. В руках у них откуда-то появились веревки, которыми они споро связывали лежащих и, пинками подняв их, сгоняли в кучу. Впрочем не все у них проходило гладко. Высокая простоволосая девушка как-то ухитрилась вырваться и, ловко увернувшись от бросившихся наперерез, помчалась, высоко вскидывая колени, прямо на затаившихся в кустах путников.

— Симпатичная барышня, — одобрил Ермощенко. — Бегаёт быстро, и вообще, ничего себе.

Однако далеко убежать ей не удалось, один из оставшихся в седле хлестнул коня и тот в два прыжка настиг беглянку. Седок, с невероятным для его богатырского телосложения проворством, коршуном слетел на девушку и сбил её на землю, упав сверху. Раздался треск разрываемой материи. Полуобнаженная девушка отчаянно барахталась под навалившимся на неё телом, но тщетно. На широком лице степняка, окаймленном жидкой юношеской бородкой, было написано нескрываемое удовольствие. Он встречал каждую новую попытку сопротивления взрывом смеха, одной рукой удерживая свою жертву, а другой продолжая сдирать с неё остатки одежды.

Его действия вызвали одобрителльные возгласы товарищей, некоторые из которых ради такого дела даже бросили вязать пленников и оживленно перекрикивались гортанными голосами, подбадривая удальца и, кажется, дружески подтрунивая над ним.

— Это на каком же языке они говорят? — спросил Иван. — На монгольский-то не больно не похоже. Я в Чите монгол знавал, ничего такого. А девка-то молчит. Хотя тут оно, конечно, что молчи, что не молчи, без разницы.

— Не знаю, на каком языке, — честно ответил Саня. — Однако, работают на совесть.

— Даже чересчур, — заметил Митька. — Актриска-то уже тогось, топлесс. Что же дальше будет?

Но того, что произошло дальше, никто из них не предвидел. Девушка приподнялась и впиалась зубами в плечо степного рыцаря. Тот коротко взвыл и, выхватив откуда-то длинный тонкий нож, ударил её в бок. Затем еще и еще раз. Из ран брызнула кровь, особенно заметная на белой коже.

В толпе связанных людей никто на это не отреагировал, похоже было, что они даже не заметили произошедшего, однако товарищи убийцы, который тем временем встал на ноги и со злобой пнул лежащее перед ним тело, приветствовали его насмешливым хохотом. А один из них, тот самый, в помятом медном шлеме, подъехал и с размаху перетянул его плетью.

— Так реконструкторы, говоришь? — прошипел побелевший Иван.

Онемевший Саня, только помотал головой, отказываясь верить виденному.

— А вот теперь уходим, — произнес Митька, поднимаясь со ствола, на котором сидел.

Но так просто уйти им не удалось.

Из травы, в которой они, видать, до поры таились, почти из-под самых копыт лошади, на которой подбоченясь сидел предводитель в медном шлеме, вдруг поднялись три фигуры, одна мужская и две женских. Женщины, в серых накидках и низко повязанных платках, бросились напрямую в лес, а мужчина ужом проскользнул под конским брюхом, резанув по нему зажатым в кулаке ножом, и побежал следом. Лошадь, заваливаясь на задние ноги, дико заржала. И так же дико закричали кочевники, несколько всадников бросились вдогонку. Одному из них, уже занесшему меч для удара, не повезло сразу, его конь, споткнувшись, полетел через голову, сбрасывая седока. Благодаря этому мужчина успел нырнуть в кусты, он пробежал в шаге от путников, не заметив их. Куда делись женщины, уследить было невозможно, так быстро они исчезли.

И буквально через секунду над кустами, с треском ломая ветки, и едва не задев Митьку копытами по голове, взмыла лошадиная туша. Боковым зрением Саня успел разглядеть во всаднике того, который за минуту до того зарезал девушку, каким образом он успел вскочить в седло, осталось загадкой. Всадник тут же пропал за деревьями. Остальные преследователи проскакали где-то сбоку.

— Чего сидеть, пошли отсюда, — Иван тоже поднялся. И все трое побежали вглубь леса. Но не успели пробежать и двух десятков шагов, как наткнулись на все того же проклятого наездника, которому все-таки удалось догнать беглеца, но тот в руки не давался, отмахивался ножом, крутясь вокруг огромного куста лещины.

Ситуация была патовая. Убежать мужик не мог, так как тогда ему пришлось бы подставиться под удар, но и его преследователю только что и оставалось кружить вокруг куста, без толку круша ветки и выжидая, пока противник допустит оплошность.

Занятые поединком они, казалось, ничего не замечали вокруг.

— Не проскочим, — сказал Ермощенко и достал нож, который Митька тут же забрал из его трясущейся, несмотря на спокойный голос, руки.

— Это не медведь, Иваныч. С этим у меня лучше получится.

— Как знаешь, — Иван безропотно отдал нож. — Сзади к лошади не суйся, лягнёт.

— Ага, — кивнул Митька. — Я этому джигиту под левую руку зайду, а ты с другого бока. Главное, чтоб крикнуть не успел. Проскочим.

Но, договорившись об образе действий, действовать они не спешили, так как для того чтобы подобраться к всаднику, им необходимо было преодолеть несколько шагов открытого пространства, и если бы всадник в тот момент их бы заметил, то кончиться это могло плохо.

Выручил беглец. В очередной раз высунувшись из-за куста, он увидел замершие в

нерешительности фигуры путников, едва скрытые деревьями и, очевидно, разгадав их замысел, сделал особенно рискованный выпад. Даром ему это не прошло, меч чиркнул по предплечью, окрасив белый рукав рубахи красным. Но в тот же момент Митька в два громадных прыжка подскочил к всаднику и ударил ножом в бок, чуть выше пояса. Тот вскрикнул, покачнувшись в седле, но тут же выпрямился и занес меч. Однако Иван схватил его за руку и буквально выдернул из седла. Грузное тело тяжело грохнулось на усыпанную палой листвою землю.

Беглец мигом оказался рядом и, прижав коленом грудь оглушенного падением степного богатыря, рванул его за подбородок, задирая голову, и с потягом полоснул ножом по толстой шее. Лицо Ивана, в которое брызнула теплая кровь, позеленело, но он продолжал крепко держать руку с зажатым в нем мечом, пока Митька не тронул его за плечо. — Хорош. Готово дело. Здоров ты, дядя.

Натуральный кузнец посмотрел на него дикими глазами и медленно разжал пальцы.

— Бежим скорее, — умоляюще произнес Саня.

Но Митька, не обращая на него внимания, попытался схватить лошадь под уздцы. Однако та в чужие руки не далась и, встав на дыбы, ударила передними ногами, норовя попасть в грудь. Беглец бросился ему на подмогу, ему посчастливилось больше, он повис всем телом на поводьях. — Сумы снимай.

Митька перерезал ремни, которыми были привязаны к седлу две набитые кожаные торбы.

— Иваныч, принимай.

Иван наконец вышел из столбняка и подхватил торбы. Беглец отпустил коня и, отскочив в сторону, со всей силы хлестнул подобранной хворостиной по крупу. Конь поскакал прочь.

— Уходим, — канючил Саня.

— Сейчас, — Митька и беглец склонились над трупом степняка и, ворочая его в четыре руки, ободрали амуницию. Меч в деревянных ножнах достался Митьке, а лук со стрелами взял себе мужик.

Нож убитого Митька протянул Сане, но тот в ужасе отшатнулся.

— Напрасно, — сказал Митька пряча нож. — Теперь пошли.

Все это заняло несколько минут.

Беглец махнул рукой, приглашая следовать за ним.

Какое-то время они бежали, каждую секунду ожидая услышать за собой шум погони. Но вместо этого слышали крик впереди и чуть левее себя.

Беглец, словно его толкнули в плечо, резко, едва удержавшись на ногах, развернулся и ринулся на крик.

— Стой, придурок, — крикнул Митька, но тот, не оглядываясь, мчался в прежнем направлении.

Здесь лес был пожиже, а деревья повыше. Петля между их стволов, бегали, уворачиваясь от гонящегося за ними всадника, словно играя с ним в пятнашки, две женщины. Те самые, в низко повязанных платках. Беглец с размаху припал на колено и выпустил три стрелы, не попав ни одной. Всадник даже не заметил, что в него стреляли, продолжая с упорством охотничьего пса преследовать свою добычу. Иван с Митькой перебежками, от дерева к дереву, пошли на сближение. Подоспели они как раз во время, одна из женщин, та, что пониже, поскользнулась и упала. В тот же момент всадник навис над ней, видимо раздумывая, то ли вязать её, то ли сразу зарубить. Товарка упавшей

подхватила с земли длинную сухую лесину и, набежав сбоку, вышибла всадника из седла.

Но этот оказался ловчее своего товарища, падая, он извернулся как кошка и приземлился на ноги, не выпустив из руки меча. Женщина снова бросилась на него, но он легко отбив удар, перерубил лесину пополам. Тут и налетел Митька, но трофейный клинок не принес удачи. Спешенный наездник неуловимым движением выбил его из Митькиной ладони. И только Иван, которого противник проглядел, сумел переломить ход сражения. Забыв про свой нож, он ударил кулаком и угодил в висок.

— Готов, — сказал Митька, мельком глянув на рухнувшее у его ног тело.

Иван не ответил, потому что видел то, чего не видел Митька: темный силуэт, в двух десятках шагов, словно в детской головоломке, проступал из неразберихи ветвей и листьев, превращаясь во всадника, целившегося из лука.

— Вот и всё, — только и успел подумать натуральный кузнец.

В следующий миг откуда-то снизу взмыла серая тень, и страшный силуэт исчез. Только удаляющийся конский топот свидетельствовал о том, что всадник не пригрезился.

— Что там? — насторожился Митька.

— Сходи, Мить, посмотри, — попросил Иван, садясь на землю. — А то меня что-то ноги не держат.

Митька, с мечом наизготовку дошел до куста и крикнул оттуда. — Еще один. С порванной глоткой. Кто это его?

— Вроде волк, — ответил Иван. — Уходить быстрее надо.

— Держи, — Митька протянул взятый с трупа боевой топор, с широким лезвием, вытянутым к низу, и острым обушком. — Всяко лучше ножика.

К Сане, который до того бледной тенью следовал за Митькой, постепенно возвращался человеческий облик. — А эти куда подевались, барышни-крестьянки? — воскликнул он и молодецки потрянул трофейной пикой, украшенной конским хвостом.

— Санечка! — раздался сзади звонкий голос, и Саня, выронив своё страшное оружие, очутился в объятиях Веры.

— Здравствуй, Митя, — сказала Даша.

— Здравствуй, — ответил Митька и ущипнул Ермощенко за руку. — Спим, что ли?

— Никак нет, — ответил натуральный кузнец, мотая в изумлении головой. — Девушки, я так понимаю, вы за нами. А где спасательный дирижабль МЧС?

— На Канарах пожары тушит, — сурово ответила Даша. — Извините не знаю, как вас величать, я так понимаю, что вы не за нами.

— Чегось? А, ну, да. Увы, — лицо натурального кузнеца, обросшее двухдневной щетиной, на мгновение омрачилось. — То есть, следовательно, мы в одинаковом положении. Но ничего. Кучей, как говорится. и батьку веселей метелить.

— Какого батьку?

— Это я так, к слову. Меня, кстати, Иван Иванович зовут, фамилия Ермощенко. В общем, Ваня или Иваныч, и лучше на ты.

— Ваня, блин. Ты в зеркало когда последний раз смотрел, дедушка? — засмеялась Вера.

— Ага, — одобрительно сказал натуральный кузнец. — Весёлая. Это хорошо.

Неизвестно, сколько бы ещё они топтались на месте, обмениваясь радостными междометиями. Но сейчас время поджимало. Тревожные крики, конское ржанье и треск сучьев, доносящиеся со стороны поля, напомнили о том, что опасность никуда не делась, а

напротив, увеличилась в разы. Попасть в руки степняков теперь, после убийства их товарищей, означало верную смерть.

Да и спасённый мужик не давал забыть, хватая за рукав то одного, то другого, он твердил, что надо бежать. Так что, счастливая неразбериха длилась едва ли более минуты, после чего все подхватились и гурьбой бросились в спасительную лесную чащу.

Роль проводника досталась беглецу, который производил впечатление человека, который знает дорогу, остальные, слепо доверившись ему, просто бежали следом, ориентируясь на маячившее между деревьями светлое пятно его рубахи. И когда он поднял правую руку, все остановились и так стояли, сбившись в кучу и с трудом переводя дыхание, пока он прислушивался. Когда стук в груди и ушах унялся, стали слышны шелест листьев и пенье птиц. Погоня если и была, то безнадежно отстала.

Дальше шли спорым шагом, успевая перебрасываться на ходу короткими фразами, торопясь поведать друг другу о пережитом в эти несколько дней. Но толку от этого было немного. Вообще, быстрая смена сильных и разнонаправленных впечатлений, привела всех в состояние близкое к ступору, впрочем, учитывая опасность, которой им удалось избежать, настроение было скорее хорошее. Так что уже несколько раз намекали проводнику о том, что неплохо было бы сделать привал, но этот загадочный человек всё шёл и шёл. Если бы не пара слов сказанных во время и после схватки, его можно было бы принять за немого. Так пролетело несколько часов.

Глава пятнадцатая

Вышли на неприметную тропинку, которую сами вряд ли бы заметили, и спустя какое-то время поднялись на песчаный взгорбок, увенчанный невысокими, но раскидистыми соснами. Под ногами зашуршал песок, усыпанный бурой прошлогодней хвоей. Назойливые комары, которые всю дорогу не давали продыху, отстали, разогнанные свежим ветром, вольно гуляющим между светло-коричневых стволов. Иван потянул ноздрями воздух. — Вроде водой пахнет.

И точно, сделав несколько шагов, они увидели, что стоят на высоком берегу.

— Млочь, — проводник стал спускаться к воде.

Но у реки этой, кроме названия, не было ничего общего с той Млочью, которую Саня знал с детства. Та Млочь была в два раза уже, её грязноватая серая вода лениво несла мусор и радужные нефтяные пятна. И кроме крепко подвыпивших мужичков да пустоголовых мальцов, купаться в ней давно уже никто не отваживался.

Иван лез вниз, цепляясь за торчащие из откоса корневища. Из-под подошв его ботинок ручьем сыпалась земля пополам с песком и мелкими камнями.

— Какая еще Млочь? — громогласно удивлялся он. — Во-первых, это не Млочь, а во-вторых, с этой стороны никакой реки и быть-то не должно.

— Так кружили по лесу сколько, — отвечал Митька, помогая Даше. — Немого бы этого потрясти, пусть расскажет, что тут происходит и как оно называется.

— Он правду говорит, — сказала Даша, цепляясь за Митькино плечо. — Он местный и всё тут знает.

Тот, о ком они говорили, ждал внизу, у самой воды, стоя лицом к реке на обкатанных водой камнях, словно выбеленных солнечными лучами.

Когда к нему подошли, он повернулся и сказал. — Аз — Нечай.

— О, тоже хохол, — воодушевился Иван, снимая с плеча трофейные торбы. — А я — Ермощенко Иван. Будем знакомы, — и протянул руку, на которую Нечай посмотрел с некоторым недоумением.

— Гриппа, что ли, боишься? — удивился Иван, убирая руку.

— Да нет, — сказал, охваченный внезапным предчувствием Саня, не стесняясь присутствия Нечая. — Он, кажется, просто не знает, что этот жест обозначает.

После этого Саня ударил себя кулаком в грудь. — Александр, можно Саня.

— А можно Миклуха-Маклай, — сказал Иван, не сводя подозрительного взгляда с Нечая.

— Я — Митька, — сказал Митька.

Словно давая понять, что церемония знакомства закончена, Нечай поднял брошенные Иваном торбы, отошел в тень плакучей ивы, ветки которой с длинными серебристыми листьями, склонившись почти до самой земли, образовали подобие шалаша, сел, прислонившись спиной к толстому зеленоватому стволу, и стал распускать ремешки на торбах. Остальные расселись рядом.

Даша и Вера раскрыли хозяйственную сумку, которую было бросили, удирая от всадника, но затем подобрали. Таха не поскупилась. Здесь оказался даже небольшой окорок, не говоря уж о прочем.

Нечай перевернул добытые в бою торбы и высыпал их содержимое. В одной оказались

съестные припасы, куски вяленого мяса неизвестного происхождения, каменная соль, черствые лепешки, завернутое в серую холщовую тряпицу нечто, напоминающее козий или овечий сыр, несколько головок лука и чеснока. Был здесь и довольно объемистый, величиной примерно с футбольный мяч, глиняный горшок, с узким горлышком, запечатанным воском, которое Нечай сразу отбил рукояткой ножа, принялся, и, еще раз кивнув, поставил горшок перед собой между согнутых колен.

Во второй торбе покойный её хозяин, судя по всему, хранил свою военную добычу. Поэтому содержимое её было разнообразней. Соболиные шкурки, свернутые куски какой-то материи, а так же женские украшения, при виде которых Саня испытал дежа вю. Где-то он видел что-то подобное. Если бы не усталость и потрясение после недавних приключений, ему бы не пришлось потратить лишние три минуты на то, чтобы сообразить, что именно напоминает ему эта кучка изящных вещиц, которую Нечай лениво ворошил острием ножа. Все эти височные кольца, серебряные и бронзовые браслеты, застёжки и пряжки он уже видел прошлым летом на раскопках древнего городища. Конечно, нельзя было сказать, что это были те же самые предметы, но набор их был примерно таким же.

— Эй, друг, — сказал Митька, — Как тебя, Аз, что ли. А в кувшине что?

На миг оторвавшись от своих мыслей Саня машинально поправил Митьку. — Аз это не имя, это местоимение, обозначало Я у древних славян. Нечай его имя. Митька открыл было рот, чтоб что-то спросить, но тут Нечай взял горшок, отхлебнул из него, вытер губы и усы тыльной стороной ладони и протянул его Митьке.

Тот принялся. — Медовуха, что ли? Девчата, примите, для снятия стресса?

Даша и Вера дружно замотали головами. Акимушкин, у которого не было оснований подозревать их в особой трезвости, слегка удивился, но, как человек воспитанный, не задавая ненужных вопросов, приложился к кувшину и несколько секунд сидел, соображая, что это он такое выпил, а потом передал горшок Ивану. — Градусов пятнадцать будет, а на вкус чистая медовуха.

— Благодарствую, — степенно произнес Иван. — Со свиданьем... Да, хорошо. Держи, Саня.

После этого начался беспорядочный разговор. Девушки рассказали свою историю, вплоть до того, как дождавшись у большого камня идущих в Речицу людей, они пошли с ними, и с ними же нарвались на буджацкий загон. Утаили они лишь некоторые детали их пребывания в логове Волоха. Рассказ поверг мужчин в шок, который прошел не сразу. Даша и Вера получили несравнимо более полное представление о мире, куда их забросила злодейка-судьба.

Быстрее всех оправился Саня, для которого сказанное не явилось полной неожиданностью. Он был внутренне уже подготовлен к чему-то такому. Он был даже рад тому, что всё увиденное им сегодня получило такое объяснение. Попасть в прошлое показалось ему предпочтительней, чем заблудиться в настоящем. Следовало признать, что историк, мирно дремавший в нём годы учебы, всё чаще давал о себе знать. Очевидно, экстремальные условия стимулировали мозговую деятельность.

И пока его товарищи охали и рвали на себе волосы, Саня Тимофеев уже совершенно успокоился и теперь взирал на мир холодным взглядом естествоиспытателя.

А на кого должен был прежде всего обратить взгляд естествоиспытатель, верный сын Ключевского и Гумбольдта? Конечно на Нечая, на таинственного аборигена загадочного мира.

И Саня устремил зоркий взор на Нечая.

Итак, светлые волосы подстрижены в кружок, как и положено представителю древних славян. Обут в кожаные сапоги без каблуков. Ну, правильно, тогда как раз такие сапоги и носили.

Штаны да рубаха из небеленого полотна, ворот рубахи вышит маленькими красными петухами. Это ни о чем не говорит, так крестьяне и в двадцатом веке одевались.

Что еще? Необычайно крепкая медовуха. Это наверно и есть тот самый знаменитый хмельной мед русских былин.

Да, и это — Аз.

Настораживало, что Нечай не выказывал ни малейшего удивления видом своих случайных попутчиков, ни их городской одеждой, ни их городскими повадками. Впрочем, может здесь вообще не принято выражать удивление, или был Нечай по жизни невозмутимый, не исключено так же, что еще не настолько опомнился, чтобы обращать внимание на такие мелочи, как одежда.

Было о чем задуматься. И Саня задумался со страшной силой, так что волосы зашевелились на голове, но с налёту ничего умного не придумал. Оставалось постараться все-таки разговорить древнеславянского Нечая, заставить его произнести еще хотя бы несколько слов, чтобы понять на каком языке он говорит.

А пока что, оставалось смириться с тем, что для каких-нибудь определённых выводов, относительно места и времени, куда они попали, данных было недостаточно.

Нечай, не подозревая, что сделался объектом столь пристального научного наблюдения и анализа, продолжал зачем-то ворошить трофеи, вот кончик его ножа поддел что-то и, к своему ужасу, Саня увидел почерневший человеческий палец, украшенный перстнем с голубым прозрачным камнем.

— Ого, — поперхнулся Иван. — Лихо.

— Ну, да, — согласился Митька. — А то не ясно было? Только мочить.

Нечай скинул палец в торбу, затем сгреб туда же остальные украшения и перекинул её Митьке.

— Дарит, что ли? — озадачился Иван. — Или в долю берёт? Как тут у них у папуасов заведено?

— Бери, — сказал Нечай.

Митька взял торбу, встал, подошел к краю воду и зашвырнул её далеко в реку, затем вымыл руки, плеснул на лицо и, утершись рукавом, вернулся на прежнее место, под иву.

Нечай внимательно посмотрел на него и ничего не сказал. И тогда Саня решился. — Какого ты рода, Нечай?

— Словене, — ответил Нечай. — Выдричи.

Дальнейшую беседу между ними пересказать, пожалуй, что и невозможно, так как Саня, чтобы быть понятым, использовал свой лингвистический багаж на всю катушку. К сожалению, нельзя сказать, что багаж этот был богат. Несколько десятков слов на церковнославянском, украинском и даже польском языках. Остальное приходилось дополнять интуицией и жестами. Поэтому сначала разговор продвигался туго, но с каждой минутой понимать друг друга становилось легче. Сане казалось, что он не столько узнает новые слова и обороты, сколько вспоминает забытые. Правда, забыты они были так давно, и лежали на такой глубине, что казалось будто их и вовсе нет. Но оказывается они были, и забвение, из которого они поднимались, ничуть им не повредило.

Итак, речь Нечая была несомненно славянской, но отнести её к какому-либо из известных ему языков Саня бы не решился. Хорошо было уже то, что смысл её, пусть пока только на половину, был понятен. Впрочем, в трудных местах на помощь приходили девушки, которые разговаривали с Нечаем совершенно свободно, и не замечали в этом ничего странного.

Но хотя с языком кое-как уладилось, беседа всё равно шла через пень в колоду, так как то и дело речь заходила о вещах и понятиях для Нечая очевидных, а для Сани абсолютно неизвестных. Поэтому всё время приходилось переспрашивать и уточнять сказанное, что уводило разговор так далеко в сторону, что для возвращения его в прежнее русло надо было прилагать нешуточные усилия.

Митька и Иван в разговор Сани с Нечаем не вмешивались, но слушали, затаив дыхание, и, похоже, испытывали примерно то же самое, что и Саня, постепенно привыкая к местному наречию. Но этот процесс шёл у них, как у людей чуждых лингвистике, помедленней.

Поэтому Сане тут же пришлось пересказать им то, что ему удалось выудить из рассказа Нечая.

Информация была довольно скудной. Род или племя выдричей, к которому относил себя Нечай некогда было многолюдным и сильным. Сидело оно по обеим берегам Млочи, на границе леса степи. Такое местоположение было для племени как источником его благосостояния, так и причиной бед. Несколько поколений назад племя подпало под власть беспощадных пришельцев с севера — готфов, чьё царство одно время простиралось от северных морей до южных. Но через какое-то время нашествие унов положило конец готфскому владычеству.

Под рукой унов все окрестные народы, и бывшие властители и бывшие подвластные, сравнялись, но это равенство никого не радовало. Но как бы то ни было, на какое-то время на этой земле установился мир, так как уны полагали, что покоренные ими народы должны сражаться только под их знаменами, завоёвывая для них западные страны, а не лить кровь в бесконечных междоусобицах.

Однако, теперь, по словам Нечая, когда унская держава рухнула, началась великая смута. Готфы, увлеченные мыслью о возврате бывшего могущества, призвали на помощь степную конницу. Вождь буджаков Хадир, забравший в степи большую силу, отозвался на этот призыв. Но готфы же и пали первой жертвой своего замысла. Война запылала от греческого моря до северных лесов, захватывая всё новые племена и земли. Главные сражения идут западнее, где сопротивление готфов и их союзников ещё не сломлено. А здесь, у Млочи, войны как таковой нет. Буджаки, которые никогда ещё не осмеливались забираться так далеко в глубь лесов, идут облавой, предавая всё огню и мечу. Что до выдричей, то они, убаюканные долгими годами мира, оказались совсем не готовы к отпору и не они одни.

Про себя же Нечай сообщил, что, как и многие другие, кому посчастливилось спастись, идет в Речицу, крепкое место, которое буджакам не по зубам. По его мнению им следовало идти туда же, просто потому, что идти больше некуда. Беда в том, что буджаки тоже движутся на Речицу, и их передовые отряды, скорее всего уже достигли крепости. Поэтому, хотя в спокойное время до крепости они бы дошли за пару дней ходу, теперь путь предстоит опасный, долгий, а самое плохое, что идти придётся по выжженным и опустошенным степняками местам, где им будут угрожать не только меч и аркан, но и голодная смерть.

Он ещё много чего поведал, но уставший Саня уже не был способен воспринимать его

слова. Сказанного было более чем достаточно.

Между делом, Саня умудрялся перекидываться словами с Верой, и даже пару раз удачно пошутил, рассмешив до слез. И когда она, засмеявшись, закинула голову, на её шее тускло блеснуло ожерелье. Вера объяснила, что это вира, добавив, как учил Волох, что за обиду взято золотом и кровью. Саня заметил, как понимающе и уважительно посмотрел на неё при этих словах Нечай.

Этот незначительный эпизод почему-то подействовал на Саню Тимофеева сильнее даже, чем те ужасные сцены свидетелем и участником которых ему довелось сегодня быть. То как обыденно Вера сказала про виру, взятую золотом и кровью, звучало как погребальный звон по всей прежней жизни.

— Ну, и что мы имеем? — Ивана не оставляла смутная надежда, что если выстроить все слова в нужном порядке, расположить последовательность событий таким образом, чтоб каждое было, как на ладони, доступно взору со всех сторон, то из всего этого родится, может быть, какое-нибудь объяснение произошедшему. В сущности, ничего, кроме этой надежды, он не мог противопоставить неведомой стихии, игравшей их судьбами, как бушующие волны играют щепками, и как щепки выбросившей их на берег неведомого мира.

— Имеем, что имеем, — устало ответил Саня. — Если брать по отдельности, то всё логично. А в общем — полное безумие. Потому что только сумасшедший может поверить, что мы совершили путешествие во времени.

— А я верю, — сказал Митька. — Мне это, Саша, легко и просто, верить. Почему бы и нет. Мне и не в такое случалось верить. Во времени так во времени. Если чего получше сможешь предложить, предложи — тоже поверю, без проблем. А пока чего голову зря ломать? Вон, до Речицы ихней если живыми доберёмся, уже хорошо. Там и будем думать, как бы нам в обратный конец пропутешествовать. Прав я, девчата?

Даша и Вера, которые в силу пластичной женской природы и большего жизненного опыта, успели как-то притерпеться к новой реальности, согласно кивнули покрытыми платками головами. Такое единодушие привело Ермощенко в доброе расположение духа и он поспешил обнаружить ещё одну хорошую грань в их незавидной ситуации. — А главное, — горячо сказал он, улыбаясь и сам радуясь своему открытию. — Главное, что нам теперь дело не пришьют. Двоих грохнуть — не шутка. При чём, заметь, не бытовуха, а раздувание межнациональной розни в составе организованный группы из трёх, пардон, уже из шести рыл. Лет на двадцать тянет мне с Митькой, ну, и остальных не обидят.

— Что ты, Иваныч, такое говоришь? — возмутился Саня. — Это самооборона была, любой судья подтвердит.

— Странно мне такое слышать от историка. Судья тебе, Саня, подтвердит, не словом, нет, делом, что надо было обратиться в ближайшее отделение милиции, чтобы государство, в лице своих представителей, и занялось твоей самообороной, если ты к тому времени ещё ноги не протянешь. А когда ты сам начинаешь ножом махать, то это не самооборона, а экстремизм и ксенофобия. Хотя говорить не о чем, так как те милиционеры и тот судья родятся только лет через тысячу.

— Приплюсуй за медведя браконьерство, — посоветовал Митька. — Нам бы по калашникову на брата, да патронов, да гранат ящик, мы бы это татаро-монгольское нашествие завернули на историческую родину.

— Я читал, что этого нельзя делать, наше вмешательство может изменить будущее.

— Тогда проще повеситься сразу. Да ведь и то уже поздно, медведя-то уже не

воскресишь, и этих, секс туристов тоже.

— Ладно, что будет, то будет.

— Не через тысячу лет, а через полторы, — вдруг произнёс Саня.

— Чего через полторы?

— Через полторы тысячи лет родится тот судья и те милиционеры, которые вас посадят.

Раньше никак.

— И то хлеб. Стало быть, гуляй, кухарки. А ты никак координаты вычислил. Или я ошибаюсь? И куда же мы попали? Не томи.

— Не ошибаешься, Иваныч. Координаты такие. Четвертый или пятый век после Рождества Христова, а может быть шестой. Точней не могу сказать. Готфы это — готы, уны — гунны. Про буджаков ничего не могу сказать, про таких вроде бы упоминаний в истории не сохранилось. Хотя могу и ошибиться.

— И что?

— Да, в общем-то и всё.

— То есть, как это всё? А мы тут где? Привязка по местности имеется хоть какая-нибудь? Про нас упоминания в истории сохранились?

— Млочь видишь? Вот тебе и вся привязка. Значит, дома, ну, у древних славян.

— Сам вижу, что не у эскимосов. А еще чего-нибудь добавить можешь?

К сожалению, добавить Саня мог не много. — Восточные, видать, славяне. Язык вроде на русский похож. Хотя, кто ж их знает, тогда у них у всех общий язык был. типа, праславянских. А самих их не было.

— Как это не было? — изумился Митька.

— В том смысле, что были, конечно, но не разделились еще на южных, восточных, и западных. Были какие-то венеды, склавины, анты, но это дело темное. Достоверных свидетельств не имеется.

— Саня, — осторожно спросил Иван. — Ты не обижайся только. Я спросить хочу, для интереса. Ты в университете своем как учился? Отличником, к примеру, был или крепким хорошистом?

— Троечником, — признался Саня. — Ну, не очень крепким.

— О-хо-хо, пропали наши головушки.

— Не кручинься, Иваныч, — сказал Митька. — А лучше порадуйся, что человек тебе сказал правду. Значит, в трудную минуту на него можно положиться.

— А сейчас, стало быть, минута легкая?

— Это смотря с чем сравнивать.

— Отличник, троечник, какая разница, — обиженный Саня поймал на себе сочувственный взгляд Веры и совсем расстроился. — Вот ещё, забыл сказать. Судя по тому, что среди награбленного убитым кочевником добра мы не видели церковной утвари, а наш Нечай ни разу за все время не перекрестился, и вместо нательного крестика носит амулет, как можете сами убедиться, — действительно, загорелую шею Нечая обвивал кожаный шнурок, на котором висел полупрозрачный красноватый камень на кожаном шнурке. — Так вот, судя по всему по этому, кругом язычество. Так что, прошу принять к сведению, христианство сюда ещё не дошло.

— Оно, значит, ещё не дошло, а мы, значит, уже тут как тут, — поиграл Ермощенко желваками, не зная еще, куда приладить возникшее обстоятельство. — Это же форменный скандал.

— Не страшно. Скандал так скандал. — бодро сказал Митька. — Нам бы только до прихода вешего Олега продержаться. Делов-то.

Ермощенко покрутил пальцем у виска. — Блин, Митя. Ты не в лесной школе часом учился? Не до вешего Олега, а до святого князя Владимира равноапостольного. Русь крестил святой Владимир. Запомни, это важно.

— Долго держаться придётся, — вздохнул Саня. — Лет триста, как минимум.

— Не придётся, — в отличии от нормальных людей, в минуты, когда, сломленный крайним утомлением, остальной митькин организм уже переставал функционировать, мозг его начинал работать с удесятеренной энергией, хотя временами казалось, что лучше бы уж он отдохнул тоже.

— Зачем дожидаться. А мы на что?

— Что на что, Митя?

— Мы что, сами крестить Русь не сможем? Триста лет сэкономим!

— Свят, свят, свят, — отшатнулся Иван.

Даша нежно погладила Митьку по голове. — Митя, а надо?

— Обязательно, — горячо сказал Митька. — Духовное возрождение.

— Так у них же есть вроде как, — неуверенно пробормотал Ермощенко. — Жили люди без нас, и дальше проживут.

— Да что у них есть? Ерунда, камушек на шнурке. И ведь все равно, отменят. Придет этот самый, как его?

— Святой Владимир, — подсказал Саня.

— Во, точно. Придёт святой Владимир и прощай. Забыл, как оно называется...

— Язычество.

— Во. И прощай язычество. Так чего ждать? Пока этот Владимир раскачается, а у нас уже все готово. И церковь, и эти, как их там?

— Господи, священнослужители, что ли?

— Точно, они. Священнослужители.

— Эге, — нехорошо улыбнулся Иван. — И святые мученики. Один, по крайней мере.

— Не понял, — насторожился Митька. — О каких мучениках речь?

— Дык, Митя, — издалека начал Саня. — Ведь язычество без сопротивления не уступит. Смена религии — вещь нешуточная. Скорее всего кому-то придется пострадать за веру. Без этого не бывает.

— Ага., - подтвердил Иван. — На костях мучеников зиждется царствие небесное. Я так думаю, что Митьку утопят. Хотя, конечно, есть вариант, что сожгут или вот, кстати, на кол посадят, а то и повесят, или просто башку оттяпают, но это вряд ли. Скорее всего все-таки утопят. В мешок и в речку. Большому кораблю — большое плавание.

— В средние века это называлось посадить в воду, — прокомментировал Саня. — Ещё с крепостной стены часто кидали. Это называлось сбросить с раската.

— Красиво, — мечтательно произнесла Вера, — С раската. В одном слове и закат и рассвет.

Даша глянула на подругу и постучала пальцем по лбу. — Не слушай их, Митя. Ты — лучший.

Признательный Митька прижал ладонь доброй девушки к своим губам, и, вскинув голову, надменно поинтересовался. — Так я могу на вас рассчитывать?

— Это смотря в чём. Но, я, вообще-то, атеист, — повинился Иван. — Извини. А

неверующий апостол, это ж ни в какие ворота не лезет. Сплошной обман трудящихся масс и чёрное пиарство.

— А ты, Саня, тоже атеист?

— Да когда как. Но это горе не беда. А то беда, что теоретически не подкован. А так бы я с радостью, но прикинь, как до дела дойдет, то ведь могут и диспут устроить.

— Хо-хо, диспут! Как пить дать устроят, — Иван лёг на спину и уставился в небо, словно рассчитывал там найти всё-таки некоторые ответы на некоторые вопросы. Но в небе как обычно было безлюдно.

— Да что вы меня пугаете? Какой еще диспут?

— Обычный. В красном углу, например, ты, типа потенциальный мученик, а в синем — языческий жрец. Ну, тут же, поблизости, все что полагается. Чан с кипящей водой, ну, это я для примера. Или вот ещё трезубцы всякие и щипцы... Короче, всё, что требуется для быстрого и наглядного доказательства своей правоты.

— Точно. Потом еще испанский сапог, я читал про такой.

— Вот не говори, чего не знаешь, испанский сапог был это уже при инквизиции, после окончательной победы правого дела, да и не у нас, а у католиков. Мы тут, строго говоря, ни при чём. А до того по простому. Да, ещё вспомнил, пресс такой, которым вино давили. Его тоже широко использовали.

— Конверсия, сиречь, чтоб станок не простаивал, то экономически выгодно ему иметь двойное применение, военное и гражданское.

— Да ты чисто Чубайс какой-то, — неприязненно сказал Митька. — Нам тут только эффективных менеджеров не хватало. И где ты виноград видишь?

— А вишнёвый компот? — вопросом на вопрос ответил коварный натуральный кузнец. — Мы его не видим, но он существует! А без давилного пресса готовить его и не пробуй. А насчёт эффективных менеджеров ты тоже не прав. Для эффективной деятельности эффективного менеджера нужна толпа эффективных лохов, как говорил Бисмарк. Вас же тут всего двое, не считая женщин и детей, потому свои экономические теории я, конечно, на вас воплощать не буду, а приберегу их до встречи с индейцами.

— Откуда тут индейцы? — спросил Саня.

— Не знаю. Оттуда же откуда и виноград. Но чую, без них не обойдется.

— Бисмарка я, конечно, ни под каким соусом не читал, — с достоинством сказал Митька. — Но, если что, предупреждаю заранее, он для меня не авторитет. То же самое индейцы и вишнёвый компот. А вот про щипцы и прочее прошу поподробней. А то я в толк не возьму, зачем они всё-таки нужны.

Иван приподнялся было на локте, собираясь ответить по существу, но передумал, и снова уронив голову на землю, вяло махнул рукой в сторону Сани. — Давай лучше ты. Я устал.

— Щипцы, — безропотно начал Саня, — и прочие инструменты нужны для того, что бы спорящие могли явить чудо пред глазами строгого жюри. Например, тебя протыкают насквозь, а рана тут же затягивается. Отрывают ухо, а оно тут же прирастает вновь. Чудо? Чудо. Или привязать камень на шею и прыгнуть в омут. А потом вынырнуть как ни в чем ни бывало, опля!

— В омут, да, духоподъемно — тоном судмедэксперта промолвил Ермощенко. — А то в костер лечь и полежать так, пока дрова не прогорят, а потом встать с широкой улыбкой и вознести хвалу Господу. Тоже убедительно смотрится. Тут соль в том, Митя, что у кого

чудеса выйдут круче, того религия и победила.

Перспектива такого чудотворства Митьку, кажется не вдохновила. — Быдланство какое-то и членовредительство, — произнёс он уныло и тут же воспрянул. — А затмение предсказать? Сгодится?

— Затмение это хорошо, — одобрил натуральный кузнец. — Даже отлично. Под это дело мы тут и буддизм можем, — как бы это поточнее выразиться? — ну, насадить. Только когда оно будет, ближайшее затмение? Ты знаешь?

— Да откуда ж?

— И я не знаю. Затмение отпадает.

— Ну и чёрт с ним. — Прикладная теология наконец вогнала Митьку в смертельную тоску и он, пообещав, что просто так не успокоится, что он еще поднимет эту тему, уснул сном младенца.

— Полагаю, — сказал Ермощенко, глядя на него, — что сегодня мы уже никуда не пойдём. Тут и заночуем. Кто — против? Нечай, ты как?

Против никого не оказалось. А Нечай, который всё время разговора просидел молча, только развёл руками. Так что было даже не понятно, понял ли он обращенный к нему вопрос. Иван предпочёл потрактовать этот жест как знак согласия и с чувством выполненного долга пошёл купаться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Остаток дня пролетел незаметно. Спали, ели, отмывали дорожную пыль, под руководством Нечая ловили рыбу, и снова спали и ели. Ермощенко, угрызённый совестью за такой легкомысленный образ жизни, настоял на учебных стрельбах из трофейного лука. Ко всеобщему удивлению, Саня оказал в этом нелегком искусстве немалые успехи, перещеголяв даже Нечая, тогда как Митька и натуральный кузнец так и не смогли поразить цель ни единой стрелой.

Ничто не мешало этому беззаботному времяпровождению, и лишь столбы дыма за рекой, предвещали грядущие тяготы и опасности.

Место для ночевки особо не выбирали, расположились тут же на берегу, полагая, что из лесу их заметить будет трудно, а по реке буджаки еще плавать не научились. Костёр, чтобы его нельзя было заметить издали, развели в яме. Это была единственная принятая путешественниками мера предосторожности.

Когда ночь окончательно вступила в свои права и над лесом взошла полная луна, у Даши с Верой состоялся конфиденциальный разговор. Они отошли в сторону, и Вера спросила. — Ну, подруга, как там твоя сила? Томит?

— Томит, — призналась Даша.

— И у меня томит. Передавать силу будем?

— Придется, — с ханжеским смирением ответила Даша.

— Одна радость, — скроив постное лицо, произнесла Вера. — Дни не опасные.

— О, да!

Подруги посмотрели друг другу в глаза и расхохотались.

Соблазнять Митьку и Саню не пришлось, покорно, как агнцы, они дали увлечь себя в пучину роковой страсти, не подозревая, что при этом получают не только море удовольствия, но и сомнительный дар от Волоха. Если бы Иван был в курсе, он бы не преминул отметить это дело каким-нибудь философизмом, типа того, что женщина это не только ценный мех. Но Иван был не в курсе, он остался сидеть с молчаливым Нечаем у костра и печально

обгладывал куриную ножку, предаваясь воспоминаниям, которые честно делил пополам: между женой, которая, скорее всего, вспомнит о нем завтра, и барменшей Дианой, которая, скорее всего, забыла его вчера.

Почему Нечай решил, что матерая волчица, которая, словно материализовавшись из ночной мглы, возникла в круге света, отбрасываемого костром, не что иное, как оборотень, для Ивана так и осталось загадкой.

Сам-то Иван, увидев в трех шагах от себя широкую, серую с проседью морду с янтарными умными глазами, даже не успел испугаться. Она, морда эта, показалась ему даже симпатичной, не то что у медведей, которым Иван никогда не доверял, что бы они там не вытворяли на цирковой арене. Не то Нечай. Увидев зверя, он напрягся и потянулся за мечом, но волчица, приподняв верхнюю губу и сморщив нос, обнажила белоснежные клыки, словно предлагая не делать глупостей. Бедный Нечай, видя, что Иван не трогается с места, решил, что сделал все что мог для спасения дураковатого чужестранца, и с криком — Чур меня, — опрокинулся на спину и исчез в темноте. Впрочем, крик получился совсем тихим, очевидно, у Нечая перехватило горло, так что ни Митька, ни Саня, ни девушки, короче, никто, кроме Ивана, его так и не услышал.

Оставшись один, Иван задумчиво посмотрел на волчицу и спросил. — А не ты ли, волчара, нынче печенег загрызла? — и не дождавшись ответа, сказал. — Если ты, то спасибо тебе, а если не ты, то привет передавай, — и кинул волчице куриную косточку, которую та ловко поймала открытой пастью, но есть на месте не стала, а деликатно удалилась во тьму. Послышался негромкий хруст и через минуту возле костра, вытирая губы, появилась Таха.

Ну, она Ивану сразу очень понравилась. Он сразу понял, что перед ним замечательная женщина! Восторг, отразившийся на его честном лице, тронул сердце суровой лучницы, и она стала отступать от костра, маня Ивана.

— Иду, лапушка, — воскликнул тот, вставая, и элегантно перекинув через руку черное пальто, последовал за ней небрежной походкой, опасаясь только одного, чтобы Нечай с перепугу не вlepил ему стрелу в зад.

И ведь, как в воду глядел. Через полчаса Нечай, которому честь была дороже жизни, собрал волю в кулак, и, ориентируясь на глухие стоны, ящерицей скользя между камней, подобрался к тому месту, куда коварный оборотень увлек легковерного Ивана.

Притаившись за валуном, Нечай бесшумно достал стрелу из колчана, натер её наконечник долькой чеснока, и положил на тетиву. Позиция была выбрана удачно, отсюда все было видно как на ладони, расстояние в несколько шагов не позволяло промахнуться даже самому неумелому стрелку. Но вот момента для выстрела выбрать никак не удавалось, потому что от оборотня, лежащего на черном пальто, были видны только две согнутые в коленях и широко раздвинутых стройных женских ноги, да еще передние лапы, под видом женских рук обнимающих Иванову мускулистую спину. Собственно, остальное место в композиции занимал Иван, даже не по причине своего могучего телосложения, а просто потому что был сверху. Несколько раз Нечай, каждую секунду ожидавший, что оборотень вцепится Ивану в горло, поднимал лук, и несколько раз опускал его. Потому что стрелять оборотню в ногу бесполезно. Только в сердце. Один раз Нечаю даже привиделось, что оборотень высунул свою хитрую морду под видом прелестного женского лица из-под Ивановой руки и глумливо хихикнув, показал, дразнясь, длинный розовый язык. Вынести это было уже невозможно. Нечай плюнул, почесал в затылке стрелой с натертым чесноком

наконечником и, пятясь, исчез в темноте, с тем чтобы через две минуты, завалившись у костра, уснуть крепким сном человека, до конца выполнившего свой долг.

Иван же вернулся к костру только под утро, чуть позже измочаленной молодежи. Девушки, чувствуя, что завет Волоха выполнен и перевыполнен, сила его попала по назначению, и донорская миссия окончена, спали мертвым сном. А Саня и Митька, пребывая в некотором ошеломлении от внезапно разверзшейся пред ними сексуальной бездны, тихо переговаривались, лежа подле своих подруг.

— А ты откуда, Иваныч? — спросил Митька, когда Иван, с черным пальто всё так же элегантно перекинутым через руку, подошел к костру.

— Он с оборотнем любился, — пробурчал Нечай сквозь сон.

— Древний славянин шутит, — сказал Иван, присаживаясь. — Гулял. Дышал свежим воздухом. Любовался окрестным пейзажем. В шерсти где-то вывалялся весь, — добавил он, рассматривая свое одеяние в неверном свете костра.

Глава шестнадцатая

Утро выдалось дождливое, поэтому вышли в путь не мешкая. Теперь они шагали даже не по тропе а по настоящей, хоть и малоезженной дороге, с колеёю, заросшей травой. Этот первый за несколько дней признак хоть какой-то цивилизации одновременно и радовал и пугал. Впрочем страх и радость распределены были неравномерно. Саня и Митька со своими подругами, ещё не вполне отойдя от ночных утех, шли осенённые крыльями Амура, смотря на мир сквозь, как говорится, розовые очки, залитые слезами счастья. Ермощенко же, который к подарком судьбы давно привык относиться спокойно, был суров и сдержан. Ему было очевидно то, что для молодых его спутников ещё было где-то за семью горами. Он видел, что щенячий восторг, полностью овладевший юношами, на их подруг распространяется в гораздо меньшей степени.

Щедро расточаемые Митькой и Саней знаки внимания, все эти вольные слова и игривые прикосновения, по сути своей призванные закрепить право собственности, обретенное этой ночью, принимались Верой и Дашей как бы из вежливости. Поэтому неискушенному наблюдателю девушки могли показаться несколько заторможенными, но они просто находились в состоянии глубокой задумчивости. Как водится, то, что для мужчин был апофеозом и вершиной блаженства, для женщин было лишь исходной точкой путешествия настолько долгого и тернистого, что следовало хорошенько подумать, а стоит ли оно, вообще, того, чтобы в него пускаться.

Весь этот житейский расклад натуральный кузнец видел как на ладони, и будь время не столь жестоким, постарался бы извлечь из ситуации максимум удовольствия. Он обожал наблюдать назидательные сценки, особенно такие, в финале которых явственно маячила румяная увесистая мораль. Но теперь было не до того. Теперь следовало быть начеку. И чтобы не отвлекаться зрелищем чужого безумия, он старался не оглядываться, и рад был бы заткнуть уши, чтоб не слышать бессмысленного любовного щебета, но не мог себе этого позволить.

Оставалось надеяться, что Нечай не утратил бдительность, и в случае чего на него можно будет положиться. Впрочем, насчёт молчаливого и невозмутимого Нечая трудно было предполагать что-то определённое. Поэтому Иван время от времени предпринимал попытки вернуть своих товарищей на грешную землю и принимался объяснять, что они идут по практически оккупированной территории, и следовательно, двигаться надлежит в походном порядке, с разведкой впереди и дозорами на флангах. Неизвестно, где он набрался этой премудрости, но всё одно его разумные речи оставались гласом вопиющего в пустыни. Казалось, что ничто не может вывести счастливых любовников из транса.

Бог знает, сколько бы это продолжалось, но вдруг Нечай, шедший рядом с Ермощенко в авангарде, поднял руку, призывая к молчанию, лег на дорогу и прижал ухо к земле. Заинтригованный Иван, который всегда хотел быть в курсе последних новостей, немедленно последовал его примеру.

— Чего это с ними? — удивилась Вера, в сотый раз отцепляя от себя пальцы нескромного поклонника. Будь Саня не столь оглушён упавшей как снег на голову страстью, его возможно насторожила бы та готовность, с которой девушка воспользовалась первым же поводом, что бы отвлечься на посторонний предмет, но он только переспросил, в сотый раз протягивая руки куда не надо. — С ними? — его рассеянный взор скользнул по верхушкам

деревьев затем спустился пониже и наконец сфокусировался на лежащих ничком Ермощенко и Нечае. — А, эти, — он улыбнулся с той долей механической нежности, которую сильно влюблённые люди уделяют от своих щедрот окружающей среде. — Так они, наверно, намазывают.

Иван злобно взглянул на Саню, но промолчал, а Митька легко угадал. — Это они мать сыру землю слушают. Не раздастся ли где конский топ да змеиный шип. Былины надо читать, Саня. А ещё историк. Что слышно, Иваныч?

Натуральный кузнец медленно встал на ноги и принялся насвистывать. Однако, Даша взглянув на его лицо, вдруг ощутила в груди холодок.

— Идут.

— Да, — подтвердил Нечай, поднимаясь. — Скоро тут будут. Много их. Быстро идут. В лес надо бежать, может успеем.

— Чего успеем-то? — удивился Митька. — В кустах спрячемся, пропустим мимо себя, да и всё.

Глупость этих слов стала очевидна уже к полудню. Степняки шли облавой, прочёсывая лес далеко по обе стороны дороги. В труднопроходимых местах конных воинов сменяли пешие. Эти казались страшней всего. Строго говоря, воинов в полном смысле этого слова было среди них немного, много если один из пяти. Остальные, худые, грязные, некоторые в ошейниках, вооруженные часто одними ножами, ходили скорее на обозную прислугу. Но эта рвань с муравьиным усердием обшаривала каждую кочку и каждую щель.

Всё скопище катилось по лесу с пугающей быстротой и спрятаться от него не было никакой возможности. Оставалось только бежать и бежать.

И они бежали. Впереди Нечай, в середке Саня с барышнями, а в арьергарде, как самые крепкие, Митька с натуральным кузнецом. Вряд ли они были единственными попавшими под раздачу в этот злосчастный день. Время от времени кто-то, невидимый за деревьями, шарахался в сторону, а один раз из под самых ног Нечая с воплем выскочил здоровенный парень в лохмотьях. Кажется, он совершенно обезумел от ужаса, потому что, метнувшись вправо влево, побежал прямо на загонщиков. Было слышно, как те закричали, заулюлюкали, и крик несчастного, сорвавшись на визг, прервался.

— Не дай мне Бог сойти с ума, — отозвалось в мозгу, и Саня удивился тому, что в такую минуту способен вспоминать стихи, раньше он за собой такой способности не знал. Хотя и минуты, подобные этой, раньше на его долю, пожалуй, не выпадали.

— Бежим, бежим, — словно угадав его мысли, подивился Ермощенко. — А ещё жив, и даже не очень запыхался. Что значит, хорошая экология.

— Не могу больше, — Даша села на землю. — Дальше без меня.

— Дашка, не дури, — Вера схватив подругу за плечи, принялась поднимать её, а та слабо отбрыкивалась, всякий раз сползая вниз, стоило Вере ослабить хватку. — Да помогите же кто-нибудь.

— Погоди, — обернулся Нечай. — Не шуми. Чуете? Впереди кричат.

— Присядем, чтоб не маячить, да послушаем, — рассудил Ермощенко, присев рядом с Дашей. Остальные последовали его примеру. Саня же, кавалер галантный, тут же взял Веру за руку, показывая, что кто как, а он тут рядом, помнит и ждёт.

Натуральный кузнец прищурил левый глаз и открыл военный совет. — Нечай, твоё слово.

Древний славянин поскрёб подбородок. — Так, а чего? Сами слышите. Видать, от

Речицы тоже загон бежит. А встретятся они как раз тут на этом месте.

Действительно, теперь казалось, что крики и шум раздаются со всех сторон. Правда они звучали уже совсем не так отчетливо, как раньше, а гораздо глуше.

Митька Акимушкин, который, кажется был невысокого мнения о стратегических способностях Нечая, скептически усмехнулся. — Возможно, какая-то часть этих ребят просто обогнала нас и оказалась спереди. Те что на лошадях. Вот они и притормозили, чтоб осмотреться.

— А нам не один чёрт? — Натуральный кузнец всё крутил головой, пытаясь понять с какой стороны исходит общая угроза.

— Не один, — ответил Митька. — Есть шанс просочиться, пока они чухаются. Только не могу сообразить, куды бечь.

— То-то и оно, куды бечь, — высокомерно глянул на Митьку чуткий Нечай. — А ты угадай. Только помни, ошибиться нельзя.

— Саня, — уже чисто для проформы, продолжил Иван опрос. — Твоё мнение? Ну, как историка, хотя бы.

— Геродот писал, что персы, высаживаясь на греческих островах, брались за руки и так, цепью, проходили весь остров, и словно неводом сгребали всё население до последнего человека.

— Этот номер разве что в чистом поле проканаает, — вклинился Митька, по которому было видно, что и древних персов он ставит невысоко. — А в лесу, ну-ка, подержись за руки, до первого куста.

Натурального кузнеца исторический экскурс тоже как-то не вдохновил. — История зачисток, от всемирного потопа до наших дней. Очень, конечно, познавательно. А по существу?

— По существу мне сказать нечего, — ладонь Веры, которую всё ещё Саня держал в своей ладони, вдруг показалась ему безжизненной, словно вся кровь разом ушла из неё, и он разжал пальцы. Девушка подняла на него удивлённый взгляд, только сейчас поняв, что не всё время им ходить взявшись за руки, но Саня, вдруг ставший совсем неуязвимым, в том числе и для взглядов, в том числе и для женских, воткнул в землю пику, которую так и таскал всю дорогу на плече, и безучастно побрёл прочь, не проронив ни словечка.

— Чего это он? — Ермощенко, как самый старший, уже вошёл в роль отца-командира, и теперь в его голосе прозвучала несколько преувеличенная заботливость.

Но Саня уже не слышал ничьих голосов. Он стоял в десятке шагов, пронизанная косыми солнечными лучами тишина обступала его, как вода. И деревья, слишком большие, казались какими-то гигантскими водорослями. Что он тут делает? Саня тронул туго натянутую тетиву лука, и она отозвалась тихим звоном. Этот звук запросто мог стать последним звуком, который прозвучит ему на этом свете, впрочем так же как и всякий другой. И вот его, Сани Тимофеева не станет, канет словно камень в омут, и всё. И ни один лист не шелохнётся на стоящих вокруг деревьях. Он задрал голову, будто хотел проверить, как там листья, и впрямь не шелохнутся? Не шелохнутся, конечно. Единственные, кому была небезразлична его участь, были его невольные товарищи. Но как же беззащитно и жалко смотрелась эта кучка людей. Возможно через несколько минут на них наткнутся загонщики, закричат, радуясь случаю развлечься, и разом кончатся все истории, начало которых лежит так далеко отсюда. И небытие чужого мира сомкнётся над их головами.

Саня еще раз дёрнул тетиву, посильней, и её гудение странным образом приободрило

его. Он усмехнулся, чувствуя, как отмякают напрягшиеся лицевые мышцы, и побрёл обратно.

Под вечер всё-таки повезло. Несколько раз казалось, что вот-вот они буджаки заметят их, но всякий раз этого не случилось, наверно бдительность воинов притупилась за долгий летний день, а глаза привыкшие к степному простору устали от постоянного мельтешения ветвей и листьев. Как бы то ни было, солнце уже клонилось к закату, когда неунывающий Нечай каким-то шестым чувством наконец угадал лазейку в цепях загонщиков и сломя голову бросился в неё.

Бежали из последних сил, согнувшись в три погибели, каждый миг ожидая окрика или стрелы в спину, и окончательно обессилив, когда любое движение пуще смерти, попадали в траву, покоряясь неизбежной судьбе. А когда способность слышать вернулась, поняли, что вышли, такое безмятежное спокойствие окружало их. Даже ветер, весь день безумолчно шумящий в вершинах деревьев, стих ради такой минуты, но они ещё долго лежали, медленно приходя в себя, в полном молчании. И если бы кто-нибудь сказал им сейчас, что и через пять дней они ни на шаг не смогут приблизиться к Речице, то никто бы, конечно, в эту несуразицу не поверил.

К счастью, ничего подобного не было сказано, и пять дней они кружили по лесам, не теряя надежды, что следующий день будет удачней чем предыдущий. Однако выходило наоборот. Куда бы они ни сунулись, всюду натыкались на сторожевые заставы, расставленные, как утверждал Нечай, именно для того, чтобы перехватывать таких беглецов как они. И если в первые дни дозорные сплошь являли собой примеры удивительного раздолбайства, так что шокированный таким пренебрежением служебным долгом, Митька всё порывался напасть на них врасплох и вырезать подчистую, то уже на третий день картина разительно изменилась. Теперь уже буджаки не дрыхли на посту в обнимку с копьём, не оглашали окрестности пьяными песнями и не бродили по лесу в поисках грибов и ягод. Теперь, словно их подменили, они рьяно принялись за дело, и пока одни рыскали взад вперёд, без раздумий посылая стрелу на каждый подозрительный шорох, другие лежали в засадах, как мёртвые, не выдавая себя ни единым звуком. И только Нечаю, который, кажется, чуял буджаков по запаху, путники были обязаны тем, что не нарвались на такую лёжку.

В объяснении причин этой вспышки служебного рвения Митька и Нечай снова разошлись. Митька утверждал, что всплеск служебной активности связан не иначе как с приездом высокого начальства, Нечай же считал, что буджаки явно опасаются нападения. Но каких-либо веских подтверждений своих версий ни тот ни другой представить не могли, да и практического значения их спор не имел.

* * *

Как ни изнурительно было бесплодное кружение практически на одном месте, хуже было то, что место было гиблое. Ни гриба, ни ягоды, ни птичьих гнёзд, всё подчистую обобрали буджакские ратники.

— Не кормят их, что ли? — чертыхался Ермощенко, в очередной раз натыкаясь на следы хищничества пришельцев. — Как китайцы, ей-Богу. Те тоже, где пройдут, трава не растёт.

— Всё же ты ксенофоб, Иваныч. Кто ж их кормить будет? На подножном корму оне, — словно по обязанности говорил Саня, уныло озирая вытопанную поляну в тщетной надежде,

что хоть какая-нибудь заваливающая ягодка ускользнула от зоркого взгляда степных орлов. — Китайцы, кстати, говорят, огородники хорошие. И, вообще, высококультурная нация.

— Хорошие, когда дома сидят, а в командировке — атас и полная расслабуха — не унимался натуральный кузнец. — Хотя против китайских академиков и их ангельского характера я ничего плохого сказать не могу. Но, согласись, мы не с китайскими академиками имеем дело.

Впрочем, грибами и ягодами гости с юга не ограничивались. Их жизненные интересы простирались гораздо шире.

Первого убитого увидели вечером того же дня, можно сказать, издали, шагов с тридцати. Рослый парень, лет двадцати пяти, опрятно и даже щеголевато одетый, стоял во весь рост, пригвожденный копьём к дереву. Ермощенко надолго запомнил его лицо, оно было из тех, с которыми смерть как-то совсем не вяжется. У ног парня валялся топор, не боевой, а самый обычный, плотничий, что ли, с лезвием запачканным ещё свежей кровью. Чуть поодаль лежали заколотые старик со старухой.

— Этот дрался, — Нечай подошёл к парню и, осторожно взявшись за коричневое, блестящее, словно засаленное, древко копья, мотнул головой. Митька подскочил и, придерживав мертвеца, пока Нечай выдернул копьё, опустил тело на землю.

— Вот и ладно. Всё лучше, чем ругаться, — пробормотал натуральный кузнец, глядя на них, но сообразив, что сморозил что-то не то, поменял тему. — Хоронить будем, Нечай?

— Если вернёмся.

— С кем он там дрался? — в голосе Даши слышались жалость и презрение. За эти дни она ожесточилась, и теперь ей трудно было сочувствовать человеку, погибшему, не исчерпав до конца все средства к сопротивлению.

Добродушной Вере такая принципиальность показалась чрезмерной. — Зря ты так, подруга, о покойнике. На топор взгляни, кого-то же он им перед смертью зацепил. Кого? А того, чьё копьё. Потому что, если бы не зацепил, то и копья бы не было. А своего оружия тут бросать не принято. Раз оставили копьё, значит, было некому было его забрать. Мертвому оно ни к чему, а у живых собственное есть.

— Так, — согласно кивнул Нечай, уважение которого к Вере сразу поднялось ещё на несколько пунктов, добавив, что своих мертвецов буджаки стараются на месте гибели не оставлять, надо полагать, что и теперь они унесли тело воина, зарубленного парнем.

— Не девка, а чистый Шерлок Холмс, — приятно улыбнулся Ермощенко. — Повезло студенту, до определённой, понятно, степени.

Потом убитые стали попадаться часто, и снова в основном это были мужчины и старики. Первые были убиты, вероятно, за попытку дать отпор, а про стариков Нечай сказал, что их степняки, вообще, никогда в полон не забирают, не видя в них никакой корысти.

Через пару дней вид чужой смерти уже не то чтобы оставлял путников равнодушными, он скорее стал частью ландшафта, подобно пропасти зияющей обочь горной тропы. Здесь бессмысленно было говорить о привычке, просто это имело место быть и с этим приходилось считаться.

* * *

Сане тяжелей всех давался этот кочевой образ жизни, с постоянной опасностью быть

подстреленным как перепёлка, и необходимостью быть всё время настороже. Окружающее он воспринимал сквозь плотную завесу усталости и вызванного ею безразличия. Страшное одиночество было вокруг. Он бездумно шёл за Нечаем, когда надо — бежал, когда надо — падал на землю, и постепенно в нём нарастало чувство, что добром это не кончится. Он не верил, что когда-нибудь вернётся домой, просто потому, что ничего здесь не зависело от его веры и желания.

Ермощенко с беспокойством присматривался к Сане. Он знал, что для человека в таком состоянии любой щелчок может оказаться фатальным. Чем помочь горю, было неизвестно. Тем более что обстановка не оставляла места иным действиям, кроме направленных непосредственно на выживание. Оставалось надеяться только на то, что не век же им бегать по лесу, что выдастся и для них минута отдыха, и что Саня к тому времени не протянет ноги. Впрочем была ещё Вера, которая всегда была рядом со своим студентом, но в силу специфического опыта по части многообразностей женской натуры, полностью полагаться в этом плане на неё натуральный кузнец не решался.

Глава семнадцатая

— Нечай, а Нечай, — Митька перевернулся на бок и посмотрел на лежащего рядом Нечая, потому что предпочитал видеть лицо того человека, с которым разговаривал в данный момент. — А мы ведь тут уже были.

— Были, даже два раза. Что с того?

— Как что? Кругами ходим, однако. Или ты собрался нас семьдесят лет по буеракам водить? Пока поколение не сменится? Типа, Моисей?

— Димочка, ты ясней выражайся, — попросила Даша. — Откуда Нечаю про Моисея знать? Ты ж его пока что не привёл в истинную веру.

— Пусть только попробует, — погрозился Нечай. — Как бы я его сам не привёл куда-нибудь.

Иван, волоча полы пальто по палой листве, придвинулся поближе. — Чего опять не поделили, ребята?

— Было бы что делить, — в своём раздражении Митька был не одинок. Всем им сейчас было не по себе. И виноват в этом отчасти, действительно был Нечай, он, отчаявшись пройти в Речицу кратчайшим путём, повёл их в обход, заложив такую дугу, что не то что буджаки, кажется, даже белки в той глухомани, не водились. Полдня брели топью, по пояс в болотной грязи, а когда, не чуя ног, выбрались на твёрдую землю, то увидели за деревьями брёвна частокола. Укреплённое это местечко, по словам Нечая, называлось Вырь-городок. Стояло оно на отшибе, и степняки до него по всем расчётам должны были добраться не скоро. Здесь можно было отдохнуть и заодно разжиться какой никакой снедью, свои запасы к тому времени уже были подъедены до крошки.

Нечай, у которого здесь жила какая-то родня, радовался как дитя, заражая остальных своим настроением. Пока мылись и чистились, желая войти в первый на своём пути древний город при всём параде, молчаливый Нечай, у которого здесь жила какая-то родня, трещал как сорока, заражая своей радостью спутников. И только натуральный кузнец удивлялся тому, что в городе не слышать ни человеческого голоса, ни собачьего лая. Но Нечай успокоил его, сказав, что ветер дует в ту сторону и относит звуки.

Но когда, приведя себя в порядок, приблизились к тыну вплотную, объяснить царящее здесь безмолвие дующим не в ту сторону ветром уже никто бы не решился. Охваченные тяжким предчувствием шли, всё убыстряя шаг, вдоль неглубокого пересохшего рва с оплывшими откосами, и завернув за угол увидели, что славного Вырь-городка больше нет, сожжен дотла, и теперь представлял собой пожарище, на всем пространстве которого лежали кучи обугленных брёвен вперемешку с трупами жителей. Ни дома, ни землянки, ничего не осталось. Лишь на другом конце городка высились, уцелев каким-то чудом, высокие столбы ворот с выломанными створками.

— Ага, — сказал Митька, натягивая на нос воротник куртки и вода вокруг мертвенным взглядом паталагоанатома. — По всему, город уже горел, до того как в него вошли. Неделю назад это было, не более того. Затем на улицах резались, пока огонь не разгорелся и можно было дышать. Затем буджаки выбежали вон, своих убитых бросили. Вон они лежат. А местные все тут, им-то бежать было некуда. Есть вариант, что кто-то мог через болото утечь, только это вряд ли.

Я чего думаю, не до всех ведь погребов огонь добрался, какие и уцелели. Нам бы в них

пошарить, едой запастись.

Нечай, на которого было страшно смотреть, молча развернулся и пошёл прочь, остальные за ним, и долго их еще преследовал зловещий запах разложения.

Словно гонимые этим запахом, шли они куда глаза глядят, пока не упёрлись в дорогу, ту самую, которой так обрадовались несколько дней назад. Некогда тихий, заброшенный просёлок было теперь не узнать. Придорожный кустарник был выломан и выбит подчистую, и словно арматура проступили из-под земли пересекающие просёлок ободранные корневища. Людской гомон, лошадиное ржание и пронзительный скрип немазанных колёс поднимались до небес. Чумазные погонщики, кутаясь в тряпье и щелкая бичами, шагали за стадами коров и овец, тряслись на телегах раненые и, переваливаясь на ухабах, тащились влекомые бычьими упряжками крытые фургоны и кибитки, из которых выглядывали женщины в разноцветных платках и накидках. По обочинам густо валила пехота, с круглыми и овальными щитами, закинутыми за спину и пиками взятыми на плечо, и в её толпах прокладывали себе путь скачущие всадники, наотмашь хлеща плетью направо и налево.

А чуть поодаль, по бездорожью, чтоб не мешать общему движению, тянулись под присмотром конных конвоиров вереницы светловолосых пленников, связанных попарно.

Забыв об осторожности, путники стояли почти открыто в редком боярышнике, раскинувшемся по кромке леса, метрах в сорока от дороги, не в силах отвести взгляд от пёстрых полчищ, текущих перед ними бесконечной рекой.

Теперь ничего иного не оставалось, как только выждать момент, когда дорога опустеет. Но момент этот всё не выдавался.

Отступив несколько в лес, залегли, и почти сразу уснули, как умерли, раздраженная тяжкими впечатлениями дня, психика нуждалась в передышке. Недолгий сон не столько освежил, сколько затуманил голову, а понимание того, что лежать здесь придётся скорее всего до темноты, усугубляло общее уныние.

— Вот я одного в толк не возьму, местные реально наши предки, так? Выдричи эти... — сказал Митька, демонстративно отворачиваясь от Нечая.

— По сути, да. Пращуры, иначе говоря, — солидно подтвердил Ермощенко. — А мы их, стало быть, потомки. Не без нюансов, конечно, и не они одни.

— Ну, ни хрена себе, пращур, — Митька снова повернулся к Нечая и уставился на него, но уже не абы как, а испытующе, как на своего вероятного предка. Нечай, в свою очередь, уставился на Митьку, и после коротко раздумья сообщил, что в его родне таких как Митька отродясь не бывало, слава Велесу, и вряд ли когда появятся.

— Ой, не скажи, — залилась Даша тоненьким смехом. — Запросто, ребятки. Имейте это в виду. Дела матримониальные, мужскому разуму не подвластные.

— А ты, Дарьюшка, раньше времени не веселись, — посоветовал Митька, — он ведь не моим предком может оказаться, а твоим.

— А чего, — включилась в разговор Вера. — Нечай и похож на Дашку, в профиль, если приложить их друг к другу.

Нечай, которому такой ход рассуждений пришёлся по вкусу, только покачивал головой и ухмылялся.

Митька же сказал с досадой. — Зря смеётесь. Я не о том. Я о том, как с такой обороноспособностью, пращуры полторы тысячи лет продержались, или сколько там?

Ермощенко, воспитанный на светлых образах Ильи Муромца, Алёши Поповича и Добрыни Никитича, поспешил восстановить историческую справедливость. — Чего ты к

ним привязался? Как там? Вероломно нарушив мирный договор, без объявления войны, агрессор на рассвете пересёк государственную границу этого. Княжества, что ли? — и видя, что Нечай молчит, — закончил, не вдаваясь в подробности. — Фактор внезапности, дело известное. Если тебя это утешит, у них тут сейчас вроде как сорок первый год. Со всяким может случиться.

— Сорок первый год? А где тогда их Рабоче-Крестьянская Красная Армия? Войско где?

— В Речице войско, — вместо Ивана ответил Нечай, правда, без особой уверенности в голосе.

Они спорили, словно пытаясь словами отгородиться от реальности. Как будто страх и отчаянье можно заговорить как зубную боль. Один Саня лежал безучастно, не отрывая потухшего взгляда от дороги. Ермощенко его больше не трогал, решив, что парень, пожалуй, уже сам списал себя со счёта, и поэтому тратить на воспитательную работу с ним — бессмысленно. Долгая жизнь научила его, что с иными людьми возиться, себе дороже. И им не поможешь, и себя угробишь.

Однако, на последние слова Нечая Саня вдруг отреагировал. Он встал на ноги, и снимая с плеча лук, сказал. — Что там в Речице творится, одному Богу известно. А здесь и сейчас никакого войска кроме нас нету. Я пошёл, в общем.

— В общем, спятил? — крикнул Ермощенко и обнаружил, что дорога, которую они за разговорами совсем упустили из виду, пуста, обнажена, как морское дно в часы отлива. Людские толпы схлынули, а новых было ещё не видать. Только несколько всадников гнали партию пленников, человек в тридцать. Несмотря на то, что теперь просёлок был свободен, конвоиры на него не сходили, так и двигались вдоль, благо местность позволяла. И похоже, что было им не по себе в этой внезапно образовавшейся пустоте, во всяком случае движения их утратили плавность, а в голосах, когда они перекрикивались друг с другом, слышались нервные нотки. И тут ближний конвоир заметил вышедшего из леса Саню. Издав гортанный возглас, он сдёрнул с плеча лук и, развернувшись в седле, пустил стрелу, которая пролетев у Сани над ухом вонзилась в землю у ног натурального кузнеца. Саня же дойдя до одиноко стоявшей старой рябины, припал на одно колено, выхватил стрелу из колчана и сделал ответный выстрел и, кажется, попал. Во всяком случае, лошадь буджака рванулась вперёд, явно не по воле всадника, который, роняя лук, мотнулся как кукла и вцепился обеими руками в гриву.

Иван поднялся и побежал вслед за Саней, успев ещё предварительно поймать за шиворот, как кутят, и отшвырнуть назад Дашу и Веру, которые, охваченные порывом общего сумасшествия, тоже было подхватились бежать. Это был единственный разумный поступок, который удалось совершить натуральному кузнецу. Легонькая Даша полетела как пёрышко и, кажется даже перекувыркнулась через голову перед приземлением, а высокая плотная Вера от толчка только отступила на несколько шагов, неистово ругаясь.

— Сидите тут и орите погромче. Вдруг да испугается кто, — велел Иван и, подняв над головой секиру, большими прыжками помчался к дороге, успев отметить на бегу, что Саня, уже положивший вторую стрелу на тетиву, не собирается покидать своё убежище за старой рябиной.

Это был неприятный сюрприз, студент, заварив кашу, сам, оказывается, лезть на рожон не спешил, но думать об этом было некогда. Во всяком случае, Митька и Нечай бежали рядом, а девушки, добросовестно исполняя приказ, подняли такой крик, что закладывало уши. Но этим плюсы и ограничивались. Всё прочее были сплошные, жирные минусы. Во-

первых, буджак, за вычетом подбитого Саней, оставалось ещё пятеро, и они не выказали ни малейших признаков растерянности и, похоже, не собирались даже доводить дело до рукопашного боя, рассчитывая расстрелять нападающих до того, как тем удастся приблизиться. Всё к тому и шло, тем более, что второй стрелой Саня промахнулся.

Теперь Ермощенко мог даже разглядеть лицо всадника, целившегося в него. То ли из-за темного железа, из которого был сделан полукруглый шлем, надвинутый глубоко на глаза, то ли по иной причине, но лицо это казалось бледным, почти белым. Буджак сильно прищурился, далеко заведя правую руку за ухо и без видимого усилия согнув толстые рога лука, величина которого позволяла надеяться, что смерть натурального кузнеца будет лёгкой и быстрой.

— Ой-ё-ёй, — сверкающий наконечник стрелы так и слепил, Иван, содрогнувшись, плашмя прижал лезвие секиры к животу, так как ранения в живот боялся больше всего. И тут же по железу щелкнуло, с такой силой, словно ногой в живот пнули. Куда отлетела стрела, он не заметил, и прибавил ходу, проглядев, между прочим, второго стрелка, только услышал, как ширкнуло в траве.

Подкованный Митька двигался по науке, петляя, один раз даже бросился на землю, перекатился с боку на бок и, вскочив, полетел дальше. А как выкручивался Нечай, того Ермощенко видеть не мог, древний славянин подался куда-то в сторону и выпал из поля зрения.

Впрочем, через мгновение все мысли о других людях напрочь вылетели из головы. Теперь следовало позаботиться о собственной шкуре. В глубине души Иван очень надеялся, что вот-вот им овладеет боевой настрой, подобно тому, как это случилось во время поединка с медведем. И, действительно, он вдруг почувствовал что-то, пальцы словно сами собой поудобней перехватили рукоять, а перед глазами, словно в них плеснули живой водой, со всей ясностью предстал расклад предстоящего противоборства, а так же то, что в этом раскладе у Ермощенко не было ни единого шанса. С пяти шагов буджак не промажет. Будь в руках не секира, а обычный топор, можно было бы попробовать метнуть его. Но секира слишком тяжела, а кроме того, расстаться разом и с оружием и с последней защитой, было сверх человеческих сил. В общем, настала пора прощаться с белым светом, но тут события приняли другой оборот. Пока натуральный кузнец и Митька уворачивались от стрел, проворный Нечай совершил обходной маневр и очутился среди пленников, которые стояли, сбившись в кучу.

— Путы режь! — у древнего славянина оказалась воистину лужёная глотка, и его громовой голос заглушил все звуки над полем брани. Правда, резать путы пришлось ему самому, при том, что двое конвоиров кружили вокруг, норовя поддеть его на пику. Им это уже почти удалось, когда на подмогу подоспели освобожденные Нечаем пленники. В конские морды и в лица всадников полетели горсти земли и песка. Несколько человек разом бросились на одного из конвоиров, пытаясь стащить его с лошади, но прежде, чем им это удалось, он успел зарубить двоих. Другого буджака свалил с лошади удачно брошенный камень. С третьим схлестнулся Митька, бой у них вышел на удивление равным. Митька остервенело кидался на буджака, рубя мечом, а тот всякий раз успевал подставить щит, после чего сам наносил ответный удар, который всё время приходился по воздуху.

Ермощенко тоже легко отделался, метивший в него всадник, отвлѣкшись устроенной полоняниками суматохой, отвѣл на миг взгляд, а второго мига ему было уже не дано. Пошевелив волосы на виске, над ухом натурального кузнеца свистнула стрела, прилетевшая

откуда-то из-за спины и ударила точно в незащищенную полоску шеи, между кожаным воротником панциря и нижним краем металлического забрала. А ту стрелу, что предназначалась Ермощенко, опрокинувшийся на спину буджак пустил прямо в синее небо.

— Жив, дядя Ваня? — откуда-то появился Саня и снова припав на одно колено, глянул туда и сюда, но не найдя в кого стрелять, опустил лук.

— Вроде как. Ловко ты его убрал. Тут спасибо. Всё, что ли?

— Наверно, — это была правда, потому что уцелевшие конвоиры, видя, что остались только вдвоём, поворотили коней и поскакали прочь. Но тому из них, который дрался с Митькой, не повезло, последний удар он пропустил, скрючился, зажимая бок руками, и вывалился из седла, раньше, чем его конь отскакал на полсотни шагов.

— Ура! Ура! Ура!

— Хорош орать, — Даша толкнула подругу в плечо. — Наши победили.

— Ура! — Вера прекратила кричать и открыла зажмуренные глаза. — Все живы?

— Дуракам везёт.

Подруги спустились к дороге, где натуральный кузнец, стоя перед бывшими невольниками, толкал речь, картинно взмахивая секирой чуть ли не после каждого слова. Похоже было, что покойный Берсень, отважный дух которого не покинул натурального кузнеца и после успешного окончания битвы, тоже был любителем при случае сказануть что-нибудь такое, проникающее до печёнок. А случай был самый, что ни есть, подходящий.

— Они думают, что мы уже умерли, — надрывался натуральный кузнец. — Но мы ещё не умерли. Я ещё жив! К оружию, братья!

Братья, которые, кстати, составляли среди его слушателей меньшинство, больше было женщин и детей, переминались, радостно скалясь и разминая затёкшие после веревок кисти рук.

— Чего это он? — шёпотом спросила Даша у Митьки, озабоченно разглядывающего меч, зазубренный о буджацкий щит. Клинок был безнадежно испорчен.

— Ну, надо же народ взбодрить. Пусть его.

— И пусть земля горит под ногами оккупантов. Смерть гадам! — на этом выступление окончилось. Аплодисментов от благодарных слушателей Иван не дождался. Из-за поворота, за которым скрылся оставшийся в живых конвоир, высыпала конница и галопом понеслась по просёлку. Бывшие невольники разом бросились в лес.

— Ходу, дядя Ваня, — Митька потащил Ермощенко, еще не отошедшего вполне от ораторского угара, прочь с дороги. — Девчата, да заберите вы у него алебарду, не в себе ж человек.

Но Иван секиры не отдал и сам вдруг упёрся. — Стой, Саньку забыли.

— Нечай, уводи их, — Митька подтолкнул натурального кузнеца, а сам повернул обратно.

Саню он увидел сразу, тот стоял на обочине, озабоченно озираясь и не обращая внимания на неудержимо приближающихся конников.

— Уснул?

— погоди, — Саня ногой перевернул лежащий на боку труп, наклонился над ним, и, нажав на грудь мертвеца коленом, ловко выдернул стрелу, обтер её об траву и сунул в колчан. Он сам бы не смог объяснить, что заставляет его проявлять такую рачительность, и имя Коськи Молодшего, непревзойденного лучника, сложившего свою буйную голову вместе с Берсением добрых сто лет назад, ему ничего не говорило, так же как Митьке ничего не

говорило имя Стрепета, еще одного друга-товарища незадачливого Берсена.

— Теперь пошли, — Саня вскинул на плечо туго набитый колчан и побежал в лес.

* * *

— Что невесела?

— С чего веселиться-то?

— Живы, чем плохо?

— Сегодня живы, а завтра?

— Завтра? До завтра ещё дожить нужно, — парировав трудный вопрос со свойственной ей непоследовательностью, Вера, довольная своей находчивостью, закинула руки за голову и потянулась. Она привыкла к резким перепадам настроения подруги, и мрачность Даши не способна была вывести её из себя.

А Даша была мрачна. Очень мрачна. Мрачно глядя в огонь костра, разведенного ради холодной погоды в попрание всех правил конспирации, она мрачно вещала. — Что сегодня никого не угробили, ну, кроме этих двух бедолаг, выдричей, это большое везение. Просто чудо какое-то. Думаешь, всякий раз будет так везти? Да ни за что. Заваруха только начинается. Рано или поздно прибьют наших мужичков или, того хуже, покалечат. Да и мы не застрахованы. А ведь есть ещё болезни. Врачей тут нет. До тебя не доходит, что мы обречены? Сгинуть в этих лесах... — Даша поёжилась.

— Брось, брось, — быстро проговорила суеверная Вера, на которую пророчества Даши всё-таки нагнали жути. — Ты на меня посмотри. Я горюю, только если есть смысл горевать. Если моё горевание может помочь. А если помочь не может, если ничего от нас не зависит, то зачем горевать? Плюнь.

Но, видно, собственные слова представились самой Вере не очень убедительными, потому что она продолжила. — И потом, вспомни, им же, Сане и Митьке твоему, Волох свою силу передал. Ну, через нас, конечно, но, всё равно. А Волох вон до каких лет дожил. И ничего ему не сделалось. Ни болезнь, ни чего.

— Ох, только о Волохе мне не напоминай, ладно? — попросила Даша. — Глаза б мои его не видели, долгожителя этого. Срам да и только. Нет, ну, как дуры... — она безнадежно махнула рукой. — Но если уж вспомнила... Старенький Волох, Вера, пятерых воинов изрубил за десять секунд в капусту. Или сколько их там было. А наши таковы разве? Митька сегодня с одним занюханым буджаком почти полчаса возился. До сих пор удивляюсь, как тот ему башку не оттяпал. Саня, не спорю, отличился. Хоть через раз попадал. Только если бы не выдричи эти несчастные, всех бы их нынче угробили. И Митьку, и Саню, и дядя Ваню клоуна престарелого.

— Дядя Ваня — хороший. К тому же ему Волох никакой силы не передавал.

— Откуда нам знать? Передавал, не предавал. Дурь он ему своему точно передал, уж не ведаю как, не иначе воздушно-капельным путём. Тоже скачет петушком, глазки масляные.

— Ладно тебе, Дашка. У них у всех глазки масляные, кто на нас ни взглянет. А чего? — Вера провела ладонями по бокам. — Мы девушки видные.

— Тьфу на тебя. Кто про что...

Вера рассмеялась, но всё-таки встала от греха и пересела к Сане, который, после того как вернулся в нормальное состояние, воспользовался первым же привалом чтобы

возобновить свой дневник, и теперь сидел, согбённый, над берестяным свитком, выцарапывая букву за буквой. Как раз в этот момент, описав в нескольких скупых, но сильных словах стычку с оккупантами и освобождение славян, Саня прислушался к голодному урчанию в желудке и перешёл к презренной прозе.

— Второй день как кончились продукты. Сегодня убили бурундука и съели.

На этом вдохновение покинуло летописца, он взглянул в небо, чтобы отметить в какой фазе нынче находится луна, но небо было плотно затянуто тучами.

Митька, не лишённый тщеславия, заглянул в свиток, не обнаружив там ничего лично про себя, разочарованно вздохнул, но виду, конечно, не подал, и сказал совсем про другое. — А дураки мы, граждане.

— Это кто как, — немедленно отозвался натуральный кузнец, но Митька на компромисс не пошёл.

— Дураки, дядя Ваня, чего уж. Орков завалили, а в тороках не пошарили. А там у них провизия, между прочим. Ну, в городке этом, ещё могу понять, трупы, пепелище, а мы все чуткие как летучие мыши, рука не поднимается, слёзы текут. Ладно. Но теперь, тут, это извините... Трофеи — дело святое.

— Чего извините? Времени было в обрез.

— Как митинговать, так время есть, а на что полезное, так сразу в обрез. И оружие, кстати, не собрали, тебя заслушавшись.

— Митя, не надо, а? — попросил Ермощенко. — Не трави душу на ровном месте. Ещё пару барсуков съедим, и всё станется по-твоему, будем на лету глотать мотыльков из любой позиции.

— В толк не возьму, о каком оружии речь? — сказала Вера. — После древних славян там ловить было нечего. Иваныч сам же и орал громче всех, — К оружию, братья. — А братьев просить два раза не надо. Всё побрали до иголки.

— Ну, хоть так, — полегчало Митьке. — На богоугодное всё же дело. Хотя оружие своё надо иметь.

— Я там перемолвился кое с кем, — сказал Нечай. — Люди говорят, объявился какой-то воевода Воробей, с тысячей отборных порубежников. Все в стальной броне с головы до пят. Секут буджаков нещадно. Вот к нему мужики и подались.

— Что ж ты раньше молчал? А я всё гадаю, чего это их всех в другую сторону сдуло. Думал, это выступление дяди Вани на них так подействовало.

— Чего пустое молоть? Нам ведь в Речицу, а куда Воробью, того никто не ведаёт. Он своими замыслами ни с кем не делится. Найти его трудно, на одном месте не сидит.

— Что сделано, то сделано, — примирительно сказал Иван. — А я вот помечтал о том, что нам ещё сотворить предстоит. И что-то много получается. Поле непаханое. У них же тут, коллеги, ничего нет. То есть, натурально, ни хрена. Хоть шаром покати. Ни электричества, ни дорог приличных. Порох не изобретён. С письменностью, подозреваю, напряжёнка. Про почту, телеграф и мосты, вообще, молчу. Как говорится, придёт Ильич, а разводить нечего. Огорчится лысый. Не порядок!

— А оно им надо? — Даша неприязненно покосилась на натурального кузнеца. — Тут без пороха и телеграфа друг друга закапывать не успевают.

— Ни медицины, — длился скорбный список. — Ни авиации. Не говоря уж о таких простых, но необходимых даже самой дремучей барышне вещах, как прокладки с крылышками. Ничего, в общем. И тут, конечно, открывается широкое поле деятельности.

— Дядя Ваня, я чего-то не поняла, — Вера, в отличие от своей подруги, относилась к Ермощенко скорее с симпатией, поэтому, задавая свой вопрос постаралась придать голосу подчёркнутую мягкость и уважительность, чем, естественно, вызвала в большом сердце старого молотобойца ответное тёплое чувство.

— Чего ты не поняла, доченька?

— Про подкладки с крылышками, ты их как собираешься изготавливать в местных условиях? Из липового лыка плести, как лапти? Или ещё каким способом?

— Гм, — пошатнулся натуральный кузнец. — Гм. Гм. Это же своеобразный технологический процесс, все тонкости которого мне пока неизвестны. Но, упрёмся — разберёмся.

— Вы посмотрите, что он пишет, — возмутился Митька, снова заглянув в санины каракули. — Съели бурундука! Саня, я понимаю, ты — историк, а не биолог, но не бурундук это был, а барсук. И ели его не все, лично я пальцем не дотронулся.

— Ой, какие мы нежные, — саркастически сказала Вера. — Много там того барсука было. Такую мелочь немудрено с бурундуком спутать. Ничего в этом стыдного нет.

— Но для начала чего-нибудь попроще бы. Вот мельницы построим. Ветряные, водяные. Тут у них сразу производительность труда поднимется. Можем мы это сделать? — на секунду Иван задумался, словно взвешивая в уме свои и своих соратников возможности и, наконец, твердо ответил. — Можем. О, кстати! Демографический взрыв произвести, это — обязательно. Саня, ты там в своём талмуде зарубочку сделай, пожалуйста, что б за хлопотами не упустить.

— Что до демографического взрыва, то я — пас, — предупредила Даша, понуро глядя, как ветер закручивает и расшвыривает языки пламени, Саня потянулся за лежащей на земле веткой и бросил её в костер. — Маленький барсук, а жирный как бурундук. Чудно. Жалко соли не было.

— Сталеплавильные заводы, — развивал Иван свою программу. — Хотя бы один для затравки. Но тут уголь нужен. Мужики, вы впустую-то не ходите, по сторонам посматривайте, вдруг месторождение обнаружите.

Саня на миг оторвался от свой летописи. — Иваныч, уголь в шахтах добывают. Он под землёй находится.

— Ты, историк, лучше молча внимай, чтоб чего ненароком не пропустить из наших героических подвигов, с тем чтоб лучше донести до потомков, которыми мы являемся, светлые образы предков, которыми мы являемся тоже. Чтоб не получилось у тебя с нами, как с тем бурундуком, который был барсуком. Это в наше время уголь в шахтах добывали. Потому что с поверхности весь уголь уже сгребли предыдущие поколения. Но на данный момент мы их, поколения эти, фактически обошли на повороте, и получили в своё распоряжение не тронутые запасы полезных ископаемых. Потому, если кто увидит черные камни такие...

Но есть одна загвоздка. Кадры, вот что меня волнует. Для нормального большого скачка нужны квалифицированные кадры. А где их взять? Придётся обучать. Потянем ли?

Нечай, вот ты кем трудился, до нашествия, я имею в виду?

— Гончар я.

— Гончар это душевно. Горшки и миски украшают быт поселян. Но гончаров тут и без тебя по лесам бегает в избытке. А электриков и бетонщиков я что-то не замечал. Будешь первым электриком доисторической эпохи. Колумбом энергетики, типа Чубайса, но с

мозгами. А там, чем чёрт не шутит, и на космонавта выучишься. Согласен?

— Да мне то что. Хоть груздем назовите, только в рот не суйте.

— Э, дядя Ваня, — мстительная улыбка осветила дашино лицо. — Типа Чубайса! С такими заходами тебя, пожалуй, ещё быстрее грохнут, чем Митьку, с его религиозным возрождением.

— Пусть! — ответил неустрашимый кузнец. — Тогда назовёте моим именем авианосец.

— Давай мы с начала лодью назовём твоим именем? — сказал Саня. — Ты, дядя Ваня, не обижайся, но уж на что Пётр Первый был великий реформатор, а с ботика начинал. Слышал про ботик Петра Первого? А крейсер Петром Первым только через триста лет назвали.

— А лучше велосипед назвать, — добавил Митька, — сколоченный без единого гвоздя из наилучших берёзовых поленьев. Воздать, так сказать, по заслугам. Мне, однако, другое интересно. Сегодня барсук, а завтра кто? Нет, граждане, в самом деле. Может, он один на весь лес такой тупой был, а другие уж в руки не дадутся?

Саня постарался утешить друга. — Грибы еще есть, ягоды. Рыбу можно ловить.

— Но раньше всего поставлю кузню, — лицо Ивана озарилось. — В болоте если пошарить, можно руду железную найти, только подходящее болото подыскать. А чего, почва тут красноватая местами. Железо должно быть.

Глава восемнадцатая

На следующий день им не повезло.

Ближе к полудню, высматривая место для дневного привала, облюбовали глубокую тенистую лощину, но едва спустились на её дно, как с другого конца, терявшегося в сумраке, с гиканьем и свистом вырвались всадники, вокруг посыпались стрелы. Если бы у буджаков хватило терпения подождать еще пару минут, никто бы живым не ушёл, но и без того пришлось не сладко. Спас крутой откос, из-за которого преследователям пришлось искать обход, да болото, куда те не рискнули сунуться. Убегали врассыпную и долго ещё потом ползали в грязи, окликая друг друга шёпотом, пока не собрались снова вместе. А когда собрались, обнаружили, что девушки пропали. То ли отстали во время бегства, то ли сгнули в трясине. Искать же их как следует сейчас не было никакой возможности. Буджаки, упёршись в болото, покричали, посмеялись, и расположились на дневку в тени тополей, росших на краю леса, выставив, однако, дозорных, которые верхами разъезжали вдоль берега. Скоро из леса донёсся стук топора, над верхушками деревьев поплыл дымок, и до затаившихся в осоке путешественников, вызывая спазмы в пустых желудках, донёсся запах мясной похлёбки. Хорошо ещё, что Нечай высмотрел среди топи островок твердой земли, тут хоть можно было дремать, не опасаясь захлебнуться во сне.

Однако, как всегда, одновременно всем задремать не получилось. На этот раз в роли возмутителя спокойствия выступал Митька, который, терзаемый беспокойством за судьбу пропавших девушек, пытался отвлечься, задирая Нечая, на которого он, кажется, не прочь был возложить всю ответственность за неудовлетворительный ход боевых действий.

— Ты, гончар, блин, — шипел Митька, с ожесточением счищая с себя тину и комки лягушачьей икры, налипшей за время ползанья по болоту. — Где твой меч?

— У меня, во, — Нечай, не чинясь, потряс перед носом вопрошавшего своим копьём, украшенным бунчуком из конского волоса, пропитанным ещё не успевшей засохнуть грязью. — А мечи нам, выдричам, заповеданы готфами. И мечи и щиты железные. А особенно у кого секиру такую найдут, вот как у дядьки Иваныча, тому секирой той тут же голову и снимут.

Это от того, что мечом пеший много не навоюет, сам небось видел. Чуть попадётся тебе щит покрепче, так и будешь скакать вокруг супостата, как ты скакал давеча, а пробить не сможешь. А против секиры никакой щит не устоит, никакой доспех. Еще ослоп для такого дела очень го́ж, но тут силу надо иметь медвежью.

А вот если железо в слитках, то и посейчас сдаём.

— Железо сдаёте! В слитках! — услышав такое, Ермощенко схватился за голову. — Да как же это возможно? Ну, тимуровцы! Ну, почётную грамоту вам за сдачу металлолома.

— Что ещё за ослоп такой? — спросил Митька, таким тоном, который ясно показывал, что доверия к словам Нечая нет и быть не может.

— Ослоп, Митя, — пояснил натуральный кузнец, — это такая дубина, окованная железом. По моему же разумению, все эти запреты наверно имеют только тот практический смысл, чтоб показать, кто в доме хозяин.

Замечание насчёт хозяина в доме, кажется, слегка задело Нечая. — А нам мечи и ни к чему. Рогатины-то при нас, и ножи, и луки. В Речице Войт Немишич крепко сидит с дружиною, вот у него есть и мечники и копейщики. Потому наместник готфского короля.

Раньше в Речицу ставили только коренных готфов. Войт — первый из словян. Ещё, кто в порубежники подался, ветер в степи пахать, те тоже с мечами.

— И где они все? Не видать. Гонят вас как баранов. Эх, вот уж не думал, что доживу до такого морального разложения в рядах предков. А ещё древние славяне.

Тут Ермощенко, любивший, чтоб всё было по справедливости, не выдержал.

— Типун тебе на язык, Митя. — даже с каким-то испугом сказал он. — Можно о всех так-то?

— А почему нет?

— Потому. Или ты тут всё уже увидел и постиг? А мы чем лучше в нашей российской действительности? Такие же бараны.

— Мы-то, понятно. А они с чего? Ни олигархов ведь, ни телевидения, ни органов прокуратуры, ни прочих слуг народа. И, заметь, никакого тяжкого груза прошлого.

— Да, тут им повезло. Есть шанс отыграться. Хотя, с другой стороны, тех же готфов взять... Тоже не сахар.

— У нас таких готфов в каждой конторе, как дерьма.

Неизвестно, сколько бы они спорили под кваканье лягушек и бульканье болотной воды, но вдруг из леса, оттуда, где был стан кочевников, раздались пронзительные женские крики, заставив побледнеть лица спорящих.

— Наши, — пробормотал Митька, хватаясь за рукоять меча.

— Пошли? — привстал Саня, и тут же, придавленный тяжкой дланью натурального кузнеца, вжался во влажную почву, захрипев. — Пусти, гад, убью.

— Тише, студент, — ответил тот. — Может и не наши это. Наши-то поголосистей были.

А если и наши, то, всё одно, до темноты в лес нечего соваться. Ночью же у нас есть шанс, хоть и хреновенький.

— До темноты они могут не дожить, — угрюмо сказал Митька. И словно в подтверждение его слов, крики в лесу стихли.

— Жалко, весёлые были девицы, — Нечай, сняв колпак, вытер лицо, приподнялся, и тут же откинувшись назад, упал навзничь. Стрела, пущенная с берега, попала ему в грудь на два пальца ниже ключицы. Обидно было то, что и стреляли-то дозорные скорее всего наугад, на звук, показавшийся им подозрительным, во всяком случае попыток проверить, в кого попала стрела, они не предпринимали.

Прошло два часа. Солнце палило как перед концом света. Над островком клубилась туча мошкеры, такая густая, что было странно, как до сих пор её не заметили с берега. За это время никто не проронил ни слова. Тупо ждали темноты, стараясь не смотреть туда, где в нескольких шагах лежал Нечай, вытянувшись и закусив ворот рубахи, вышитый нелепыми красными петухами, похожими на след птичьей лапы, который, чтоб не закричать, он грыз перед смертью.

* * *

— Скорей бы ночь, — Саня в который раз тоскливым взглядом обвёл опостылевший пейзаж и вдруг почувствовал, что что-то изменилось. Все так же стлался дым дымок от становища степняков, солнце словно пристыло к белёсым небесам, но дозорный куда-то исчез, хотя Саня готов был поклясться, что мгновение назад видел его. В этом исчезновении

не было ничего странного. Мало ли куда мог деться буджак. Мог просто с коня слезть по какой-нибудь надобности. А может быть кочевники наконец собрались сниматься и отозвали дозор. Понимая, что делать этого не следует, Саня привстал, всей кожей ощущая свою незащищенность. Но теперь обзор был лучше. Конь дозорного стоял на прежнем месте, но его самого не было видно.

Затем раздался глухой топот, и откуда-то появился табун лошадей. Объятые смертельным ужасом, лошади с диким ржанием промчались вдоль берега, не разбирая дороги. Но внимание Сани уже было отвлечено суетой, охватившей становище, на которое будто опустился пчелиный рой, заставляя людей истошно кричать и метаться по поляне. То и дело кто-то из них исчезал, словно нырял в высокую траву, и уж больше не появлялся. прочие же, кажется, сообразив откуда исходит опасность, вдруг бросились толпой в одну сторону, туда, где их приняла, вылетевшая из-за деревьев конница. Это напомнило Саня сцену, свидетелями, которой они стали в день прибытия, с той разницей, что в плен тут не брали. Над головами всадников сверкали клинки, с каждым взмахом которых пеших на поляне становилось меньше. Засмотревшись, Саня чуть не проглядел как из прибрежных кустов, низко пригибаясь, выскочили двое и побежали прямо на него. Саня плашмя упал на землю.

— Двое, сюда бегут.

— Видим. Лежи, не вставай, — Митька перевернулся на спину и вытащил меч из ножен. — Иваныч, выбирай.

Иван осторожно высунул голову из осоки и, взявшись за рукоять секиры, произнес с видом заправского киллера. — Мой — правый...

Саня положил стрелу на тетиву, но, увидев, что Митька отрицательно мотнул головой, снова приник к земле, явственно слыша чавканье грязи под ногами бегущих. А те, полагая главную опасность за спиной, бежали, поминутно оглядываясь, и когда Митька, встав из травы, ударил переднего снизу в живот, Сане показалось, что тот сам напоролся на острие меча. Кочевник согнулся пополам, кровяня пальцы, схватился за обоюдоострое лезвие и, хрипя, повалился на Митьку. Тот, отступив назад, одновременно резко потянул меч на себя, что бы освободить его, но иззубренный клинок хрустнул и сломался почти у самой рукояти. Буджак упал лицом вниз. Перешагнув через него, Митька достал нож. Но это было лишнее. Товарищ убитого прыгнул вбок, чуть не наступив на Саню, который заорал что-то нечленораздельное. Этот крик словно оттолкнул кочевника, который, делая огромные прыжки, кинулся вглубь болота, и вдруг пропал из поля видимости.

— Утоп, — удивился Иван, опуская секиру. — Что-то быстро.

— Железа на нём много было. Потому и засосало враз. Хорошо, что другой первым бежал. Саня, а что это ты хенде хох кричал? Они ведь по-немецки не понимают.

— Что, в самом деле? — Иван ухмыльнулся. — То-то джигит шарахнулся. Хотя они ведь скорее всего и по-русски не понимают. Однако, тех, что на поляне были, похоже, порубили всех.

— Интересно кто?

— Враги наших врагов — наши друзья, — с некоторым сомнением сказал Митька. — Будем на берег выбираться или тут отсидимся?

— Уже не отсидимся, — ответил Саня. — Они сюда сами едут. Вон, зовут.

Действительно, воин в блестящем шлеме, подъехав к самому болоту, призывно махал рукой и кричал повелительным тоном нечто неразборчивое.

Раз зовут, надо идти. — Иван наклонился и взял мертвого Нечая за плечи, Митька подхватил его под колени и они пошли из болота. Саня шел рядом, пытаясь помогать, но больше мешал.

— Ну, по крайней мере, блондин, — успокаивая себя, пробормотал Иван, когда они приблизились к берегу, и стало видно, что у всадника, ожидающего их, русая борода.

— Да, — оскользаясь в грязи, прищурил опытный глаз Саня, — типичный славянский воин эпохи раннего средневековья.

Последние метры пути по болоту оказались самые трудные, мертвый Нечай был тяжел. Но наконец, выбравшись на сухое место, Иван с Митькой опустили тело на землю.

Типичный воин, по виду одногодок Сани, задал типичный для всех времен и народов вопрос, рывкнув. — Кто такие? Куда путь держите?

— Во, стало быть, земляк, — окончательно обрадовался Иван, услышав славянскую речь. — Свои мы в доску, мил человек.

Земляк, положив руку на рукоять меча, свесился с седла, всматриваясь в лицо мертвеца.

— С нами шел, — пояснил Иван. — Днем стрелу словил.

Всадник перевел взгляд с мертвого на живых. Саня, словно увидев себя его глазами, подумал, что они должны представлять довольно странное зрелище для этого воина.

Но воин, подобно покойному Нечая, если и удивился, то своего удивления показывать не собирался. Вместо этого он спросил. — Те двое, что сюда побежали, где?

Митька, который, стоя пеший перед конным, тоже держал ладонь на рукоятке своего сломанного меча, ответил. — Одного закололи, другой утонул.

— Ясь, поймал кого? — крикнули от разгромленного становища.

— Поймал, — откликнулся Ясь. — Только не тех.

— А те где?

Тех уж на свете нет, — крикнул Ясь и сказал. — Туда ступайте. Мертвяка с собой потащите?

— Потащим, — ответил Иван. — Он нам товарищем был.

* * *

На поляне еще курился костер, рядом с которым валялся на боку медный казан. На вытопанной траве вразброс лежали несколько трупов. Эти все были побиты стрелами. Ближе к деревьям, там, где степняки, пытаясь найти спасение, попали под удар конницы, тела лежали грудями. Это было всё, что осталось от людей которые, ещё часа не прошло, как по-хозяйски пировали здесь, чувствуя себя в полной безопасности.

Теперь здесь хозяйничали другие. Несколько человек бродили по поляне, собирая оружие убитых и сваливая его в телеги, на которые путешественники, одичавшие за время лесной одиссеи, смотрели с боязливым удивлением, подобно тому, как смотрит на мираж путник, истомлённый жаждой. Какие-то шустрые парнишки верхом на неосёдланных конях шумели по кустам, сбивая в кучу разбежавшихся лошадей буджаков.

Победители, которых было несколько десятков, на взгляд натурального кузнеца, выглядели внушительно, несмотря на то, что их одежды под доспехами были истрепаны и оборваны до такой степени, что напоминали лохмотья. По их ловким ухваткам и уверенным движениям видно было, что это всё ребята боевые.

И вооружены они были подходяще, до зубов.

Кроме щитов и мечей, у каждого лук, колчан со стрелами, Длинные ножи они носили не у пояса, а крепили ремнями к правой ноге, на сарматский манер. На головах железные шлемы с острыми наконечниками, а поверх красных и белых рубах у многих были кольчуги или панцири искусно сработанные из стальных пластин. К седлам приторочены пики и секиры.

Спешившись, они стояли полуколыцком, рассматривая что-то.

— О, вот это я понимаю, предки, — вполголоса сказал Митька. — А то я уж что-то стал в них сомневаться.

— Кого привел, Ясь? — спросил, повернувшись, невысокий широкоплечий воин с рыжей бородой.

Ясь пожал плечами. — Поди разбери. Калики переходные. И мертвец с ними. Ну, тот наш, из выдричей, должно быть. Говорят, что тех, которые в топь убежали, прикончили.

— Мертвец, ладно. А эти-то кто?

— Воробей, что ты меня пытаешь. Вот они, их и пытай.

— Воробей! Это про него Нечай говорил, — обрадовано прошептал Саня.

— Хорошо бы, — так же шёпотом ответил Ермощенко.

— Сюда ступайте, — приказал рыжебородый.

Воины молча расступились, и путники увидели двух прикрытых тряпьем женщин, сидящих на земле. Одна, судя по фигуре, совсем молоденькая, сидела, уткнувшись лицом в согнутые колени и обхватив их тонкими руками. Другая, постарше, сидела, упершись руками в землю и опустив лицо, закрытое прядями растрепанных русых волос.

У Сани на мгновение захолонуло в груди, ему показалось, что это Даша и Вера. Но это были другие.

— Смотри, — сказал Воробей. — Эти были тут? Узнаешь?

Женщина подняла миловидное лицо с искусанными губами и неожиданно улыбнулась. — Нет, воевода, этих не было. Да и не похожи эти на буджаков.

— Я тебя не спрашиваю, на кого они похожи. Со степью народ всякой сволочи идёт. Я тебя спрашиваю, они тут были?

— Говорю ж, не было их. Которые были, все тут мертвы лежат.

— Не все, — возразил Воробей. — Двое в болоте сгинули. Чему радуешься, дура?

— Спасению своему, воевода, — ответила молодуха, собирая с земли тряпки и стараясь прикрыть ими свою наготу. — И вот, дяденька смешной какой, — мотнула она головой в сторону Ермощенко.

Обтрепаншееся в лесных странствиях некогда элегантное черное пальто Ивана теперь висело на нем как старая плащ-палатка на огородном пугале. Пуговицы давно оборвались, так что подпоясывался он веревкой, которую презентовал ему Нечай. Оборвались и завязки меховой шапки, с которой он ни за что не желал расставаться, и теперь её уши торчали в разные стороны...

— Смешной, — согласился Воробей и спросил у молодки. — Буджаки вас долго с собой таскали?

— Ты что, воевода. Они с собой никого долго не таскают. Кто ж это долго вынесет. Утром мы им попались Если бы не вы, конец бы нам.

— С нами, что ли пойдете?

— А куда ж нам деваться? С вами.

— И она пойдет? — кивнул Воробей на скорчившуюся девушку, узкие плечи которой

тряслись от беззвучных рыданий.

— И она, — твердо сказала молодуха. — А что плачет, то сам разумеи. Я-то баба, а она-то девка. Ты б на её месте тоже плакал.

Воины разом грохнули от смеха.

Воробей почесал в затылке, и усмехнулся. — Ладно, будь по-твоему. Тряпки эти брось. С покойников возьми одежду подходящую и товарку свою приодень.

— Благодарствую, воевода, — поклонилась молодуха. — Я Пенка, а её Гориславой кличут.

— Запомню, — пообещал Воробей.

— А с нами что? — спросил Иван.

— А я откуда знаю? — вопросом на вопрос ответил Воробей. — Ну, кто вы? Куда вы?

Между тем, пока шла эта беседа, из лесу выезжали повозки и выходили люди. Вид у них был не такой воинственный, как у тех, что стояли на поляне. И хотя многие из них были обвешаны оружием с головы до пят, сразу было видно, что воинская потеха не является их привычным ремеслом. А того больше было народу прямо штатского, что называется гражданского населения, баб, детей и стариков. Вели они себя на удивление тихо, двигаясь словно тени, и лишь негромкий говор свидетельствовал, что это всё-таки живые люди из плоти и крови. Пока одни раскладывали костры, другие стаскивали тела убитых кочевников и сваливали их в болото. Так что очень скоро ничего, кроме луж подсыхающей крови, не говорило о произошедшей здесь бойне.

— А вон и Дашка с Веркой, — вдруг промолвил натуральный кузнец, словно бы даже осуждающим тоном, в котором, однако, вдумчивый слушатель легко бы различил радость, жизнь налаживалась.

Та же радость отразилась и на лицах девушек, но улыбки их потухли, когда, подбежав, они увидели труп Нечая. Удивительно было то, что ничего они при этом не сказали и, вообще, в разговор не вмешивались. Зная их характер, в это трудно было поверить, но факт есть факт. Вывод напрашивался сам собой, дисциплину в своём воинстве Воробей поддерживал железной рукой.

— Кто мы? — переспросил Иван и задумался, так как сам не очень представлял, кто же они тут такие будут. — Ну, свои, словяне. Правда, Митька?

— Ага.

— Идете откуда?

— Э? — Иван толкнул Саню, стоящего с полуоткрытым ртом и наблюдающего всю картину с видом постороннего наблюдателя, локтем в бок.

— Что? — поглощенный созерцанием, тот пропустил вопрос мимо ушей.

— Идем откуда, спрашивают.

— Мы идем из Херсонеса Таврического, — не долго думая, брякнул Саня. Потом, видимо, решив, что сказанного будет недостаточно, добавил. — В полон нас угнали, эти, как их, злые татарове.

— Всех троих, что ли? — недоверчиво спросил рыжебородый. — И этого тоже? — он указал на Ивана.

— Что-то не похоже. Такой сам кого хочет угонит, — додал какой-то боец из новоприбывших, и важно поправил сползший на самую переносицу войлочный колпак.

— И что это за злые татарове такие? Я про таких и не слыхивал.

— Хорошо устроились, — позавидовал Иван. — Это ничего, это вы еще услышите. То-

то удивитесь.

— Слушай, командир, — начал закипать Митька. — Ты глаза разуй-то. Чего б мы в трясине мокли, кабы не свои?

— Так свои, говоришь, — Воробей с большим сомнением оглядел облепленного с ног до головы болотной грязью собеседника. Ивану даже показалось, что воеводе просто не хочется, чтоб такой непрезентабельный персонаж оказался своим.

— Вот тебе крест святой, свои. — Митька достал из-под ворота рубахи крестик на серебряной цепочке и приложился к нему губами.

Правая бровь воеводы поползла вверх. — Э, ребята, да вы никак греческой веры. А может — готфы? Ну, тогда вам не повезло.

— То есть, как это не повезло? — злобно сверкнул Митька глазами.

— То есть, так, что совсем не повезло, — с удовольствием пояснил Воробей. — Так не повезло, что дальше некуда.

Допрос явно принял нежелательное направление и натуральный кузнец понял, что если сейчас это дело не переломить, то всё может кончиться очень печально. Он оттолкнул Митьку, боясь, что тот сморозит что-нибудь ещё и, сорвав ушанку с голову, ударил ею оземь. — А коли готфы, то вели казнить нас, да и всё. Только допрежь вели слово молвить.

— О как запел. Чисто — Боян, — Воробей по-приятельски подмигнул Ивану. — Ну, велю. Давай, открой уста сахарные, молви слово медвяное.

— Ты же сам видишь, воевода, что никакие мы не готфы. Мы этих готфов и в глаза не видывали и слыхом не слыхивали. А что греческой веры, то не твоя печаль, а наша. По делам судите их.

— По делам судите их, — с удовольствием повторил Воробей. — Крепко сказано. И какие ваши дела?

— А такие, что если тебе воины нужны, то вот они, мы. Бери, пригодимся.

— Да я вообще старый опытный партизан, — воодушевился Митька. Саня покрутил пальцем у виска.

— Да мы ж тебе говорили, кто они, — по-свойски сказала Вера, выступая из-за спины Воробья.

— Молчи, девка. Пусть сами скажут.

— Так вроде всё уж сказали, — почесал Иван небритый подбородок. — Идем из Херсонеса Таврического в Речицу. Роду-племени не помним, потому как пребывали в плену с младых ногтей и всё для нас тут в новинку.

— Из Херсонеса Таврического, милый ты мой, сейчас даже птица сюда не пролетит, мог бы и покладней соврать. А что в Речицу идёте, в это верю. И мы туда идём. Ещё есть чего сказать?

— Сам я — кузнец.

— Кузнецы нам нужны.

— Вот этот чернявый, — указал Ясь на Митьку, стоящего, обняв потерянную и вновь обретенную Дашу, — буджака на болоте зарезал.

— Молодец, чего уж там, — кивнул Воробей и спросил у Сани. — Ну, а ты, малый, чем славен?

Саня замялся с ответом и за него ответил Иван. — А он с нами.

— Тоже дело, — поразмыслив, рассудил Воробей. — Барышням своим в ножки поклонитесь, что на нас наткнулись да сюда привели, не то гнить бы вам в хлябях зыбучих.

— Без проблем, — пообещал Иван, кланяясь девушкам.

Вдруг решительно расталкивая стоящих людей, в круг пробился босой мужик в длинной синей рубаше и драных портах. Поклонившись Воробью, он сказал, показывая на Ермощенко со товарищи. — Меня Векшей зовут, из рода Дреговичей. Я этих людей знаю. Они нас на Малашской дороге от буджаков отбили. В честном бою.

Ответом ему был одобрителный шепоток, пронесшийся по рядам собравшихся. Ободренный им, мужик уставил указующий перст на натурального кузнеца. — А этот, здоровый, вож ихний, видать, так-то красно говорил, так-то душевно. — Мол, режьте их всех в корень, чтоб и на развод не осталось. Режьте, говорил, жгите, душите, а бог простит. Кто с мечом придёт, тот, мол, от меча и погибнет.

— Охти мне, темнота наша, — огорчённо сказал Воробей. — А сам ты догадаться, конечно, не сумел. Что б не пришлось первым встречным бродягам, неведомого рода-племени, греческой веры к тому же, тебя от буджаков отбивать на Малашской дороге?

— Дык... — смущенный оратор отступил в толпу.

— То-то и оно, что дык, — язвительно промолвил воевода. — И почему босой шляешься? Чтоб я этого больше не видел.

Мужик, пятясь, состроил виноватое лицо и развёл руками.

— Ну, катись. А впрочем, погоди. Как там, — Кто к нам с мечом придёт, — тот чего?

— Тот от меча и погибнет, — крикнул мужик и поскорее скрылся с глаз долой, пока воеводе не взбрело в голову спросить его ещё о чём-нибудь.

— Ладно, златоусты, — воевода ещё раз окинул стоящих перед ним, одного за другим, скептическим взглядом. — До Речицы пойдёте с нами. А пока будем идти, то все мои приказы, а так же приказы начальных людей, что от меня поставлены, десятников и сотников, выполнять. Иначе — смерть.

Это — первое условие.

— Принимается, — за всех ответил Митька.

— Ещё бы не принимается, — усмехнулся Воробей. — А вот вам и первый мой приказ. Поступаете под начало Яся, он у нас всея деревещины архистратиг, пусть преподаст вам воинскую премудрость, а то, что-то мне кажется, не очень вы в ней тверды. А дальше видно будет. Ясь, прими, да насчёт еды распорядись, а то, того гляди, постолы примутся жевать.

— Нам бы товарища похоронить, — сказал Ермощенко. — Лопатой тут у вас можно разжиться или заступом каким?

— Можно. Только это вам ни к чему. — Воробей ткнул пальцем за правое плечо. — Туда несите, рядом с нашими ляжет.

На краю лесу, у подножья молодого дуба была вырыта глубокая могила, куда рядом с телами двух дружинников лёг Нечай.

— Ну, прощайте Шепель и Замыка. И ты, Нечай, прощай, — Ясь принял чашу, отпив и неё, выплеснул остатки вина к подножью свеженасыпанного могильного холма, обложенного камнями. — Встретите кого из наших, поклон передавайте. А будет случай, и слово за нас замолвите, перед кем, то вам судить.

Сидящие вокруг порубежники, а было их пятеро, насколько смог понять Саня, погибшие были из их десятка, встали и, отдав прощальный поклон, степенно зашагали прочь. Только после этого к могиле приблизились Даша и Вера с букетиками лесных цветов, и Ермощенко снова подивился, не столько даже здешним порядкам, сколько тому, что строптивые девицы находят нужным им подчиняться.

— А вам со мной, — Ясь, не оглядываясь, пошёл вперёд, туда, где уже пылали костры, вокруг которых суетились женщины. — За молодок своих не беспокойтесь, вечером свидитесь.

Но не успели сделать и двух шагов, как кто-то взял Митьку за руку, чуть повыше локтя. — Паренёк, а паренёк.

Светловолосый воин, лет тридцати, примерно одного с Митькой роста и телосложения, с круглым лицом, обрамленным пушистой бородой, смотрел ласковым взором голубых глаз и приветно улыбался в усы.

— Чего тебе, дядя?

— А того, что давай меняться.

— Не хочу, — Митька мотнул плечом, стараясь высвободить руку, но светловолосый держал крепко, а ласковый голос его приобрёл, словно стальная стружка упала в чашку с мёдом, угрожающий оттенок. — Это как же, не хочу? Так нельзя. Я дело говорю. Меч на меч. Махнём, не глядя?

Привлечённые громким разговором, люди слонявшиеся без дела, а таких было немало, в миг собрались вокруг спорящих, а Иван, ушедший вперёд, вернулся и встал за митькиной спиной. Он уже было раскрыл рот, что бы сообщить, что спорить не о чем, что у Митьки в ножнах вместо меча только обломок от него, в ладонь длиной, но во время передумал. Было у светловолосого с Митькой какое-то сходство, и можно было надеяться, что они, как одного поля ягоды, сумеют покончить миром, тут постороннее вмешательство способно только навредить.

Митьке, который уже сообразил, что виной всему богато украшенные ножны и рукоять меча, начинать службу в воробьёвом воинстве с ссоры было очень не с руки и он тянул время, выгадывая как бы так половчей извернуться, чтоб и врага не нажить и в грязь лицом не ударить. Очевидно, светловолосый это чувствовал, потому что с каждой секундой становился настойчивей. Это же чувствовали и собравшиеся вокруг зрители, при чём понять, на чьей стороне их симпатии было сложно. Они вроде и подбадривали светловолосого, тут, кстати, выяснилось, что зовут его Ратша, но в этом подбадривании просматривалась немалая доля иронии. И было похоже, что проигрыш Ратши никого бы особо не огорчил.

Придя к этому выводу, Митька дождался подходящего, по его мнению, момента, когда настёрный Ратша уже начал наскокивать на него широкой грудью, и сказал. — Ладно, уговорил. По рукам.

Для противника, настроившегося на долгую кампанию по деморализации митькиной личности, это согласие стало полной неожиданностью, и он, прервавшись на полуслове, молча отстегнул свой меч и протянул его Митьке.

— Иваныч, смотри, как оно тебе? — обернувшись, спросил Митька, вытягивая из обтрепанных ножен выдавший виды меч. Натуральный кузнец протянул длинную руку и задумчиво пощёлкал ногтем по клинку. Постоял, вслушиваясь в тихий звон, а затем вынес свой вердикт. — Нормально. С пивом пойдёт.

— Э, паренёк, — напомнил о себе Ратша, — А ты, что же?

— Пардон, — Митька расстегнул ремни перевязи и отдал ему свой меч. — Держи, братишка, на долгую память.

Ратша алчно схватил оружие, полюбовался на большой голубой камень грубой огранки, украшавший рукоять, и, потянув меч из ножен, уставился на обломок клинка, потеряв дар речи.

Зрители, потрясённые не меньше, ни единым звуком не выдавая своих чувств, затаив дыхание, следили за развитием драмы.

— Это что? — наконец спросил Ратша.

— А то не видишь?

— То-то и оно, что вижу, — ответил воин, покраснев самым жестоким образом, так что казалось, что или слёзы вдруг брызнут из его широко открытых глаз, или грянется он оземь с разорвавшимся сердцем.

— Так что ж теперь? Иль не рад?

— Да как же не рад? — не выдержал кто-то в толпе зрителей. — Того и гляди, помрёт от счастья.

Общий смех был наградой шутнику. Краснота, покрывавшая круглое лицо Ратши, уже приняла какой-то траурный оттенок.

— Э, парень, хватит, — Ясь, встав между ними, похлопал Митьку по плечу, подталкивая, между тем, в сторону. — И тебе хватит, — сказал он, повернувшись к Ратше. — Хотел сыграть? Вот и сыграл. Так что ж тебе?

— Так-то оно так, — естественный румянец мало-помалу возвращался к Ратше.

— Так, так, и не сомневайся. Знаешь, как лиса в курятнике от той злости померла, что куры залаяли? Не уподобляйся, — Ясь поднял руку и погрозил пальцем.

Ратша озадаченно посмотрел сначала на палец, пытаясь проникнуть в таинственный смысл сказанного, затем на обломок меча в своей руке, плюнул, и, сунув обломок в ножны, удалился с гордым и независимым видом

Глава девятнадцатая

— Поосторожней с огнём бы, — сотник Байда, со скуластым лицом, туго обтянутым смуглой, словно подкопчённой, кожей, присел рядом с воеводой. — День ясный. Дым далеко видать.

— Не страшно. Подумают на своих.

Обычно огня на привалах не зажигали. Но сегодня рыжебородый воевода Воробей глянул в небо, повел носом, почесал бровь, и с видом человека, которому нечего терять, махнул рукой.

— Погреемся, подсушимся.

Осторожный Байда неодобрительно покачал головой.

— Проснись. Кругом горит, — сказал Воробей.

На это возразить было нечего, загоны степняков, рассыпавшись по округе, жгли все подряд, и теперь в воздухе постоянно витал запах гари, а небо в любое время суток оставалась затянутым белесой дымкой.

— Учуют, — Байда был не только осторожен, но и упрям.

— Плевать. Все равно шума не миновать.

На лесной поляне снова жарко запылали костры, вокруг которых сгрудились соскучившиеся по горячему люди, родич к родичу, земляк к земляку. Хотя было немало и таких, у которых никаких родичей и земляков уже не осталось, но они тоже предпочитали сбиваться в артели, объединенные уже не семейными узами, а горьким духом сиротства и боевого товарищества.

И лишь старые порубежники держались на особицу, даже на привале стараясь не смешиваться с остальными, действуя, в случае чего, слаженно, как один человек. Давно оторвавшиеся от своих корней, они, словно припоминая что-то забытое, с добродушным презрением смотрели на суету семейных, на тихую мельтешню женщин и детей вокруг них.

Впрочем, сейчас их взгляды были обращены на булькающее в котле варево, которое помешивал дубовой веткой с ободранными листьями довольно пожилой по здешним меркам длиннолицый мужчина с печально свисающими на грудь усами.

— Я тут новость слышал, будто ты сказал, что в Речицу пойдём. Правда?

— Правда, — неохотно ответил воевода, не чувствуя себя вполне готовым обсуждать эту тему.

— В Речице готфы.

— Ну, сколько их там...

— И Войт Немишич, пёс цепной, с дружиною. Крепко сидит.

— Байда, на то и расчёт, надо только цепь эту умеючи прибрать к рукам. А что не так, вышибем из города и Войта с дружиною и готфов и всех, кто поперёк слово скажет.

— Это лучше всего, — заметно успокоенный, Байда отправился восвояси, а Воробей подошёл к одинокой ольхе, под которой на куче свежесрубленных веток была брошена попона, и, пнув носком сапога это импровизированное ложе, лёг, не снимая сапог, и вытянул с наслаждением ноги. Тут же двое дружинников, похожих, как братья-близнецы, возникли словно из-под земли и сели спина к спине неподалёку, охраняя сон воеводы.

Воробей закрыл глаза, но сон не шёл. То, чего хватило для спокойствия сотника Байды, для спокойствия воеводы явно не доставало. Хотя, что правда то правда, выгнать из Речицы

хоть Войта, хоть кого, было вполне по силам. Теперь уже за Воробьём шла не сотня пограничников, а добрая тысяча, а может быть, и полторы тысячи вооруженных, и еще сколько-то неспособных к бою, точно никто не знал, потому что всё время приходили новые люди, а кто-то уходил. А были и такие, что предпочитали идти следом или рядом, не смешиваясь с войском. Но, как бы то ни было, на несколько сотен опытных воинов Воробей мог рассчитывать в любом случае.

И не так уж крепко сидел в Речице посадник Войт. Воевода, знавший его, как облупленного, не сомневался, что неприступна Речица только до той поры, пока кому-нибудь не вздумается взять её.

Но желающих взять Речицу пока не находилось. Передовые полки буджаков (как звать их воеводу?) остановились не дойдя до неё двух переходов, словно выжидая чего-то. Казалось бы, это обстоятельство должно было заставить Воробья безотлагательно двинуться к еще не занятой захватчиками крепости, однако и он медлил, выбирая окольный путь, кружа по разоренным нашествием окрестностям и поголовно вырезая попавшиеся под горячую руку мелкие отряды, словно задался целью раздражить буджаков. И, кажется, это ему удалось. Теперь степняки, если и рисковали забираться в лесные чащобы, то только крупными партиями, которые Воробью были не по зубам. Да и застать их врасплох становилось все труднее.

Но и воевода с каждым днём чувствовал себя всё неуютней, за спиной его грозовой тучей поднимались двадцать тысяч всадников, которых вёл знаменитый Жанты.

Дело усугублялось тем, что дружину теперь по рукам и ногам связывал беженский обоз. Воробья это однако не смущало. А если и смущало, вида он не показывал.

Но при всём при том, если кто-нибудь сейчас сказал ему, что пройдёт ещё добрых двадцать дней, а он ни на шаг не приблизится к Речице, такому человеку воевода бы не поверил. А, между тем, прошло двадцать дней наполненных стычками и переходами, и воинство Воробья снова оказалось совсем недалеко от поляны, где нашёл свой последний приют славный Нечай.

* * *

И вот прошло двадцать дней.

— Ты посмотри, опять ему разврат снится. Просто удивительно. Хоть кол на голове чеши. Уж казалось бы... Ан нет! — с некоторой даже завистью сказал Иван Ермощенко, натуральный кузнец, глядя на спящего в нескольких шагах Саню.

Саня лежал, неудобно опершись головой на седло, уронив на грудь подбородок.

Лошадь его щипала траву неподалеку, насколько позволял повод, один конец которого был обмотан вокруг запястья хозяйской руки. Воинская справа, как и положено, была тут же, деревянный, обтянутый коричневой с белыми пятнами коровьей шкурой, круглый щит, прислоненный к стволу, и на самой нижней, толстой ветке причудливой гроздью висели меч в деревянных ножнах, обтянутых потрескавшейся кожей, лук да колчан, туго набитый стрелами.

Рядом с ним сидела Вера, бездумно глядя перед собой чуть покрасневшими от дыма зелеными глазами и, помахивая стеблем папоротника, отгоняла от лица спящего комаров и прочую лесную мошку.

Рука её при этом двигалась машинально, и стебель то и дело попадал то по носу, то по щеке юноши, впрочем, того это нисколько не беспокоило.

Задымленный, зеленоватый, лесной свет заполнял пространство между деревьями, отчего все вокруг казалось немного не реальным, словно люди и кони попали каким-то образом на дно речного омута, обтекаемые спокойными, незаметными в своей всеобъемлющей мощи, водами неведомой реки. От этого движения их казались плавными, чуть замедленными, словно каждый жест требовал некоторого дополнительного усилия.

Впрочем, все это мог заметить только посторонний человек, вошедший в этот лес, как входит приметливый ночной гость с мороза в незнакомую квартиру. Но посторонних здесь не было, все свои, одинаковы годные на то, что бы топтать эту, усыпанную бурой хвоей и палыми листьями, гулкую землю или же лежать в ней, в неглубокой, наспех вырытой яме.

— Я чего сказать хочу, — Иван Ермощенко, как всякий атеист, обожал поговорить на религиозные темы. — Основную надежду следует, конечно, возлагать на духов предков, на пращуров своих, чуров, иначе говоря. И это очень логично, потому как прочие божества, они ведь сами по себе ни добрые ни злые, могут так, а могут этак, как карта ляжет. Чуры же, не чужие, напротив, свои ребята, все знают, все понимают, и сочувствуют по-семейному.

— То есть, — сказал Митька. — В случае чего обращаться к чурам.

— Не трудись понапрасну, — разочаровал его Иван. — Никаких чуров у нас тут нет. Наши, чуры, Митя, еще на свет не родились.

— Приехали, — Митька перевернулся на другой бок, подставляя его теплу костра. — Значит и чуров у нас нет. Получаемся круглыми сиротами.

— Более чем.

— Да нет, как же круглыми, — не открывая глаз, возразил Саня. — Ведь все равно какие-то предки у нас есть. — Понятно, что очень дальние, но ведь чурами они от этого быть не перестают.

Иван задумался и покачал головой. — То-то и оно, что дальние. Ты прикинь сколько им народу до тебя обиходить надо, сто колен, а может и больше.

— Уже легче, — сказал Митька. — Только ошибка у тебя, Иваныч.

— Какая же?

— Ты не колена считай, а сравни, сколько мертвых и сколько живых. На каждого живого сколько покойников приходится?

— Много. И что с того?

— Каждый умерший становится чуром, то есть, чуров больше чем живущих в данный момент людей, и большинству из них делать всё равно нечего. Значит, могут и нам уделить немножко внимания. Потому, если что, не поддаемся панике, а спокойно взываем к духам предков.

— Вот и Ясь, — от Веры любая теология отлетала, как горошина от кирпичной стены. — Цирк зажигает огни.

Сотник Ясь, о котором шла речь, правая рука воеводы, на которого, кроме всего прочего было возложено обучение прибывающего пополнения, прошёл совсем рядом, но ничего не сказал, а только неодобрительно покосился.

Отойдя на пару десятков шагов, он оглушительно свистнул, затем ещё раз. По этому сигналу с разных сторон лагеря к нему стали стекаться курсанты, и безусые парнишки и семейные бородатые мужики. Но первыми явились подручные, свирепый старичок Вейвода и однорукий Всеслав.

— Начинается. Пойдём? — высказался дисциплинированный Иван, не двигаясь однако с места. Митька же, превратно истолковав молчание Яся, возгордился и обнаглел. — Курс молодого бойца. К чёрту, надоело.

— Во время боевых действий новобранец после первого же сражения становится или ветераном или покойником. Мы не покойники, следовательно — ветераны.

— Вот, Санечка у меня умный, — похвалилась Вера. — Только как бы ему этот ум боком не вышел.

И словно в ответ на эти пророческие слова зашумели, раздвинутые сильной рукой, кусты, захрустели ветки под сапогами.

— Лежим? — светлые глаза воеводы Воробья проšliсь по притихшей кампании. — Беседы беседуем? Не рано ли?

— Вот ты, Митяй, — воевода приблизился к Митьке и с размаху перетянул его плетью. Митька, схватившись за голову, вскочил, чем вызвал неподдельное удивление Воробья. — Не ложится?

Митька с трудом перевёл дыхание и кивнул, подтверждая, что да, мол, не ложится.

— Ну, что бы тебе такое сказать, Митяй? — Воробей присел на любовно устроенную митькину походную лёжку и, постукивая рукояткой плети по носку сапога, упёрся тяжёлым взглядом в ствол соседней сосны. Но при этом от его внимания не ускользнуло, что Ермощенко с Саней тоже поспешно встали и теперь переминались с ноги на ногу рядом с битым своим другом. — Что, и вам не ложится? Чудеса! Я так думаю, это от того, что у вас мышцы на боках затекли. А может пролежни замучали.

Иван стоял на вытяжку, во весь свой не малый рост и внимал воеводе, журчащая речь которого лилась как ручеёк, холодила спину и леденила мозг. Как-то оно так само собою было ясно, что слушать следует стоя, и кивать головой в знак согласия не возбраняется, а напротив, даже всячески приветствуется, рядом с ним так же стояли и кивали как китайские болванчики Саня и Митька. Видя такое единодушие, Воробей сменил гнев на милость.

— Вот ты, Митяй, — повторил воевода, тут наученный горьким опытом Дмитрий Акимушкин поспешно прикрыл голову руками, но продолжение последовало в словесной форме, — мечом махать и на лошади скакать как бы можешь, если брать тех, что вместе с тобой ко мне пришли И сапоги у тебя не абы какие, а честно снятые с собственноручно зарубленного тобой хозяина. Но, пока ты их добывал, Байде пришлось тебя пасти, чтоб не обменял ты свою голову на чужую обувку.

— Да не видел я его, Байду, то есть, — проямлил Митька. — Он же тихий, как это самое.

— А чего ему шуметь? Вы, ребята, чего ждёте? — Воробей перевёл взгляд на Ермощенко и Саню, — Я вам тоже должен чего-нибудь сказать?

— Ничего ты не должен, — хмуро ответил натуральный кузнец. — Так мы пойдём?

— Так идите.

* * *

Проводив взглядом Митьку со товарищи и, убедившись, что те отправились в нужном направлении, воевода неторопливо пошёл вслед за ними по свежевытопанной тропинке. Маленькие глаза его в припухших веках, смотрели не мигая, казалось, не ощущая

назойливого дыма, ключья которого, придавленные загустелым к дождю воздухом, стелились над землёй, цепляясь за концы веток.

Двое телохранителей, лениво переговариваясь и загребая траву подошвами сапог, брели, поотстав на несколько шагов.

Походный быт отличается тем, что весь он на виду, словно вывернутая наизнанку одежда, каждым своим швом и рубчиком. Так же и чувства людей, вырванных из привычных условий существования, обостряются до того, что легко прорезываются сквозь истончившиеся покровы приличий и обычаев. И то, что раньше скрывалось от постороннего взгляда, готово обнаружиться в каждом движении и каждом слове. Проходя, междКаждый был занят. А те, у кого дела не было, спали, или хоронились где-то по за кустами, зная нелюбовь воеводы к праздному времяпровождению.

Но беда, по мнению Воробья, была в том, что дела эти все были не главные. Ни собранный хворост, ни сваренная каша, ни искусно сложенный шалаш, ни свежая заплатка на рубахе, всё это ничего не будет стоить, когда дойдёт до боя. И все эти занятые люди в любой момент, стоит только вылететь из лесу коннице буджаков, все они убедятся, что всё, чем они были только что так заняты, не спасёт от гибели и плена. Потому что на войне главное дело — ратное. А вот с этим-то былоИ таким образом, можно было сказать, что все эти люди занимались не тем, что надо, а это ещё хуже, чем ничего не делать, потому что усыпляло их, создавая иллюзию того, что они не тратят время даром.

И неустрашимый воевода, проходя по лагерю и кивая в ответ на приветствия, вдруг как в яму проваливался в приступы страха, такого сильного, что испарина выступала на лбу. Он знал законы войны и слишком хорошо представлял себя, что произойдёт при столкновении этого воинства не с шайками мародёров, готовых бежать при малейшей опасности, а с конницей буджаков. Всё что он мог сделать для них, это разбить на десятки и сотни, и каждую подходящую минуту безжалостно мушгровать., торопясь сделать из них воинов, раньше, чем кончится затишье. А что затишье это очень скоро кончится, он ощущал всей шкурой. Время, отпущенное ему, истекало.

Пока здесь варили кашу и нянчили детей, совсем неподалёку всё гуще летели стрелы и звенело железо. Это высланные на все стороны дозоры сшибались с вражескими разъездами, которые словно тонкой, но прочной паутиной, опутывали всю округу.

Костяк и ударную силу войска Воробья составляли те, с кем он ушёл из-под стен готфской столицы. Их, старых порубежников, было всего сотни полторы. Этим ратной наукой не утруждали, они сами могли научить кого угодно.

Но с приходом в землю выдричей, под знамёна воеводы хлынул поток беженцев и погорельцев. За годы мирной, хотя и подневольной, жизни, здешние обитатели утратили боевые навыки, те, в ком просыпался дух воинственных предков, уходили на север, туда, где простирались владения свободных племён, или же нанимались в дружины готфских конунгов. Оставшиеся были не склоны к авантюрам, предпочитая верный кусок хлеба. Власть готфов в этом лесном краю была необременительной, а унов здесь не видали так давно, что почти забыли о их существовании и не заметили даже падения унской державы. Не заметили бы и падения готфского королевства, но с ним рухнула и последняя преграда, отделяющая землю выдричей от степняков. И даже дремучий лес не мог теперь служить защитой. Рассыпавшиеся по округе загоны буджаков прибирали всё живое, почти не встречая сопротивления. Те же, кому посчастливилось избежать меча и аркана, бежали, куда глаза глядят. К Воробью такие шли толпами.

А люди всё приходили.

Буджаки чего-то ждали, но дозоры, высылаемые во все стороны, неизменно наталкивались на их разъезды. И мелкие стычки, происходящие с переменным успехом, происходили постоянно. В лагерь то и дело приводили пленных, но это были простые воины, которые ничего не могли поведать о замыслах противника.

Воевода с тоской вспоминал те времена, когда был простым сотником и мог положиться на каждого из своих людей. Когда не раз и не два бывало так, что окруженный и прижатый к стенке, он просто распускал свою сотню, назначив только место сбора. И мог быть при этом совершенно уверен, что через несколько дней вся сотня, по одному, по двое просочившись сквозь кольцо, соберётся там, где указано.

Теперь он не мог позволить себе такой роскоши.

Порядки, заведённые воеводой, были далеко не всем по нраву. Воробей это знал, но продолжал твникто другой.

Знали это и другие.

— Берегись, подколят тебя, — не раз предупреждал Ясь. — Ропщут людишки.

Воробей отнесся к предупреждениям спокойно.

— Чтоб подколоть, надоПусть ропщет. Кто жив останется — спасибо скажет. А делом их не занять, друг друга перережут раньше, чем буджаки до них доберутся, праздность до добра не доведет.

Воробей Для остальных учения были обязательны, за отказ положили смерть. Вольные или одичавшие люди далеко не всегда легко подчинялись этому диктату. Почти в каждой группе, которые чуть ли не каждый день набредали на лагерь, находились упрямы, которые доводили дело до логического конца. Если поблизости случался Воробей, то он не гнушался сам приводить свой приговор в исполнение. После такого часто лагерь покидали несколько человек, но на их место тут же просились новые.

— А где этот, долговязый?

— Хлопнули.

— О чем это он? — спросил Митька.

— Что отдыхать культурно не умеют, поэтому вероятно будет дрючить до победного конца.

— Крут Воробей

* * *

.....

Митька сразу понял, что из них собираются делать пехоту.

Учили становиться в ёжики, по трое и по четверо, спина к спине, на тот случай если строй будет прорван, чтоб не убежали, сломя голову, бесполезно погибая от ударов в спину, а собирались в ёжики.

Учили строю, когда воины выставив стену щитов, выставляли копья. Против такого построения конница бессильна, но только если не дрогнет никто, не покинет своё место в

строю.

.....

Впрочем, немало времени отводилось и на индивидуальные занятия, это, по митькиному разумению, была дань специфике малой, лесной войны, в которой схватки больших отрядов, стенка на стенку, были редкостью, а в основном всё сводилось к бесчисленным стычкам малыми, редко больше десятка, силами, к засадам и внезапным нападениям.

.....

Сочтя на этом теоретическую часть воспитательной беседы законченной, Воробей перешел к практическим занятиям.

(Сомкнись! — надрывался Вейвода, и парубки, топя сапогами, сбивались в круг, грозно выставив перед собой копыя. Конница — справа. На отбой! — сыпались с седел и составляли брыкающихся коней.)

Он пошел туда, где Ясь муштровал своих рекрутов, которые как раз выстроившись в две шеренги, сошлись в рукопашном бою... С треском сшибались тяжелые жердины. У одного она сломалась пополам, его противник тяжело дыша отскочил, примериваясь для нового наскока, но, видя плачевное положение соперника, не решался начать. А тот растерянно вертел обломок своего грозного оружия в руках. — Чего стал? — коршуном налетел Ясь. — А ты чего? Бейтесь. — Лицо более везучего поединщика приняло свирепое выражение, и он, больше не раздумывая, нанес разящий удар. Но и противник его, на которого окрик Яся подействовал как ушат живой воды, вылитой на голову, увернулся, присев, отбросил бесполезный обломок, и кулаком засадил тому по скуле. Парень, не ожидавший этого, так и покатился по земле.

— Не по правилам! — закричало сразу несколько голосов с той и другой стороны. Другие принялись им возражать.

Бой прекратился.

Ни для кого не было секретом, что кроткий подручный Воробья, в случае необходимости, умел довести людей до белого каления, но в этот раз он кажется превзошел сам себя. Боевой задор дерущихся явно зашкаливал, пот с них лился ручьями, а покрасневшие лица выражали нешуточную злобу. Слышалось угрюмое сопение, тяжеловое дыхание да звонкие удары палок, но негромкий голос Яся каким-то образом легко перекрывал эти звуки. Время от времени чей-нибудь удар достигал цели, вскрикивал ушибленный соперник и с новой силой лез в драку. Те же кому совсем не посчастливилось, отползали с поля брани в тень, под раскидистый рябиновый куст, отходить от контузии. В этом походном лазарете находилось уже несколько тел.

Все это было Ивану хорошо знакомо, проверено на собственной шкуре, и большого интереса не вызывало. Он чувствовал себя как старослужий, по служебной надобности зашедший в учебку.

Он вел себя натурально как футбольный фанат. Подбадривал дерущихся, бил себя кулаком по колену, и даже повизгивал негромко. Это были неподдельные эмоции.

Его появление не осталось незамеченным, и молодые бойцы принялись метелить друг друга еще старательней, подтвердив тем самым старинную мудрость, что у человека всегда остаются неизрасходованные резервы организма. А дело каждого понимающего начальника — уметь извлечь до последней капли. Надо только уметь их извлечь. И, конечно, появление

в нужный момент заинтересованного начальства относится к наиболее эффективным способам стимулирования служебного рвения...

Эта были молодцы из недавних, потому когда фигура Ивана, облаченного в черное долгопятое пальто, выступила из-за дерева, та шеренга курсантов, что стояла к Ивану лицом, как по команде уставилась на него. Противники же их, которые Ивана не могли видеть, решили, разгоряченные боем, что им наконец улыбнулось военное счастье и, тоже как по команде, нанесли удар по дезориентированному противнику. Специфический стук, который происходит от столкновения крепкой дубинки с костью крепкой головы, разнесся по лесу. А когда он стих то из тех, которые стояли к Ивану лицом, на ногах остались немногие. Были и такие, которые как молодые бычки, пали от удара на колени, но большинство полегло бездыханными.

Саня с содроганием наблюдавший побоище, снова утянул Ивана за дерево. — Ей-Богу, дядя Ваня, снял бы ты эту хламиду. Посмотри, что натворил.

— Не сниму, — супротивничал Иван. — Пусть привыкают ко всяким неожиданностям. В бою и не то еще можно увидеть, так что они теперь, всякий раз будут варежку разевать?

Глава двадцатая

— Я чего думаю, — сказал Иван. — Вот мы жили себе, поживали в городе Кленске, в своем двадцать первом веке.

Митька скривился. — Хватит, Иваныч. Ей-богу, надоело.

— Нет, ну, правда. И вот, в один прекрасный день, забираемся втроем, я, ты и Санька, в какой-то подвал, с чудесной стеной, которая, куда её ткнешь пальцем, там и зажигается огонек.

И тут Саня, светлая голова, догадался, что огоньки эти следует зажигать не абы как, а определенном порядке.

— Да. Все так. Догадался, будь он не ладен, — тяжело вздохнул Митька и процитировал гнусавым голосом. — Комбинация семи световых пятен должна соответствовать расположению семи звезд созвездия Большой Медведицы, представляя, таким образом, схематичное изображение ковша.

— Смотри-ка, запомнил.

— Еще бы.

— И вот, набрав эту самую комбинацию в форме ковша, мы благополучно перенеслись из двадцать первого века куда-то в седую древность, где, влившись в ряды свободолюбивых предков, отражаем вместе с ними какую-то очередную агрессию каких-то очередных кочевников.

— Да, — подхватил Митька. — А на следующий день дорогой дураков отправились еще две наших современницы.

— Это ты про Дашу и Веру?

— А про кого еще?

— Ну, да, правильно, — согласился Иван. — И вот нас тут пятеро и как бы нам вернуться домой.

— Ну, и как?

— Не знаю, — раздраженно сказал Иван. — Не знаю и всё тут. Одно знаю, если где вдруг попадется эта световая комбинация в форме ковша, то нам туда. Другой зацепки нет.

— Да и эта тухлая, — Митька окончательно потерял интерес к осточертевшему разговору.

* * *

Говорили, что до Речицы осталось всего полдня пути, еще говорили, что дорога перехвачена сильным войском, мимо которого проскочить незамеченными нечего и думать. А между тем на хвосте отряда уже вторые сутки висела погоня, отставая на один-два перехода.

По всему выходило так, что завтрашний день должен был стать решающим, принеся спасение или гибель.

* * *

— Верка, буди своего витязя, — с грубоватой фамильярностью сказал Иван. — Говорить будем.

Вера мрачно посмотрела на Ивана и легонько толкнула спящего юношу в плечо. — Саня, проснись.

Юноша улыбнулся во сне и перевернулся на другой бок, просыпаться ему явно не хотелось, похоже он предчувствовал, что явь окажется хуже сна.

— Вставай. Саня, — повторила девушка и толкнула его уже посильней. Рука у Веры была тяжелая. Саня поднял голову. Склонившееся над ним лицо девушки было по-прежнему безучастно. Было в этой безучастности что-то, не то что оскорбительное, но обидное. В конце концов от женщины, которая с тобой спит чуть ли не каждую ночь, ожидаешь, пусть не любви, но какой-то теплоты, что ли. Однако с теплотой последние дни было совсем плохо. Отношения явно исчерпали себя, Саня, если уж быть честным, и сам не испытывал к Вере и сотовой доли того влечения, которое бросило их в объятия друг другу каких-то пару недель назад. Но признаваться в этом, даже себе, ему не хотелось. И все катилось словно по инерции, постепенно замедляя ход.

— Ребята зовут, — нашла нужным пояснить Вера. — Говорить о чем-то хотят.

— Да ну? — удивился Саня. Хотя, казалось бы, ничего не было удивительного в том, что его товарищи о чем-то хотят говорить. Однако за время, проведенное вместе с ними, он привык к тому, что Иван и Митька все что имеют сказать, говорят сразу, не особо, кстати, задумываясь о последствиях. Они вообще как-то слишком быстро приноровились к ритму здешней жизни, принимая все случившееся с ними как должное. Было похоже, что утрата привычного мира их совершенно не волнует. Поняв, что о возвращении в него не может быть и речи, они словно забыли о своем прежнем существовании.

Иван, который ни за что не хотел расстаться со своим черным пальто, длинным как кавалерийская шинель, с меховым треухом на голове, еще как-то выделялся на фоне местных обитателей. Правда, очутись он сейчас на улице родного Кленска, то всей дороги ему было бы до первого милицейского патруля. Потому что, кроме пальто и треуха, костюм Ивана гармонично дополняли боевой топор с оттянутым вниз лезвием и клевцом вместо обуха, тугой лук на правом плече, и колчан полный острых стрел на левом. Свои щегольские полуботинки, не выдержавшие тягот лесной жизни, он сменил на растоптанные, снятые с убитого буджакского сотника, ядовито-зеленые сапоги с загнутыми носами, с голенищами расшитыми бисером.

Но где тот Кленск? А здесь Иван чувствовал себя как рыба в воде. Судьба оставленной в городе семьи его, кажется, тяготила не слишком. Хотя вспоминал он её часто, но воспоминания его были беспечальны. Он был за спокоен за своих детей, давно выпорхнувших из родительского гнезда. И не переживал за жену, объясняя это тем, что она как бизнес-леди, вполне проживет и без него, до той поры пока представится случай к возвращению. А что такой случай представится, Иван, на зависть Сане, ни секунды не сомневался.

Натуральный кузнец, как себя называл Иван, а он действительно в Кленске был кузнецом, при чем кузнецом старого разлива, по сути кустарем-одиночкой, хоть и числился в городской налоговой инспекции под пышной аббревиатурой ПБОЮЛ, вообще, несмотря на угрюмость внешнего облика, обладал легким характером, на взгляд Сани даже чересчур легким. Он быстро обзавелся множеством друзей-приятелей, а пуще того, подружек, с которыми и проводил свободные от боевой страды ночи, словно трудолюбивый шмель

стараясь ни одну не обойти своим вниманием.

Естественно, что долго эта идиллия не могла продолжаться, так что, в конце концов, Ивана подловила родня очередной зазнобы, когда он, не мысля ничего худого, и насвистывая, по своему обыкновению, веселую песенку, возвращался под утро на родной бивуак. Встреча закончилась вничью. Иван отделался подбитым глазом и ухом, оторванным от шапки.

Воробей, который был в курсе всего происходящего в отряде, посоветовал ходить теперь с оглядкой, так как народ здешний тем и славится, что никогда не бросает начатого предприятия на полдороге и если уж решил кому-нибудь открутить башку, то непременно её открутит.

— Война всё спишет, — ответил неустрашимый Иван, на что воевода загадочно усмехнулся в рыжий ус.

Митька же, без сожаления расставшись в первые же дни лесной одиссеи с прежней одеждой, найдя её не слишком подходящей для условий партизанской войны, вместе с ней словно сбросил всё, что его связывало с покинутым миром, и теперь в широких бесформенных штанах из грубого полотна, заправленных в мягкие сапоги, сработанные из цельного куска кожи безвестным древнеславянским кутюрье, и в неладно скроенной, но крепко сшитой овчинной куртке, мехом наружу, выглядел так, будто и родился в этих лесах, в барсучьей норе. Да и не только выглядел, он и по хваткам во всем походил на ребят Воробья.

Ну, круглому сироте Митьке было особо не о ком горевать. В Кленске, насколько Саня мог понять, у него не осталось ни одной живой души, если, конечно, не считать за таковую душу хозяина салона фирмы Сименс на углу Нахичеванской и Красных Воздухоплавателей, где Митька в прежней своей жизни работал менеджером по продажам.

А вот у Сани всё было иначе. Случившееся он воспринимал как катастрофу. Каждую ночь ему снилось, что он по-прежнему обитает в своем времени и в своем городе, поэтому пробуждение вызывало у него чувство близкое к истерике. Но и наяву тоска не отпускала его, в голове бесконечно, словно рекламный ролик лохотрона, прокручивались события рокового дня, последнего в его нормальной жизни.

Теперь Сане казалось, что из всей череды прожитых им дней, этот день выделялся, как грязная клякса, которой обрывается недописанная рукопись со счастливым концом, которого ему не видать как своих ушей.

Он вспоминал этот день минуту за минутой, пытаясь найти какую-нибудь зацепку, которая могла бы привести к разгадке и указать дорогу к дому. Это занятие превратилось в привычку, почти в манию. Саня чувствовал, что если так будет продолжаться, то все кончится тем, что он сойдет с ума. Но поделаться с собой ничего не мог.

Вот и теперь, еще не проснувшись как следует, он принялся восстанавливать цепочку событий месячной давности и как всегда, безрезультатно.

Ответ снова не был найден, и Саня продолжал лежать с закрытыми глазами, надеясь, что, может быть, удастся уснуть снова и хоть на минуту перенестись в родной город.

* * *

Иван взглянул на Саню, лежащего с закрытыми глазами. — В прошлый раз ему,

помнится, голая стюардесса снилась.

— Не понял, — Митька, угрюмый черноволосый детина, с косою, как у Наполеона, челкой, спадающей на бледный высокий лоб, в последний раз ширкнул клинком по камню, и отложил меч в сторону. — Если голая, то почему стюардесса?

— Пилотка-то, говорит, на ней осталась, — ответил Иван. — И карамельками угощала. Взлетные называются. Ел когда-нибудь?

— Где уж мне, — ответил Митька. — Я на самолетах и не летал никогда, только на вертушке.

— Хрена ли, — посочувствовал Иван. — Трудное детство. Ну, еще полетаешь.

Тут Митька удивился по-настоящему. — Иваныч, проснись. На чем полетаешь? Откуда тут самолеты?

— Ну, не век же нам здесь вековать.

— Боюсь, что век, — невесело произнес Митька. Видя его грусть, Иван сменил пластинку. — А сейчас, как думаешь, что Саньке снится?

— Сам же говоришь, эротика.

— Нет, — въедливо сказал Иван. Эротика, это понятно. А вот конкретно, с какой барышней у него эта самая эротика происходит? С блондинкой, скажем, или с брюнеткой? Слушай, а может быть с рыженькой?

— С лысой! — буркнул Митька. — Ясно, что с рыженькой. С Веркой, то есть.

— Нет, — прозорливо сказал Иван. — Не с Веркой, иначе б не сидела она тут с таким печальным видом, а спала бы рядышком. Так что, ему брюнетка снится, не иначе. Какая-нибудь интеллигентная замечательная женщина, с высшим образованием и круглой попой!

Митька усмехнулся. Не в первый раз проявлял Иван чисто пролетарскую слабость к интеллигентным женщинам. — Да, Иваныч, мы-то с Санькой ладно, а вот ты попал.

— Это как же попал?

— Тут ведь интеллигентную женщину не легче найти, чем самолет.

— Опа, — озадачился Иван. — А ведь верно. Как же они без них обходятся? Да нет, слушай, так не бывает. Должны же у них быть там школы всякие. Учреждения высшего и среднего образования. Ну, эта, древнеславянская Сорбонна какая-нибудь. Черт, — видно было что затронутая тема была принята натуральным кузнецом близко к сердцу. — Да хоть ясли, на худой конец. Надо у Саньки спросить, он должен знать. — Иван, не откладывая дела в долгий ящик, повернулся к Сане и крикнул. — Подъем, Саня. Дело на миллион рублей.

Но Саня продолжал лежать, не открывая глаз. Зато из-за Митькиной спины, словно солнце над курганом, поднялась растрепанная голова Даши. Девушка потерла кулаком заспанное лицо и раздраженно пробормотала. — Да оставь ты его в покое, дядя Ваня. Дай человеку поспать. Да и мне заодно.

— А ты что же не человек? — котом впушил в неё Иван, который не упускал случая поспорить, было бы о чем, с умным собеседником.

— Человек, человек, — Даша поднялась, опершись на Митькино плечо, поглядывая вокруг быстрыми карими глазами, повязала голову платком и пошла в лес.

Митька вскинулся было следом, но услышав резкое: — Не ходи за мной, — снова опустился на землю.

Тебе эта барышня не надоела? — глядя в спину уходящей Даше, с присущей ему солдатской прямоотой спросил Митьку Иван Ермощенко, натуральный кузнец.

— Завидуем, дядя Ваня?

Иван, словно пойманный на чем-то предосудительном, заволновался и, чтоб занять руки, торопливо растянул перед собой потрепанное черное пальто, распоротое на спине молодецким, но к счастью, не точным ударом секиры, и, глянув его на просвет, вздохнул. Ни иголки, ни нитки у него не было.

Иван вздохнул еще раз, наморщил лоб и сказал. — Я не завидую. Мне смотреть на тебя жалко. Высох, почернел, как пень еловый.

— Высох? — Митька пожал широкими плечами.

Иван чувствовал, что говорит что-то не то, но, как это часто бывало в его не простой судьбе, остановиться уже не мог. — Димитрий, в таком состоянии ты не более чем пушечное мясо, пища для ворон. Пища, конечно, малокалорийная, но могу привести пример.

— Да не надо, — очевидно Митька знал, о каком примере идет речь, и напоминание это было ему неприятно. Но Ивана остановить было трудно, практически невозможно.

— А я приведу. Вчера, во время ужасной сечи, когда стрелы сыпались дождем, а кровь лилась рекой, ты о чем задумался? То есть, не просто так задумался, а вообще, отключился? Кабы не Ясь, Митя, да аз грешный, гуляли б нынче на твоих поминках.

Митька, которого эта печальная перспектива, судя по всему, пугала не очень, слушал, однако, внимательно. Он и сам уже заметил, что между ним и Дашей словно черная кошка пробежала. Слова же Ивана служили лишним тому подтверждением.

А ведь сначала все было по иному.

Стоило выдаться свободной минуте, и Даша буквально тащила Митьку куда-нибудь в кусты, провожаемая хихиканьем суровых дружинников, к которому, правда, примешивалась доля зависти. Особенно поначалу, когда женщин в отряде было еще немного. Надо признать, что картина и в самом деле была забавной. Рослый, длиннорукий Митька покорно влачился за деловитой и шустрой, как синичка, Дашей, стараясь приноровиться к её мелким, стремительным шагам, и от этого постоянно спотыкаясь.

Затем ветки смыкались за ними. Почувствовав себя скрытой от людских взглядов, Даша преображалась и коршуном бросалась на Митьку, со страстью, одновременно пугавшей и восхищавшей его. И вот это преображение всегда приводило к тому, что Митька, словно подхваченный смерчем, совершенно терял почву под ногами с тем, чтобы в итоге, вымоченным и выпотрошенным, вернуться на грешную землю в состоянии близком к коматозному. Надо ли говорить, что такой расклад его вполне устраивал. Более того, он позволял себе даже проявлять легкое недовольство, бравируя, наивный человек, своей пресыщенностью. Но, увы, длилось это блаженство недолго. Возможно, что если бы свидания были более частыми, Митька сумел бы во время уловить миг, с которого Даша начала охладевать к нему. Но кочевая, полная разнообразных опасностей, жизнь почти не оставляла времени не только на устройство личных дел, но даже и задуматься как следует было некогда. Поэтому все происходящее оказалось для Митьки неприятным сюрпризом.

Теперь он страшно жалел о том, что, всецело отдавшись пожирающему его желанию, так и не собрался просто поговорить со своей любовницей. Хотя, если взглянуть трезвым взглядом, то особой вины тут за ним не числилось. О чем можно разговаривать с женщиной, если даже звук твоего возбуждает её до крайности. Так что, естественно, до поры все разговоры ограничивались вздохами, стонами и тем немногим набором слов, которым обходятся люди в таких случаях.

Но теперь все это было в прошлом.

Теперь роли поменялись, теперь уже Митька, улучив свободную минутку, все старался

увести упирающуюся Дашу в укромное местечко. И суровые дружинники, лютые порубежники, ходившие по колена во вражеской крови, верхним чутьем сознавая глубину несчастья, постигшего их боевого товарища, отводили в сторону блудливые взоры, чтоб не оскорбить ненароком его чувств нечаянной усмешкой.

Да, пока еще Даша шла за ним, но словно по обязанности, и Митька отдавал себе отчет, что конец уже близок.

В человеческой природе заложено свойство, полагать источник своих бед всегда где-то поблизости, на расстоянии вытянутой руки, просто потому, что человеку, особенно сильному, трудно смириться с мыслью, что не все, происходящее с ним, ему подвластно. Что иногда борьба не имеет никакого смысла и способна только ухудшить ситуацию. А Митька, конечно, был сильным человеком, что бы там не буровил Иван про его истощенный вид.

Поэтому все его помыслы сейчас были устремлены на то, чтобы, наконец, поговорить с Дашей по душам. Митьке казалось, что стоит только объясниться с девушкой, и все вернется на круги своя. Это заблуждение поддерживало его дух и не давало впасть в полное отчаяние.

Однако Даша, как специально, избегала всяких разговоров, и после ставших теперь короткими любовных судорог, просто лежала рядом, и молчала таким молчанием, которое отшибало всякую охоту к беседам. Потому что говорить с ней было все равно, как говорить с придорожным камнем. Конечно, есть люди, мистически настроенные, способные вступать в диалог с неодушевленными предметами, но Митька был не из их числа.

В общем, Митька понимал, что Иван дергает его не из вредности, а, действительно, беспокоясь, понимая, что происходит что-то неладное, но от этого понимания ему было не легче.

Иван, словно прочитав его мысли, молчал.

Но разговор все-таки состоялся. И довольно скоро. Видимо девушки тоже ощущали в нем потребность. И как только Даша вернулась, они сами его завели.

Подруги сидели рядом на обрубке бревна, подпирая друг друга плечами. Первой слово взяла Вера. — Местные говорят, что завтра сеча великая будет.

— Да тут каждый день сеча, — сказал Иван.

— Ага, — Вера запнулась, но собралась с мыслями и продолжила. — Так вот, на тот случай если кого-то вдруг убьют, мы тут с Дашей посоветовались и решили, что кое-что должны вам рассказать. Заранее, типа. Только не перебивайте нас, пожалуйста. Вообще-то, это только Сани и Митьки касается... — тут Вера замолкла, выжидательно глядя на Ивана, давая, вероятно, ему шанс проявить деликатность и удалиться.

Но не на того нарвалась. Иван поерзал задом, устраиваясь поудобней на еловом пне, и доброжелательно кивнув, произнес. — Как вы, девы, наверное могли заметить, там, где находимся, ситуаций, кроме экстремальных, не бывает. А в таких ситуациях личное отступает перед общественным, иначе говоря, налицо совпадение интересов каждого члена коллектива с интересами всего коллектива. И наоборот. Если же член коллектива мыслит, что его интересы с интересами коллектива расходятся, то, значит, мыслит он не правильно.

Даша, нехотя улыбнулась. — Пусть сидит. Тебе подруга этого златоуста не переговорить.

Вера недоуменно подняла соболиные брови, но, сообразив, вынуждена была согласиться. — Ладно, пусть сидит. Но молча!

— Молчу, молчу, — поторопился засвидетельствовать свою лояльность Иван, всем своим видом изобразив христианское смирение перед разгулом феминизма.

Конечно, никого такое показное смирение не обмануло, но Вера, уже не обращая на Ивана внимания, стала рассказывать, о том, что подружки испытали, когда выбравшись из погребца, обнаружили, что очутились в неизвестном мире. Промежуток времени от этого момента, до того, как они снова встретили Саню с Митькой и Ивана, занимал неполные двое суток, но вместил в себя не мало.

О своем пленении сексуально озабоченными буджаками девушки, в общих чертах, рассказывали и раньше, так же как и о том, как им удалось спасти из плена, благодаря старому Волоху и Тахе-лучнице, его таинственной спутницы с замашками лесной амазонки. Тогда этот рассказ походил на описание игры в Зарницу, все жестокие и непристойные детали его были опущены.

Но с той поры прошло достаточно времени, чтобы девушки смогли прийти в себя и восстановить душевное равновесие. Но не это, конечно, было причиной их откровенности, просто в них постепенно нарастала уверенность в необходимости поделиться со своими спутниками мучительными догадками и предположениями, в расчете на то, что те помогут распутать клубок. Кроме того, сыграло роль и то, что происшествие касалось Митьку и Саню напрямую. Ну, а присутствие Ивана переводило беседу в деловую плоскость, не давая ей превратиться в простое выяснение отношений или что-нибудь подобное.

Надо сказать, что именно Иван, который больше ни разу не прервал Веру до самого конца, первым осознал сказанное и уловил его суть.

Когда она замолчала, он отбросил веточку, которую рассеяно крутил в руке на всем протяжении рассказа и произнес. — Значит, вот как я это дело понимаю. Если что не так, поправьте. Стало быть, этот Волох спас вас не просто так.

— Ну, да. Про то и речь, — подтвердила Даша, с надеждой глядя на кузнеца.

Сперва-то она все глядела на Митьку, но тот только то краснел, то бледнел, морщась и корчась под грузом тяжелой правды, так что, в конце концов девушка преисполнилась к нему легкого презрения и отвела взгляд.

Между тем Иван продолжал рассуждать. — И так выходит, что этот Волох был натуральным волшебником. В прежние времена я бы посмеялся, но сейчас мне что-то не смешно. Потому как сюда мы тоже попали непонятно как, словно по щучьему велению. Так почему же и этому Волоху не быть волшебником?

— Волхв, — вставил Саня, реакция которого на рассказ была примерно такая же как у Митьки, но оправился он раньше.

— Чего? — переспросил Иван.

— Волхв, говорю. Так их называли в древности, ну, что-то среднее между жрецом и колдуном. Иначе говоря, ведун или ведьмак.

— Ох, что-то много титулов, — с сомнением сказал Иван, у которого были некоторые основания со скепсисом относиться к Саниным познаниям в истории. Ведь тот, хоть в прошлой жизни и учился на третьем курсе исторического факультета, так и не смог точно сказать в какое время они попали, и какой еще новой напасти ждать им на свою голову.

— Ладно. Пусть волхв. Но какой бы он ни был волхв, а от смерти не заколдовался. И вот, почувал он свою смерть, а силы ему девать некуда. Тут вы и подвернулись.

— Как две лохушки, — печально подтвердила Вера.

— Ну, почему же лохушки? — поспешил утешить её натуральный кузнец. — Что ни делается, девушки, все к лучшему. В общем, — тут он запнулся, но, чувствуя, что сейчас не время разводить церемонии, договорил до конца, — я так понимаю, что Волох этот с вами

переспал и тем самым, якобы, передал вам свою силу. С тем, значит, чтоб вы, в свою очередь, поделились ею с кем-нибудь еще, тем же способом.

— Бред, — сказал, как отрезал Митька, вперившись испепеляющим взглядом в Дашу. — Вот взяли наши овечки и прямо так легли под шарлатана. Он вам гебралайф часом не предлагал?

— Не предлагал, — выдержав его взгляд, ответила Даша. — Мы свое рассказали, а уж верить или не верить, ваше дело.

— Во, — добавила Вера. — Правильно. Думайте, мальчики. Для особо же одаренных повторяю, опоил он нас. Не ведали, что творим. И все об этом.

Иван посмотрел на поникших Саню и Митьку и улыбнулся безжалостной улыбкой.

— Думать, пока что, кроме меня тут некому. А я так думаю, что девушки правду говорят.

— Ну, правду, — уныло произнес Саня, у которого последние известия напрочь отбили аналитические способности. — Нам-то с этого какая корысть?

— Ты чего, Санек? — удивился кузнец. — Как это какая? Самая, что ни на есть прямая. Ведь получается, что барышни эту силу волшебную вам передали.

— И где же она? — тупо спросил Саня.

— А вот, — натуральный кузнец внезапно кинул в лицо юноши сосновую шишку, которую до того крутил в руках.

Саня, не глядя, поймал её.

— Вот, — удовлетворенно сказал Иван. — Реакция как у боксера. Хорошо.

— Да он всегда был шустрый, — заступился за товарища Митька.

— Помню его шустрость, — закивал головой Иван, с такой силой, что ушанка съехала ему на глаза. — Вспомни и ты. Ботаник он был натуральный. А сейчас, месяца не прошло, и смотри, какой орел стал. Мечом рубит, на коне скачет. Ходит... как снежный барс ходит. Другой человек! Гойко Митич!

— Какой еще Гойко? — уныло спросил Саня, который в этот момент представлял опоенную Веру в лапах таинственного Волоха, и на снежного барса не походил.

— Индейский герой югославского народа, — бодро ответил Иван.

— Актер такой был, — сжалился над темнотой друга сердобольный Митька. — Все индейцев играл. Однако, Иваныч, что-то не то ты говоришь.

— То, то, Митя, — уверенно ответил Иван. — Всё то. Теперь тебя взять. Ну, ты, конечно, к моменту нашего знакомства смотрелся представительней. Десантура, то-сё. Однако, признай, одно дело финкой махать, а другое дело мечом. Да, вот, полюбуйся, — тут Иван выразительно посмотрел туда, где перед невозмутимым как всегда Ясем, разбившись на группы по два-три человека, топтались древнерусские курсанты, усердно молотя друг друга палками.

— Прикинь, половина из них пришла одновременно с нами, кто и раньше. При чем, это ж местные, какое-то понятие об обращении с холодным оружием должны иметь? А им еще учиться, учиться и учиться, как завещал Ильич, еще даже, так уж получилось, до своего рождения.

— Да мне бы тоже не помешало, — честно сказал Митька, признавая в глубине души правоту натурального кузнеца. Действительно, его и самого удивляло то, как он быстро освоился с незнакомым прежде оружием. Было в этом, и в самом деле, что-то непонятное. — Ладно, пусть. Предположим, ты прав. Но, а сам ты, Иваныч? С тобой-то никто никакой

мощью колдовской не делился. А ты, между тем, тоже не плохо освоился.

— Милый ты мой, — воодушевился Иван, радуясь тому, что на такой вопрос у него есть достойный ответ. — Да я с детских лет железа из рук не выпускаю. Сравнил тоже. Меч-то он всяко легче молота.

— Легче-то легче, — Вера с подозрением взглянула на благодушное лицо натурального кузнеца, который, поежившись под её взглядом, предположил. — Ну, может быть, и мне кой чего перепало. Мне ведь с местным населением приходится контактировать.

— Это как же контактировать? — вкрадчиво спросила Даша.

Митька, хорошо представлявший какого рода контакты имеет в виду Иван, хмуро усмехнулся. Ивану его улыбка не понравилась. То есть, в своих ночных похождениях натуральный кузнец ничего предосудительного не видел, но обсуждать их с молодняком, которому он, как ни крути, был все-таки старшим товарищем, можно даже сказать наставником, не хотелось. Но желание прояснить обстановку превозмогло и Иван сказал. — Чего уж, неужели не ясно? Контакттировать, то есть, на предмет любви и дружбы. Я тоже живой ведь человек, пока что.

— Ясно, — сказала Даша. — Живой, кто же спорит. И что?

Иван же, не отвечая, распушил широкой пятерней бороду и уставился на Дашу округлившимися глазами. Внезапная мысль поразила его. Вернее даже не мысль, а жизненное наблюдение, которому он до этого разговора не придавал значения.

Если еще точнее, то не то что не придавал значения, а напротив, принимал как должное, что и понятно, ведь ничто не принимает человек с такой царской небрежностью, как подарки судьбы. А чем как не подарком судьбы следовало считать Ивану внезапно обнаружившиеся у него невероятные способности по мужской части.

Собственно, им и был обязан Иван своими ночными отлучками, потому как еще не прошло испытываемое всякий раз чувство новизны, упоительное, как нежданно-негаданно возвращенная молодость. И женщины, которых немало прибилось к дружине Воробья, а были среди них и безмужние, а больше вдовы, безошибочно угадывали исходящие от Ивана токи и охотно шли к нему навстречу. Впрочем, были и такие, которые, словно угадывая что-то неправильное, опасное, отшатывались от него, но таких было не много, обычно Ивану легко удавалось договориться. Чаще всего все происходило на первом же свидании, которое нередко затягивалось до утра, а второго свидания уже не бывало. Не из-за непостоянства Ивана, из-за чего-то другого, но, чего именно, было непонятно. После ночи проведенной с ним, избранницы Ивана начинали обходить его стороной, хотя и сохраняли дружеское к нему расположение и даже иногда служили посредницами между ним и своими подругами, очевидно, не испытывая никакой ревности. Причины такого странного поведения выяснить не удавалось, женщины на эту тему говорить не желали. И только одна, в которую, кстати, Иван уже почти приготовился влюбиться, уж больно она была хороша, сказала ему, торопливо обвивая стройный стан узорчатым пояском и отряхивая травинки с измятого подола, чтоб на следующую ночь её не ждал.

— Почему ж так? — с легкой обидой спросил Иван, собирая, разбросанные вокруг места происшествия, меч, топор, щит, колчан со стрелами и прочую свою военную амуницию.

— А все уже было, — так же легко ответила женщина, словно не она каких-нибудь четверть часа назад стонала, распростершись под его тяжелым телом.

— Так уж и всё? — усомнился Иван, но ответить ему было уже некому, женщина ушла.

Конечно, свою несвоевременную прыткость на фронтах сексуальной революции, давно, еще на заре его биографии, казалось бы, отгремевшей, можно было оправдывать командировочным синдромом, то есть, отдалением от семейного очага и возникшим от этого чувства вседозволенности, а так же тем, что обстановка на театре настоящих, а не в переносном смысле, боевых действий влекла за собой небывалую простоту нравов. Но прочее не поддавалось никакому, даже такому хлипкому, разумному объяснению. Оставалось предположить, что наследство Волоха не миновало и самого Ивана. Но каким образом?

Об этом Иван и гадал, уставясь на Дашу округлившимися от напряженной работы мысли глазами.

— Чего замолчал, Иваныч? — наконец спросил Митька, наскучив долгим молчанием.

— Задумался, — буркнул Иван, приходя в себя. — Ладно, все равно мы тут ничего не надумаем. Варианта нет. Только чую я, что эта колдовская сила еще себя окажет. А к добру или к худу, того не ведаю.

И еще, ребята и девчата. Я тут вижу, что между вами что-то разладилось.

— Видишь? — холодно переспросила Вера.

— Вижу, да. Так вот, думаю, ничьей вины в том нет. Та сила, которая вас друг к другу притиснула, теперь вас же друг от друга и отталкивает. Действие равно противодействию, кто физику знает, должен понимать.

Любовь же, она как танец, шаг вперед, два шага назад. Один напирает, другой уступает, и обратно. Отступавший напирает... напирющий отступает, так и прикипают. А если оба напирают, то чего уж. Звук, конечно, громкий и чувство яркое, но только кончается это быстро.

Потому, не гоните лошадей, чтоб, значит, без эксцессов. А то начнете сейчас виноватых искать.

Иван замолчал, вытер шапкой выступивший на лбу пот и повторил. — А виноватых нет.

— Спасибо, утешил, — сказал Митька. — А нам-то что делать?

— Ничего не делать. Не наш ход, ребята.

— А чей же тогда, дядя Ваня? — спросила Даша.

Иван уставший от разговора, как от тяжелой работы, так словно всю дорогу рыл какую-то бесконечную траншею, подозревая в словах Даши подвох, нехотя повернул к ней голову. Но девушка смотрела серьезно, и тогда Иван так же серьезно ответил. — Не знаю, Даша. Но по всему так получается, что нынче ход за нашим воеводой.

Глава двадцать первая

Воевода Воробей поднял веточку и, разровняв песок ладонью, принялся чертить на нем. — Буджаки шли так. Вот, — он провел извилистую черту, — стало быть, порубежье, так вдоль него. — Он показал, как шла кавалерия степняков, словно разделочным ножом вспарывая границу готфских владений. — У Червень-города они встали, — кончик ветки с силой копнул песок, обозначая местоположение Червень-города, судьба которого доселе оставалась неизвестной. — И уже от него кинулись всей силой на Залесье, а нам досталось, можно сказать, охвостье.

— Почему ж так? — недоверчиво глядя на песочную карту, спросил Плескач.

— Не почему, а радоваться надо. Потому что, кабы не это, то тут бы под каждым деревом сидело по буджаку, а под которыми и не по одному. Выдричам же и охвостья с лихвой хватило.

— Кончились выдричи, — кивнул Ясь.

— Что мелешь, парень? — обиделся старшина Плескач. — Я еще жив.

— Ну, это дело поправимое, — философски изрек Воробей, подмигивая Ясю. — К тому же, какой ты выдрич? Ты, Плескач, лесовик. А вас, лесовиков, и в хорошие времена мало кто за выдричей считал, теперь же и подавно.

В словах Воробья была определенная доля правды. Формально род лесовиков принадлежал к племени выдричей, поэтому они неизменно присылали своих людей на общую сходку, но этим их участие в жизни племени и ограничивалось. Образовались же лесовики несколько поколений назад, в лихие времена готфского завоевания, когда в вдребезги разбитым выдричам пришлось сложить оружие перед войском готфского рекса Фелигунда. Но сложили оружие не все. Небольшая часть самых отчаянных прорубилась сквозь железные шеренги готфских полков и забились в глухой угол Замлынских лесов, отгородившись ими как стеной от всего света. Потомками этой горстки недобитков и были лесовики, как их с тех пор стали называть. Так они и жили, недостижимые для всякой власти, промышляя охотой и бортничеством. Однако вездесущие буджаки добрались и до них. Прикинув, что на этот раз отсидеться в глухомани не удастся, лесовики в одночасье снялись, и старшина Плескач повел их на север. Они перекинулись на другой берег Млочи, туда, где в деревянных городках жило сильное племя любовян, и обнаружили, что оно уже под буджаками. Это обстоятельство не смутило Плескача, захватив врасплох, он поголовно вырезал гарнизон захватчиков в главном городке любовян, побрал всех, какие попали под горячую руку, лошадей и, посадив своих людей на телеги, пошел левобережьем, снова на север. И, сам того не ведая, попал в кашу, круто заваренную здесь Воробьем, против которого со всех сторон стягивались многочисленные отряды степняков. Последовало несколько схваток с переменным успехом и, наконец, Плескач снова ушел в леса, где и наткнулся, неделю назад, на Воробьеву дружину.

Людей у Воробья было больше, а главное, молва о его делах гремела по всему краю. Поэтому Плескач, поразмыслив, признал его за старшего, оговорив, впрочем, известную свою самостоятельность.

Воробью такое пополнение было кстати, однако, насчет лояльности лесовиков он не питал лишних иллюзий, зная их переменчивый и гордый нрав.

— Ладно, — сказал воевода. — Кто выдричи, а кто лесовики, будем разбираться в

Речице. Но туда надо еще идти. Вот она, Речица, — Воробей положил плоский камень возле извилистой черты, обозначавшей Млочь. — Вот, стало быть, мы тут, — он снова копнул прутиком, взрыхлив песок. — А вот тут лес уж кончается, — еще одна черта, на этот раз поперечная, украсила чертеж. — Дальше до самой крепости голое место. Вот на этом самом месте и ждут нас буджаки.

— Сколько? — спросил Плескач.

— Немного, тысячи полторы. Обойти их не получится.

— Мне-то про тебя другое говорили, — подивился Плескач. — Никак боишься чего?

Размечем как солому.

Ясю такая речь показалась обидной и он окинул неприязненным взглядом скорого на язык старшину, но ничего не сказал. Воробей же, почесал бороду, вздохнул, и произнес увещательно. — Не размечем, Плескач. Это не та шваль, с которой ты имел дело. Это коренное войско, они твоих звероловов перещелкают на раз. Но пусть о них у тебя голова не болит. У тебя будет другое поприще. Смотри, — Воробей снова склонился над своим чертежом. — Это бы все ничего, но за нами по берегу идет еще один загон, и он никак не меньше того, который перед нами. А скорее и побольше. Вот здесь ты его встретишь. С одной стороны топь, с другой — река, тут им деваться некуда. Станешь на засеках и будешь держаться до моего слова.

— Ага, вот значит как, — Плескач, наморщив лоб, напряженно всматривался в чертеж, что-то соображая. Вид его утратил прежнюю воинственность. — На убой нас ставишь, воевода?

— Ну, не всех, — успокоил Воробей. — Но правды от тебя не утаю. Будете стоять крепко, половина твоих ляжет.

— А не будем?

— Все ляжете.

— Когда ждать буджаков?

— Один день у нас есть.

— Ладно, — не меняя выражения лица, кивнул Плескач. — Домашних наших в Речицу проводишь, если что?

— В том не сомневайся, со всеми пойдут. — Воробей отвернулся, давая понять, что разговор окончен, но Плескач окликнул его.

— Что еще?

— Просьба есть.

— Говори.

— Этот, долговязый, — тут Плескач ткнул рукой в сторону Ивана. — Пусть с нами идет.

— Эге, — догадался Воробей. — Уж не твоих ли родовичей он помял ночью темною?

— Моих, — легко признался Плескач. — Так даешь долговязого?

— Зарежете ведь мужика, звери лесные, — мягко попенял Воробей. — Где ж это видано, чтоб за побои головой выдавать? Вира непомерная.

— Буджаки зарежут, если на то попущение будет. А нам это ни к чему. Нам он на засеке нужен, деревья валить. Да и потом, на что другое авось пригодится. Тебе же в поле от него проку мало.

— Не скажи. Человек в любом месте полезный, — не согласился Воробей, однако подумал еще и махнул рукой. — Забирай.

Когда Плескач ушел, Ясь спросил воеводу. — А чего бы нам сейчас не ударить? На тех

что перед нами?

— Хорошо бы, — ответил Воробей, явно отгоняя от себя соблазнительную мысль. — Но вдруг увязнем? А тут те, другие, подойдут. Зажмут, кости затрещат. И еще одно, ты думаешь, только мы по лесам шатаемся?

— Ну, не всех же буджаки выловили.

— Не всех, — согласился воевода. — Об них тоже попечение надо иметь. Пока буджаки нами заняты, глядишь, кто и вывернется из-под Морены. Вон, тот же Плескач, понимает кому спасением обязан, потому и не гавкал много. А я ведь его, почитай, что на верную смерть послал. Но так хоть семьи могут уцелеть, а без нас всем до единого крышка. Но и наше время вышло, потому завтра или будем живы в Речице или здесь кости сложим.

* * *

Сказано сделано. Не прошло и часа, как воевода отозвал Ивана в сторону. — Пойдешь к Плескачу, на засечный бой.

— Ясно, — сказал Иван. Воробей с сомнением посмотрел на него. — И что же тебе ясно?

— С Плескачом идти.

— Там и знакомых встретишь... — задумчиво произнес Воробей.

Иван насторожился. — Да у меня тут, воевода, почитай все знакомые.

— Помнишь ночью побить тебя хотели?

— А, — догадался Иван. — Так это люди Плескача были?

— Они самые.

— Думаешь, убить хотят?

— А кто ж их лесовиков знает. Своих дорого ценят, чужих дешево. Вот и смекай.

Иван думал отшутиться, но серьезный вид воеводы к шуткам не располагал. — Присоветуешь что?

— Возьми с собой кого, чтоб спину прикрыл, на всякий случай.

Иван что-то прикинул в уме. — Митьку возьму.

— Митьку я тебе не дам, — твердо сказал воевода. — У него тут дело будет. Второго бери.

— Саню, что ли?

— Его. А хочешь вон, тех, — воевода мотнул головой в сторону подопечных Яся. — Выбирай любого.

— Ладно, — сдался Иван. — Тогда Саню.

* * *

— Все, братцы, — сказал Иван, вернувшись к костру. — Стирайте подштанники, завтра баталия. И воевать нам её розно. Димитрию идти с кавалерией на Речицу. Мне же с Саней велено быть при арьергарде, на засеках. Отправляться, как солнце зайдет. Так что часа два на прощание имеется.

— А нам куда? — спросила Даша.

— В обоз, куда ж еще, — пожал широкими плечами Иван. — Ну, неизвестно, где еще будет веселей. Я же посплю. Так что, Саня, разбудишь, в урочный час.

Сказав это, Иван расстелил пальто возле костра, кряхтя, лег на него, надвинул шапку на лицо, со сладким стоном потянулся всем телом и через минуту захрапел.

— Лихо, — сказал Митька, глядя на него. — Вот он был, и вот уже его нет с нами.

Остальные молчали, переваривая известие о завтрашнем сражении.

Тихая поляна ожила. Одни, как Иван, заваливались спать, полагая, что такого случая теперь долго не представится, другие, сбиваясь в кучки, о чем-то оживленно беседовали. Где-то, словно заразившись общим беспокойством, пронзительно заплакал ребенок, за ним еще один. На них прикрикнули.

Митька поднялся и пошел к костру, возле которого сидели дружинники, которых эта суэта словно не касалась. Через минуту он вернулся и сказал, глядя в огонь, будто надеясь увидеть там свое будущее. — Все точно. На закате выступаем. Дружина пойдет вперед, за ней обоз. Плескач же останется рубить засеку. Что-то у меня предчувствие нехорошее.

— А у меня хорошее, — спокойно сказала Даша, беря его за руку. — Пошли, Митя.

Оставшись с Верой наедине, если не считать спящего мертвым сном Ивана, Саня ощутил в себе странную зудящую пустоту, такую, какую наверно чувствуют лес, покинутый птицами и прочими своими обитателями, когда одни комары, еще не понявшие что произошло, выются, как ни в чем ни бывало между стволов.

— Что молчишь? — спросила Вера, чье лицо в отсветах огня приняло медный оттенок.

— А чего говорить?

— Ну, раньше-то ты знал — чего.

— Так то раньше, — теперь Саня почувствовал раздражение, словно девушка пыталась его одного сделать ответственным за то, что происходило с ними обоими.

Вера, которой иногда удавалось угадывать его настроение, не стала длить бесполезный разговор. — Ну, пойду прогуляюсь тогда. А то тут слушать, как Иваныч храпит, как-то не охота.

Она встала и, поправив платок, пошла, не оглядываясь, в лес, где незадолго перед тем скрылись Митька и Даша.

Саня, уловив в её словах приглашение, все же идти за ней не торопился. Взгляд его бездумно блуждал, выхватывая детали происходящего вокруг. Он словно впервые видел все это, словно не было месяца совместных блужданий по лесам. Короче, Саня смотрел глазами городского парня, живущего в двадцать первом веке. Картина открывалась фантастическая, которой не увидишь ни в одном блокбастере. Нет, конечно, реквизит, все эти костюмы, оружие, лошадей, подобрать было бы не сложно. Но, где найти столько гениальных актеров, способных с максимальной естественностью сыграть всех этих людей? Сыграть самого его, Саню Тимофеева, может быть в последний день его жизни.

Тут до Сани дошло, что у фильма, воображенного им, вряд ли предполагается хэппиенд. Мысль эта подняла его наконец с земли и погнала в лес, на поиски Веры.

И вот тут, как это сплошь и рядом бывает, пришлось сильно пожалеть, что с опозданием он откликнулся на зов женского сердца, потому что Вера пропала, хотя пропадать ей было особо некуда. Лес был чистый, почти без подлеска, и стволы могучих деревьев стояли на достаточном удалении друг от друга, так что просматривался он кругом шагов на двести.

Остывающие лучи предзакатного солнца пронизывали его насквозь. Между стволов, отбрасывая длинные тени, словно души неприкаянных грешников, бродили парочки,

высматривая уединенные места, но, осознав тщетность этих поисков, вдруг падали наземь и высокая трава скрывала их от посторонних взоров.

Осторожно обходя их, Саня продвигался вглубь леса, и совсем уже было отчаялся, как вдруг услышал знакомый голос.

Сделав еще шаг он увидел Веру. Девушка стояла спиной к стволу и негромко смеялась, слушая что-то, что так же негромко, но убежденно и с большим жаром говорил ей статный добрый молодец, то и дело, видимо, для пущей убедительности своих слов хватаящийся за рукоять меча, висевшего в богато изукрашенных самоцветах ножнах.

Однако одежда выдавала в нем вчерашнего землепашца. Вообще было непонятно, чего он тут делал один, Саня списал это на извечный закон подлости, по которому, стоит между влюбленными появиться малейшей трещины, как в неё незамедлительно втискивается какой-нибудь паразитический организм, питающий свое удовольствие на чужом горе.

Можно было не церемониться. Хотя парень был на голову выше его и заметно сильнее, Саня, не таясь, подошел и, отодвинув предполагаемого соперника плечом, встал между ним Верой, лицом к девушке. Услышал, как спиной негромко заскрежетал меч, вытягиваемый из ножен, и, не оборачиваясь, произнес то, что по его разумению надлежало произносить в подобных случаях. — И думать не моги.

— Ах, — сказала Вера, смотря, между тем, в глаза Сани шалым взглядом. — Знать не судьба. Прости, Панюшка, злобный муж и все дела. Авось, еще увидимся.

Снова негромко заскрежетала сталь. Меч вернулся на своё законное место. Парень отступил и сказал, то ли с угрозой, то ли с надеждой, а может быть и с тем и другим вместе. — Будь по-твоему, еще увидимся.

И словно растворился в загустевшем воздухе, во всяком случае, шагов его Саня не услышал.

— Ну, вот, — сказала Вера, — все свидание расстроил. Спасибо тебе большое.

— Не за что, — придвинулся ближе Саня, чувствуя прикосновение её тугой груди, обтянутой грубой холстиной платья.

— Зачем искал-то?

— А то ты не знаешь?

— Не знаю. Может, объяснишь?

— Сейчас, — Санины руки привычно легли на бедра девушки, задирая платье.

— Какой прыткий, — Вера еще говорила как бы свысока, но уже перешла на шепот. Паузы между словами, и то как она их произносила, имели только один смысл, проникшись которым Саня действовал уверенно, но неосмотрительно, и, обнажив девушку, попытался сразу овладеть ею, прижимая к шершавому древесному стволу, отчего та взвизгнула и довольно грубо оттолкнула Саню, но затем, словно извиняясь за грубость, погладила по щеке. — Подожди.

Торопливо расстелив свое платье на траве, Вера легла на него и потянула Саню за рукав. — Иди ко мне.

Саня, в котором природная смешливость победила раздражение, улыбнулся против воли и плюхнулся рядом с Варей, на лету стаскивая рубаху через голову.

— Не сердись! — возликовала Вера, искоса глядя хитрым зеленым глазом. — Умничка!

— Это ты умничка, — с особой, свойственной только влюбленным, горячностью

тупостью просипел Саня, подкатываясь под Верин жаркий бок и норовя поймать губами её пляшущий перед его глазами розовый сосок.

— Оставь, глупый, — промурлыкала Вера, видимо не расположенная к долгой прелюдии, и обвив Саню сильными, гладкими руками, притянула на себя, как какой-то неодушевленный предмет. Но смутило Саню не это, а запоздалое прозрение насчет того, что Верина готовность к амурному действию очень может быть, что вызвана её беседой с недавним незнакомым нахалом. Подлая мысль вспыхнула в мозгу и тут же погасла, словно смытая морскими теплыми волнами, которые принялись укачивать обнявшихся любовников.

Спустя какое-то время Саня заметил, что Вера, чуть отворотив голову, в венце рассыпавшихся рыжих волос, посмеиваясь, смотрит куда-то в сторону.

Проследив за её взглядом, он с немалым удивлением увидел буквально в десяти шагах атлетическую фигуру голого Митьки, который с торжественно-отрешенным, как у пианиста, лицом, стоя на полусогнутых, мерными движениями таранил, левой рукой придерживая за талию, Дашу, которая, согнувшись и обхватив руками березовый ствол, постанывала в такт. Правой же рукой он держал ее за косу, словно боясь, что девушка вдруг сорвется и убежит.

— Слона-то я и не заметил, — пробормотал Саня, несколько уязвленный тем, что Вера отвлекается на такие пустяки.

— Не останавливайся, — попросила девушка и, все еще улыбаясь, закрыла глаза.

* * *

Летняя ночь была на исходе. Но ночная прохлада еще освежала потные, облепленные древесной трухой, лица работающих.

— Хорош, — крикнул Плескач, и с размаху воткнув топор в поваленное дерево, сел рядом с ним. — Разберись, ребята.

Молчаливые лесовики, среди которых затесалось несколько женщин, решивших разделить судьбу своих мужей и братьев, тихо рассредоточились вдоль засеки, сооруженной ими за одну ночь. Она представляла собой вал выше человеческого роста, сложенный из срубленных деревьев, длиной где-то шагов под триста. Один конец его, как и говорил Воробей, упирался в обрывистый речной берег, а другой в непроходимое болото.

Саня честно махал топором со всеми, и сначала даже умудрялся беседовать с Иваном, надоедая ему рассказом о том, что каждый римский легионер обязан был носить собой несколько кольев, для строительства, в случае надобности, укрепленного лагеря. При чем колья эти были не гладкие, а обязательно с оставленными на них обрубками веток, благодаря чему сплетенная из них вокруг лагеря изгородь получалась крепкой, и её, по крайней мере, нельзя было уже растащить голыми руками.

Однако непривычная работа быстро утомила Саню, на ладонях вздулись волдыри, так что Ивану пришлось замотать их тряпками, и уже до самого отбоя Саня не проронил ни слова.

Зато потом дал волю гневу. — Черт знает что такое, — бормотал он, потуже затягивая сбившуюся повязку. — Я ж теперь меча не удержу.

Иван всматривался в полосу тумана, протянувшуюся параллельно засеке. — Ничего. Как до дела дойдет, удержишь.

— Иваныч, смотри, — Саня протягивал перед собой руки. — Трясутся как с похмелья.

Не, ну можно было ведь как-то разделить людей, что ли. Чтоб те кто к мечному бою способен, рук не портили. Вон сколько народу праздного было. Где они все, колхозники эти?

— Вот, — оживился Иван. — Вот они, значит, где, зачатки крепостного права. Ты у нас, стало быть, белая кость, предназначенная исключительно для воинской потехи, а как пахать, так на то есть черная кость. Я правильно излагаю?

Подавленный этой наглой демагогией, Саня обиженно замолчал, но не надолго.

— Слушай, Иваныч. Я тут думал о том, что девчата рассказали, а ведь они точно правду говорят.

— Тю, — удивился Иван. — Только сейчас дошло? А я что талдычил?

— Да нет, послушай. Тут еще один довод есть. Язык-то мы понимаем. Правильно? И говорим на нем. А он ведь не русский.

— Ой, ну, разница-то не велика.

— Да это тебе кажется, что не велика. Разница большая. Хорошо если треть слов знакомая. Ты просто внимания не обращал, а я сейчас прикинул. Вот скажи, ты украинский за сколько времени можешь выучить?

— А чего мне его учить? — еще раз удивился Иван. — Я его и так знаю. Сейчас, правда, подзабыл.

— Тьфу ты, Господи. Ну, а тот кто не знает, за сколько он его выучит, чтоб свободно говорить?

— Этого не знаю. Год, полтора, наверное, хватит.

— Вот! — торжествующе сказал Саня. — А нам недели хватило. Понял теперь?

Словно разряд электрического тока пробежал по засеке. — Идут!

И точно. Жиденский туман плавающий между деревьями словно загустел какой-то чернотой, в которой скоро проступили очертания всадников. Достигнув полосы, очищенной от леса, буджаки остановились. Но трое верховых продолжали неторопливым шагом двигаться вперед.

Плескач натянул лук, и когда до всадников оставалось шагов тридцать, пустил стрелу. Тот в кого он целился, рослый, закованный в пластинчатую броню витязь, увенчанный султаном из конского хвоста на медном шлеме, принял стрелу на щит. И тут же, закинув его за спину, поднял лошадь на дыбы и поскакал обратно. Двое сопровождающих повторили его маневр. Вслед им полетело еще несколько стрел. Один из всадников скособочился, роняя поводья, но удержался в седле. Буджаки на секунду расступились, пропуская его внутрь строя.

— Бошки береги, — крикнул Плескач, воздух потемнел, и стрелы, словно дождевое облако, накрыли засеку. Закричали первые раненые. Затем все стихло, так же внезапно, как и началось.

— Неужто в конном строю атаковать будут? — вслух подумал Иван, и в этот момент откуда-то сбоку, из-за спины недвижимой конницы, хлынули пешие степняки. Ничем незащищенные, кроме легких, чуть ли не из камыша плетенных, щитов, первые ряды почти поголовно легли под стрелами, но идущие за ними, добежав, облепили засеку, как муравьи, остервенело продираясь сквозь колючее месиво веток и стволов, в которой они шли по грудь, словно в глубокой воде. И странно было видеть, что убитые не падают, а остаются стоять, прихваченные ветками.

Лесовики, побросав луки, взялись за рогатины.

В это же самое время обоз, конвоируемый сотней пеших ратников под командой Яся, выехал из леса. Вереница повозок, с женщинами и стариками, сидящими на кучах поклажи, растянулась по луговине, на другом конце которой, в мелколесье, затаились буджаки.

Предводитель загона Батурма решил кончить дело одним ударом и повел своих людей в атаку.

Ясь, ожидавший этого, обложился повозками, обрубил построшки и ошестинившись копьями, встал на отбой. Первый натиск конницы, не ожидавшей такой прыти, был довольно легко отбит. Но после того дело приняло крутой оборот, засыпаемые стрелами ополченцы отсиживались под повозками, выскакивая оттуда чтобы отразить очередной приступ. Долго это продолжаться не могло, все чаще степнякам удавалось врываться внутрь круга, и тут уже за копья и топоры брались все без различия пола и возраста.

Наконец Воробей, наблюдавший за происходящим с высокой березы, торопливо сполз вниз, ломая сучья.

— На конь! — всадники попрыгали в седла.

С земли поднялись ратники пешего полка, строясь в заранее оговоренном порядке. Воевода махнул рукой в железной рукавице. — Пошли!

Все это было скрыто от глаз людей, гибнущих вокруг повозок. Они увидели, что засадный полк вступил в дело только тогда, когда скрывавшая его стена кустарника вдруг словно расточилась, и он, все быстрее, пошел по луговине, разгоняясь для первого удара.

Острые клина составляли два десятка порубежников, закованных в железо на сарматский манер и вооруженных длинными пиками. За ними поспевали еще несколько десятков конных, чьи наезднические способности были признаны Воробьем за удовлетворительные, следом волной набегали пешие.

Они стремительно сближались с буджаками, в тучах пыли кружившимися вокруг составленных в круг повозок и слишком поздно заметившими опасность. Те, кто оказался на пути атакующих, успели только поворотить коней и грудью принять удар. Но их храбрость оказалось напрасной, тяжелые пики с легкостью прошивали кожаные доспехи и пронзали легкие щиты, словно те были сделаны из бумаги. Еще не успели сбитые с коней буджаки коснуться земли, как порубежники, преломив копья, взяли за мечи. Энергии первого удара хватило на то, что бы сразу пробиться до самых повозок, почти напололам разрезав войско кочевников, которые, растерявшись, не сразу сообразили, что имеют дело только с горсткой всадников. Но тут дело стало, растерянность быстро прошла, раздавшиеся ряды сомкнулись, и буджаки всей силой навалились на людей Воробья, выбивая их одного за другим. Да и самому воеводе оставалось уже недолго, он, бросив треснувший щит, рубил, словно заговоренный, с обеих рук.

Но в этом скоротечном сражении обстановка менялась чуть ли не каждую минуту, и вот уже подоспели отставшие от конных пешие ратники, сметая все на своем пути, а навстречу им Ясь поднял остатки своих ополченцев. Степняки, зажатые меж двух огней, смешались. Их предводитель, выделявшийся среди прочих гигантским ростом и блеском металлических доспехов, оказался в самой гуще сечи, пытался приободрить своих для нового отпора, но ударом рогатины в незащищенную броней подмышку был сбит с коня и зарублен. Буджаки побежали, устилая путь своими телами. Их не преследовали.

Дорога на Речицу была открыта.

Глава двадцать вторая

Взвившись из-за спин атакующих, разматываясь в воздухе, как змеи, на засеку упали петли волосяных арканов. Лесовики и рубили их как змей, с лихорадочной быстротой, ясно представляя, что последует, если этого не сделать. Но это была минута, потом стало не до того. Вал атакующих докатился да укрепления, грозя захлестнуть его. Пока одни продирались сквозь сучья и ветки, другие буджаки пытались растащить поваленные деревья, но пока им это не удавалось.

Выпустив из рук скользкое от пота ратовище, Саня схватился за меч, забыв о волдырях на ладонях.

Справа от него, ослепительно сверкало лезвие топора, который в руках Ивана стал страшным оружием.

Казалось, что первая волна атаки вот-вот отхлынет, обескровленная. Трупы степняков густо лежали, там, где их застигла смерть. Но сзади набегали новые толпы. Ствол, на который опирался Саня, вдруг дернулся под его подошвой, как живой, и медленно сдвинулся с места. Соскочив с него, как бывало соскакивал с трамвайной подножки, и увернувшись от удара секиры, направленного в голову, Саня увидел, как десятка два кочевников вцепившись в аркан, петля которого намертво захлестнулась на обрубке сука, тянут дерево к себе. Он попытался дотянуться, чтоб перерубить петлю, но удар пришелся по воздуху, а на вторую попытку времени уже не достало, острия мечей, казалось упирались прямо в грудь, и Саня отшатнувшись, сделал шаг назад. Кто-то, не столь осмотрительный, бесшабашно рванулся вперед с занесенным топором и тут же покотился под ноги атакующим, не издав ни звука.

Засечный бой полыхал в полную силу. Лесовики держались.

Иван не видел, как с берега прибежал мальчишка с перебитой рукой и крикнул, что буджаки обошли засеку по мелкой воде. Плескач послал туда всех, кто оказался под рукой, в том числе и Саню.

Спустя еще два часа примчался всадник на взмыленной лошади и, свесившись с седла, что-то прокричал Плескачу. Тот оглушенный ударом секиры, с потеками засохшей крови на щеках, понял не сразу, а затем, оскалившись, кивнул и прокричал команду на отход.

Буджаки, отбитые незадолго перед тем в очередной раз, что-то почуяли, и вдруг все массой кинулись на засеку, уцелевшие защитники которой торопливо прыгали в седла застоявшихся коней.

Иван уходил среди последних. Поравнявшись с Плескачом, крикнул, перекрывая топот копыт. — Товарища моего не видел?

— На берег он ушел, — прокричал в ответ Плескач. — Оттуда никто не вернулся.

Иван, рванув поводья, поворотил коня.

Плескач преградил ему путь. — Куда, сволочь!

— Да пошел ты, — пробормотал Иван и увидел, что с обеих сторон его зажимают лесовики.

— Держи его, ребята, — крикнул Плескач. — Силой тащи.

Иван загравленно оглянулся. Сзади, кроме степняков, как темная осенняя вода, затопивших оставленную защитниками засеку, никого не было. Он, матерясь, ударил коня пяткой в бок и погнал его вперед.

Узкая наезженная дорога, тут и там пересеченная ободранными до костяного блеска корневищами, вилась по лесу. Иван бездумно скакал за Плескачом, слыша только копыт своего коня. Старшина лесовиков время от времени оборачивался на секунду, но взгляд его был направлен куда-то мимо Ивана, туда, откуда можно было ожидать погони.

— Ты, дядя, пойми, — кричал Плескач, — Нельзя туда возвращаться. Товарищу своему ты не поможешь, а сам пропадешь. Мне же за тебя перед Воробьем ответ держать. Ведь он и в самом деле решит, что зарезали мы тебя... Иное, если б ты на засеке голову сложил, это дело чистое. Тут бы Воробей мне поверил. А вот так, вряд ли поверит, потому как спросит он, коли мог не отпустить, почему отпустил? И ответить мне ему будет нечего. Потому и не отпустил я тебя.

Но ты надежды не теряй, потому уходим не все. Верные люди проследят за буджаками, и будет такая возможность, пошарят, не остался ли кто из наших в живых. Это часто бывает, что кто-нибудь уцелеет. Может и твой товарищ так.

Скакать пришлось не долго, скоро дорога стала забирать вверх и, наконец, вывела на бугор, плоская верхушка которого заросла невысокими, в человеческий рост, сосенками. Нарядные, хоть сейчас выставляй в новогодней витрине, они стояли еще густо, так что их пушистые ветки, словно с дружеской лаской, касались друг друга. Казалось, что так и стоять им еще многие годы, и было странно видеть немного поодаль взрослые деревья, когда-то тоже бывшие густым подлеском, а сейчас расположенные вроде как и вместе, но в то же время каждое отдельно, столь велико было расстояние между ними, усеянное бурой хвоей и шишками, испещренное солнечными пятнами. Дорога, и без того неширокая, здесь сужалась так, что ветки задевали всадников. Между тем, к топоту конских копыт прибавился какой-то непонятный звук, отдаленно напоминающий гудение трансформаторной будки. Он становился все громче, и скоро уже в нем временами можно было распознать отдельные голоса, то ли плачущие, то ли проклинаящие кого-то. Лесовики Плескача, все больше молодые ребята, до того беззаботно перебрасывающиеся шутками, радуясь тому что остались живы, тут примолкли и помрачнели.

Сосны расступились, и внизу открылась широкая луговина, усеянная людскими и конскими трупами. Между мертвецов неторопливо бродили живые, то и дело нагибаясь, то ли отыскивая раненых, то ли собирая оружие, вспугивая уже слетевшихся воронов, нехотя поднимавшихся в воздух при приближении людей, и снова возвращавшихся обратно, как только люди удалялись на несколько шагов. И над всем этим, словно невидимый шатер, стоял женский плач.

Появление отряда Плескача не осталось незамеченным. Навстречу спускающейся с холма веренице всадников медленным шагом ехал Воробей, в посадке которого появилось что-то новое, он словно вырос на полголовы и раздался в плечах. Слегка откинувшись корпусом и подбоченясь правой рукой, в левой руке он небрежно держал поводья. За ним, против обыкновения, отстав на несколько шагов, ехал Ясь, рядом с ним шла толпа пешего народу, среди которой добрую половину составляли женщины лесовиков, которые выделялись своими меховыми куртками, средней степени ободранности. Их глаза лихорадочно шарили по приближающимся всадникам, высматривая своих. Было видно, что они с трудом сдерживаются, чтобы не побежать, но конь Воробья ступал тихо, и никто из идущих за ним не осмеливался сократить те несколько шагов, которые отделяли их от воеводы.

Плескач, видя это, тоже приосанился и придержал свою кобылу, которая теперь ступала так же медленно как конь воеводы.

Когда Воробей приблизился, стало видно, что седло под ним и конские бока залиты кровью, уже потемневшей. Она насквозь пропитала подол белой рубахи, надетой под кольчугу, и холщовые штаны. Кожаные сапоги воеводы поменяли цвет, и из желтых стали бурыми. Иван удивился, как Воробей при этом держится в седле, но через секунду сообразил, что кровь покрывавшая его, скорее всего, чужая.

Плескач и Воробей сошлись там, где, судя по всему, разыгралась самая ожесточенная схватка, там, где возле растянувшихся дугой двух десятка разбитых телег, мертвецы лежали в навал. Среди них Иван с каким-то душевным скрежетом увидел несколько женских тел.

— Здорово, — Воробей, поравнявшись с Плескачом, чуть развернув туловище, ухватил того за плечо и, притянув к себе, замолчал на несколько секунд, затем отпустил и сказал. — Наш верх.

— Вижу, — хрипло ответил Плескач, он словно хотел еще что-то добавить, но только шевельнул почерневшими губами.

Воробей кивнул и тут его взгляд упал на Ивана, понурившегося в седле. — О, живой! Не зарезали, значит, лесовики-то.

При этих словах лицо Плескача искривилось медленной, словно уже непривычной, улыбкой, и он гулко хлопнул Ивана по спине, так что тот, не ожидавший удара, покачнулся. — Как можно, воевода!

— Кузнец-от стоящий, — громко, словно контуженный, закричал парень, всю правую половину лица которого покрывал выцветший кровоподтек, полученный явно не в сегодняшней сечи. — Хоть топором, хоть чем.

— И кулак у него ядреный, — додал Плескач в тон, взглянув на поврежденную физиономию кричавшего.

Лесовики, стоящие поблизости, со вздохом потупились. Кто-то явственно хихикнул. Но парня, находящегося в состоянии близком к экстазу, которое создает чувство избавления от недавней опасности, смешанное с торжеством победителя, смутить было нелегко. Распиравшее его душу великодушие требовало немедленного выхода, хотя бы в словах. И он, обернувшись, нашарил кого-то в толпе и выдернул его оттуда железной рукой, как репку. Этот кто-то оказался миловидной высокой женщиной, с выбившимися из-под платка прядями густых темных волос, обрамлявших лицо, черты которого словно были выписаны неведомым живописцем с величайшим тщанием и любовью.

— Милку-от, пусть берет за себя! — надрываясь, кричал парень, крепко держа её за рукав, хотя она, судя по её безмятежному виду, бежать никуда не собиралась. — Потому человек хороший, в деле проверенный, и кабы знать о том раньше, то никто бы руку на него, конечно, не поднял. Но и теперь не поздно! Это я говорю, Рюха Овражник! — говоря это, парень успевал крутить головой на тонкой жилистой шее, словно высматривая тех, кто рискнет ему возразить.

Но возражать ему никто не собирался, да и слушали его не шибко внимательно. Ответил же за всех Плескач, вразумительно. — Чего не поздно-то? Ты саму Милку спроси. Может не согласна она.

Та, о которой он шла речь, решительно освободила руку из цепких пальцев Рюхи, и подойдя к Плескачу, поманила его. Старшина лесовиков с натугой, словно поясница его

заржавела от долгой скачки, пригнулся к самой гриве своего коня. Милка, привстав на цыпочки, что-то горячо зашептала ему, иногда, вероятно, для пушей убедительности, легонько касаясь его рукава и искоса поглядывая на мрачного Ивана, которому перспектива внезапного супружества казалась достойным завершением этого злосчастливого дня.

Плескач слушал её, то жмурясь от умственного усилия, то подымая в задумчивости бровь, наконец, выпрямился и, разведя руками, извиняющимся тоном сказал Ивану. — Не хочет-от за тебя Милка идти. Яр ты больно в утехе плотской. Говорит, не сдюжить ей.

— Буджак-то? — переспросил Воробей. — С четверть. А ватажка их, Бадурму, завалили. Слышал про такого?

Лошадь Плескача тоже встала, заскрипело седло. Грузное туловище старшины медленно, словно на заржавевших суставах, повернулось сначала в одну, потом в другую сторону. Плескач озирает поле брани, но при этом, кажется, испытывал иные чувства, нежели его молчаливый спутник.

— Эк, наклали-то народу, — с непонятным удовлетворением сказал он. — Там, — Плескач сделал такой жест рукой, словно отодвигал что-то от себя. — Должно быть, главный стан был.

Действительно, в указанном направлении белели островерхие шатры, на которые Иван не обратил с первого взгляда внимания, замороженный зрелищем недавнего побоища. Да и было этих шатров немного, три, от силы четыре.

Плескач, будто угадав ивановы мысли, пояснил. — Это для ватажков буджакских поставлены. Они это любят, чтоб какая никакая, крыша. Это у них первым делом, как выбился в начальники, то все, ставь ему шатер или на худой конец шалаш. Под попоной уже спать не желает.

— А ты не таков, Плескач? — спросил один из лесовиков, лицо которого украшал громадный кровоподтек, закрывавший добрую его половину. Впрочем, увечье это было получено явно не в сегодняшнем бою, ибо успело уже порядком выцвести. У Ивана были большие подозрения относительно его происхождения, то есть, он был практически уверен, что отметил этого парня своею рукой, позапрошлой ночью, когда кто-то пытался устроить ему темную. Весь сегодняшний день этот парень старался держаться поближе к Ивану, который хоть и не забыл предупреждения Воробья о том, что лесовики постараются взять с него за бои, но не отступал.

— Что тут было-то? — Плескач, нагнувшись с седла, прихватил за плечо бредущего мимо мужичка, совсем пропавшего под грудой, навьюченной на него, трофейной амуниции.

Мужичок, видать из недавних, потому что обличье его было Ивану незнакомо, с облегчением бросил свой груз, как охапку хвороста, под ноги и поднял голову.

— Не так! — возмутился было Рюха, видя, что сватовство срывается, но, сообразив что-то, осекся и захохотал. Глядя на него засмеялись и другие.

Даже Иван, с красным, как буряк, лицом, криво усмехнулся, чтоб не нарушать общего веселья. Милка же сразу исчезла, будто её и не было, а место её, в толпе окружившей Плескача, заступила другая женщина, средних лет, на которую Иван уставился с определенной опаской. Неуверенно озираясь, женщина шла медленно, взгляд её, безразлично скользнувший по пожившемуся Ивану, остановился на ратнике, её ровеснике, с вытянутым, белым, каким-то омертвелым лицом, на котором живыми, казалось, были только

серые водянистые глаза, с бессмысленной теперь яростью смотревшие куда-то поверх голов.

И в это лицо теперь смотрела женщина, задрав голову, словно утопающий за соломинку, схватившись обеими руками за поводья лошади.

— Векшу моего не видел?

Ярость в глазах ратника погасла и он, промедлив, ответил. — Не жди. Убит на засеке, — разжал женские пальцы, освобождая поводья, и тяжело спрыгнул на землю.

Женщина схватилась за голову, отвернулась, стягивая платок и, простоволосая, побрела прочь. Но другие были не так сдержанны, и вот уже кто-то запричитал высоким голосом, к нему присоединились другие. Плач этот, подобно мертвой воде, лился сквозь ушные раковины, заполняя череп крошечной тьмой.

Иван, стараясь не смотреть по сторонам, спешил и быстро прошел вперед, ведя лошадь в поводу. Он не видел Митьку, махавшему ему из-за чьей-то широкой спины, и вздрогнул, когда тот, догнав его, пихнул в бок. — Иваныч, как ты?

— Нормально, — ответил Иван. — Барышни-то целы?

— А что им сделается? — жизнерадостно ответил Митька, ставя перед собой Дашу, которая, как всегда, обреталась где-то у него под боком.

— Здравствуйте, дядя Ваня, — со своей обычной, церемонной ужимкой сказала Даша.

— Привет, Дашута, — мрачно ответил Иван. — А Вера где?

Но Вера сама уже подходила к нему, пристально, подобно давешним женам лесовиков, вглядываясь в лицо.

— Чего-то Саши не видно, — быстро проговорила она, приблизившись, и касаясь кончиками пальцев ивановой груди, — Смотрю, и что-то его не вижу.

— Пропал Саня, — Иван сморщился, как от кислого, и стал рассказывать.

В то, что Саня пропал, а вернее сказать, сгинул, погиб, Вера поверила с первых слов его рассказа. Поэтому Иван, ожидавший расспросов, так их и не дождался. Девушка не проронила ни слова. Зато Митька дотошно все выпрашивал, пытаясь найти какую-нибудь зацепку, которая могла бы удержать надежду хоть на тонкой ниточке, и это ему удалось. Узнав, что Иван своими глазами не видел мертвого Сани, Митька обрадовался и тут же предложил ночью вернуться к засеке и поискать товарища.

— Можно, вообще-то, — неуверенно согласился Иван и передал Митьке слова Плескача о верных людях, оставленных тем наблюдать за буджаками. — Так что, если Саня жив, то они узнают. Если, конечно, не соврал лесовик.

Случившийся неподалеку Ясь подтвердил, что Плескач все сказал правильно и добавил, что Воробей наказывал никому ни на шаг не отлучаться. — И еще то прошу понять, атаманы-молодцы, что проводника я вам не дам. А без проводника обратной дороги вам не найти. И еще, скоро выступаем.

Вера этих разговоров уже не слышала, она побрела по полю, сминая стебли травы, жесткие, словно кованые из железа, и шла, пока не наткнулась на пустую повозку, запряженную серой, с виду смиренной, лошадью, которая, покосившись на незваную гостью, тихонько фыркнула и вновь принялась щипать траву.

Вера забралась в повозку, и легла на солому, сделавшись невидимой для чужих взоров. С руками, заложенными за голову, она смотрела, как неторопливо проплывают над ней белоснежные облака, время от времени заслоняя солнце.

Потом она услышала, как кто-то подошел, шаркая по траве, словно старик, и за край повозки взялись чьи-то ладони, над которыми тотчас показалось лицо. Увиденное снизу, лицо это, с раздутыми ноздрями широкого носа, выступающими надбровными дугами и оскаленным ртом, имело в себе нечто африканское, в её, Веры, понимании. Она даже подумала в первое мгновение, что чудесным образом воскрес недорезанный после битвы буджацкий витязь, но человек чуть повернул голову, и стало понятно, что никакой это не буджацкий витязь, а десятник Ян Кравец. Ян шел с Воробьем от самой границы, и принадлежал к числу самых близких к нему дружинников, выделяясь среди них тихим нравом, а так же тем, что в походе он сошелся с одной молодухой, не так как сходились с женщинами его товарищи на одну ночь, чтоб разогнать кровь, а всерьез, так что каждую свободную минуту спешил к своей Кравчихе. Воробей это не одобрял, считая, что не время, но и не порицал особо, вместе с тем, полагая, что оно хоть и не время, но так или иначе все одно утрясется.

Вот сегодня оно и утряслось. Кравчиха, такая же тихая, как её Кравец, была на одной из этих стоящих теперь посередь поля повозок, которые утром, посланные безжалостной рукой воеводы, выехали вереницей на луговину.

Здесь и убили Кравчиху, на глазах у Веры, которая и сама уже не чаяла остаться в живых. Она видела, как Кравчиха, подбитая стрелой, схватилась за край повозки, вот точно так же как сейчас схватился за край повозки Ян Кравец, из недоуменно приоткрытого рта её выплеснулась тонкая струйка крови, пальцы разжались, и она осела на землю. Даша, которая, кажется, одна сохраняла ледяное спокойствие среди всеобщей свалки, подхватила её под руки, но, глянув в лицо с неподвижными глазами, тут же и отпустила. — Убита.

— Прибрала Нерю Морена, — пожаловался Ян, подтягиваясь на руках и переваливаясь через борт телеги. — Свадьбы не было, вот что плохо, — какими-то собачьими движениями он подгрел под себя солому и лег рядом с Верой, так же как она уставившись в небо.

Вера догадалась, что Неря было имя Кравчихи, и отстранено удивившись тому, что узнала это только сейчас, сказала, не из сочувствия, которому не было сейчас места в её сердце, а лишь бы что-то сказать. — При мне убили твою Нерю. Легко умерла, без мучений.

Она уже знала, что Мореной здесь называют богиню смерти. Имя её местные старались вслух не произносить, но это в мирное время, а теперь один страх вытеснял другой, они громоздились друг на друга, как льдины кровавого половодья, и как льдины, ломали друг друга, утрачивая прежнюю силу вместе с запретами мирного времени.

— Где она теперь? — спросил Ян и ткнул пальцем в небо. — Там? Или еще где? Знаешь?

— Не знаю, — безучастно ответила Вера.

— И я не знаю. Старики говорят, что знают, только не очень я им верю. — Ян, как и Вера, говорил равнодушно, слишком поглощенный своим горем, чтобы искать участия. — А ты что тут, не со всеми? У тебя тоже кого-то убили?

— Убили, — ответила Вера, и тут только слезы покатались из её глаз.

— Поплачь, да, — одобрительно сказал Ян, живо повернув к ней лицо.

Вера не поняла его слов, она не чувствовала своих слез, и, вообще, не чувствовала ничего, кроме гулкой, кромешной, ни единого огонечка, темноты.

Любви своей ей было не жаль, потому что жалеть было особо нечего. Сейчас, когда Саня был мертв, это стало понятно с беспощадной ясностью. Не любовь, что-то иное,

непознанное, страшное, кинуло двух людей друг к другу с такой силой, что чуть не изувечило их. А уж их человеческой обязанностью и правом было прикрывать друг друга от этой неумолимой силы, с которой Вера теперь осталась наедине. Вот над этим своим одиночеством и плакала она теперь, сама того не сознавая. Тьма, поглотившая Саню, подступала к ней.

И когда ладонь Яна, неуверенно, как ладонь незрячего, коснулась её ладони, Вера сжала её, как последнее, что еще могло удержать на краю. И пусть в глазах невидяще смотрящих на неё отражалась та же темнота, но это сейчас ничего не значило.

Кравец приподнялся на локте и ударил каблуком сапога в переднюю стенку телеги. — Пошла!

Серая лошадка, словно только и ждала этих слов, подняла голову и послушно затрусилась в сторону недалекого леса, ветки деревьев которого скоро сомкнулись над повозкой, которая всё катилась и катилась по узкой дороге, пронзительно скрипя немазаными колесами и подпрыгивая на корневищах и камнях.

Вера лежала, чувствуя раскаленным плечом горячее дыхание Яна, ладони которого шарили по её телу, как шарят по прибрежному песку ладони пловца, выброшенного на берег, и еще не уверенного в своем спасении. Вцепившись ногтями в его спину, она впускала его в себя, словно стараясь вытеснить хоть чем-то тьму, затопившую душу. Они не могли утешить друг друга в своих скорбях, а могли только крепче сжимать объятия, удерживаясь на свету, пока схлынет первая, самая страшная волна, накрывшей их пустоты. Все что им нужно было сейчас, это удостовериться в своем неистребовании. Больше они ничего не желали и ничем иным не могли быть полезны друг другу.

И когда все кончилось, Вера закрыла глаза и открыла их не раньше, чем стихли шаги Яна, легкие, а не шаркающие, как за час до того, это было единственное, что она про него теперь знала.

* * *

Когда Вера пошла прочь, никто не пошел за ней следом, считая это бессмысленным. И лишь когда Ян полез в телегу, Митька, по своей дурной привычке, схватился было за меч, но Иван перехватил его руку. — Оставь. То не нашего ума дело.

— Правильно, дядя Ваня, — поддержала его Даша. — Ты, Митя, ей помочь не можешь, ну, и не лезь.

Митька проводил взглядом скрывающуюся в лесу повозку и, устремив пронзительный взор на Дашу, сказал, имея в виду, очевидно, весь женский пол. — Удивительно мне на вас смотреть. За все про все одно лекарство.

— Не одно, — вступился Иван и добавил, подумав. — Но это, конечно, наверно самое сильнодействующее.

— А у вас не так? — спросила Даша, которой было жаль Саню до слез, но, ощутив себя, на какие-то мгновения, на месте своей подруги, она прониклась тем, что её жалость не идет ни в какое сравнение с тем, что испытывает сейчас Вера и потому даже заплакать не могла, словно не имела права на слезы.

— И у нас так. Хотя мы, конечно, более склоны обожеествлять половой акт. Есть такое у нас суеверие, — не стал спорить Иван, который так и не мог поверить в гибель Сани. —

Ладно, пошли, ребята. Чего-то Воробей зовет.

* * *

Погрузив убитых и раненых на телеги, войско Воробья пошло уже прямо на Речицу, никуда не сворачивая, и еще засветло было под её стенами.

Все постройки за пределами крепости были сожжены, при чем, судя по тому, что некоторые еще дымились, сожжены недавно.

Здесь же нашелся сотник Байда, за три дня до того посланный Воробьем в Речицу, и как в воду канувший. Без коня, без оружия, босой, спал он, закутавшись в какое-то тряпье возле чадного костерка.

Воробей постоял над ним, явно испытывая искушение дать своему посланцу хорошего пинка, но потом все-таки сдержался и просто тряхнул того за плечо.

— Извини, воевода, — сказал проснувшийся Байда, с трудом вставая на ноги. — Но не моя вина. Я все сделал по твоему слову.

— Это ж кто тебя так разделал? — спросил Воробей, поглядывая между тем на дорогу, по которой еще тянулись отставшие повозки.

Байда потрогал разбитое лицо. — Войтовы гридни постарались. Они же и коня взяли, и всю воинскую справу.

— Добро, — помрачнел Воробей. — А мои слова ты ему передал?

— А меня до него не допустили. Они, видишь ли меня за лазутчика буджацкого приняли и, немного побив, посадили в поруб. А там, воевода, холодно у них. Замерз я, до сих пор трясусь.

Воробей помрачнел еще больше. — И что, никто тебя так и не признал?

— Признали, как не признать, когда я отсюда родом.

— Ну, да, — подхватил Воробей. — Потому и послан был.

— Приходили украдкой, говорили в окошко, чтоб зла на них не держал, и что признавать меня не велено. Твои слова я им передал, чтоб до Войта донесли. Сделали — нет, не знаю.

— Лазутчик, значит, — задумчиво проговорил Воробей. — А что ж выпустили тебя, коли лазутчик?

— Как слух пошел, что вы буджаков расчесали, вывели из поруба и, ворота открыв, в спину подтолкнули. Вот, отогреваюсь теперь.

— Ладно, — в голосе Воробья явственно прорезались зловещие нотки. — Об том еще беседа будет. Да не вздрагивай, не с тобой. Лучше скажи, посад буджаки пожгли?

Байда мельком взглянул на пепелища. — Да нет, Войт приказал, на всякий случай. А буджаки под стены подходили, кричали, что говорить хотят.

— И о чем говорили? — насторожился Воробей.

— Не ведаю. Посиди в узилище на день дольше, может быть, и узнал бы. А так, не взыщи.

Глава двадцать третья

— В городе вино и бабы, — Иван, вскарабкавшись на оплывший земляной вал, обозревал крепость. — Городишко, кстати, так себе. — Он сморщился, то ли от запаха дыма, которым было пропитано все вокруг, то ли от невзрачности фортеции, окруженной невысокой, вряд ли выше двух человеческих ростов, бревенчатой стеной, кое-где явно еще не доведенной до верха, а кое-где и стены никакой не было, её заменял частокол. И повсюду, на стенах и в просветах между заостренными бревнами частокола виднелись люди, с любопытством смотревшие на пришельцев, среди которых многие горожане узнавали своих знакомых и тут же вступали с ними в оживленные беседы больше похожие на перепалки, тем более, что ворота крепости оказались закрыты.

Стоящий рядом Плескач пренебрежительно сплюнул и поведал, что Речица никогда не была крепостью. Это было просто место, где скапливалась дань со всей земли выдричей и других окрестных племен. Несколько раз в году все собранное отправляли ко двору готфского короля. Расположенная вдали от рубежей королевства, Речица пользовалась полной безопасностью, до последнего времени. Единственное, что ей могло угрожать, это набег какой-нибудь залетной шайки удальцов, для защиты от которых и предназначались её укрепления. Наместником от готфского короля уже много лет здесь сидел Войт, при нем же обреталась не малая дружина. Раньше наместники были все природные готфы, Войт был первым из выдричей, сумевший получить эту должность.

Теперь, когда готфское королевство пало под копытами вражеских коней, ничьей власти над Войтом не стало, только вряд ли это его сильно радует, потому что не сегодня завтра степняки обложат крепость всей силой. Так что Плескач ничуть не удивится, если от всех этих дел голова у Войта пойдет кругом. Тем паче, что дураком, конечно, наместник не был, но и умом тоже не выделялся.

Не прошло и нескольких минут, как Войт оправдал данную ему Плескачом характеристику, отказавшись открыть ворота Речицы.

Мало того, со стен стали кричать, требуя, чтоб войско отошло на расстояние полета стрелы, грозя ослушникам немедленной и неминуемой смертью.

Удивленный и раздосадованный воевода приказал своим отойти. А сам, в сопровождении Яся, Плескача и сотника Байды, отправился на переговоры. По дороге он прихватил и Ивана, к немалому изумлению последнего. Возможно, дело было в том, что Воробей и Иван были ровесниками, и, кроме того, обладали определенным сходством характеров. Среди порубежной вольницы, привыкшей жить одним днем, расчетливый и рассудительный Воробей тоже был белой вороной. Поэтому-то он сразу почувствовал в натуральном кузнеце родственную душу, на которую можно опереться в трудный момент, не опасаясь быть неправильно понятым.

Ясь к этому отнесся совершенно равнодушно, как всякий человек, имеющий в виду, что-то более важное, чем расположение начальства.

— Пошли, дядька, беседы беседовать, с большими людьми, — проезжая мимо сказал воевода.

Иван поднялся на ноги. — Пошли, коли не шутишь.

— А мне можно? — не выдержал Митька, которого вся эта дипломатия чрезвычайно интересовала.

— Сиди тут, молодой, — сказал, как отрезал, Воробей. — Нечего тебе там делать. У Ваньки облик представительный, может ничего не говорить, все равно выслушают. А ты на первый погляд нам весу не прибавишь.

— Ладно, Митрий, — словно извиняясь за грубость Воробья, произнес Иван. — Посмотри лучше, спина не шибко грязная?

Митька, который после сегодняшней сечи, в которой ему довелось биться плечом к плечу с самыми завзятыми рубаками, считал себя уже полноценным воином, покраснел от обиды, но ничем более своих чувств не выдал и молча отряхнул прилипшие к черному сукну травинки. Иван зашагал вслед за Воробьем.

Всадники подскакали к воротам и стали вызывать Войта. Однако вместо него на стене появился довольно тучный старик в алом плаще, с золотым обручем на седой голове и повелительным голосом велел не медля отвечать, кто они такие, куда путь держат и зачем им понадобился Войт, у которого только и заботы, что привечать каждого бродягу, которого нелегкая занесет к Речице.

Воробей терпеливо дождался, пока старик окончит речь. Затем спросил. — А ты кто сам таков будешь, мил человек?

— Это Падера, старшина любовян, — вполголоса сказал Плескач. — Он-то что тут забыл?

Старик тоже узнал Плескача, и обрушился на него с бранью, попрекая реквизированными конями и повозками, и суля страшные кары за предательское истребление гарнизона, оставленное буджаками в городке любовян.

— Дедушка, ты не горячись, — посоветовал Воробей. — Мы не бродяги, а порубежники, люди вольные. Я же, чтоб ты знал, воевода Воробей. Может слышал про такого? С тобой же, сума переметная, нам говорить не о чем и недосуг. Зови Войта.

Эти слова вызвали в почтенном старце новый прилив сил, и говорил он долго, но все не по делу. Однако и это Воробей выслушал с нечеловеческим смирением и лишь под конец, когда зарпортованный старшина в запале помянул буджакского витязя Батурму, который скоро их всех на колы пересажает, воевода сказал вполголоса. — Ну, что ж. Меня не слушает, так пусть с самим Батурмой совет держит. Может тот его уговорит. Давай, Батурму, Плескач.

Длиннорукий Плескач достал из кожаного мешка какой-то предмет, который оказался отрубленной головой предводителя кочевников, размотал за черную толстую косу и запустил в крепость. Падера, увлеченный своим красноречием, пропустил момент запуска головы покойного батыра, и та попала ему прямо в грудь. Старик машинально, на манер футбольного голкипера, схватил её обеими руками, но, то ли от удара, то ли от удивления, не удержался на ногах и, опрокинувшись навзничь, пропал из поля зрения. Со стены кто-то, неразличимый в сгустившихся сумерках, пустил сдуру стрелу, вонзившуюся в землю у ног лошади Воробья. Воевода задрал голову и крикнул, что б стрелы приберегли на буджаков, а если кому невтерпеж повоевать, то тот пусть выстрелит еще раз и мало никому не покажется. В ответ не раздалось ни слова, а только сдавленные крики, очевидно более рассудительные защитники города отгаскивали не в меру бойкого стрелка от греха подальше.

Посчитав на этом данный этап переговоров завершенным, Воробей поскакал обратно в расположение своего воинства.

Ночью хоронили убитых в сражении.

Их в несколько рядов сложили на гигантскую клеть, срубленную из поваленных в лесу деревьев. Иван, сам не зная зачем, смотрел на все это, считая тела, которых на пять мужских приходилось одно женское.

Когда все было готово, женщины страшными голосами затянули жалобную песню, прощаясь со своими родичами и прося у богов хорошего пути для них. С четырех сторон ратники поднесли горящую бересту, и погребальное пламя в считанные минуты охватило всё сооружение. Ночь стояла безветренная, и языки огня с ревом устремлялись к небу, в потоках искр унося души погибших.

По рукам пошли ковши с брагой, несколько бочек которой было взято в обозе буджаков.

Когда костер прогорел, на его месте насыпали высокий курган, вокруг которого снова зажгли костры, не погребальные, простые. И тризна, теперь более похожая на пир, продолжилась. Иван, глядя на спокойные, просветленные пирующие, подумал о том, что все эти люди твердо верят в то, что после смерти жизнь не кончается, и позавидовал им.

Высокий женский голос снова наладился петь песню, на этот раз беспечальную, о зеленой весне и дальней дороге, несколько голосов подхватили её, но пение что-то не заладилось, и они смолкли.

— Весело у вас тут, — брякнул, не подумав, Иван. Сидевший рядом дружинник недоуменно взглянул на него и пожал плечами. — Так, тризна. Хорошая смерть. И мне бы так когда-нибудь.

Иван подумал и кивнул, соглашаясь. Хмельное ударило ему в голову, и он вдруг затянул диким голосом, на ходу переиначивая слова соответственно местным реалиям.

— Ой, да на Черный Ерик, на Черный Ерик,
Ехали буджаки, сорок тысяч лошадей...

Пораженные этим проявлением чувств, люди прекратили разговоры, и только Митька, обняв, все еще неразлучную с ним, Дашу за узкие плечи, словно только того и ждал, принялся отбивать такт кулаком по обтянутому кожей щиту, и подхватил, когда дело дошло до припева.

— Любо, братцы, любо. Любо братцы жить.
С нашим воеводой не приходится не тужить.

После второго куплета припев подхватили уже хором, при этом поглядывая на Воробья, который стоял, словно окаменевший в свете костра, языки пламени которого плясали в его глазах.

Надо сказать, что куплетов у Ивана получилось гораздо больше, чем в оригинале песни. И воодушевление собравшихся было так велико, что уже где-то на середине песни Ясь, вскочив, пошел по кругу с молодецким посвистом, дробно колотя каблуками по вытопанной траве и потряхивая раскинутыми руками.

Перед тонкой, как тростинка, беженкой с иконописным лицом он задержался, и плясал уже словно только для неё одной. Какое-то время она крепилась, притоптывая башмачками и поводя плечиками. Но когда неотразимый витязь со скрежетом выхватил из ножен меч и, не переставая плясать, стал им выделять всякие ловкие штуки, девичье сердце не выдержало, и, взмахнув платочком, беженка поплыла лебедушкой. А Ясь коршуном полетел вокруг неё, сужая круги.

— Воевода скажет,
куда карта ляжет,

— надрывался Иван.

* * *

В середине ночи пришли разведчики, оставленные Плескачом возле засеки, для присмотра за тамошним загоном буджаков. Иван слышал, как они рассказывали воеводе, что стоило недобиткам Батурмы добежать до своих соплеменников, как те подхватились и ушли на юг. Несколько часов люди Плескача шли за ними, но, поняв, что буджаки возвращаться не собираются, отстали.

Подобрали кого наших? — спросил Иван.

— Двоих, — ответил старший. — На телеге они, только один, кажется, помер уже. Другой, ничего, дышит. Товарища же твоего не видели, ни среди мертвых, ни среди живых. Хотя, признаюсь, было не до того. Ну, может буджаки с собой увели, а может река унесла.

За спиной Ивана кто-то тяжело вздохнул. Обернувшись, он увидел Веру, на лице которой было такое выражение, словно ей сказали сейчас то, что и так давно знала. Рядом с ней стоял рослый ратник, лица которого в темноте было не разглядеть, только поблескивали глаза, да белые зубы будто светились во рту, распяленном в улыбке.

Иван обошел их, как обходят дерево, и пошел к реке.

Сидя на пологом берегу, заросшем шелковистой травой, он слушал тихий плеск волн и негромкий женский смех, раздающийся откуда-то со стороны.

Вода у берега, теплая как парное молоко, при всей своей ночной темноте, была такой прозрачной, что отражения звезд, мерцающие на её поверхности, казалось, пронизывали своим светом реку до самого дна.

Внезапно он уловил какое-то движение сбоку, и перед ним бесшумно, словно сгустившись из ночной темноты, возникла крупная волчица и, остановившись в двух шагах, уставилась на Ивана изумрудными глазами.

— А, старая знакомая, — обрадовался он. — Здравствуй. Только вот куриной ноги у меня для тебя нынче нет. Вот, могу брагой угостить, ежели хочешь.

Волчица отряхнулась с такой силой, что вокруг неё возник сияющий всеми цветами радуги ореол. А когда он погас, то перед Иваном, вместо волчицы, стояла Таха, старая знакомая, и к тому же подруга мертвого волхва Волоха, улыбаясь своей странной улыбкой, чуть сморщив нос и приподняв верхнюю губу. — Хочу.

— Чего хочешь-то? — не сразу сообразил Иван, в голове которого с невероятной быстротой прокручивалось все то, что он знал об оборотнях. Толку от этих знаний не было никакого, и это как-то успокаивало, можно было со спокойной совестью отдаться на волю судьбы.

— Ты спросил, я ответила, — сказала Таха, беря из руки Ивана ковш. — Хочу ли я браги. Хочу, да. Твое здоровье.

Таха выпила и бросив пустую посудину в речку, обвив шею Ивана тонкой сильной рукой, крепко поцеловала его в губы.

— Глаза боятся, а руки делают, — успел еще подумать Иван, заваливая гибкую, как лоза, женщину на траву. Извиваясь под ним, Таха, как змея от кожи, освободилась от одежды, Ивана же пришлось раздевать совместными усилиями, слишком много на нем было навешано всякого оружия. Когда и с этим было покончено, Иван, стоя на коленях, на несколько секунд отстранил от себя, тянущуюся к нему, Таху, удерживая её на расстоянии протянутой руки.

— Чего ты?

— Любуюсь.

— Ну, и как?

— Хороша!

Мгновение спустя, уже вполне отдавшись соединенному движению двух слившихся тел, Иван вдруг поймал себя на том, что невольно сравнивает, все ли у Тахи, как у обычной женщины, или у оборотней это устроено как-нибудь иначе. Никакой разницы ему определить не удалось. А еще секунду спустя уже стало не до глупых мыслей.

Спустя полчаса, немного отдышавшись, Таха пробормотала. — Какой ты стал ненасытный. Раньше слабее был.

— Спасибо Волоху, — отозвался Иван, кладя ладонь на её пушистый затылок и пригибая её голову вниз.

Услышав имя Волоха, Таха чуть не поперхнулась. — Откуда ты про него знаешь?

— Девчата рассказали. Ты это... Не отвлекайся.

Затем они отдыхали, лежа у самого уреза воды, так что волны, набегая, щекотали босые ступни.

— Чего улыбаешься? — спросил Иван Таху, чья лохматая голова уютно пристроилась на его животе.

— Рада, что тебя застала, раньше чем вас в город впустили.

— Значит, думаешь, что нас в город все-таки пустят? А чем же он тебе не угодил?

— Мне туда заповедано ходить. Собаки взбесятся.

— Э, двуногие? — деликатно осведомился Иван, приняв её слова за иносказание.

— Четвероногие, — ответила Таха.

— Подожди, так что же это получается, — вдруг забеспокоился Иван. — Это что же тогда, последнее наше свидание?

— Почему последнее? Вот собак съедите, тогда я и появлюсь.

— Думаешь, до этого дойдет?

С Войтом-то? — тихо засмеялась Таха, оскалив белоснежные клыки. — С ним дойдет, и собак съедите, и лошадей, потом упряжь, подметки. Кору на бревнах глотать будете. Я его знаю.

— Лихо.

Иван еще хотел чего-то спросить, но не успел, потому что затрещали ветки и на берег вышла Вера, видно и ею было выпито сегодня не мало. Потому что шла она, пошатываясь, улыбаясь неизвестно чему. За нею поспешал давешний ратник, в лице которого теперь не было ничего зловещего. Он то и дело прихватывал Веру за плечо, стараясь развернуть к себе лицом, но девушка всякий раз отталкивала его с неженской силой. Однако на того это мало действовало и он не оставлял своих попыток.

— Все гуляет, — неприязненно сказала Таха. — Никак остановиться не может.

— Да, — нехотя согласился Иван. — С ума сходит девка. Однако, ты на неё не греши, жених у неё пропал вчера. Жив ли, нет, неизвестно.

Таха оскалила белые зубы в злой усмешке. — У неё один жених — Волох. Ох, любил он её, думала до смерти залюбит.

— Да ладно тебе, — урезонил Иван злобствующую Таху. — Залюбишь вас, как же.

Ты лучше скажи мне, я что, так и буду на каждую барышню кидаться, как этот, Казанова?

— На каждую не будешь, — ответила Таха, уклоняясь от его объятий. — Не знаю, поймешь ли.

— А ты попробуй.

— Вот, — Таха провела по земле прямую линию. — Так вы жили. А вот тут Волох, — палец обвел круг вокруг неизвестной точки. — И вот теперь вы ходите по кругу. Без этого нельзя, это надо пройти. Иначе сила будет глупой, пусть устроится. Но уж недолго осталось. Дальше снова прямо будет.

— Ясно, — сказал Иван, лениво натягивая штаны. Конечно, ничего ему ясно не было, но дальнейшие расспросы он полагал бесполезными, как всегда полагаясь на то, что практика скажет свое решающее слово.

— Смотри, — вдруг схватила его Таха за локоть. — Она ведь топиться собралась.

Действительно, Вера уже стояла по плечи в воде, а неудачливый ухажер, вероятно почуяв что-то неладное, стоял, не рискуя зайти глубже, у самого берега, сжимая в руках превращенное в лохмотья платье, которое ему все-таки удалось содрать с девушки.

— Вот, черт, — Иван бросился в воду и схватил Веру в тот самый момент, когда она уже готовилась совершить последний шаг, туда, где дно обрывалось, и начиналась стремнина, с темной, словно отлитой из чугуна водой, которая, закручиваясь в воронки, стремительно неслась мимо.

Подняв Веру на руки, Иван понес её к берегу. Проходя мимо парня, так и стоящего неколебимо, словно Александрийский маяк, Иван обозвал его трансвеститом и сексуальным агрессором и забрал Верино платье. От таких слов парень пришел в себя и тоже побрел к берегу, но уже без прежнего задора.

— Давай её сюда, — сказала Таха, не обращая внимания на парня, который, пятясь в кусты, пожирал глазами её обнаженное тело. — Сейчас узнаем про её суженого-ряженого.

Иван бережно усадил Веру, которую начала колотить крупная дрожь, на землю и накинул ей на плечи свое знаменитое черное пальто.

— Не надо, сейчас согреется. — Таха стала на коленях рядом с Верой и стала прикасаться к ней неуловимыми движениями. От этих прикосновений дыхание девушки участилось и дрожь унялась.

Таха убрала руки. — Готова. Дай меч, — она опустила острие клинка в воду, и Иван увидел, как отражения звезд, словно притянутые магнитом, потекли по лезвию. Таха

подняла меч и плашмя приложила к щеке Веры.

— Смотри. Что видишь?

— Ничего, — голос Веры показался Ивану незнакомым.

— Что видишь?

— Ничего.

— Обними её, — приказала Таха Ивану. — Да не так, дурень. За грудь возьми покрепче.

— Не могу, — сказал Иван. — У неё с Саней любовь, а Саня мне товарищ.

— Была бы любовь, все бы получилось. А так, надо ей кровь разогнать. Говорю тебе,

возьми её.

— Как это взять? — тупо спросил Иван.

— Баран! Как меня брал только что. Иль разучился?

— Говорю, не могу, — тут Ивана осенила внезапная мысль и он оглянулся в поисках парня, но того и след простыл.

— Да провались ты, — Таха была не из тех, кто останавливается на полдороге. Она одной рукой принялась мять Верины груди, а другую решительно запустила ей между ног, которые та покорно раздвинула, подаваясь навстречу.

— Смотри, Волох её под всякого наездника объездил, — Таха облизнула губы, лаская Веру и постепенно распалаясь сама.

— Лучше смотри. Видишь? Отвечай. Не молчи. Видишь?

— Лицо вижу, — пробормотала Вера заплетающимся языком. — Саня это. Как будто не живой.

Дотронься до него. Теплый? Холодный? — ладонь Тахи ускорила движения.

— Теплый.

— Живой, значит. Дальше смотри. Вокруг что? Лес? Поле? Вода?

— Река, коряги какие-то.

— Что за река? Широка ли? Место узнаешь?

— Да Млочь это, — встрял Иван. — Саня там и пропал.

Таха метнула на него взгляд, от которого слова застряли в глотке.

— Не узнаю. Широка ли река, не вижу. Вода быстрая. Берег галькой покрыт. Похоже, коса это. Дальше — лес. — Вера протяжно застонала. Лицо Тахи покрылось крупными бисеринами пота, но сколько она потом ни настаивала, не приказывала, ни умоляла, больше ничего от Веры добиться ей не удалось.

Иван же, глядя на Таху, подумал, что всем она хороша, но есть в ней какая-то злоба. И с этой мыслью, посчитав, что сеанс гадания очевидно завершен, он задумчиво приблизился к ней, склоненной в доверчивой позе над стонущей Верой. Открывшийся перед ним вид направил мысли Ивана по другому руслу. Ведь то, что он собирался проделать, еще никто с оборотнями не проделывал. То есть, в этом деле был шанс стать первопроходцем, почти как Юрий Гагарин. Воодушевленный этой мыслью Иван решительно, как на штурвал комбайна, положил широкие ладони на крепкие ягодицы суровой, но легкомысленной Тахи, и нежно раздвинул их.

— Совсем озверел! — заплакала пронзенная Таха, но больше ничего сказала, и скоро её стоны слились со стонами Веры.

...

На прощание Таха посоветовала Ивану не оставлять Веру без присмотра до возвращения Сани.

— А когда ж он вернется? — спросил Иван.

— Может быть, что и никогда. Но скорее всего вернется. Только не любят они друг друга, — ответила Таха и исчезла так же бесшумно, как и появилась.

— Ну, а не любят, так что теперь, и не жить? — раздраженно пробормотал Иван и отправился сообщать Митьке и Даше хорошую весть, Вера же, еще не отошедшая от транса, послушно, как овечка, плелась за ним.

* * *

Утренние переговоры начались весело, в непринужденной обстановке, под свист и улюлюканье вышедших на стены горожан.

При чем начал их Плескач, по собственной инициативе. Подъехав в одиночку под стену, он принялся снова вызывать Войта.

Со стены ему кричали, чтоб и сам уходил, и лесовиков своих уводил.

— Нам в них надобы нет! Уходи, Плескач, чтоб не было худа.

— А в вас кому есть надоба? Покажите мне их! Пусть на стену выйдут, — бесновался Плескач, разъезжая вдоль стены на неказистой мышастой масти лошадке и потрясая зажатым в кулаке кнутовищем.

Иван подумал, что если дело дальше пойдет таким образом, то, пожалуй, Плескачу из-под стены живым не уйти, но тут к тому подскакал Ясь, схватил за локоть и чуть ли не силком увлек его за собой.

Плескач не сопротивлялся, только оглядывался и по-кошачьи шипел и плевался, потому что слов у него больше не осталось.

— Ах, — сказал Воробей, наблюдавший из-за кустов эту сцену. — Какой отважный у нас Плескач. Пошли, ребята.

Горожане увидели, как из-за деревьев показалось войско и пошло к городу. Однако вид у этого войска был не воинственный. Ратники брели толпой, не соблюдая строя, не обнажая оружия, вперемешку с бабами и детьми. Тут и там катились доверху груженные повозки, присутствие которых никого не удивило, слух о несметных богатствах, награбленных Воробьем, давно уже будоражил умы рачительных обитателей Речицы.

Старшие над горожанами растерялись, не понимая, что следует предпринять. Этой минутной растерянности хватило, чтоб войско подошло под самые стены. Холстина, закрывавшее груз на повозках, была, как по мановению ока, сдернута и обнаружилось, что они доверху гружены сухим хворостом. В руках же у ратников оказались луки, и теперь нечего было думать, чтобы отогнать незваных гостей от города, так как те могли на каждое движение ответить градом стрел, а на таком расстоянии промахнуться трудно.

Смех и улюлюканье на стенах смолкли, и в наступившей тишине раздался голос Воробья. — Зовите Войта.

Не дождавшись ответа, Воробей махнул рукой, и в руках людей, стоящих возле повозок с хворостом, запылали факелы. — Зовите Войта, а не то стены спалю, град на копьё возьму, всех смерти предам.

— И мертвые позавидуют живым! — неожиданно для себя заорал Иван. Воевода удивленно оглянулся на него. — О, это хорошо сказано. Надо запомнить.

Неизвестно, что больше подействовало на психику защитников города, грозные ли слова

Ивана или вид людей с факелами, но через несколько минут со стены крикнули. — Кто тут вызывал Войта?

Наместник Войт оказался невысоким сухощавым мужчиной средних лет, в шлеме и кольчуге, которые, впрочем, не очень ему шли. Было видно, что обычно он носит совсем другую одежду.

— Я вызывал.

— Так вот ты такой, Воробей.

— А ты какого ждал?

— Не знаю. Только вот слышу, говорят, идет Воробей с дружиной. Где ж твоя дружина, Воробей?

— Вся тут.

— Не густо.

— Сколько есть.

— Не густо, — повторил Войт. — Ради такой жмени даже и ворота открывать лень.

Несмотря на эти слова, Ивану стал отчетливо ясен смысл их бесконечных блужданий по лесу. Будь у Воробья только те несколько десятков порубежников, с которыми он начал свой поход, никто бы с ним тут не стал разговаривать. А теперь его войско было сильно не только численностью, но и тем, что подобрались в нем люди, уже сделавшие свой выбор и готовые идти до конца. Так что, они, конечно, имели фору перед горожанами, которые, судя по всему, еще и сами толком не знали, чего хотят.

Между тем торг продолжался.

— Нам лишние рты не нужны, — безразлично глядя в небо заявил Войт. — Едоков у нас и без вас хватает.

— А мечей у вас хватает? — спросил Воробей. — Или ты думаешь, мы твой хлеб даром собрались есть?

— А кто вас знает, — отвечал Войт.

Пререкались долго. Договорились на том, что впущены будут только способные носить оружие.

— А как же жены наши и вдовы? — закричал кто-то в задних рядах. — А детей куда и стариков?

Воробей махнув рукой, пресек ропот, и повел всех к воротам. Однако повозки приказал пока не трогать, так же повелел, чтоб и люди с факелами оставались на своих местах.

Заскрипели, открываясь, створки ворот.

— Ну, заходи, чего вылупились, — закричал привратник. — Да огонь-то не тащи.

Люди потянулись в крепость, поле на котором был их стан, опустело, лишь курился, догорая, костер.

— Э, а баб-то пускать и не велено, — закричал привратник, видя, что вместе с воинам в ворота заходят и женщины.

Воробей широко улыбнулся ему в лицо. — Ну, не пусти. А я посмотрю, что из этого выйдет.

— Тьфу, — привратник, мимо которого торопливо, словно боясь, что впустившие их сюда вот-вот передумают, шли люди, отвернулся, чтоб хотя бы не видеть этого безобразия.

Через некоторое время людской поток иссяк.

— Все, что ли?

— Все до единого.

— Все, заваливай ворота.

Закрыв тяжелые створки ворот, на половину их высоты навалили груды камней, чтоб дольше смогли выдержать удары тарана.

Глава двадцать четвёртая

Неказистые укрепления Речицы, все эти оплывшие валы, подгнившие частоколы и не доведенные до верха стены, скрывали город на удивление обширный, хоть и выстроенный явно без определённого плана. Деревянные дома, среди которых попадались даже двухэтажные, стояли в беспорядке, каждый из них представлял центр усадьбы, огороженной высоким тыном, за которым, кроме жилых домов, теснились хозяйственные постройки.

Видно было, что город закладывался с большим запасом, в расчете на грядущий приток населения. Поэтому свободного места в нем было много. Кое-где на сотни шагов простирались пустоши, на которых паслись козы и коровы.

Пустоши сменялись кустарниками и даже, на первый взгляд, не тронутыми, участками настоящего леса. Но стоило пройти еще немного, и вот уже заборы стояли впритык, чуть ли не налазя друг на друга и узкие улочки между ними образовывали настоящий лабиринт, который опять сменялся просторными выгонами.

Бросалось в глаза, что те, кто чувствовал себя достаточно сильным, норовил выбрать место для жилища попросторней. Тут и дома были покрепче и ограды повыше. Те же кто на себя полагался не очень, предпочитал жаться к таким же как сам.

Впрочем, лачуги и землянки тех, кого сохранность своего добра не беспокоила, были натканы, вообще, как попало и где угодно, будь то край оврага или болотина, значения не имело, лишь бы земля была бросовая, на которую никто более сильный не польстится.

Река Древица делила город на две неравные части, одна из которых, Верхний город, располагалась на высоком мысу, образованном при впадении Древицы в Млын. Здесь располагалась резиденция наместника и склады, куда из года в год свозилась дань, предназначенная для готфских королей. Здесь же квартировало и три сотни готфских ратников, составлявших то ли личную гвардию наместника, то ли его конвой, потому что начальствующий над готфскими воинами подчинялся не наместнику, а непосредственно королю. Деревянный широкий мост связывал Верхний город с другой, низменной, частью Речицы, Заречьем. Через этот мост пролежала и единственная улица Речицы, в полной мере заслуживающая звания улицы, замощенная дубовыми плахами, она начиналась от главных ворот крепости и вела прямо к воротам резиденции.

Теперь по ней, во всю её ширину, текло воинство Воробья, а по обеим сторонам стеной стояли горожане, вооруженные, как для битвы. Вид их и выражение лиц нельзя было назвать особо радостными, большинство смотрело угрюмо и недоверчиво. Впрочем, их можно было понять, оборвавшиеся и исхудавшие за время лесных скитаний, пришельцы смотрелись на фоне сытых и чисто одетых обитателей Речицы, как волки среди стаи дворовых собак. Сходство это усугублялось еще и тем, что они шли молча, тогда как хозяева громко обмениваясь неличеприятными впечатлениями, не упуская ни малейшего повода для выражения своих чувств. Они преувеличенно громко смеялись собственным шуткам, бросали вызывающие взгляды, но за всем этим ясно проступали страх и неуверенность.

Справедливости ради надо сказать, что эта неприязнь разделялась далеко не всеми горожанами, к тому же многие из них обнаруживали среди людей Воробья своих знакомых и родичей, некоторые из которых числились погибшими, но тон задавали явно не они.

Воробей, казалось, был совершенно не удивлен недружелюбным приемом, он ехал впереди с невозмутимым лицом, даже не глядя по сторонам. Воины же его, вошедшие в

город беспорядочной толпой, не дожидаясь команды, сбились плотнее, и шли теперь, ряд за рядом, не отвечая на насмешки, а на не частые приветственные возгласы реагируя разве что быстрой улыбкой или коротким взмахом руки. И даже обоз, следовавший в хвосте колонны, в обычное время бывший постоянным источником всякой смуты и беспорядка, сейчас смотрелся как вполне боеспособная часть. Грозно гремя колесами, его телеги катились, оцетинившись копьями и рогатинами, на которых еще виднелись следы крови. А женщины, сидевшие в повозках, уже не считали нужным сдерживаться. Оскорбленные и раздраженные тем, как их встретили горожане, и не понимая причины этого, они на каждое слово отвечали тремя.

Между тем, ни самого Войта, ни еще кого-нибудь из городской верхушки не было видно. Из чего можно было сделать вывод, что официальная часть церемонии встречи еще впереди. Так оно и оказалось.

Войт, сидя на высоком белом жеребце, закутавшись в малиновый плащ, ждал на пустоши, перед мостом. Его свиту составляли несколько десятков конных, облаченных в богатые одежды, за спинами которых застыли ровные ряды готфских мечников. Блестящие яйцевидные шлемы и круглые черные щиты готфов придавали зрелищу мрачную, чтобы не сказать угрожающую, торжественность.

Ивану все меньше нравилось происходящее. Легкий холодок в груди — верный предвестник заварухи, постепенно обретал осязаемую форму. Но похоже было, что никто не разделял его беспокойства, даже Митька, ехавший обочь, с таким же как у всех, бесстрастным, одеревенелым лицом. Ясно было, что предупреждать о чем-нибудь бесполезно. Да и о чем, собственно, мог предупредить Иван? О враждебности, явственной исходящей от вооруженной толпы горожан и которую он чувствовал всей своей кожей? Но подозрения, как говорится, к делу не пришьешь. Поэтому оставалось следовать за воеводой, уповая на то, что он знает что делает.

Когда до неподвижной фигуры наместника оставалось десятка три шагов, Воробей придержал коня и, подняв правую руку, учтиво приветствовал Войта, словно видел его сегодня в первый раз.

Войт выслушал его, благосклонно кивнул и разразился ответным словом, смысл которого сводился к тому, что он рад видеть доблестного воеводу в своем городе и приглашает его держать совет с лучшими людьми.

Затем наместник изобразил намерение слезть с лошади, но только наклонил туловище и замер, словно в задумчивости, исподлобья поглядывая на Воробья, который, будто не замечая этого взгляда, деловито спрыгнул на землю. Только после этого спешил и Войт. Они пошли навстречу друг другу, обнялись и троекратно поцеловались под одобрительный крик присутствующих. При чем кричали все, и горожане и люди Воробья. Иван с удивлением обнаружил, что и сам орет что-то, хоть и маловразумительное, но определенно позитивное. Холодок в груди растаял.

Воинский строй сломался и рассыпался. Горожане смешались с пришельцами. От былой настороженности не осталось и следа, напротив, люди, полчаса назад, казалось, готовые скрестить мечи, теперь общались с преувеличенной любезностью, которая, впрочем, станет понятной, если принять во внимание, что большинство из присутствующих, конечно, не желало кровопролития, и искренне радовалось мирному исходу встречи.

Однако, несмотря на всеобщее ликование, проследовать в резиденцию наместника Воробей наотрез отказался, чем снова вызвал косые взгляды людей из окружения Войта.

Однако, сам Войт, похоже, иного ответа и не ожидал. Он не стал тратить на уговоры, а предложил расположиться тут же, в тени огромного дуба, стоящего на краю пустоши.

Воробей, не обращая внимания на недовольство старшин, расточал во все стороны ослепительные улыбки, и изумленно, словно напрочь пораженный великолепием приема, хлопал рыжеватыми ресницами, отчего его лицо имело несколько наивное и даже глуповатое выражение.

Готфы, которые одни оставались невозмутимы и бесстрастны, оцепили место переговоров, вежливо, но непреклонно оттеснив простых смертных на пару десятков шагов. Возникший было ропот пресекся, как только на мосту показались груженные бочками повозки. Их появление вызвало новый прилив энтузиазма, часть толпы пошло им на встречу, но другая часть, очевидно, состоявшая из людей не столь падких на угощение, осталась стоять, сгрудившись за линией оцепления и ловя каждое слово, доносившееся из уст переговорщиков.

Состав дипломатических делегаций от обеих сторон сформировался как бы ненароком, но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что случайных участников тут нет, за исключением, пожалуй, одного только Митьки. Ему на этот раз удалось, ловко маневрируя за спиной воеводы, так чтобы не попадаться тому на глаза и, вместе с тем, не отставая ни на шаг, утвердиться в самом, так сказать, эпицентре события. Когда же Воробей, наконец, заметил самозванца, то прогнать его было уже неудобно.

Кроме них тут снова были Ясь с Плескачом, сотники Лащ и Веретенница, ну, и Иван, не правах то ли спичрайтера, то ли телохранителя, по обстановке.

Горожан, кроме самого наместника, представляла его свита, среди которой Иван заметил уже знакомого ему старшину любовян Падеру.

Сосредоточенные отроки довольно таки разбойничьего вида по кивку Войта подносили то одному то другому участнику ковши с медом, и это быстро действовало на атмосферу саммита. Делегации, стоящие друг перед другом чуть ли не по стойке смирно, расслабились и присели на шелковую мураву, образовав круг, в центре которого оказались Войт и Воробей.

Первым вопросом повестки дня стоял вопрос субординации. Со слов наместника выходило так, что Воробей, как младший командир порубежной стражи, состоящий на службе у готфского короля Лилуриха, находится гораздо ниже на служебной лестнице чем наместник такого важного города как Речица и, следовательно, обязан ему полностью и безоговорочно подчиняться.

Таким образом выяснилось, что весть о гибели короля Лилуриха до Речицы еще не дошла, следовательно, о том, что готфское королевство пало под натиском буджаков, тут тоже еще не знали. Вернее сказать, не знали и знать не хотели, полагая существование этого королевства гарантом своей власти и залогом грядущего избавления от буджацкой напасти.

— Врешь ты всё, — прямо сказал Падера. — Да и не врешь, какая разница? И прежде всякое бывало. Бивали готфов уны. И что? Все равно поладили. Унам великий лес отошел, а наше Замлочье под готфов подпало. Поладят и сейчас. И что тебе, Воробью птице мелкой до того, кто нами володеть будет, уны ли, готфы ли, буджаки ли?

— Не булькай, старче, — ответил горячий Плескач. — Ушли уны на закат, и по слухам уж не вернуться. Готфы же спеклись. Ищи новых хозяев.

Про буджаков Плескач не сказал ни слова, промолчал про них и Падера, очевидно

неприятность с головой славного Батурмы оставила тяжелый осадок в его душе.

За него ответил Ворошило, правая рука Войта, бывший при нем вроде ключника, смотритель всех складов и амбаров Речицы и учетчик добра, хранящегося в них.

Был Ворошило крив на правый глаз, пустую глазницу закрывала черная повязка, но тем яростней горело левое его око, желтое, круглое, как у коршуна. Да и наружностью он напоминал эту хищную птицу, нахохленный, мрачный, казалось, только и ждал подходящего случая, чтоб запустить все когти в добычу. При том что был он совсем не стар и повадку имел скорее воинскую, не подходящую к его мирной и сытной должности. Однако не смотря на устрашающую внешность, говорил мягко, словно даже жалея, то ли себя, которому приходится такое говорить, то ли Воробья, которому приходится такое слушать.

— И что ж вам, ребята, не сиделось? Воли захотели? Ну, будет вам воля. Нынче от воли деваться некуда, вон, выйди за ворота, и вот она вся. Только чужая это воля, прежней неволи злее.

— Ничего, была чужая, станет наша, — вдруг вмешался смуглый парень, сидевший рядом с ним.

— Это как же? — все тем же мягким, жалеющим голосом спросил Ворошило.

— А вот! — смуглый парень с размаху воткнул нож в землю, встал на ноги и вышел вон из круга, раздвинув плечом готфов.

— Куда, сопляк! — грозно крикнул вслед Войт. Но смуглый не обратил на его слова внимания.

— Ага, рычи теперь, скаль клыки, — ехидно сказал Падера. — Только, видать, не боится твоих клыков добрый молодец наш Оротя — семя унское.

Войта такое ехидство обидело. — Что это ты обо мне как о звере каком? Я тут с вами пока еще не совсем озверел.

— Лиха беда начало.

Порядочно уже пьяный сотник Лащ выплеснул на траву мед, оставшийся на дне ковша и сказал, глядя, как тяжелые янтарные капли медленно стекают по стеблям. — Ничего не знаю. Одно знаю. Нынче вдов будет много. Вот и погуляем.

— Невеселая гулянка-то получится, — холодно ответил Войт.

— Уж какая есть.

Говорили еще долго, но так и не договорились ни до чего. Идти под руку наместника Воробей отказался, и хотя не сказал этого прямо, но всем своим поведением и уклончивыми разговорами дал ясно понять, что никому подчиняться не собирается.

Других предложений у Войта не имелось, о планах же на будущее речь не заходила. Похоже, что единственной целью переговоров было прощупать друг друга. Насколько это удалось, Иван судить не мог.

Уже в самом конце Войт показал несколько пустующих амбаров на самом берегу Древицы и сказал, что там могут поселиться те, кто не найдет в городе пристанища, а самого Воробья пригласил обосноваться, для удобства ведения взаимных дел, в своей резиденции.

Воевода сердечно поблагодарил, но объяснил, что хочет быть со своими людьми, для того чтобы иметь за ними лучший присмотр.

На том и распрощались, порешив завтра снова встретиться в это же время на этом же месте.

Между тем, пока большие люди вели переговоры, малые тоже времени зря не теряли. По всему городу шло братание и гульба, так что стены, казалось, шатались от молодецких

песен, завывания дудок и уханья бубнов.

Наступившие сумерки не притушили веселья, наоборот, оно только набрало обороты. Везде запылали костры, собирая вокруг себя бражников.

Но Иван и Митька не принимали в празднике участия, они неотступно следовали за воеводой, который мотался по Речице из конца в конец, то тут то там вступая в короткие беседы с незнакомцами, неизвестно откуда возникавшими и неизвестно куда пропадавшими. Сотники Лащ и Веретенница сначала были с ними, но хватило их не надолго, так как почти у каждого костра находили они родичей, побратимов, или просто добрых знакомых, не выпить с которыми было выше человеческих сил. Вот сотники и пили, в итоге после очередного возлияния Воробей дал им увольнительную до утра. Однако место выбывших тут же заняли Ясь и еще один сотник, Байда, неудачливый гонец. Байда, после своего заточения в подвалах гостеприимного Войта, еще не нарадовался освобождению и потому был просветлен и благостен, изредка лишь отпуская кроткие замечания на предмет несовершенства мирового устройства, вообще, и города Речицы в частности. Ясю была чужда такая терпимость. Он в выражениях не стеснялся, трактуя население города, как скопище баранов, готовых безропотно лечь под ножи кочевников.

— Почему же безропотно? — удивился Воробей. — Ты уж так-то плохо о них не думай.

— Точно, тут народ ушлый, а расчет у них простой, проставиться нашими головами перед буджаками, и тем спастись. А додумались до этого Ворошило и Падера. Но таковы не все. Оротя тот же, племянник Войта, ничего плохого не помышляет. А что до самого Войта, то врать не буду, не знаю, темнит он, — сказал Байда, ласково улыбаясь полунагой девице, которая в съехавшем на глаза венке отплясывала, трясая грудями, с какими-то темными личностями, по виду землепашцами, основательно подпорченными городской цивилизацией. Вероятные землепашцы тянулись к девице своими мозолистыми лапами, и при этом, заразительно смеясь, откалывали уморительные коленца.

— Там ведь и наших много, — осторожно намекнул Иван воеводе на возможность разложения войска.

Воробей намек понял. — Ничего, пусть. Наши-то покрепче будут. Посмотрим, кто кого перетянет.

Митька, мрачный, даже не столько от того, что оказался разлучен с Дашей, сколько от того, что окончательное объяснение с ней снова отодвигалось на неопределенный срок, наблюдая этот танец, предположил, что они стали свидетелями зарождения боевого гопака.

— Какого? — обернулся озадаченный Иван. — Почему боевого, то есть? Оно и на нормальный гопак не шибко похоже.

Митька открыл было рот, но никто так никогда и не узнал, что он хотел сказать. Один из плясунов, проскочив под брюхом кобылы, на которой восседал благодушный Байда, в миг оказался возле Воробья, в руке его тускло блеснуло, но Байда оказался быстрее. Вылетевший из его рукава железный шар на цепочке, привязанной к запястью, с миллиардным костяным стуком ударил нападавшего в затылок, тот, выронив нож, ткнулся в колено Воробья лицом и упал под копыта. Его товарищ заметался было, норовя проскользнуть обратно в проулок, но Митькин меч описал высокую дугу и обрушился на него, развалив от плеча до пояса.

— Ишь, менеджер-то, наловчился, — с невольной неприязнью подумал Иван, а Воробей укоризненно покачал головой. — Живьем надо было брать.

— Ты их знаешь? — спросил Байда, нависая над девушкой, которую колотило крупной дрожью. Та лишь покачала головой, запахивая одежду и одновременно вытирая голоую

грудь, забрызганную кровью.

— Не дрожи, ягодка, — добродушно сказал Байда, легко, словно пушинку, беря девушку в охапку и усаживая перед собой в седло. — Самое веселье только начинается.

Девушка затравленно посмотрела на него и заблажила. — Отпусти, дяденька.

— Ну какой я тебе дяденька? — удивился Байда. — Я еще, милая, ого-го. В общем, хоть вой, хоть плачь, а придется тебе поехать с нами.

— Да отпусти ты её, — вмешался Иван. — Еще мы с бабами не воевали.

— Надо будет, и повоюем, — непреклонно ответил Байда. — Ну, не съедим ведь.

— Тебя как зовут? — спросил Воробей.

— Меня-то? — хлюпнула распутница носом. — Мелешкой кличут.

— Ну, вот, — обрадовался Байда. — А меня Байдой зовут. Я великий воин. Слыхала небось?

— Не слыхала, — виновато промолвила пленница. — Я сирота.

— Так и я же сирота, — пришел в совершенный восторг Байда. — А вот этот рыжий, это, знаешь кто?

— Рыжего знаю. Воробей это, воевода.

— И то хлеб. А скажи мне, Мелешка, ты щекотки боишься?

— Ой, боюсь, боюсь, — закричала девушка. — Не щекочись, дяденька.

— Тьфу, — сказал Воробей. — Поехали.

* * *

До поздней ночи мотались они по Речице, в которой от огня костров было светло как днем. Из-за дыма не было видно звезд, оставалось только удивляться, что ни одного пожара в городе еще не случилось.

Это тут всегда так? — поинтересовался Иван, глядя, как плещутся в реке, словно рыбы в садке, десятки голых тел, а на берегу с гиканьем и топотом несутся, скача вокруг костров, хороводы.

— Да нет, — ответил Воробей. — Не всегда, но часто. Тут и раньше-то не скучно было. Люд ведь все больше праздный, служилый да торговый, прибавь обслугу, эти, вообще, оторви да выбрось. Сейчас еще из лесов поднабежало народишку всякого-разного. Ну, и страх, конечно, последнего соображения лишает. А тут мы еще, все такие загадочные, в крови по уши. Поневоле запляшешь.

И, словно в подтверждение его слов, из темноты окутавшей реку, уверенно раздвигая воду сильными длинными ногами, вышла красавица, вся одежда которой состояла лишь из длинной, до пят, распущенной косы. При виде незнакомцев она засмушалась, прикрыв ладонями грудь и низ живота.

— Отличные пропорции, — авторитетно сказал Иван. — Маленькая ладонь, большая грудь. Замечательно! Здравствуй, солнышко.

— Здравствуйте, люди добрые, — певуче ответила красавица и отступила обратно в темноту. Затем раздался сильный плеск, словно ударила хвостом большая рыба, и видение исчезло.

— Все, — решительно сказал Байда. — Простите, бояре, мочи нет.

Он спрыгнул с коня, снял с седла совсем сомлевшую Мелешку и поволок её в кусты, из

которых через какое-то время раздались девичьи вопли. — Ой, пусти, дяденька! Ой, щекотно!

— Да что ж тебе всё щекотно, — увещевал невидимый в зарослях Байда.

— Готов, касатик, — резюмировал Воробей. — Митрий тоже вот-вот из штанов выпрыгнет. Ясь пока еще держится. Молодец. Нам же с тобой, Ванька, все эти соблазны нипочем, пням старым. Все, ребята, поехали в стан.

* * *

Место, отведенное для стоянки Воробьева войска встретило тишиной, лишь несколько костров, вокруг которых виднелись фигуры сидящих людей, выдавало его расположение. На их фоне смутно виднелась неподвижная фигура закутанного в плащ часового, стоящего, опершись на копьё. Копыта коней неслышно ступали по траве, покрывавшей берег. Вдруг тишину прорезали смех и шумный говор, Воробей поднял руку, приказывая остановиться.

Было видно, как к часовому откуда-то приблизилось, со стороны реки, несколько людей, среди которых была и речная красавица, правда теперь на ней была белая рубаха, скорее подчеркивающая, чем скрывающая её прелести. Рядом с ней стояла совсем молоденькая и абсолютно пьяная девушка, которая словно побег плюща вилась вокруг рослого детины надвинутым на глаза колпаке, с большим кувшином на плече. Еще двое парней стояли чуть поодаль.

Часовой охотно вступил в разговор с добрыми людьми, пришедшими скрасить его одиночество, отпил из поднесенного ковша, а затем вдруг раздвоился. От неподвижной, опиравшейся на копьё фигуры, как душа от тела, отделилась легкая светлая тень и обняла красавицу.

Иван потерял глаза, но видение не рассеялось. Разрушил идиллию Плескач, как из-под земли выросший рядом с милующейся парочкой, он наотмашь полоснул плетью таинственную тень по хребту. — На место, сволочь!

Ночные гости моментально пропали, а таинственная тень, ойкнув, стремглав метнулась туда, откуда вышла за минуту до этого, снова составив единое целое с плащом и копьём.

— Каково ночуешь, Плескач? — спросил, подъезжая, Воробей. — Много ли народу ушло в город?

— Ты посмотри на него, — закричал Плескач. — Плащ на копьё повесил, а сам на гульбище наладился. Только про то забыл, что не огород сторожит, а местных воронов чучелом не напугаешь.

— Бить-то зачем? — пробурчал, почесывая спину, хитромудрый часовой, в котором Иван узнал давешнего свата, Ряху Овражника.

— За это не бить, а убивать надо, — с чувством ответил Плескач и доложил Воробью, что в город ушло народу много, по большей части люди одинокие, семейные же все тут.

— А ночуем хорошо. Вот баню истопили. Там тебя, кстати, дожидаются, от Войта присланные.

— Кто такие?

— Сам увидишь, — усмехнулся Плескач.

— Ладно. Сколько их?

— Двое.

— Кто со мной? — спросил Воробей.

— Меня уволь, спать хочу, — откланялся Байда, вслед за ним отправились Ясь и Митька, которым не терпелось скорее добраться до своих зазноб.

Так что при воеводе остался один Иван.

* * *

Тяжелая дверь бани, притулившейся у самой воды, со скрипом отворилась и в ноздри ударил душистый горячий воздух.

Иван пригнул голову и перешагнул порог.

— Здравствуй, храбрый воевода, — сидящие на лавке женщины поднялись и отвесили поясной поклон. — Присланы мы от могучего Падеры, старшины любовянского. Оказать тебе любовь и ласку.

Иван сдернул с головы ушанку и сложившись пополам сделал такое движение, словно обметал ею свои сапоги. Он подсмотрел этот способ здороваться в фильме Три мушкетера, где именно так кланялись галантные французы в подобных ситуациях.

— Здравствуйте и вы, девушки. Могучему же Падере гран мерси. Однако, я не воевода, а так, типа замполита. Воевода же, Воробей великий и ужасный, сейчас прибыть изволят.

Кличут же меня Иван, ну, или просто Ваня. А вы как прозываетесь?

— Ах, — сказала старшая, суровая пышнотелая блондинка, в волнении оглаживая на себе сарафан. — Я и смотрю... Что же это за имя такое, Иван? Заморское, наверно? Я такого и не слыхивала.

— Еще услышишь, — пообещал Иван, с грохотом сваливая свой арсенал на свободную лавку и расстегивая пальто. — Так зовут-то как?

Однако, блондинка отвечать не торопилась, очевидно, полагая, что и так потратила слишком много времени на разговор неизвестно с кем. Спутница её, невысокая стройная девушка, с нежным бледным личиком, одетая не в пример беднее, тоже помалкивала.

Неловкое молчание разрядило появление Воробья, который, несмотря на крошечные размеры предбанника, вошел в него стремительно, словно в дворцовую залу, грозно топорща усы и сверкая очами.

— Ну, уж это-то воевода Воробей, надеюсь? — надменно промолвила блондинка.

— Угадала, — сказал Воробей и вопросительно взглянул на Ивана. Тот только пожал плечами.

— Я сестра могучего Падеры, старшины любовянского, благородная Преведа, — блондинка оказавшаяся на полголовы выше Воробья, смотрела на него свысока. — А это, — она величаво, словно лебязьим крылом, повела рукой, — рабыня моя, девка Ливка.

— А, и впрямь, — опомнился Иван. — Присланы, стало быть, в распоряжение части на предмет оказания любви и ласки. Слушай, Воробей, это что, обычай такой местный?

Преведа окатила его испепеляющим взглядом.

— Понятно. Могучему Падере поклон. — Воробей кивнул Преведе и сказал Ивану. — Когда хотят оказать гостю почет и уважение, то посылают к нему на ночь женщин. Чем женщины благородней, тем больше почета и уважения. Да, и еще, сопровождать их на ложе должны все девушки селения, растянув над их головами белые полотна.

Ты девушек с белыми полотнами тут не видел?

Иван покачал головой, и воевода продолжил. — Это унский обычай, старый. Уж не знаю, как они его сами соблюдали, но от других соблюдения требовали неукоснительного, гости дорогие. Вот так, кстати, Оротя, Войта племянник, на свет появился, чем его и попрекают глупые люди. Сейчас мало кто так делает. Унов ищи свищи, а без них некому принудить народишко. Вот разве что буджаки порядок наведут.

Что до благородной Преведы, вдове четырех мужей, то слава о ней идет громкая, и надо так понимать, что честь нам оказанная немалая.

— Пошли уж в парную, — процедила Преведа, которой упоминание о четырех покойных мужьях явно не понравилось. Ивану было как-то неловко вот так сразу взять и раздеться перед малознакомыми барышнями, но, видя, что и они и воевода стягивают с себя всю одежду, не испытывая совершенно никаких эмоций, скрепил сердце и последовал их примеру.

В парной Воробей развалился на полке, и обе женщины принялись хлестать его вениками, не обращая внимания на Ивана, которого это вполне устраивало. Он скромно мылся в сторонке, с наслаждением обливаясь горячей водой, от которой успел уже отвыкнуть, и поглядывал на благородную Преведу. Суровое и даже свирепое выражение её красивого лица, в сочетании с пышностью форм показалось Ивану весьма пикантным, однако воевода, видимо, был другого мнения, потому что отослал её от себя, сказав, что займется ей попозже. Оставшись в одиночестве, раба Ливка бросила испуганный взгляд на госпожу, словно прося у неё прощения, и с удвоенным усердием возобновила своё занятие. Оставшееся не у дел Преведа, руководила ей на расстоянии, расхаживая словно тигрица в клетке. Команды её звучали резко, как на армейском плацу. — За уд берись... Да не тяни так, дура!.. Умацивай, бестолочь... Сильней три, не покойника, чай, обмываешь.

От этих приказаний Ливка впадала в панику и совершенно теряла соображение, и когда Воробей сгреб её под себя, она с облегченным вздохом раскинула ноги.

— Рано, — сказала, как отрезала, благородная Преведа и воевода взмолился. — Ванька, убери её от меня, а то я за себя не ручаюсь.

— Что ж я с таким дородством делать буду? — закручинился Иван, но честно приступил к выполнению задания.

От прикосновения Ивановой ладони к своей талии благородная Преведа взорвалась, и с ходу постаралась вцепиться в его лицо ногтями, так что тот еле успел перехватить её руки. Завязалась нешуточная борьба. Женщина оказалось на удивление сильной и нападала ожесточенно, не думая о защите. Покрытое мыльной пеной тело выскользывало из рук, и Иван коварной подсечкой опрокинул Преведу на струганные доски пола. Ошеломленная падением, та на мгновение замерла, этого мгновения Ивану, распаленному поединком, хватило, чтоб войти в неё. Тут он, в гордыне своей, возомнил, что попал в слабое место. Но Преведа только охнула и гулко забарабанила кулаками по его спине, изрыгая проклятия. Иван закрыл её рот поцелуем, на что она исхитрилась цапнуть противника за нижнюю губу. Вкус собственной крови разозлил Ивана, и он, не чинясь более, вставил благородной Преведе до упора.

— Так её, — азартно крикнул Воробей, у которого общение с Ливкой достигло полной гармонии, в интимном плане. — А давай наперегонки.

При этих словах Преведа выгнулась, колыхнув тяжелыми грудями перед носом Ивана, и застонала с такой неприкрытой злобой, что каждому стало ясно, воевода нажил себе врага до смертного часа.

Если бы не дивная сила, унаследованная от старого Волоха, то неизвестно чем бы все кончилось. Очень может быть, что благородная Преведа, в конце концов, откусила бы все-таки супостату ухо или, скажем, выдавила глаз, или лишила еще бы какого жизненно важного органа. Но времени на эти глупости у неё не оставалось, Иван не давал ей передышки, так что после четвертого захода, сил у Преведы оставалось только на то, чтобы ругаться хриплым голосом. Это только усугубляло её бедственное положение, так как ругательства, купно со специфическими хлюпающими звуками, сливались в своеобразную музыку, заводящую Ивана еще больше.

В какой-то момент, бросив взгляд на противоположную лавку, Иван увидел, что Воробей с Ливкой сидят обнявшись, как два голубка, и смотрят на происходящее одинаково круглыми глазами. Тут он опомнился и, прикинув, чем можно удивить напоследок свою жертву, стал над ней на коленях, словно плотник над бревном, которое ему предстоит обтесать, и выложил свой увесистый инструмент, приладив его между объемистых персей Преведы, которая даже приподнялась слегка, чтоб получше рассмотреть, что он еще удумал, но, судя по всему, ничего сенсационного не обнаружив, опустила бархатные ресницы. Её запекшиеся губы приоткрылись и выдали очередную порцию брани, на этот раз последнюю, так как через мгновение рот её оказался занят.

— А я бы не рискнул, — честно признался неустрашимый воевода. — Отчаянный ты мужик. Ночью все же держи ухо востро, а то ткнет шпилькой под ухо, и поминай как звали.

— Не понял, — забеспокоился Иван. — А барышни разве домой к себе не уходят?

— До утра с нами должны быть, — сладко улыбнувшись, ответил Воробей, и Ливка мелко закивала в подтверждение его слов. — Иначе обидим добрых людей, которые нас столь уважили.

Так что, когда перебрались в покосившуюся избенку, где квартировал Воробей, Иван первым делом намотал косу Преведы на руку, после чего, не чая проснуться живым, но будь что будет, уснул мертвым сном.

Однако, утром, проснувшись, обнаружил, что ничего страшного с ним, кроме небольшой ломоты в суставах, не произошло, а Преведа исчезла бесследно, прихватив Ливку, рабу свою.

Иван пробормотал. — Слава великому Волоху, — перевернулся на другой бок и снова уснул, а когда снова проснулся, то узнал, что Воробей на этот раз отправился на переговоры один.

Глава двадцать пятая

Гульба в Речице не стихала, но теперь тон в ней задавали готфские мечники, которые, узнав о гибели своего короля и падении королевства, пошли в разнос со всей силою отчаянья.

Несмотря на то, что их было всего три сотни, шуму они делали столько, что казалось будто их раз в десять больше. Шум этот, в отличие от вчерашнего бесшабашного разгула, был совсем невеселым, в нем воедино смешались обрывки песен, плач и проклятия. Пили готфы, как в последний день жизни, впрочем, очевидно, что таковым они, с полным на то правом, почитали сегодняшней день. Но все их дела были между собой, местных они словно не видели, а те, в свою очередь, только косились опасливо.

Глянув одним глазом на это безобразие, Иван вернулся в лагерь, где на нем сразу повис безутешный Митька, которому Даша дала окончательную отставку.

— А где она? — спросил Иван.

— Не знаю и знать не хочу, — Митька был уже в серьезном подпитии и, похоже, останавливаться на достигнутом не собирался. — У неё своя дорога, у меня своя, — с этими словами он зашел в реку и, как был, в полном вооружении поплыл на тот берег.

Наблюдая за его заплывом, Иван вдруг заметил непонятную суету возле Водяных ворот, которые запирали устье Древицы и казались недействующими. Но это было не так, створки их с тяжким скрежетом разошлись, пропуская во внутреннюю заводь низкий длинный корабль с черным корпусом, словно сошедший с картинки из учебника истории. Носовая часть его была увенчана драконьей головой, парус спущен. Он скользил против течения, движимый веслами, которые, по ряду с каждой стороны, согласно пенили тихую речку.

— А говорили, пропали готфы! — крикнул кто-то рядом, срываясь на бег. — А они, вот они!

Корабль плавно развернулся, еще один удар весел, и вот острый форштевень окованный медью пробороздил береговой песок. С бортов его, прямо в мелкую воду, держа оружие над головой, прыгнули воины и перекинули на берег дощатые сходни, по которым на твердую почву спустились остальные обитатели судна. Не вступая в разговоры со сбежавшимися жителями, они сразу же пошли по дороге в Верхний город. Было их несколько десятков, впереди широко шагал высокий светловолосый человек в блестящих доспехах. Видно было, как к ним по пути присоединялись городские готфы. Возле корабля осталось только несколько стражников, которые, в отличие от ушедших, охотно вступали в беседу.

Протиснувшись сквозь толпу любопытных, Иван вдруг сообразил, что один из стоящих возле корабля, хмурый юноша с забинтованной головой, кого-то ему напоминает, а через пару секунд уже стискивал в объятиях Саню, который то улыбался во весь рот, то морщился от боли.

— Все наши живы?

— Все, все, — поспешил сообщить Иван и, не дожидаясь особого вопроса про Веру, сказал, что Вера теперь в порядке, ухаживает за ранеными, медсестра ведь как никак, а до того так убивалась по Сане, что крыша у ней совсем было съехала. Но теперь, тьфу-тьфу, все нормально. В своей простоте Иван полагал, что услышать такое о любимой девушке лестно всякому порядочному молодому человеку, и удивился, видя, как разволновался и расстроился Саня. — Иваныч, пошли к ней!

— Уже идем.

Но сразу пойти им не удалось, потому что тут с пьяными поцелуями налетел облепленный тиной и вываленный в песке Митька, с которого ручьем стекала вода. — Саня! Последним пароходом! Орел! Ну, хотя кому-то повезло, — с присущей подвыпившим людям экзальтированностью кричал он и призывал немедленно отметить это дело. Услышав же, что Иван и Саня намереваются отправиться на поиски Веры, сразу сник, однако, чтоб не разрушать кампании, увязался за ними.

По дороге Саня поведал о том, как заметили его, бездыханного, проплывавшие мимо готфы, хорошие ребята, и приняли на борт.

— А они-то откуда взялись? — спросил Митька. — Их же вроде всех буджаки перебили.

— Эти отбились, — ответил Саня. — Да их всего ничего, с полсотни едва наберется. Старшим над ними князь Эльгард Румяный.

— Ага, — прикинул Митька. — Раз князь, значит, вероятный наследник престола. Не думаю, что Воробей сильно обрадуется. Он к готфам прохладно относится.

Хотя, с другой стороны, толку в этом престоле, когда подданных почти не осталось.

— Вот так оно всегда и бывает, — философски заметил Иван. — Народ уже, считай, что под корень извели, а наследники престола всё прибывают.

— Исторический факт, — согласился Саня. — Однако, Эльгард этот нормальный князь, прогрессивный такой. Да и права у него птичьи. Таких наследников сейчас по лесам бродит как собак нерезаных.

* * *

Принимая во внимание ожесточенность боев, выдержанных воинством воеводы Воробья, раненых должно было быть гораздо больше тех трех десятков, которых увидела Вера, когда впервые вошла в щелястый амбар, отведенный для их содержания. Уже потом ведун Махора, заправлявший тут, рассказал ей, что по воинскому обычаю, если человек чувствует, что рана смертельна, то он часто сам лишает себя жизни, чтоб не длить бесполезных мучений и не связывать собой руки товарищам. А какая рана считается тут смертельной, Вера знал и без Махоры. Практически любое полостное ранение не оставляло раненому шансов, то же самое и в случаях когда были повреждены внутренние органы. Хотя исключения, конечно, бывали. Их, на взгляд Веры, было даже чересчур много, объяснение чему следовало искать то ли в лекарском искусстве Махоры, то ли в природной крепости здоровья ратников.

На саму же Веру Махора и помогавшие ему пожилые женщины сначала смотрели настороженно, но через несколько часов, убедившись в её добросовестности и сноровке, отбросили предубеждение.

Вместо коек в этом импровизированном лазарете были застланные соломой повозки, загнанные в амбар. На них по двое, по трое лежали раненные. Погода стояла жаркая, но тут было прохладно. Свет же проходил сквозь дырявую крышу и широкие ворота, которые ради этого, а так же для притока свежего воздуха, держали постоянно открытыми. Привычным лекарям хватало, но человеку, вошедшему с улицы, какое-то время, пока не привыкнут глаза, казалось, что тут царит полумрак.

С утра, по-монашески низко повязанная темным платком, Вера тихой тенью сновала

между повозками, поднося воду и меняя повязки. Её внимание всецело было отдано раненым, и она не обратила внимания на появление в проеме ворот нескольких человек, тем более, что солнце светившее им в спину, не позволяло разглядеть лица, а только темные силуэты, вокруг которых солнечные лучи сплетались в ослепительный ореол. Впрочем на них никто не обратил внимания, у каждого из раненных хватало родных и близких, которые не оставляли их без попечения и часто навещали.

— Ну, иди, — сказал Иван, подталкивая Саню в спину. — Там она.

Саня вошел в ворота. В прохладном сумраке просторного помещения, словно в музее колесного транспорта, стояли ряды повозок, в которых смутно белели пятна человеческих лиц, над которыми склонялись темные, какие-то бестелесные, фигуры.

Земляной утоптаный пол, усеянный сеном, гасил звук шагов.

— Вера, — негромко позвал Саня. Одна из фигур распрямилась и, словно не касаясь земли, двинулась навстречу ему.

Свое имя, произнесенное знакомым голосом, который, казалось, ей уже никогда не суждено было услышать, пронзило Веру, как удар молнии, она словно окаменела каждой клеткой своего тела, а ноги уже сами несли её навстречу Сане. — Живой!

Они столкнулись с такой силой, что в другое время наверняка бы ушиблись друг от друга, но только не теперь, когда единственное желание было, дотронуться друг до друга, чтобы убедиться в том, что они снова вместе.

Иван, деликатно подсматривающий из-за створки ворот, окончательно уверился, что Таха ошиблась, и эти люди любят друг друга.

— Чего там, Иваныч? — спросил Митька, который, несмотря на определенную грубость своей натуры, не чужд был сентиментальности, в некоторые моменты жизни проявлявшейся как-то по особенному резко.

Вот и теперь, услышав в ответ. — Встретились нормально. Теперь дышат друг на друга. — Митька не захотел вживую увидеть эту восхитительную картину, а постарался запечатлеть её в памяти такой, какой она представилась в этот миг его воображению.

Вера никому в лечебнице не рассказывала о своем горе, но каким-то образом все о нем знали. И теперь взоры и раненных и тех, кто их лечил, были прикованы к сцене счастливой развязки, которая давала надежду на то, что счастье возможно даже в этом обиталище мук и скорби.

— Добрый знак, — сказал ведун Мухора, смачивая водой пылающий лоб безусого десятника, который маялся грудью, навывлет пробитой клинком. Десятник еле заметно улыбнулся краем губ, соглашаясь, и, вздрогнув всем телом, вытянулся. Старый ведун вздохнул и, проведя по лицу умершего ладонью сверху вниз, опустил ему веки.

* * *

Воробей появился в лагере только к полудню. И тут же созвал начальных людей.

Военный совет собрался на самом берегу Древицы, под высокой ивой, чьи гибкие ветки, опускаясь почти до самой воды, защищали от палящего солнца.

— Ну, сегодня Войт был поговорчивей, — Воробей, опустившись на землю, прислонился к зеленоватому древесному стволу и вытянул ноги.

— Еще бы, — сказал Лащ. — Король убит. Королевство разбежалось. Городские готфы

перекинулись к своему природному князю. Войт теперь гол как сокол. Был наместник да весь вышел.

— Не скажи, — возразил Байда, крутя тонкий ус. — У Войта в Речице людей и без готфов хватает. А вот почему Эльгард к Нетко не подался, это вопрос. Туда и ближе и ратных там, не в пример Речице, больше.

— К Нетко? В Залесье? — усмехнулся Плескач. — Проснись, товарищ. Нетко, где готфа видит, там его и вешает веревкой за шею. Лишь бы, говорит, берез в лесу хватило, а он мол, Нетко, то есть, дело свое знает. Так что, Эльгарду там делать нечего.

— Наговорились? — осведомился Воробей и, видя, что сотники замолчали, продолжил. — По словам Войта выходит так, что у него с Нетко договор есть, чтобы держаться в Речице до последнего. Потому он нас и впустил в город. Воинская сила нужна. Об Эльгарде беспокоиться не стоит, ему деваться некуда, кроме как с нами заодно стоять. А вот Ворошило и Патера мутят воду, думают с буджаками добром поладить.

— На сук обоих, — сказал Ясь.

— Хорошо бы, — согласился Воробей. — Но нельзя. Много таких, которые сами не знают куда им. То ли за Падерой, то ли за нами.

— Само собой, — не стал спорить Ясь. — А как повесим Падеру, то тут уж они быстро сообразят, что, кроме как за нами, пути нет.

Воробей взглянул на своего помощника, видно было, что у него и у самого чешутся руки, вздернуть старшину любовичей и Войтова приказчика на первом суку. — Нельзя, Ясь. Если мы без видимой вины с ними расправимся, то люди решат, что не такая уж наша правда правая. Что она у нас со щербинкой. И плевать бы на то, будь сил побольше. Только сил у нас мало, поприще же предстоит великое. А значит и правда должна быть за нами вся, без изъяна.

Не проронивший до того ни слова, сотник Веретенница сказал. — Так. А повесите всегда успеем.

— Ладно, пусть так, — подал голос Лащ. — Значит, пока Нетко рать собирает, мы должны буджаков на себя принять и держать их сколько можно. А ты подумал, воевода, что будет, если не поспеет Нетко?

— Подумал, — ответил Воробей. — Войт говорит, что брежане клялись сплавиться по Млоче судовой ратью. Ждет их не сегодня завтра на подмогу. Ну, племя сильное. А там видно будет, если мочи не станет, уйдем с ними Млочью в леса. А пока суд да дело, полагаю, надо рвом обвести Речицу, стены поправить, много чего, сами знаете. Это — главное.

На том военный совет закончился.

* * *

Несколько дней все население Речицы занималось рытьем рва и укреплением стен. Все это время в крепость продолжали приходиться люди, бежавшие из разоренных мест. Вести они приносили неутешительные. Сильное племя брежан как в воду кануло. А про Нетко только и слуху было, что рубится он крепко на границе Великого леса с половиной буджакского войска, а вторая половина, рать неисчислимая, идет тремя колоннами к Речице, сметая все на своем пути. И ведет её непобедимый Харуха.

Косвенным подтверждением тому, что в слухах этих была доля истины, служило то, что

с каждым днем все меньше людей приходило в Речицу, и однажды настал день когда не пришел никто, а из трех высланных из крепости дозоров вернулся только один. Старший дозора десятник Ян Кравец сказал, что буджаки в одном переходе, а сколько их, того узнать невозможно, потому что впереди главных сил идет облавой легкая конница, мимо которой мыши не проскочить.

Люди на стенах с тревогой всматривались в знакомые очертания леса, ставшего вдруг враждебным. Но пока что все было спокойно, лишь неумолчно пели птицы да шумели листвой ветки деревьев.

* * *

Пожалуй, только Митька не разделял общего беспокойства. Ему было не до того. Даша, которая бросила его и теперь всячески избегала встречи с ним, отказываясь даже разговаривать, умудрилась нанести еще одну незаживающую рану исстрадавшейся душе. Готфский князь Эльгард Румяный покорил её изменчивое сердце. Самое же обидное было то, что Митька сам сыграл роль, так сказать, катализатора этого ужасного процесса.

Дело было так. Всячески стараясь поговорить с Дашей наедине, Митька скрадывал её подобно тому, как медведь скрадывает свою предполагаемую добычу, пробираясь окольными тропами и выжидая удобного момента. Но Даша, хитрая, как лиса, была столь же и осторожна. Много раз Митька замечал её легкую фигурку, но всякий раз кто-нибудь оказывался рядом. А свидетели в таком деликатном предприятии были ему не нужны. Ну, действительно, то, что Митька собирался сказать было предназначено не для посторонних ушей. Начало своей речи он приготовил заранее. Это было отличное, практически беспроегрешное начало.

— Любимая! — сказал бы Митька. — Любимая!

Что говорить дальше он пока еще не придумал. Но и этого было вполне достаточно, дальше все должно было пойти как по маслу, естественным образом, подобно тому, как дождевые капли, выпав из облака, рано или поздно, обязательно достигнут земли.

И вот, наконец, его усердие было вознаграждено, он перехватил Дашу на узкой тропинке, ведущей к роднику.

Увидев Митьку, который вырос словно из-под земли, и, широко улыбаясь, преградил дорогу, Даша только поморщилась, не говоря худого слова, повернулась, и пошла себе обратно. Это было обидно, и улыбающееся Митькино лицо, застыв, стало напоминать своим видом трагическую маску. В один прыжок он настиг Дашу и грубо схватил её за плечо.

— Пусти, придурок, — девушка резким движением высвободилась и продолжила путь, подумывая о том, что не пора ли пуститься бежать или, тоже не плохо, поднять крик, а то и воспользоваться ножом, висящим на поясе. Бедный Митька по молодости лет еще не представлял, насколько мужчина может надоесть женщине, и на какие кошмарные преступления она способна пойти, только чтоб избавиться от постылого.

Ему было не до тонкостей. Даже превосходное, заготовленное впрок, вступление к решающей речи вылетело из головы, и он, снова догнав Дашу и, снова схватив её за плечо, сказал просто. — Ах, ты, кошка трёпаная.

Тут и появился, приветливо улыбаясь, готфский князь Эльгард Румяный, верхом на вороном жеребце, подаренном ему в знак братской дружбы воеводой Воробьем. Князь был

не один, его сопровождал сотник Панта, телохранитель, но тот не вмешивался, так и просидел все время в седле, перебирая толстыми пальцами янтарные четки. Притерпелся, видать, к княжеским причудам.

— Лесные люди бесхитростны и прямы, ну, примерно как хорошо оструганное бревно, — небрежным тоном заметил Эльгард Румяный, придерживая коня, чтоб получше рассмотреть разворачивающуюся перед ним жанровую сценку.

Панта кивнул головой, в знак того, что понял сказанное, подумал, и сказал. — В еде же они неприхотливы. Бурундуков жрут.

— Надо же, — удивился князь.

Митька неохотно разжал ладонь, которой он сжимал плечо Даши. — Шли бы вы своей дорогой, интервенты хреновы.

Почувствовав, что свободна, Даша отступила на шаг и, взглянув на князя, поняла, что он ей нравится. Князь был хоть куда, высокий, широкий в плечах, узкий в поясе, с приветливым чистым лицом, окаймленным шелковистой бородкой, он смотрел ласково и прямо, являя собой приятный контраст со жлобски набычившимся Митькой, который уже вытягивал меч из ножен.

Улыбнувшись Даше, князь спешился и тоже обнажил клинок.

— Щит? — вопросительно сказал Панта, выполнявший по совместительству и обязанности оруженосца.

— Стыдись, — мягко ответил Эльгард Румяный. — Ведь у моего противника нет щита.

— Да у него и мозгов, в общем-то, нет, — сказал Панта. — Так что ж теперь?

— И впрямь, — согласился князь, отражая страшный удар, и делая ответный выпад.

С лязгом скрещивались мечи, вырванная с корнем трава летела из-под подошв, и Эльгард Румяный сказал. — Ночь. Полная луна. Черный корабль бесшумно движется по широкой реке. Прекрасные девы плещутся, как русалки, в серебристых волнах. Их двое, но одна из них особенно прекрасна.

— Мне-то больше вторая понравилась, — сказал честный Панта. — Грудастая такая.

— Я помню, — произнесла Даша. — Красивый корабль.

— Он твой, — князь, припав на колено, увернулся от широкого лезвия Митькиного меча и, вскочив, нанес ответный удар.

— Значит так, — подумал Митька, работая мечом. — Сначала зарублю князя-прелюбодея, потом идиота-слугу, а там и Дашке головы не сносить. Зарою в одной яме и плюну на могилу.

Но привести свой план в исполнение ему не удалось.

На поле боя появились новые участники, воевода Воробей со товарищи.

— Ага, — зловеще произнес Воробей. — Резвимся. Бабу не поделили, — и гаркнул. — Мечи в ножны!

Противники нехотя подчинились приказу.

— Теперь ты, барышня, — обратился Воробей к Даше. — С кем из них пойдешь?

— Воевода, — побелел Митька. — Ты чего творишь?

— Суд творю, — спокойно ответил Воробей. — По обычаю наших дедов. Она ведь не жена тебе. Или все-таки жена?

— Не жена, — вынужден был признать Митька.

— Тогда стой и не вякай, — Воробей снова повернулся к Даше. — Выбрала?

— Выбрала.

— Хорошо. Сейчас сделаем так. Ты, — воевода ткнул пальцем в Митьку. — Пойдешь туда. — А ты, князь, — его палец перенацелился на Эльгарда, — в другую сторону. А барышня останется пока что со мной. Сегодня она придет к тому, которого выбрала. Ждите.

— Хороший обычай у твоих дедов, — процедил Митька.

— Какой есть, — ответил воевода. — И еще есть обычай, кто из войска на своего руку поднимет, тому смерть.

Сотники, стоящие спиной воеводы, согласно кивнули.

— Бей! — Митька рванул рубаху на груди.

— В другой раз и ударю, не сомневайся, — воевода поворотил коня и поехал прочь.

Ближе к вечеру Даша поднялась на борт готфского корабля. Молчаливый воин со щрамом через всё лицо провел её в кормовую надстройку, где в крохотной каюте обитал князь Эльгард Румяный.

— Я пришла посмотреть свой корабль, — сказала Даша.

— Если бы мы встретились раньше, — сказал князь наливая вино в золотые кубки. — Я бы подарил тебе много разных прекрасных подарков. Но теперь этот корабль, все, что осталось от готфского королевства. Владей им и моим сердцем впридачу.

— Это немало, — ответила Даша, складывая в углу лук и колчан со стрелами, и принимая кубок.

Глава двадцать шестая

Ночью готфский скальд Эльвириус, приплывший в Речицу вместе с князем, сложил песню и тут же, по своему обычаю, спел её.

— О чем поем? — осведомился Иван, которому выпал жребий делить с готфом ночную стражу на западном участке стены.

— Эта песня, — охотно ответил Эльвириус, взглядываясь в бездонную черноту неба, — о доблестном готфском князе Эльгарде Румяном. Княжество его погибло, его корабль назывался Ласточка. Невеста, девушка из страны, которой никто не видел, принесла в приданное Эльгарду лук и стрелы. Если случится чудо, то они будут счастливы.

— Чудес не бывает, — сказал Иван.

— Бывают, — ответил Эльвириус. — Я видел немало чудес. Последнее три дня назад, когда созвездие Ковша взошло средь бела дня не с той стороны неба.

— Это? — Иван показал на Большую Медведицу.

— Да.

— Где ты это видел? — трясущийся от возбуждения Иван готов был схватить флегматичного готфа, и трясти его за ноги, держа вниз головой, как Буратино, пока изо рта того не выпадет золотой ключик. Но до этого, к счастью, не дошло.

Эльвириус, хоть и заметно удивленный настойчивостью и волнением собеседника, постарался дать исчерпывающий ответ, рассказав, что видел он это, и не он один, в трех днях пути отсюда, ниже по течению, на левом берегу Млочи. Он припомнил даже, что был там странный холм, с белым откосом и деревья на этом холме были обуглены, как от удара молнии. Звезды виднелись правее этого холма, если смотреть с реки. А запомнил он это потому, что дело было днем, при ярком солнце.

Иван еле досидел до утра, он уже знал коварную особенность всех этих таинственных знаков исчезать в самый неподходящий момент. Поэтому следовало спешить.

Саню найти было не сложно, он ночевал у Веры. Условившись с ними встретиться через час полтора, Иван отправился на поиски Митьки. Поиски затянулись.

В той людской тесноте, которая царила в Речице, легко могли затеряться не то что один человек, но и добрая сотня. Наконец, Ивану повезло. Пробираясь узким проулком, образованным глухими бревенчатыми заборами, он услышал женский визг и глухие удары бубна. И не успел сделать двух шагов, как перед его носом открылась неприметная калитка, и из нее вывалился по пояс голый босой человек с всколоченной головой, плашмя упав в лужу. Калитка тут же захлопнулась, но Иван успел подставить ногу.

— Эй, ты чего, дядя? — из щели между дверью и косяком смотрело недовольное лицо типичного вышибалы.

Иван подивившись неистребимости этого сословия, которое в целости донесло родимые пятна, накладываемые своей профессией, из седой древности до наших дней, молча надвинул шапку вопрошавшему на глаза и, отодвинув его с дороги, вошел внутрь.

И первым же кого он увидел, когда глаза чуть притерпелись к тусклому свету, был сидевший во главе стола Митька, который при виде Ивана радостно замахал рукой, приглашая присоединиться к пирующим. Ворвавшийся с дубинкой в руке вслед за Иваном вышибала, видя, что гость не совсем не прощенный, решил конфликт не усугублять и вернулся на рабочее место.

— Иваныч, друг! Заходи! — кричал Митька. — У нас тут музыка, все дела. Брага пенная! Люди хорошие. Барышни, как ты любишь, интеллигентные, — Митька широким жестом показал на обнаженную женщину с безумной улыбкой стоящую на столе, — Пляши, родимая! А ты, играй, давай, — Митька пихнул ногой скамью, верхом на которой понурился совершенно пьяный человечек с бубном в руках.

Женщина трянула спутанной гривой темных волос и, поводя мокрыми от пота плечами, стала притоптывать босыми пятками, разбрасывая черепки битой посуды.

— Тут еще двое с дудками были, — пояснил Митька. — Очень громко, хорошо играли, да запропастились куда-то.

— Тебя зачем сюда прислали? Генетический фонд портить? — Иван сгреб Митьку за шкуру и потащил на свежий воздух.

Против ожидания, новость не произвела на того особого впечатления. — И что ты предлагаешь? — спросил Митька.

— Как что? Берем лодку и двигаем туда. Другого шанса вернуться не будет.

— И бросить всех?

— Да не пропадут они без нас.

— Ладно, — согласился Митька без всякого энтузиазма. — Только к Дашке без меня.

— Само собой, — ответил Иван, прислушиваясь к шуму на соседней улице.

Не успели они завернуть за угол, как их чуть не сбили с ног бегущие к реке люди.

— Приплыли! — крикнул один из бегущих, на мгновение обернувшись.

— Еще один князь готфский? — с неподдельным ужасом предположил Митька.

— Держи выше! — крикнул тот же человек. — Судовая рать. Брежане пришли!

Со стены обращенной к реке, Млочь была видна до самого горизонта. Обычно здесь стояла только стража Водяных ворот, но теперь было не протолкнуться, все смотрели в одну сторону, туда, где словно стая лебедей, подгоняемые попутным ветром, ходко шли корабли под белыми парусами. Кто-то начал вслух считать их, но, сбившись на третьем десятке, замолчал.

Скоро они приблизились настолько, что стали видны разноцветные одежды гребцов.

Народ на стене закричал, чтобы открывали Водяные ворота. Несколько молодцов посыпались вниз по шатким лесенкам и скоро створки ворот открылись.

Лодьи брежан, растянувшись вереницей, начали разворот по широкой дуге, готовясь войти в устье Речицы. Этот маневр на стене встретил новым взрывом радости. Вверх полетели шапки.

На передовой лодье спустили парус, теперь она шла только на веслах. Гребцы, рубахи которых были темны от пота, не отзываясь на приветственные крики, сосредоточенно налегали на рукоятки, и только кормщик улыбался во весь рот и, кланялся, прижимая ладонь к сердцу.

— Припасов-то сколько везут, — сказал кто-то рядом с Иваном. Действительно, бросалась в глаза низкая осадка лодьи. Груз занимал почти все свободное от скамей место, но что это за груз, не позволяла рассмотреть дерюга, которой он был бережно укрыт.

— Припасы вещь полезная, — что-то знакомое почудилось Ивану в этой картине, а еще через секунду один из гребцов, бросив весло, вскочил на скамью и истошно закричал. В общем шуме крик его не был слышен, и, возможно, на него не обратили бы внимания, но тут кормщик сорвался со своего места и всадил нож в спину кричащему, тот пошатнулся, но устоял на ногах, и даже сделал шаг, словно собираясь выброситься за борт. Но вместо этого

закричал снова, уже падая.

И теперь, в наступившей гробовой тишине, можно было разобрать каждое слово, вылетевшее вместе с кровавыми брызгами из широко разинутого рта. — Закрывай ворота. На лодье буджаки!

— Какие ж буджаки? — неуверенно произнес тот же самый воин, который говорил про припасы. — Я уж буджаков насмотрелся. Брежане это.

Но кто-то менее рассудительный уже метнул со стены стрелу, которая воткнулась в дерюгу, прикрывавшую таинственный груз. Раздался вой, и материя, там, где в неё попала стрела, вспучилась, на одно мгновения стали видны очертания человеческой фигуры, затаившейся под ней.

— Измена! Закрывай ворота! — часто-часто защелкали тетивы луков, стрелу за стрелой посылая в кормщика, в гребцов, и в тех, кто барахтался под дерюгой, пытаясь сбросить её с себя. Но из тех выбраться удалось только одному, который сообразил острием меча распороть материя, просунул наружу до пояса, да так и остался лежать, истыканный стрелами.

На дерюге то тут там стали расплываться красные пятна.

В считанные минуты почти все на передовой лодье были убиты, и она, неуправляемая, развернулась боком, в который с треском врезалась лодья, идущая следом, их так вместе и понесло вниз по течению. Остальные корабли брежан, на которых, теперь уже не таясь, мелькали темные куртки буджаков, отошли на безопасное расстояние.

Но этим сражение не закончилось, оно перекинулось на участки стены, обращенные к лесу, откуда, сразу со всех сторон, бросились на приступ толпы буджаков. Впрочем, увидев, что заставить обороняющихся врасплох не удалось, они, после короткой, но ожесточенной схватки, откатились, оставив не мало тел в крепостном рву.

Ночью кто-то снаружи стал вызывать Воробья. Ров осветили факелами и увидели среди мертвецов одного живого, с лицом перепачканном кровью и сажей, в рваном буджакском халате. Его подняли на стену.

— Кто таков? — спросил Воробей, прибежавший вместе с Войтом.

— Воды дай, — вместо ответа, потребовал неизвестный. Жадно осушив два ковша, остатками воды он умыл лицо. — Теперь узнаешь?

— Ага, теперь узнаю. Здравствуй, Цевень, — без выражения произнес Воробей, почуявший, что ничего хорошего Цевень ему не поведает.

— Меня Нетко послал.

— И что Нетко?

— Велел кланяться и передать, чтобы на него не рассчитывали, о животах своих чтоб сами промышляли. Разбили его в прах. Новое войско собирает. Помочь ему вам нечем.

— Спасибо и на том, — ответил Войт. — Обрати пойдешь? Или тут останешься?

Гонец поклонился, показывая, что оценил приглашение и ответил. — Обрати пойду. Страшно тут у вас.

— Ладно. Тебя проводят, — сказал Войт. — Теперь, мил человек, везде страшно. И неизвестно где еще страшней.

— Ты еще всего не знаешь, — обернулся гонец, уже уходя. — Главная сила буджаков еще только на подходе. Утром сам увидишь.

— Погоди, — окликнул Воробей. — Как так с брежанами вышло? И почему мы только сейчас все узнаем.

— Посылали к вам и кроме меня, — ответил Цевень. — Видать, не дошел никто. Брежан же взяли изгоном, обошли по лесам и накрыли всех, как котят лукошком. Про брежан забудь.

* * *

Утро принесло наглядное подтверждение словам Цевня.

По всему периметру стен, на расстояние полета стрелы, выросшие за одну ночь, густо стояли шатры и палатки, между которому роились бесчисленные степняки. Было видно, как все новые их отряды выдвигаются из леса, как приветствуют друг друга начальники, а рядовые воины начинают деловито обустроиваться на новом месте.

Напротив Водяных ворот, чтобы пресечь возможность бегства водой, встала на якорь лодья брежан, бок о бок к ней пришвартовались еще две.

— Все, — сказал Иван, увидев это. — Опоздали мы. Теперь не уйти. На день бы раньше Эх.

Со стен кричали брежанам. — Давайте к нам.

— Никак невозможно, — отвечали те. — Женами и детьми своими заложились стоять за буджаков крепко. Если уйдем к вам, то им не жить.

— Да и то не жизнь, — кричали со стен. — Ну, умирайте, воля ваша.

— Простите, братцы.

— Прощаем. Подходи ближе, обнимемся.

* * *

Как ни странно, плохие вести не сломили дух защитников города, а даже как будто наоборот, придали им бодрости. Уже и грозный Нетко не сдюжил, и только Речица бросает вызов грозному врагу.

Впрочем, воодушевились не только они, Падера и Ворошило на всех углах кричали о том, что Войт с Воробьем всех погубят до единого, и пока этого не произошло, надо попытаться договориться с буджаками миром.

Но их никто не слушал, пример был у всех перед глазами. Брежане, которые раньше славились удалью и щегольством, теперь выглядели в своих нарядных одеждах особенно жалко. Их жен и дочерей буджаки держали при себе, как заложников, но обходились с ними как с рабынями, заставляя делать грязную работу и исполнять прихоти своих хозяев, нещадно избивая при малейшем сопротивлении. Крики и плач насилуемых женщин терзали слух почти весь день. Но еще невыносимее стало потом, когда буджаки, сломав и растоптав свои жертвы утратили к ним интерес, и те, распатланные и ободренные донага, слились с безликой толпой обозных слуг, во множестве сопровождавших войско, выделяясь среди них лишь обрывками одежды, не утратившими еще прежнюю яркость и пестроту.

Впрочем, времени на сочувствие у осажденных было не много. Весь день они подтаскивали на стены камни и бревна, кипятили смолу в огромных чанах, готовясь к новому приступу. И только старый лекарь Махора, взглянув со стены, закричал с силой, неожиданной в его хилом теле. — О, мужи брежанские, о детях своих вы позаботились, а о

внуках позабыли!

Следующая ночь прошла тихо. Но под утро Ивана, спавшего под дощатым навесом у стены, разбудило чье-то прикосновение. Открыв глаза, он узнал Ливку, рабу благородной Преведы. Девушка приложила палец к губам и прошептала. — Мне Воробей нужен.

— Нашла время, — пробурчал Иван.

Но Ливка настойчиво тянула его за рукав, и, поняв, что речь идет о чем-то важном, Иван отвел её к Воробью.

— О, — сказал Воробей, который сегодня еще не ложился. — Ливка. Давай поженимся.

— Люди Падеры пошли открывать ворота, — быстро проговорила девушка.

Через минуту Иван уже мчался с сотней Байды к городским воротам.

Добежав, они в предрассветной мгле увидели, что завал у ворот разобран, стража перебита, а сами ворота распахнуты настежь в предрассветную мглу. Тех, кто это сделал, никого не было видно.

— Ушли, — сказал Байда. В эту минуту в лагере кочевников жалобно, словно прощаясь с жизнью, запела труба, глухо ударили барабаны. Начался новый приступ.

Предательство Падеры не принесло победы буджакам. Деревянный мостик, который им удалось перекинуть через ров к воротам, в конце концов, обрушился под тяжестью тел вниз. Ворота, хоть и ценой большой крови, снова были закрыты. Но резня на стенах продолжалась почти до вечера. Несколько раз атакующим удавалось взойти на них по приставным лестницам, но везде они были сбиты обратно в ров.

Вечером у Войта собралась городская верхушка. Выводы к которым они пришли, были неутешительны. Еще один-два таких приступа и стены будет некому защищать. Но хуже было то, что теперь, после поражения Нетко, сидение в Речице теряло всякий смысл, а уйти из плотно обложенной крепости было невозможно. Оставалось одно, погибнуть с честью.

* * *

Ивана на совет не приглашали и о том, что там говорилось, он узнал от Воробья, за которым тенью ходила Ливка. Несмотря на то, что и Падеру и его сестра перебежали к буджакам, страх перед свирепой госпожой не покидал девушку.

— Не грусти, воевода, — сказал Иван. — Утро вечера мудреней, — и отправился спать на стену, где ему было как-то спокойней. На этот раз ночь прошла без треволнений. Лишь один раз Иван проснулся от какого-то шума и открыв глаза, увидел ратника, напряженно вглядывающегося вниз.

— Чего шумел?

А вот, — неопределенно махнул рукой ратник. — Уйти хотел.

— Кто?

— Да Ворошило вроде, поди разбери. В темноте-то.

— И где он?

— Зарубили его, в ров сбросили.

— Зря. Смердеть будет.

— Там и без него есть кому.

— Логично, — ответил Иван и снова уснул.

На следующий день Саня, уставший от идиллии, которой он безудержно предавался с Верой в перерывах между боями и походами, вспомнил, наконец, про своих товарищей, и нашел Ивана с Митькой на берегу Древицы. Иван, сидя на камне, с сосредоточенным видом чертил что-то остро заточенной палочкой на берестяном свитке. А Митька комментировал его рисунок саркастическими замечаниями.

Санька присел рядом. — Рисуешь, Иваныч?

— Ага, — с готовностью ответил Иван, который, похоже только и ждал, что бы кто-нибудь оторвал его от дела. — Решил судостроением заняться.

— Думаешь уплыть отсюда?

Иван посмотрел на свой рисунок, в котором Саня, как ни старался, не сумел усмотреть очертания корабля, и затер его носком сапога. Воткнул прутик в песок и нахохлился, сунув руки в карманы пальто.

— Думаю, да. Можно было бы улететь, но не тот случай. Зови, короче, Воробья, Саня. Нам плотники нужны.

— Чисто адмирал Нельсон, — сказал Митька.

— Ну, — не стал спорить Иван. — Почему бы и нет. Хотя Нельсон был худенький и одноглазый, к тому же морской болезнью страдал. Я же не таков!

Еще солнце не село, а пробный экземпляр убойной снасти, призванной спасти осажденных, был уже готов.

Воробей и Войт, окруженные сотниками, расположились живописной группой на пригорке, а у самого уреза воды стоял Иван, в качестве главного конструктора.

— Ну? — сказал Войт.

— Берись, — ?ГА?дал отмашку. С десятков сильных рук схватились за ремни, прикрепленные к гладко обструганному бревну, конец которого был обит железом.

— Товсь! — взявшиеся за ремни ратники побежали вперед, увлекаемое ими бревно легко заскользило по смазанному жиром желобу, и с грохотом проломило грубо сколоченный щит, который изображал борт вражеской лоды.

— Осади! — бревно вернулось в прежнее положение.

— Готово. — Иван раскланялся. — Аплодисментов не надо.

— Шарман, — сказал Саня, выпуская из рук ремень.

— И что это? — спросил Воробей. — И куда его?

— Деревянный торпедный аппарат конструкции самородка Ивана Ермощенко с многозарядной торпедой, — сказал Митька. — Обратите внимание, сработан без единого гвоздя.

— Воевода, — поспешил вмешаться Иван. — Сколотим плоты. Поставим на них такие штуки и всё, лодки брежан нам не страшны. Разнесем в клочья, а там вниз по течению река сама вынесет. И в леса.

Готфский скальд Эльвириус, который обожал всякие громкие дела, поднял с земли

щепку, отколовшуюся от щита, и пообещал. — Если останемся живы, я сложу про это песню.

— А этот, — словно о неодушевленном предмете спросил Войт, показывая на Элвириуса. — Чего тут крутится?

— Иван учит меня местным песням, — ответил скальд. — Таков мой обычай. Однажды это спасло мне жизнь. Дело было в стране звероподобных херулов, мы там путешествовали с тамошним наместником благородным Бродиунтом, до тех пор, пока не попали в засаду.

Звероподобные херулы не любят доблестных готфов. Попавших в их руки они, по настроению, топят или режут на мелкие кусочки. Лично меня они хотели утопить. Но я им спел их любимую херульскую песню про веселого поросенка, потерявшего башмачок. Мое пение так понравилось, что меня отпустили, наградив многими подарками.

— А благородный наместник Бродиунт? — спросил Войт.

— Что благородный наместник Бродиунт? — не понял Элвириус.

— Что с ним-то стало?

— Утопили, естественно.

Воробей не слушал их перепалки, о чем-то думая, и, наконец, развеселился. — А чего, Ванька. Вдруг да и получится? Вот смеху будет.

Войт важно кивнул.

* * *

Три дня по обе стороны городской стены слышался торопливый стук топоров. Буджаки готовились к новому приступу, а защитники Речицы лихорадочно сколачивали плоты, долбили желоба, и плели навесы, для защиты от стрел. Им удалось опередить осаждающих на пол дня.

Стояла безлунная ночь, когда из Водяных ворот тенью скользнула Ласточка князя Эльгарда, за которой неслись легкие челноки с отборными рубаками. Брежане, несшие дозор на связанных между собой лодьях, спохватились слишком поздно и оказать достойного сопротивления не смогли. Не успевшие спрыгнуть за борт были зарублены, а очищенные от экипажей лодьи подожжены. Держа на свет этого гигантского костра, из устья Древицы один за другим стали выползать громоздкие плоты, с трудом управляясь неповоротливыми веслами. По их бокам были устроены плетеные навесы для защиты от стрел. Враг спохватился только тогда, когда все эти причудливые сооружения уже выплыли на простор Млочи. К переднему плоту, на котором, на правах адмирала, находился Иван, устремились лодьи, битком набитые буджаками. Их встретили ударами бревен, с легкостью крушивших корабельные борта. После того, как две лодьи отправились на дно, пыл нападающих поостыл. И теперь они держались на приличном расстоянии, следуя параллельным курсом, и осыпая плоты стрелами. Но и в таком бою перевес снова оказался на другой стороне, так как с плотов, устойчивостью своей не уступавших суше, стрелять было сподручней. Да и люди, находящиеся на них, были лучше защищены. Таким образом морское сражение окончилось очень быстро. Опасались, что буджаки пойдут следом по берегу. Но берега были пустынные.

На третий день плавания к флагманскому плоту подошла Ласточка, и Элвириус крикнул, что сейчас появится тот самый холм, о котором он говорил.

Иван попросил, чтоб Ласточка держалась поблизости.

— Куда смотреть-то? — спросила Вера, присаживаясь рядом с Иваном.

— По левому берегу холм ищи, с белым откосом, а правее него звезды должны быть.

Нам туда.

— Что-то не верю я этому готфу, — сказала Вера. — А домой-то как хочется.

Саня и Митька молчали.

— Вижу, — вдруг сказал Саня, и вслед за ним все сразу увидели и холм и огни, расположение которых повторяло расположение звезд большой Медведицы.

— Воробей, мы уходим, — крикнул Иван.

Воевода поднял руку. — Суши весла.

С плота спустили на воду челнок. Первым в него сошел Саня, за ним настала очередь Веры.

— Митька, давай.

— Я остаюсь, — неожиданно сказал тот. — Плывите без меня.

— Брось, не дури, — крикнул Иван. — Что тебе тут делать?

— Найдется что, — твердо ответил Митька. — Все лучше, чем пылесосами торговать.

Плывите, время уходит.

— Ладно, — сказал Иван. — Плыдем, но знай, мы вернемся еще.

— Конечно, вернетесь, — сказал Митька.

— Прощайте, ребята, — закричал Иван, кланяясь остающимся на плоту. — Авось еще свидимся.

— Хорошо бы, — ответил за всех Воробей.

Челнок отвалил от плота и поплыл к Ласточке. Бледная, как смерть, Даша, уже ждала их. Рядом, обняв её, стоял князь готфский Эльгард Румяный.

— Я знал, что ты уйдешь, — сказал он ей.

— Но ты еще не знаешь, что я вернусь, — целуя его, ответила Даша.

— Я буду ждать, — ответил князь, глядя, как девушка спускается в лодку.

Затаившийся за спиной князя Эльвириус набрал было воздуха в легкие, готовясь разразиться подходящим экспромтом, но Эльгард Румяный прошипел. — Зарублю, — и скальд отказался от своего намерения.

Челнок быстро шел к берегу, Иван и Митька, сидящие на веслах, еще долго видели вереницу плотов, покуда туманная дымка не скрыла их из виду. Иван оглянулся на берег и не увидел его, челнок шел в тумане. Теперь оставалось только надеяться, что направление выбрано правильно. Внезапно большая пологая волна подхватила лодку и увлекла за собой. — Держись, — закричал Иван, но волна уже сошла на нет.

Он бросил взгляд на успокоившуюся воду, и увидел на ней нефтяные разводы, затем мимо проплыла смятая сигаретная пачка. Впереди раздался тепловозный гудок и в стремительно редющем тумане проступили знакомые очертания трубы ТЭЦ.

— Все, — сказал Иван. — Мы уже дома. Гребни, Санька.

Больше книг на сайте - Knigolub.net